

ПАМЯТНИКИ
ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ

АНТОЛОГИЯ КИНИЗМА

АНТИСФЕН
ДИОГЕН
КРАТЕТ
КЕРКИД
ДИОН

Фрагменты
сочинений
кинических
мыслителей

АНТОЛОГИЯ КИНИЗМА

Издательство · Наука ·

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Институт философии

Издательство · Наука
Москва 1984

ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Редакционная коллегия серии:

«Памятники философской мысли»:

КЕДРОВ Б. М. (председатель), БОГУСЛАВСКИЙ В. М.,
ГУЛЫГА А. В., ЕВГРАФОВ В. Е., НАРСКИЙ И. С.,
ОЙЗЕРМАН Т. И., СОКОЛОВ В. В. (зам. председателя),
ГАБИТОВА Р. М. (уч. секретарь)

АНТОЛОГИЯ КИНИЗМА

АНТИСФЕН
ДИОГЕН
КРАТЕТ
КЕРКИД
ДИОН

Фрагменты
сочинений
кинических
мыслителей

Издание подготовил
И.М.НАХОВ

Издательство · Наука ·
Москва 1984

В «Антологии кинизма» впервые в отечественной историко-философской литературе представлены на русском языке сохранившиеся фрагменты и уцелевшие сочинения древнейших киников, а также более поздних кинических и кинизирующих авторов, начиная с Антисфена Афинского и Диогена Синопского и кончая Дионом Хрисостомом и Лукианом из Самосаты. Книга характеризует киническую мысль почти за тысячелетний период ее существования (V в. до н. э.—V в. н. э.).

Ответственный редактор
А. А. ТАХО-ГОДИ

А $\frac{0302010000-108}{042(02)-84}$ 4-1983—IV

© Издательство «Наука»,
1984 г.

© Сканирование и обработка: glarus63

ОЧЕРК ИСТОРИИ КИНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В истории античной идеологии, пожалуй, нет иной философской школы, кроме кинической, которой бы так не повезло. Ученые нового времени не баловали ее вниманием, а если уж занимались ею, то относились с явным пренебрежением и предубеждением, всячески принижая ее роль и значение, пытались выдать за нечто совсем неприметное, непритязательное и стороннее среди буйного цветения творческого эллинского духа (Д. Дадли, Ф. Сейер, В. Тарн и др.). Историки философии часто рассматривают кинизм как «образ жизни, способ существования, линию поведения» (way of life). А все дело в том, что эта философия, стихийно вобравшая в себя и отразившая протест социальных низов (нофы, метэки, изгнанники, вольноотпущенники, рабы, свободная трудящаяся беднота, неимущая интеллигенция, женщины) в эпоху кризиса античного полиса, выпадала из удобной схемы, в которой не было места для идеологии бесправных и угнетенных масс.

Кинизм — плод собственно греческих противоречий и неурядиц конца V и начала IV в. до н. э. — просуществовал почти тысячу лет, до самого конца античности. Такая живучесть кинизма объясняется тем, что социальная база его не суживалась, а постоянно росла по мере разорения среднего и мелкого собственника — основы полисной устойчивости. Другой же светской философии, близкой ей, беднота не знала — орфизм или появившееся значительно позднее христианство были чисто религиозными формами сознания, уводящими страждущих людей от мучительных жизненных проблем в сферу идеального. В силу исторической ограниченности и пестроты социального состава, несмотря на процесс интеграции низов, учение киников страдало рядом кричащих противоречий и на протяжении столетий меняло свой характер, то становилось ригористичным и радикальным, то смягчалось и включало в себя элементы примирительного отношения к действительности (так называемый гедонизирующий кинизм).

Кинизм представлял собой форму мировоззрения, систему взглядов и жизнеотношения, для которых прежде всего характерно отрицание, тотальное неприятие всего рабовладельческого строя, всех институтов рабовладельческого государства, его законов, норм, стереотипов, морали, идеологии. Киник не просто молчаливо отрицал, но, напротив, всем своим поведением и высказываниями эпатировал современное общество, открыто демонстрируя свою социальную любовь и ненависть. Кинизм вырос не на голом месте — обычно он отталкивался от общепринятых взглядов и вырабатывал новые, прямо противоположные существующим, пользуясь своеобразным методом «негативной филиации идей» (у киников это называлось «перечеканкой монеты»). Отдельные, характерные для кинизма этические идеи «носились в воздухе» и встречались в философии софистов, у Сократа, у Еврипида, но специфически новое звучание эти идеи (индивидуализма, внутренней свободы, естественного равенства людей, опрощения и бедности, равноправия женщин, космополитизма и др.) приобрели лишь выстроенные в систему, образуя единый комплекс, ибо любое учение начинается не с нулевой отметки, а впитывает, отбирает и перерабатывает на свой лад уже имеющийся подходящий мыслительный материал. Элементы низовой идеологии можно обнаружить и у общепризнанных философов, и у великих писателей античности, но не в них заключается пафос их творений.

При всем своем нарочитом равнодушии к умозрительным концепциям и чистой теории кинизм поставил немало важнейших вопросов, впоследствии долго еще волновавших человечество: свобода мнимая и истинная, внешняя и внутренняя, моральная автономия и ответственность личности в обществе, исторический детерминизм и свобода выбора, культура и природа, человек и природа, роль науки, «имманентная разумность природы», пределы самоограничения, подчинение человека долгу, роль революционного отрицания, критика и переоценка конвенциональных ценностей, внешних благ, нравственный идеал бедняка, жизнь как деяние, проблема дефиниций, диалектика общего и единичного, слово и значение, «номинализм», «реализм» и пр. Это ли не свидетельство незаурядной исторической роли кинизма? Но эта сторона деятельности киников обычно остается в тени, настолько форма вызова, брошенного ими обществу,

различные эксцентричные выходки и действия, эпатирующие античного мещанина, заслоняли теоретическое содержание кинизма. К тому же сами киники питали иллюзии насчет эффективности проповеди действием, считая, что она важнее словесной и литературной пропаганды, ибо «добродетель состоит не в словах, а в делах» (*Диоген Лаэртский*, VI, 11).

Кинизм отнюдь не является высшим достижением античной философии, несмотря на весь его демократизм, и не нуждается в идеализации. В философии киников было немало ошибочного, примитивного и даже реакционного, что вовсе не противоречит его демократическим социальным корням, так как у народа встречаются не только «разум», но и «неразумие», предрассудки, отсталые взгляды, иллюзорные представления о путях к счастью и об окружающем мире. Материализм киников поражал своей недialeктичностью, природа в своей нетронутости и первобытной дикости идеализировалась, наука и культура вызвали протест, первичные материальные сущности объявлялись непознаваемыми и т. д. Словом, кинизм можно обвинить в тысячах грехов. Но основоположники марксизма не метали громы и молнии против реакционной религиозной оболочки многих ранних революционных движений, стараясь увидеть за ней реальные проблемы униженных и оскорбленных, взбунтовавшихся против унижений и оскорблений. С позиции сегодняшнего знания можно, конечно, сетовать по поводу примитивности кинической онтологии, гносеологии или логики, но прежде всего нужно увидеть в них крупницы большой исторической правды, мятущуюся душу брошенного на дно жизни человека, который все же стремится к справедливости, пытается отыскать истину и сбросить с себя путы многовекового социального и идеологического гнета. Киники не могли выработать передовой, с современной точки зрения, теории. Да и смешно было бы от них этого требовать, поэтому не будем судить их слишком строго и свысока. Будем благодарны им за то, что они приоткрыли завесу над думами и чаяниями народных низов, бесконечно далеких от сложной и нередко туманной, хоть и великой мысли Платона.

В «гигантской битве за понятие бытия» (*Платон*, Сократ, 246А), которую вели основатели кинизма Антисфен и Диоген с творцом теории идей, отразилась борьба двух

основных философских направлений, в которой киники выступили на стороне материализма. Борьба киников против Платона, несмотря на все заслуги великого идеалиста в области диалектики понятий и несмотря на примитивность аргументации киников, наносила чувствительный удар по идеализму. Эта борьба смыкается с кинической критикой традиционных религиозных представлений, антропоморфизма и официального культа олимпийских богов (жертвоприношений, молитв, оракулов, жречества и т. п.). В противовес господствующей доктрине киники выдвигают идею единого бога «по природе», которая представляет собой модификацию материальной первосущности в духе «единого» элеатов. Что касается кинического неприятия науки, то здесь на передний план выдвигается его классовая сущность, ибо эксплуатируемыми низами на ранних стадиях сознания научно-культурный комплекс, вся «мудрость века» восприимчиваются лишь как атрибут и привилегия господствующего класса. Данный тезис подтверждается как лозунгами «руссоистского» толка в истории христианства и различных революционных ересей средних веков, так и данными современной этнографии. Из пастороженого, если не враждебного, отношения к науке и материальным благам вырастают киническая идеализация первобытного «естественного человека», моралистическое восприятие животного мира, лозунг «назад к природе», «антипрометеизм» и пессимистическая концепция исторического развития как отхода от блаженства «золотого века», находившегося в позапамятном прошлом.

Этика, составляющая «душу» кинизма, связана с его сенсуалистическим материализмом, не оставляющим места для религиозной морали, а также с логическим сингуляризмом и номинализмом, противоречащими замкнутому коллективизму господствующей полисной морали. Киническая этика исходит из принципиального фронтального отрицания и неприятия всего морального кодекса среднего рабовладельца со стороны социальных низов, представленных в кинизме. Поэтому она прежде всего *негативная*, «перечеканивающая» общепринятые ценности и требующая «отучения от зла», т. е. разрыва со всеми старыми нравственными нормами, освящавшими социальное зло, причем дело не обошлось без «кинических» эксцессов.

Враждебность ко всему существующему строю исходила

от порабощенных и обездоленных трудящихся, поэтому киническая этика носит отчетливо низовой, демократический характер, прославляя честную бедность и трудолюбие (*philoropia*), объявляя самый труд благом (*Диог. Лаэрт.*, VI, 2) и делая его, таким образом, впервые в истории мерилом человеческой ценности. Киническая пропаганда облагораживала и поэтизировала труд, подчеркивая его нравственную и даже эстетическую ценность. Доказывая, что нормальная человеческая природа основана на свободном труде, киники тем самым утверждали человеческую ценность угнетенных и порабощенных, объективно размывали существующие социальные, психологические, этнические, этические и прочие границы, разделяющие рабов и свободных. Признание труда благом объективно возвышало всех людей труда, включая рабов, и, следовательно, содействовало гуманизации общества, основанного на рабстве.

Провозглашение необходимости добровольного труда означало его космическую (в античном смысле слова) правомерность и снимало с него печать векового проклятия и рабской обязанности; сведение его до рамок необходимого создавало химерическое убеждение о работе на себя, иначе говоря, якобы возвращало человеку его отчужденную сущность, так как «отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую* сущность»¹. В своих ведущих тенденциях киническая этика направлена против морали господ, против их нравственного идеала «калокагатии», объективно имевшего прогрессивное значение.

Этика киников *эгалитарная*, ибо ставит перед всеми классами, слоями и сословиями одну и ту же нравственную задачу — служение добродетели, перед которой все равны. Добродетель у киников — принцип универсальный. Этика киников практическая, *утилитарная*, признает добродетель лишь в делах, конкретных поступках своих «мудрецов», достойных подражания, а не в хитросплетениях слов и теорий. Киники понимали, что нравственность «должна быть не в словах, а в деле» (Белинский), чтобы служить примером и увлекать. Этот практицизм, несмотря на характерную для киников недооценку теории, имел свои преимущества, ибо давал выход энергии протеста, и к тому же нельзя забы-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 94.

вать, что практика *«выше (теоретического) познания*, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»². Практический уклон всей кинической философии продиктован реальным положением низов: «Поскольку классовое общество основывается на разделении между умственным и физическим трудом, идеи эксплуатируемого класса, активного в сфере физического, но пассивного в духовной сфере, носят скорее практический, конкретный и субъективный, нежели теоретический, абстрактный и объективный характер»³. Именно поэтому у киников более значительное место занимают действия в их неповторимой индивидуальности, чем общие понятия и теоретизирование. С этим же связана высокая оценка силы личного примера, на которой постоянно настаивают корифеи школы. «Я считаю важным приносить человеческому роду пользу больше других людей не только тем, что у меня есть, но и самой своей личностью», — говорил Диоген (Письма, XLVI). «Всякая жизнь, прожитая в воздержании, заставляет и тебя жить достойно и справедливо, не позволяет совершать дурные и позорные поступки, но, напротив, побуждает говорить и поступать справедливо», — полагал Кратет (Письма, X, 2; ср.: XX).

Этика киников *субъективная* и *волюнтаристская*, ибо основана на «свободе воли», на силе духа, характера, на незаурядной способности к независимому существованию и самоограничению (автаркия), самоотречению и способности к перенесению трудностей (аскеза), к освобождению от пут религии, государства, семьи и т. п. Всем этим достигается внутренняя свобода, иллюзорная, фиктивная, но изменяющая в сфере духа всю существующую структуру общества, вплоть до разложения самой идеи государства. Слабость ее в том, что острие борьбы она переносит из области внешней, политической в область внутреннюю, этическую, отражая бессилие угнетенных изменить что-либо реально.

Киническая этика *натуральная*, ибо исходит из приоритета природы, но не из природы-максимума, а из природы-минимума, узаконивающей низший уровень потребностей и лишь экономно-необходимую норму потребления. Идеал

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

³ Томсон Дж. Первые философы. М., 1959, с. 223.

счастливой жизни «по природе» киники видели в мире животных, в быте первобытных, «варварских» народов или в примитивном «коммунизме» золотого века Кроноса. Поиски идеалов в прошлом, антикультурнический пафос киников объясняется тем, что цивилизация ассоциировалась у них только с неравенством и угнетением. То же касается и морали.

В оценке условно-природной нормы главную роль играл разум, здравый смысл, народная трезвость, поэтому киническая этика *рационалистическая*, ставящая интеллект, раскуску впереди эмоций, рассчитывающая только на ум и находчивость, полученные людьми от природы, а не на богатство или знатность, полученные от людей или через людей.

Киническая этика *эвдемонистическая*, ставящая перед собой задачу — дать человеку спасение и счастье, но это счастье бедности, умеренности, которыми должен довольствоваться добродетельный и разумный человек, презирающий роскошь и удовольствия. В центре кинической философии стоял человек с его невыдуманной заботой, поэтому в целом она отличается гуманным характером. Киник ищет норму в своей природе, в человеке и не ждет божественных указаний. Религиозное свободомыслие киника, смеющегося над всем внешним, показным благочестием, вступало в конфликт с ходячей моралью, так как в обществе, где он жил, «безбожный», «нечестивый», «неверующий» и подобные эпитеты воспринимались как обозначение аморальности и нравственной испорченности человека, ибо любое доброе дело считалось исполнением долга перед небожителями.

Что и говорить, условия благоденствия и «преуспеяния» в жизни, поставленные киниками перед людьми, были не всем по плечу. *Максималистская* мораль киников подчас предъявляла непомерные требования к человеку, требовала повседневного героизма от тех, кто хотел ей следовать. Особенно это касалось учителей кинизма. Неспроста Диоген говорил, что подражает хормейстерам, дающим участникам хора более высокую ноту, чтобы они придерживались нужного тона (*Диог. Лаэрт.*, VI, 35).

Наконец, этика киников *индивидуалистическая*, ибо все поведение человека в обществе ориентируется на достижение независимости от общества, налагающего на него чуж-

дые ему и враждебные обязанности. Но, являясь реакцией на всепроникающее давление государственного прессы, индивидуалистический протест киников не выродился в равнодушие к чужим страданиям, в эгоизм, готовый удовлетворять желания одного за счет других людей. В нем нет ничего сознательно антиобщественного и есть нечто от «разумного эгоизма», по существу подчиненного своеобразно понятому общественному служению, претендующему на свободу выбора своего предназначения, миссии учителя и цели чело­вечества. Противоречия кинического индивидуализма привели к принципу *внутренней свободы*, а такая свобода добывается прежде всего путем борьбы с самим собой, а не с социальным злом. Этот принцип отражал не только слабость кинизма как учения, но и слабость, незрелость освободительных движений в античности, пе имеющих ни перспектив, ни ясных целей. Только всепоглощающая ненависть к существующему строю и инстинктивно-революционные поступки с предельной очевидностью говорят о классовых корнях кинической морали. Популярность ее принципов заставила в дальнейшем стоиков взять их на вооружение, но основательно перетряхнуть и приспособить к интересам правящих верхов. Этические идеи киников сказались на их эстетическом идеале, на выработке принципов художественного познания действительности, на всем характере их литературного творчества и особенно в жанре нравственной проповеди — диатрибы.

В античном обществе, несмотря на всяческое давление сверху, литература далеко не всегда воспевала действительность, и даже в эпоху расцвета, когда она изображала людей «такими, какими они должны быть»; уже в самом этом принципе таился элемент критицизма, а в кризисные периоды все громче и громче слышались пасмешливые или отчаявшиеся голоса недовольных. В лагере последних оказались киники. Формальные открытия их словесности (*synicos tropos*) приглянулись всем, кто не разделяя кинических догм, чувствовал человеческую и гражданскую ответственность, кто пытался хотя бы нравственно исправить общество адресованными ему сатирами и моральными проповедями. Именно среди кинических подражателей мы встречаем имена многих выдающихся философов-моралистов и поэтов-сатириков (Зенон, Эпиктет, Сенека, Мусоний Руф, Дион Хрисостом, Филон, Варрон, Луцилий, Персий, Юве-

нал, Горацій, Петроний, Плутарх, Лукиан, Юлиан и др.), проповедников раннего «бунтарского» христианства.

Эстетические идеи, высказанные киниками порой в косвенной и даже анекдотической форме, оказались не менее продуктивными. Их афоризмы и хрии, с которыми в истории древней философии вообще нередко приходится иметь дело, наряду с известными теоретическими высказываниями позволяют сделать некоторые выводы.

1. Неприятие всех социальных, политических и моральных установок рабовладельческого общества, враждебного киникам и построенного на крайнем, абсолютном «отчуждении» угнетенной личности, конституировало весь их идейно-эмоциональный мир и привело к отрицанию классического этико-эстетического идеала калокагатии, носившего отчетливо выраженный аристократический характер. Принцип «перечеканки ценностей» (*paracharattein to nomisma*) коснулся и эстетической области, всей сферы искусства и литературы. Искусство, с точки зрения киников пассивное, созерцательное или несущее чуждые им идеи, отвергалось и заменялось искусством наступательным, активным, динамичным, доходчиво несущим в массы нужные им мысли и чувства. Правильные слова, не подтверждаемые делами, уподоблялись кифаре, способной издавать приятные звуки, но лишенной чувств и слуха (*Диог. Лаэрт.*, VI, 64). Старые эстетические нормы сменялись новыми, не только подчас чуждыми классической эстетике, но иногда начисто враждебными ей. Вместе с тем нельзя полностью отрывать киническую эстетику от искусства поздней классики и эллинизма, для которого характерны интерес к личности с ее духовным миром, к быту и частной жизни (мелкая пластика), экспрессивность и динамизм, патетика.

2. Краеугольным камнем эстетики киников был принцип «естественности», критерий «природы» (*cata physin*), из которого следовал простой и очевидный вывод, перекликающийся с классическими взглядами: все естественное, природное, простое прекрасно, все искусственное, украшательское, лакировочное и вычурное безобразно, ибо оно искажает «природу». Природа вдохновляла киников и объявлялась ими единственной учительницей и критерием жизни и искусства.

3. Киники отстаивали искусство, открыто поставленное на службу их философии, обращенной к личности из на-

родных низов, искусство содержательное, публицистическое, тенденциозное, «учительское», пропагандирующее определенную оценку действительности. Киническая эстетика заменила физическую красоту космоса духовной красотой «естественного» человека, которой внешнее безобразие не только не мешает, но иногда и помогает проявиться. Эта черта чужда классической эстетике. У киников духовное доминирует, их философия ищет «красоту духа» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 53), они провозглашают примат содержания (*ta legomena*) над формой (*Письма Анахарсиса*, I, 20). Чем настойчивее общество, в котором он жил, доказывало бедняку-работяге и особенно рабу, что он «служебное тело» (*sōma oiketikon*), «одушевленное орудие» (*organon empsychon*) (Аристотель), т. е. стремилось к его деперсонализации, тем энергичнее он старался утвердить себя как личность, заявить о своем духовном превосходстве над «столпами общества», противопоставить богатство истинное, духовное богатству вещному, ложному.

4. Эта гуманистическая и антропологическая эстетика придерживается классовых оценок прекрасного. Прекрасное, с точки зрения господ, у киников оказывалось прекрасным. Прекрасное и безобразное менялись местами: прославленный красавец-атлет, воспеваемый поэтами, — объект кинической насмешки и всяческих издевательств, а внешне уродливые Сократ или Кратет и гонимый раб Эзоп возводились в идеал и служили образцом истинно прекрасного. Во многом эстетика киников определялась требованиями их морали. Связывая эстетическое с этическим, киники отнюдь не делали красоту символом нравственности. Этим символом могло вполне послужить и внешнее безобразие.

5. Метафизическая логика киников (А равно А и не равно В) на уровне этики и эстетики оборачивалась признанием определенности и устойчивости критериев, объективно противостояла разгулу случайности и волюнтаризму, вела к признанию естественных, «неписанных» законов и норм, выработанных многими поколениями в толще народной. Поэтому, отрицая официальную культуру, культуру господ, киники признавали прекрасным то, что всегда почитал и ценил народ, — эпос Гомера и мифы, народную поэзию, фольклор и великих поэтов прошлого, здоровую красоту, восхищались «большим и прекрасным». Здесь они иной

раз впадали в противоречие со своим лозунгом всеобщей «переоценки ценностей».

Отрицание киников не было пустым и бессодержательным. В глубине его бил живой родник народного здравого мышления, враждебного пустопорожнему нигилизму. Отсюда — кажущиеся и действительные противоречия между экстремизмом их теоретических постулатов, отрицающих всех и вся, даже возможность науки и искусства, и практической деятельностью, немислимой вне современной им науки, литературы, искусства.

6. Если в первый период становления школы киники больше занимались теорией и выработкой основных положений, излагая их в традиционных трактатах и диалогах, то в последующие эллинистический и эллинистическо-римский периоды они, приспосабливая эти положения к изменившейся действительности и социальной среде, но не изменяя их духу, обращались к массе в новых формах художественно-публицистической литературы. В своей литературной практике на первых порах воспринимая и пародировав старые виды и жанры, киники выступили затем с прямым отрицанием установившихся канонов, смело соединяли различные стилистические пласты, не боясь разрушить «единство» стиля, вводили в литературный язык просторечия и вульгаризмы, в прозу — приемы поэтической речи и стихи; утверждали принцип «серьезно-смешного» (*spoudaio-geloion*), преподнося читателю под видом развлекательности горькую правду жизни; смешение разнородного — один из коренных эстетических принципов кинизма. Все эти черты составляли особенности кинического стиля, свидетельствовавшего о кризисе классической античной эстетики. Выше всего ценил «свободу слова» (*parrhēsia*), киники не могли не писать сатир. Принцип «естественности» в литературе приводил их нередко к физиологическому натурализму, парадоксально связанному с неосознанным стремлением утвердить свое человеческое достоинство. В мифологии, художественной и народной словесности киники всегда искали поучение, аллегорию, «скрытый смысл» (*hyponoia*), видя в раскрытии последнего главную задачу интерпретации.

7. Все кинические жанры (диатриба, мениппова сатира, апофтегма, хрия, письма и др.) полны «примеров» (*paradeigma*). Это свойство кинической литературы глубоко связано с сущностью кинизма, предпочитавшего практику, кон-

кретное дело отвлеченным спекуляциям и дедукции. Воспитательную силу живого примера они ставили выше самых красноречивых слов. Поэтому у них не пользовался большой популярностью жанр философского трактата. Даже систему своих взглядов они выводили из поступков и линии поведения (ес τὸν ἐργῶν) своих героев (Геракл, Сократ, Диоген) (см.: *Юлиан*, VI, 189b), а не наоборот, что дает нам основание не считать кинизм таким уж бедным источником. На этом основании киники создали целую плеяду своих героев и «антигероев» (Крез, Сарданапал, Александр, Ксеркс и др.). Такой методологией пользовалось и раннее христианство, строя свою философию на «житиях» и «деяниях» (πραξεις) Христа и апостолов.

8. Народность мироощущения, апелляция к массе порождали народность формы, разнообразие изобразительных средств. Свойственная киникам *эстетическая адаптация*, т. е. приспособление формы произведений ко вкусам и образу мыслей публики, по своей сути демократична. «Мениппова сатира» и диатриба, как и различные виды ямбической поэзии (мелиямбы и холиямбы), возникшие в кинической среде, многое заимствовали у фольклора и оказывали демократизирующее воздействие на весь последующий процесс развития античной литературы. Кинические художественные новации осваивались в средние века и новое время.

У греков послеклассической эпохи существовала не только «антиконвенционалистская» философия киников, но и оппозиционная киническая литература, выработавшая свои жанры и выдвинувшая своих классиков. Демократическая литература киников — историческая реальность, которую нельзя выбросить из литературного процесса, из истории общественной мысли античности, хотя она и нарушает стройность привычной концепции почти безмятежного единого потока в культуре древнегреческого общества, которое неизвестно почему в таком случае называется рабовладельческим. Более того, киническая и кинизирующая литература — значительное и недостаточно оцененное явление в культурной жизни эллинизма, охватившее почти все его основные центры. К III в. до н. э. кинизм становится наиболее радикальным общедемократическим учением, к которому примыкают выходцы из различных, даже имущих

классов, остро чувствовавшие социальную несправедливость.

Как связующее звено между древним и эллинистическим кинизмом в известном смысле можно рассматривать диалог «Эриксий, или О богатстве», сохранившийся в корпусе платоновских сочинений, но уже в древности относимый к числу подложных (*Диог. Лаэрт.*, III, 62). Киническое «поношение богатства» (*psogos ploutou*) сочетается здесь с другими типичными для киников идеями и даже фразеологией. Впитав в себя опыт фольклорных жанров, киническая литература вместе с ними составляла единый поэтический фронт. Ко времени эллинизма сложились действенные принципы кинической литературы, основы которой были заложены в устных выступлениях и письменном наследии Антисфена, Диогена, Кратета и развиты последующими поколениями, ибо почти все киники были причастны к литературе. В обстановке политической апатии и подобострастного воспеваания царей лидерами александризма киники сумели сохранить независимость мысли и критическое отношение к действительности.

Подлинным основателем кинической школы был *Антисфен Афинский* (ок. 445—360 гг. до н. э.). Система созданной им философии настолько органично воплотилась в его личности, поведении и поступках, что Антисфен и кинизм не мыслятся оторванными друг от друга. Эту особенность древних мудрецов, основателей новых философских направлений, имел в виду Маркс, говоря, что «личности, неотделимые от их системы, были историческими лицами... Таковы были Аристипп, Антисфен, софисты и другие»⁴.

О жизни Антисфена сохранились крайне скудные сведения. Сын свободного афинянина и фракийской рабыни (*Диог. Лаэрт.*, VI, 1; II, 31), Антисфен еще по солоновским законам считался неполноправным, незаконнорожденным (пофом). Большую часть жизни провел в крайней нужде, участвовал в Пелопоннесской войне. Отсутствие гражданских прав несколько не удручало философа, и он смеялся над афинянами, кичившимися своей автохтонностью. «Они по своему происхождению ничуть не благороднее саранчи и улиток», — говорил он. Антисфен зло издевался над мнимым

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 40, с. 135; ср.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 383.

демократизмом и разумностью афинского народного собрания, предлагая принять там постановление (псефисму), по которому осел должен впредь именоваться конем (*Диог. Лаэрт.*, VI, 8; *Афиней*, V, 220с). Он не видел разницы между рабами и свободными, выступал с критикой деятелей афинской демократии, переживавшей в то время глубокий кризис.

Антисфен был старше своих современников Платона, Ксенофонта, Исократ. Платон иронизировал над тем, что Антисфен на старости лет занялся науками и называл его «позднеучкой» (*opsimathēs*) (Софист, 251В). Сначала Антисфен учился у Горгия, оказавшего влияние на стиль его первых сочинений, и познакомился со многими видными софистами — Продиком, Гиппием, Каллием, внесшими свой вклад в формирование его философских взглядов. Следы влияния риторики и софистов обнаруживаются, в частности, в двух ранних декламациях — «Аякс» и «Одиссей». Антисфен был весьма образованным и плодовитым писателем, оставившим десять томов (*Диог. Лаэрт.*, VI, 15—18) сочинений философских и риторических⁵.

К Сократу Антисфен пришел, покоренный его внешней простотой, бедностью и прославленной мудростью, казалось бы все подвергавшей сомнению. Сблизившись с Сократом в последние годы его жизни, Антисфен показал себя верным другом старого учителя и присутствовал при его последних минутах (*Платон. Федон*, 59В).

До своего знакомства с Сократом Антисфен уже был известен как оратор и учитель философии. После казни Сократа он вновь выступает самостоятельно и проповедует свою собственную философию в открытой им школе в Киносарге. Идеи кинизма вскоре распространились по всей Греции, привлекая к себе всех «униженных и оскорбленных». Антисфен окончательно порывает со своими былыми наставниками и товарищами — сократиками. Он нападает на софиста Горгия (*Афиней*, 220), на теорию идей Платона (*Диог. Лаэрт.*, III, 35 и др.), критикует знаменитого оратора и реакционного политика Исократ. Нет ничего удивитель-

⁵ Мрачный насмешник, скептик Тимон из Флиунта (III—II вв. до н. э.), потешавшийся над любыми убеждениями, в своих «Силлах» называет Антисфена «говорящим на любую тему болтуном» (*Тимон*, фрзм. 37; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 18).

ного в том, что и Антисфен стал объектом самой жесткой критики со стороны признанных «властителей дум».

Среди 74 произведений Антисфена мы найдем трактаты и диалоги риторические, натурфилософские, логические, экзегетические и другие, в которых излагались разные стороны нового учения и критиковались его противники. Так, в «Геракле» рисуется образ идеального киника и аллегорически объясняются его подвиги во имя человечества. Аллегорически толкует Антисфен и другие мифы (Киклоп, Кирка). В диалогах основателя кинизма участвуют не аристократы и интеллектуальная элита, как в диалогах Платона, а простые ремесленники и бедняки. Плохая сохранность сочинений Антисфена, вероятно, во многом объясняется их экстремистским содержанием. Произведения, «подрывающие основы», попросту уничтожались, и многие из них уже в древности были неизвестны. Трудно в ином случае объяснить, каким образом Цицерон мог сказать об Антисфене: «Человек скорее остроумный, чем образованный». Но такой строгий и пристрастный судья, как Гегель, не мог не признать, что Антисфен «в высшей степени образованный и серьезный человек» (*Гегель Г. В. Соч.*, т. 10, с. 141). Труды Антисфена обнаруживают знакомство не только с софистами и с учением Сократа, но и с учениями Гераклита и элеатов.

По словам Диокла (*Диог. Лаэрт.*, VI, 13, 22—23), Антисфен первым сделал внешними признаками своей школы будничныи облик (*schēma*) человека физического труда, раба и бедняка, — короткий рабочий плащ, надеваемый на голое тело (*tribōn*), нищенская котомка (*rēga*) и посох странника, изгоя и бродяги (*bastron*). Эти детали стали приметами, атрибутами, эмблемой кинического философа. Чтобы быть ближе к природе, киники не стриглись, не брились, ходили босиком. Однако не внешность, не «образ жизни» отличает кинизм Антисфена. В его лице новая школа нашла своего схоларха, архегета и главного теоретика. Теории и знания, оторванные от жизни, чисто спекулятивную философию он не признавал. Нужно «доказывать не словами, а делом» (*Ксенофонт. Воспоминания о Сократе*, IV, 4). Добродетель нуждается не в многословии, а в делах и «сократовской силе» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11).

Учеником и продолжателем Антисфена источники называют Диогена Синопского. Кроме того, Аристотель упоминает

каких-то «антисфеновцев» (antistheneioi). Буржуазные ученые, отрывающие Антисфена от кинизма и Диогена от Антисфена (Дадли, Сейер), говорят о существовании какой-то особой, некинической секты, основанной Антисфеном. Но науке не известно ни одно конкретное имя «антисфеновца», кроме прославившихся своей необычностью киников. Кто же в таком случае эти загадочные «антисфеновцы»? Мне кажется правдоподобным лишь одно объяснение: антисфеновцами Аристотель называл тех киников, которые восприняли только теоретические положения Антисфена, но отвергли внешний («собачий») образ жизни кинических проповедников.

Имя *Диогена Синопского* (ок. 412—323 гг. до н. э.) получило несравненно большую известность, чем имя его учителя. Популярность Диогена основана на его свободомыслии и непреклонном правдолюбии, негибкой воле, грубом и едком остроумии, аскетической жизни, вокруг которых в народе слагались мудрые легенды и анекдоты.

Еще в древности Диоген почти превратился в фигуру из мифологии, «небесную собаку». Многовековая традиция, накапливая вокруг его имени хрип, апофтегмы, меткие слова, побасенки, превратила его в народного героя, фольклорного мудреца, правдоискателя и пророка, который, несмотря на свою бедность и бесправность, бесстрашно бросает в лицо сильным мира слова протеста и осуждения. На протяжении столетий образ Диогена настолько стал легендарным, что из груди апокрифов трудно извлечь достоверное. Источники порой полны неразрешимых противоречий. Так, например, мы находим в них пять (!) версий обстоятельств смерти мудреца.

Диоген — излюбленный герой кинических и ряда стоических писателей, для которых он «патрон» и «святой», наподобие Геракла. Эти философы нередко приписывали ему слова и поступки, которые были им желательны, но вряд ли были произнесены или совершены в действительности. Таким образом, облик Диогена менялся со временем, отражая в себе исторические и классовые сдвиги, обрастая различными домыслами. В обширном «жизнеописании Диогена» у Диогена Лаэртского неразборчиво смешано легендарное и историческое, апологетическое и враждебное. Дион Христом в серии так называемых «диогиеновских речей» (VI, VIII, IX, X) представляет образ идеального киника. Максим

Тирский, Эпиктет и Юлиан дают свои варианты кинизма и образа Диогена.

Диоген родился в богатом портовом городе на южном берегу Черного моря, в Синопе, старой милетской колонии, известной своим флотом, ремеслом и торговлей. Его отец был человеком состоятельным, выполнявшим какие-то финансовые функции. Предание говорит, что он вместе с отцом участвовал в фабрикации фальшивых монет и поэтому был вынужден уйти в изгнание (*Диог. Лаэрт.*, VI, 20; 56). Уход Диогена из родного города, по каким бы причинам он ни произошел, не может запятнать его как философа, ибо это случилось до того, как он надел плащ киника. Изгнание для Диогена, как свидетельствуют источники, не было злом: благодаря ему он стал философом (*Диог. Лаэрт.*, VI, 49; *Стобей. Антолог.*, II, 40, 9 и др.). Аполотетическая киникостойческая традиция связывает рассказы о занятиях Диогена «перечеканкой монет» с якобы полученным им от дельфийского оракула наставлением: «ραγάχαρον το πομίμα», которое он понял сначала буквально, а затем в переносном смысле⁶ (*Диог. Лаэрт.*, VI, 71; *Максим Тирск.*, 35, 5; 6; *Юлиан*, VI, 188). Таким образом, получается, что история о фабрикации фальшивых монет могла быть сочинена в порядке осмысления оракула.

Изгнанный из Синопы Диоген прибыл в Афины вместе со своим рабом по имени Манес, которого он вскоре отпустил. Дату приезда точно установить невозможно. Может быть, это произошло в 390—385 гг. до н. э. В Афинах Диоген познакомился с Антисфеном и стал его учеником. Принципы кинизма Диоген претворял в жизнь с неукоснительной последовательностью, в чем даже превзошел своего учителя, которого называл «трубой, не слышащей собственного звука» (*Дион Хрис.*, VIII, 275), ибо считал, что тот отступает иногда от собственных правил. Своим крайним аскетизмом и эксцентричными выходками Диоген превзошел всех известных мудрецов и получил прозвище «безумствующего Сократа» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 54). Он пользовался огромной популярностью в Греции, и его звали просто *субн* (собака).

Жизнь сталкивала Диогена со многими прославленными

⁶ Буквальное значение оракула: «Перечеканивай монету», — по слову *πομίμα* имело также значение «закон», «обычай», «установления».

людьми его времени — Платоном, Аристиппом, Демосфеном, Филиппом, Александром, Евклидом и др. Не все подробности этих встреч достоверны, иной раз они обязаны легенде, творимой о Диогене киниками и стоиками. Во всех этих встречах Диоген демонстрирует свое духовное превосходство и мужество. Беднякам и бесправным, конечно, импонировали рассказы, где нищий мудрец остроумно и зло высмеивал власть и богатство. Диоген, как и Антисфен, критиковал Платона и его учение. У Платона он ценил только «золотой язык» его диалогов.

После долгого пребывания в Афинах Диоген странствовал по Элладе как бродячий проповедник. В одном из плаваний он попал в руки пиратов и был продан в рабство богатому коринфянину Ксениаду, который сделал его наставником своих детей (*Диог. Лаэрт.*, VI, 30—31). В Коринфе произошла знаменитая встреча Диогена и Александра Македонского. Изложенный период биографии Диогена также нельзя считать безоговорочно достоверным. Предполагают, что весь эпизод продажи в рабство сочинен в III в. до н. э. киником Мениппом для того, чтобы продемонстрировать величие духа и внутреннюю свободу Диогена в экстремальных ситуациях. Этот эпизод составил содержание сочинения Мениппа «Продажа Диогена» («*Diogenous prâsis*»). Однако у нас нет достаточных оснований довериться гиперкритике и исключить из жизни Диогена такие события, как его продажа в рабство, пребывание в Коринфе, воспитание сыновей Ксениада, встреча с Александром Македонским, несмотря на всю анекдотичность и противоречивость этих рассказов.

Умер Диоген в глубокой старости. О месте и обстоятельствах его смерти трудно сказать что-либо определенное. Слишком большое разнообразие деталей смерти философа, передаваемых традицией, внушает мысль, что он умер просто от старости, забытый всеми. Диоген Лаэртский рассказывает, что умер он девяностолетним стариком в Коринфе и был похоронен у Истмийских ворот, где жители поставили ему памятник из паросского мрамора, представляющий колонну, на вершине которой стояла фигура собаки (VI, 76). Этот памятник «Собаки» видел еще Павсаний во II в. н. э. (Описание Эллады, II, 2, 4).

Предание создало из Диогена образ идеального киника. В характере его немало противоречивого. Он изображается

то терпеливым воспитателем и общительным человеком, то одиноким и неуживчивым, от которого сбежал раб. Большая часть биографии Диогена Синопского у Диогена Лаэртского посвящена описанию аскетических причуд философа, вроде обнимания статуй зимой и зарывания в горячий песок летом (VI, 23—34), его крепким остроумам и метким словам. Тем не менее в линии поведения Диогена можно обнаружить настойчивую и продуманную тенденцию — осознанное стремление эпатировать афинское мещанство, показать на своем примере, как нужно презирать все общепризнанные ценности. Бунт Диогена, его свободомыслие и презрение к условностям не только создавали почву для возникновения анекдотов и легенд, но и рождали друзей и врагов. Не зря Дион Хрисостом писал о Диогене: «Некоторые восхищались им как мудрейшим человеком на свете, другие называли его безумцем» (IX, 8). Наиболее распространенными жанрами «апокрифической» литературы о Диогене были так называемые хрии и апофтегмы, коротко рассказывающие об удивительных поступках и примечательных высказываниях мудреца. Киник Метрокл подготовил целый сборник хрий о Диогене (*Диог. Лаэрт.*, VI, 41). К числу наиболее популярных рассказов о Диогене принадлежат истории, как он жил в огромном глиняном пифосе, встречался с Александром, искал днем с фонарем «честного человека», обходился без посуды и др. Все эти эпизоды наглядно демонстрировали и пропагандировали лозунги кинической философии.

Киники прекрасно понимали силу слова и потому не могли пройти мимо такого могучего средства воспитания, как литература. Отсюда их частое обращение к Гомеру и трагикам. Не только Антисфен, но и Диоген занимался литературным трудом. Называют 21 сочинение Диогена, среди которых 14 диалогов и 7 «трагедий для чтения» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 80). «Государство» Диогена уже в древности ставили в один ряд с одноименными трудами Платона и Зенона (*Плутарх. Ликург*, 31). Содержание диалогов и трагедий Диогена касалось различных этических проблем в духе кинической «перечеканки ценностей», в них содержались нападки на все институты рабовладельческой демократии, на ее культуру, на формы брака и семьи. В речах, полных народной мудрости и остроумия, афоризмов и притч, украшенных множеством метафор и сравнений, изобилующих аналогиями из области быта варварских народов и жизни

животных, аллегорическими толкованиями мифов, Диоген утверждал кинические идеалы.

Диоген усилил элементы радикализма и аскетизма, имевшиеся в доктрине Антисфена. В области политики он ввел понятие космополитизма, проповедовал общность жен и детей, отрицал необходимость семьи и брака (*Диог. Лаэрт.*, VI, 63; 54). Сводя свои потребности к минимуму, Диоген воплощал в жизнь требования кинической автаркии, «самодовления», независимости. Прямолинейно применяя антитезу «природа—закон», презирая условности, порой доходил до крайностей в своем намеренном, эпатазирующем бесстыдстве (*Диог. Лаэрт.*, VI, 49; 69 и др.).

Все, что нам известно о Диогене, о его теоретических взглядах и линии поведения, в котором подчас были элементы действительно «циничного», позволяет сделать вывод, что, наряду с элементами идеологии рабов, он представлял в кинизме и люмпен-пролетарское направление, связанное с массовым разорением свободных тружеников. Этому способствовало его положение изгнанника, часто вынужденного жить на подаяния, тем более что платы за обучение он не брал. Диоген жил, как он сам говорил, «без родины и дома, изгнанный из города своих отцов, бродяга-нищий, живущий лишь настоящим днем» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 38; *Гномолог. Ватик.*, 201).

В последующие века передовые мыслители воспринимали Диогена как идеального мудреца, безгранично свободного и независимого, разящего смехом социальную несправедливость (Рабле, Дидро). Диоген имел много учеников; некоторые из них были рабами и бедняками, пришедшими к нему из дальних краев. Особую известность получили Кратет Фиванский, Онесикрит из Астипалеи, Филиск с Эгины, Моним Сиракузский, Гегесий из Синопы, Метрокл, Гиппархия и др.

Акме *Кратета из Фив* падает на 328—325 гг. до н. э., когда Диоген был уже глубоким стариком. Кратет сначала учился у ахейца Брисона, потом — у мегарца Стильпона, а затем увлекся кинизмом, обретя окончательно свое философское лицо, «частью учась у Диогена, частью благодаря своим собственным размышлениям» (*Апулей. Флориды*, 14). При жизни Кратета агония полисной системы достигла своего апогея. Притязания Филиппа и Александра Македонских на гегемонию в Греции и на мировое господство,

кровопролитные войны, уничтожение родного города (335 г.) — все это пришлось пережить Кратету. После разрушения Фив ландскнехтами Александра Македонского Кратет переселился в Афины.

Кратет был родом из богатой аристократической семьи, но под влиянием кинического учения порвал со своей средой, раздал свое немалое состояние и променял жизнь богача на посох и нищенскую суму киника. Рассказывают, что он много бродил по свету, на ночь забираясь в храм или в бани. Кратет постоянно «упражнялся» в добродетели, считая господствующие взгляды «дымом, чадом» (*thûphos*), он был непримирим к своим идейным противникам и выступал против идеализма мегариков.

Кинизм под влиянием мягкого и доброго характера Кратета приобрел более гуманный, компромиссный, «гедонистический» характер. В нем громко зазвучала «любовь к человеку» (*philanthrōria*). Кратет пользовался всеобщей любовью. В любом доме, даже незванный, он был желанным и дорогим гостем. В народе его называли «открывателем всех дверей», «добрым демоном». Греки писали на дверях своих домов: «Здесь вход для доброго гения Кратета». Кратет вел жизнь бедняка и воспринимал бедность как благо. «Я гражданин темноты и бедности, они непреступны для судьбы», — говорил он о себе (*Диог. Лаэрт.*, VI, 93).

Смягченный кратетовский вариант кинизма вносит новую черту в эту философию, отражая изменившиеся исторические условия и представляя в ней определенный социальный слой. Если Антисфен выражал главным образом идеологию рабов и неполноправных, а Диоген — мировосприятие рабов и разоренных войной масс, люмпен-пролетарского «дна», то Кратет представлял идеологию обедневшего трудящегося населения, пауперизованного в результате длительных войн диадохов, по еще сохранившего небольшую частную собственность, мелких производителей — бедных аттических и бсотийских крестьян и свободных ремесленников. Идеал этого сословия — средний достаток, нравственная жизнь на основе свободного труда. Отсюда — кратетовская модель кинизма.

Кратет сыграл большую роль в становлении кинической литературы, он был поэтом большого и своеобразного дарования. Он писал стихи морально-сатирического содержания (*paignia*), пародийные эпические поэмы и трагедии, эле-

гии, ямбы. Поэзия Кратета, как бы ни были скудны ее остатки, многогранна, и в какие бы виды и жанры она ни претворялась, ее кинические идейно-эстетические принципы оставались неизблемыми. Уже в самой многогранности и разнообразии родов и жанров претворяются эти принципы. Лирический герой всех фрагментов — киник, проповедующий преимущества бедности и неприязнательности, воспевающий нищенскую котомку и плащ философа, зовущий к нравственному совершенству и проклинающий уродство богачей, прославляющий утопический «кинический рай», неприступный для порока и житейских горестей. Отражает ли эта поэзия настроения бедноты, зовет ли к бунту? Ответ не может быть однозначным. Конечно, киник кратетовского типа, внушая людям идею превосходства бедности, звал к бедности, а не к богатству, но звал всех, что практически было равнозначно призыву к богатым раздать свое имущество, как это сделал в свое время сам Кратет, и жить одной жизнью с народом, иными словами, то было замаскированное политически актуальное и популярное требование передела имущества. Все это означало осуждение имущих, переоценку общепринятых ценностей, а не банальный конформизм, свойственный официальной идеологии. Ненависть к праздности и богатству, жажда свободы и справедливости составляют пафос поэзии Кратета.

У Кратета было много друзей и учеников. Среди них — *Метрокл из Маронеи*, благодаря которому Кратет познакомился с его сестрой *Гиппархией*, ставшей впоследствии женой философа. Гиппархия происходила из богатой и знатной семьи, но из любви к Кратету и его идеалам она вопреки воле родителей бросила все и избрала нелегкую долю жены бродячего проповедника и аскета⁷. Связав судьбу с Кратетом, она вступила в конфликт не только со своими родителями, но и с вековыми «домостроевскими» устоями.

Киники стояли также за эмансипацию женщин, за их равенство с мужчинами. Брак Кратета и Гиппархии — равноправный, добровольный брак по любви, брак единомышленников — был по форме и содержанию протестом против семейных устоев рабовладельческого общества. Понятно, что

⁷ Трогательной любви Кратета и Гиппархии посвятил эпистолярный роман один из крупнейших немецких писателей XVIII в. Христов Мартин Виланд.

враги стали распространять сенсационно-грязные анекдоты и сплетни о их мнимом бесстыдстве, о «собачьей свадьбе» в Пестром портике и т. п. К сожалению, без пошляков не обходилась даже античность.

Брат Гиппархии Метрокл и сын Онесикрита, известного офицера флота Александра Македонского, *Филиск* были восторженными почитателями Диогена и создавали популярную киническую литературу — сочиняли хрии, диалоги, трагедии в духе Диогена. Филиску приписывались трагедии, созданные его учителем, и в частности пресловутые «Фест» и «Эдип», пародировавшие творчество знаменитых трагиков.

Моним из Сиракуз, раб одного коринфского банкира, стал верным последователем Диогена и Кратета. Рассказывают, что его прогнал хозяин, когда тот, наслушавшись кинической пропаганды, выбрасывал из окна господские деньги (*Диог. Лаэрт.*, VI, 82). Подобно Кратету, этот философ писал шуточные и сатирические стихи (пэгнии), в которых нашел воплощение ставший впоследствии ведущим принцип «серьезно-смешного» (*spoudogeloion*).

Киническая философия в эллинистический период (III— I вв. до н. э.) представлена людьми, которые уже не были непосредственными учениками основателей древнего, радикального кинизма Антисфена и Диогена. Новое поколение киников узнавало об идеях основоположников главным образом из их уцелевших произведений. Однако никакая цензура не могла воспрепятствовать распространению идей этой самой демократической философии древности. К III в. до н. э. кинизм стал одним из популярных учений, а киники — обычным явлением в греческих городах и поселениях. Киническая критика существующего строя, презрение к благам переревшей цивилизации, мысли о превосходстве бедняков над богачами захватили своим демократизмом многих прогрессивных людей этого времени. Заметные уже у Кратета элементы компромисса под влиянием новых условий разрослись, смягчив первоначальный ригоризм, отталкивавший многих своими максималистскими требованиями к человеку. В компромиссном характере эллинистического кинизма отразились крайняя усталость народных масс от непрерывных войн, переворотов, междоусобиц, бесплодных восстаний и желание вкусить наконец плоды прочного и длительного мира. Апатия и деморализация распространились в народе.

В эпоху эллинизма определяющими формами кинической агитации стали новые литературные жанры, культивируемые писателями кинической школы. Среди них наиболее колоритным был *Бион Борисфенит* (III в. до н. э.), создатель основного кинического жанра — диатрибы, которому была суждена долгая жизнь. Сын мелкого торговца рыбой и гетеры, Бион был продан в рабство некоему ритору, оставившему способному юноше большое наследство. Это дало ему возможность отправиться в Афины и получить там философское образование. Он изучал теорию академиков, перипатетиков, киренаиков, но сблизился с киниками и начал вести жизнь бродячего проповедника и часто со своими диатрибами обращался к низам — морякам, гетерам, рабам, ремесленникам.

Если в области философии Бион мало оригинален и выступает в роли смягчителя древнего кинического морального ригоризма и политического радикализма, советуя «ставить паруса по ветру», то в литературной сфере он выступает как самобытный творец, противопоставляющий себя всем признанным эстетическим нормам. Излюбленный прием бионовской сатиры — пародия, в которой широко использовались гомеровские поэтизмы, шуточные неологизмы и даже бранные выражения и просторечия, типичные метафоры, фольклорные мотивы и приемы. Эратосфен сказал о Бионе, что он одел философию в пестрое платье гетеры (*Диог. Лаэрт.*, IV, 52; *Страбон*, I, 2, 2). Об искусстве Биона, «смеясь, говорить правду» (*ridenter disere verum*) упоминает Гораций (*Послания*, II, 2, 60), испытавший на себе влияние бионовской сатиры. Диатриба — нечто среднее между докладом и диалогом, популярная проповедь на моральную тему, преподносившая кинические идеи в доступной и увлекательной форме. Темы бионовской диатрибы — богатство, бедность, изгнание, жизнь и смерть, добродетель, государство, религия и т. п. Кратет и Бион окончательно сформулировали отличительные черты кинической литературы — антиконвенционалистская морализация, персональная сатира, беспощадная и откровенная полемика с противниками, пародия, смелое словотворчество, игра слов, народная (нередко грубая) речь, перелицовка традиционных приемов и форм, нарушение канонов, жанровое разнообразие и т. п.

Линию Биона продолжал *Телет из Мегар* (акме ок. 240 г.

до н. э.), чьи сохранившиеся фрагменты диатриб дают возможность составить довольно отчетливое представление о творчестве Биона, так как в них часто широко цитируются Диоген, Бцион и другие киники. В них можно встретить также строчки из Гомера, Софокла, Еврипида, Феогнида, Филемона и других поэтов, которых он хорошо знал (известно, что Телст был школьным учителем). Политический компромисс получил в философии Телета дальнейшее развитие. Он учил не пытаться изменять ход событий, мужественно переносить удары судьбы, не желать того, чего нет, и не отчаиваться. Эти наставления сближали кинизм со стоицизмом.

Из круга Кратета вышел один из наиболее самобытных сатириков эпохи эллинизма — *Менипп из Гадар* (сер. III в. до н. э.), творец «кинической» или «менипповой сатиры», в которой он органически соединил прозаическую диатрибу и поэзию киников. К сожалению, судить о творчестве Мениппа можно почти только на основании античных свидетельств и подражаний (Варрон, Лукиан).

Раб по рождению, Менипп хорошо знал, чем живет народ. В Фивах, куда его забрасывает судьба, он знакомится с Метроклом и, возможно, с Кратетом, приобщившими его к кинизму. Менипп становится одним из самых известных его пропагандистов. Лукиан ставит его рядом с Антисфеном, Диогеном и Кратетом (Беглые рабы, 11). Часть своей жизни Менипп провел в Афинах. Есть основания предполагать, что он покончил с собой.

Плодовитая писательская деятельность Мениппа оставила заметный след в истории и вызвала многочисленные подражания. В своих произведениях он охотно прибегал к формам «путешествия в подземное царство», симпозиа, фиктивных писем от имени богов, к фантастическим сюжетам, когда действие свободно перемещается в пространстве и во времени, к полемике с идейными противниками. Народная сатира Мениппа отличалась драматизмом построения, демократичностью языка, юмором, серьезным философским содержанием, облеченным в шуточную форму, использованием фольклорных мотивов, соединением прозы и стихов, в котором стихи служат естественным продолжением прозаического текста, а не являются иллюстративными цитатами. В традиционно «серьезные» формы — диалог и письмо — он внес элементы смеха, острословия, пересыпал

их стихами. За редкое умение говорить о серьезном легко и смешно Менипп получил эпитет «серьезно-смешной» (*sproudogeloios*) (Страбон, XVI, 2, 29).

Герои произведений Мениппа — раб, бедняк, кинический мудрец. Писатель глумится над ходячей моралью, показывает ничтожность земных благ, призывает ни к чему не привязываться. Знаменитый римский стоик, «философ на троне» Марк Аврелий называл Мениппа среди тех, кто высмеивал «скоропреходящую и эфемерную жизнь людей» (Наедине с собой, VI, 47, 4). Точную и меткую характеристику Мениппа дает Лукиан в «Дважды обвиненном». «Смехотворец» Мениппа умел по-кинически смеяться, т. е. одновременно шутить и кусать, и не уступал в этом древним киникам. В киническом насмешнике его последователи видели не только создателя нового стиля, но и реформатора и учителя жизни.

Несколько лучше, чем произведения Мениппа, сохранились фрагменты произведений известного кинического поэта эпохи эллинизма *Сотада из Маронеи*. Он был близок к тому направлению в эллинистической поэзии, которое смыкалось с веселым и фривольным, полным смелых сатирических выпадов творчеством низов — с фольклорными дорическими бурлескными сценками — флиаками, не щадившими ни богов, ни людей, с мимами — дерзкими стихами на ионическом диалекте (ионикологией), с непристойной кинэдогией, гилародией, магодией, лисодией, симодией, этологией и т. п. Хотя официальная александрийская поэзия (Каллимах, Феокрит и др.) также кое-что почерпнула из этого источника, но по своей глубокой сути была чужда подлинной народной жизни и вдохновлялась образами царей, цариц, вельмож, придворными интересами, любовными интригами, красотой возлюбленных и т. п. Анализ немногочисленных подлинных фрагментов поэзии Сотада, сохранных Афинеем и Гефестионом, а также поздних морально-дидактических подражаний (*Sotadea*), собранных Стобеем, говорит о том, что непристойности или физиологическая откровенность в некоторых стихах Сотада не преследовали порнографических целей, а были действенным, народным средством сатиры, имели точный социальный адрес: царская фамилия и ее окружение, воспеваемые придворными поэтами.

К кинической школе поэтов эпохи эллинизма принад-

лежит также *Феникс из Колофона*. Новые папирусные фрагменты холиямбов Феникса впервые опубликовал и исследовал Г. Герхард⁸. Анализ «Ямбов» Феникса обнаруживает их несомненную киническую направленность. В античной литературе мало таких прямых, сиюминутных откликов на современное зло, откровенных, не замаскированных мифологией или басенными условностями. Это негодующие стихи о богах и расточителях, лишенных чести и совести, заботящихся лишь о растленной роскоши. Им противопоставлены честные бедняки, умирающие с голоду. В своих стихах Феникс сознательно или невольно использует аргументацию и стилистику диатриб. К «Ямбам» тематически примыкает холиямбический отрывок об ассирийском царе Нине, приведенный Афинеем (XII, 530с). «Песенка вороны» Феникса — стилизация в народном духе, нечто вроде античной колядки, свидетельствующая об интересе поэта к жизни простого народа, к народным обрядам и фольклору, из которого киники нередко черпали образы и приемы художественной выразительности. В творчестве Феникса дает себя чувствовать умеренный кинизм. Критика идеологии и психологии верхов, потребительской морали, неприятие действительности содержатся также в стихах других холиямбических поэтов, современников Феникса, имена которых не сохранились (ниже приводятся фрагменты из Гейдельбергского и Лондонского папирусов, направленные против стяжательства). Наличие целой плеяды кинических и кинизирующих поэтов и писателей, сравнительно недавние находки новых отрывков кинической поэзии и диатриб говорят о популярности демократической поэзии социального протеста, значение которой недооценивается в истории античной литературы.

В кинической поэзии эпохи эллинизма есть еще один выдающийся и оригинальный поэт, чье творчество свидетельствует о том, что кинизм задел также какие-то глубинные чувства прогрессивных людей из состоятельных классов, заставив их встать на сторону народа. Это *Керкид из Мегалополя* (ок. 290—220 гг. до н. э.) — не только крупный поэт, но и видный государственный деятель, по достоинству оцененный только в XX в. в связи с находкой в Оксирихе папирусов с отрывками из «Мелиямбов киника

⁸ См.: *Gerhard G. Phoinix von Kolophon*. Leipzig; Berlin, 1909.

Керкида». Источники рисуют Керкида как дипломата, воина-патриота, «замечательного законодателя и автора мелиамбов» (см.: *Полибий*, II, 48—50; 65; *Стефан Византийский* и др.). Центральным из сохранившихся «Мелиамбов» является сравнительно большой отрывок (более 35 стихов), сатирически бичующий богатство, полный ненависти к уродствам современного общества. В нем наиболее рельефно отразились как мироощущение Керкида, так и его художественно-эстетические принципы. Конец стихотворения звучит угрожающе, поэт предупреждает богачеев: если они не поделятся с неимущими добровольно, то ветры судьбы начнут дуть им в лицо, и тогда придется им «выблевать из самого нутра» все награбленное у народа «ненавистное богатство». В этом контексте сильное социальное звучание приобретает и пападки на традиционную религию, и прежде всего па владыку Зевса. Керкид порывает с религиозной моралью, требуя правственности и правды вне религии.

Прямое обращение к объекту сатиры (Ксенон), людям и богам, восклицания, многочисленные риторические вопросы, парентезы, подчеркивающие личную позицию автора, ирония, лаконичная многозначительность в соединении с необычным лирическим размером, сочетание лексики высокого стиля и вульгаризмов, обдуманная разностильность, эсперичность и динамизм, пророческий тон — все это производит ошеломляющее впечатление. Устрашающая «дикивинность» его сатиры связана прежде всего с дерзкими и неповторимыми неологизмами, составляющими отличительную черту керкидовского стиля. Новые композиты Керкида при всей их смелости понятны и доступны, ибо источником творчества таких поэтов, как Керкид или Плавт, наряду с классической литературой была и неисчерпаемая стихия грубоватой народной речи.

Сохранилась часть стихотворения Керкида о любви (фргм. 2, Диль), обогащающая наше представление о поэте, ибо в основном он известен как серьезный публицист. Эти стихи о любви — отнюдь не традиционная лирика. Они построены на киническом принципе «серьезно-смешного», на сцеплении скоптики и дидактики. В данном случае поучение перенесено в область интимных человеческих чувств, и на всем послании лежит печать добродушной иронии. Антитеза любви спокойной и любви бурной естественно приводит к выводу о предпочтительности безмятежного плава-

ния по коварному морю страстей, что логически завершается еще более безопасной и удобной любовью «Афродиты с площади». Киник ни в чем не хочет поступиться своей свободой!

Форма стихов Керкида необычна. Это мелиямбы, известные нам только по творчеству кинического поэта. В эллинистическую эпоху мелика постепенно вытеснялась формами, предназначенными для рецитации и чтения. Новых размеров создавалось мало. Новая, революционная по содержанию поэзия Керкида требовала новых форм, тревожащих, напряженных и торжественных одновременно. Думается, что откровенно публицистический, «солонский» пафос стихов Керкида и их сравнительно простой ритмический рисунок были рассчитаны на массовую аудиторию, а не на узкий круг друзей и знакомых. Мелиямбы, как показывает само название, были чем-то средним между мелической и декламационной поэзией, представляя собой нечто вроде античного зопга. Эпические дактили и разговорно-насмешливые ямбы, лежащие в основе керкидовского стиха, напоминают о связи мелиямбов с социально насыщенной и политически острой комедией аристофановского типа.

Керкид был не только деятельным и духовно богатым человеком и гражданином, вставшим на защиту народа, но и мужественным поэтом-трибуном, из всех голосов выбравшим голос правды, говорящей у него словами неслыханными и разящими. Он бросал в лицо сильным мира глвно и обличительно: ваши боги и идеалы — ложь, ваша праздная и разгульная жизнь ничего не стоит, а вы сами развратники, пьяницы, лицемеры и подлецы. Вам нет дела до бедняка и его страданий. Но, погодите, придет час расплаты, и вам несдобровать! Приверженность Керкида к умеренному направлению кинической философии, получившему в это время преобладание над крайностями первоначального кинизма, свидетельствует о нарастании кризиса в античном обществе, о переломе сознания эллинистического человека и, как следствие этого, о расширении социальной базы оппозиционных течений, захватывающих в свою орбиту недобровольных и радикально настроенных лиц из интеллигентских и состоятельных кругов.

Старшим современником Керкида был выдающийся эпиграмматический поэт *Леонид из Тарента*, чья творческая

деятельность падает на первую половину III в. до н. э. И Леонид, и пелопоннесская (дорийская) школа, к которой он принадлежал, стоят несколько особняком в литературной жизни века. Интерес пелопоннесцев к народу был искренним, они предпочитали живописать народные типы и родную природу, тружеников и чистый мир детей и животных. То, что у других пелопоннесских поэтов только намечалось, у Леонида превратилось в ведущую тенденцию. Хотя Леонид Тарентский не был киником в «профессиональном» смысле слова, влияние популярных идей кинико-стоической диатрибы определило строй его поэтического и общественного мышления, обусловило его творческое своеобразие.

В древности Леонид пользовался безоговорочным признанием, но критика нового времени (Рейтцентштейн, Геффкен, Виламовиц, Бекби) относилась к нему явно недоброжелательно, хотя во второй половине XIX в. он считался большим и оригинальным поэтом, певцом «маленьких людей». К последней традиции примыкают и крупные советские ученые (И. М. Тронский, С. И. Радциг, Ф. А. Петровский). Важной чертой в творческом облике поэта является его отношение к кинизму, что, как нам кажется, помогает правильно решить вопрос о народности, искренности и «реализме» его стихов, понять его жизненную и философскую установку, границы его подлинного новаторства и степень влияния таких идейно чуждых ему поэтов, как Каллимах или Асклепиад. Конечно, возможен (подчас осуществляемый) некий критический тур де форс, который превращает все творчество (а заодно и биографию) Леонида в «маску», «игру», литературную фикцию, но подобная «критика» — лишь дань моде, пренебрегающая полнокровными фактами в угоду довольно худосочной концепции об исключительно верхушечной, одноплановой ориентации эллинистической литературы.

Творчество Леонида противостояло основной линии александрийской эпиграмматики, вдохновлявшейся эротической и симпосиастической темами. Леонид не только чужд эротике, но и прямо враждебен ей как киник. Кинизм Леонида особого свойства. Лишенный ряда атрибутов воинствующего кинического сектантства, он становился ближе и понятнее массам. Бродяжничество поэта не носило демонстративного характера, но было вынужденным, нищета на склоне лет не казалась ему, как, впрочем, и Диогену (*Диог. Лаэрт.*, VI, 51), желанной, а изгнание — безразличным. Кинические мотивы

постоянно всплывают в стихах Леонида, который написал хвалебную эпитафию в честь Диогена и создал программную поэтическую диатрибу, названную Геффеконом «кинической проповедью в дистихах» (Палатинская антол., VII, 472), которая говорит о быстротечности и тщете человеческой жизни, заполненной заботами о приобретательстве, и призывает к скромности и простоте.

Подлинные герои эпиграмм Леонида — бедные труженики, общественные низы, к которым постоянно апеллировали киники. В них воспеваются их трудолюбие, непритязательность, бедность, стойкость в жизни, дружелюбие и доброта. Поэт и себя не отделяет от «малых сил». Мир леонидовской поэзии густо населен рыбаками, охотниками, пастухами, плотниками, дровосеками, крестьянами, ткачихами, садовниками, кормилицами, матросами и т. п. Большинство этих людей заняты трудом, с ним связаны их мысли и чаяния. Эпиграммы Леонида вводят нас в «рабочую» атмосферу эпохи, в них трогательно и искренне рисуются люди, прошедшие всю жизнь в труде и заботах о хлебе насущном (Палатинская антолог., VII, 726; 295; 657 и др.).

Любовь к людям труда выразилась не только в восхвалении их добродетелей. Новое заключается в эстетизации и поэтизации орудий труда, что связано с киническим принципом «труд — благо». Старая посвятельная эпиграмма обычно носила возвышенный характер, была полна героизма. Леонид Тарентский заменяет боевое оружие и предметы культа прозаическими рыболовными принадлежностями, пилами, буравами, топорами, рубанками, кухонной утварью и др. Редкая в античной лирической поэзии «рабочая» лексика, введенная в контекст посвящений и эпитафий, получает у Леонида поэтическое звучание, автор как бы любит ее и превращает в новый эстетический объект. Рабочие слова и термины оснащаются сложными и редкими «украшающими» эпитетами, однако точно характеризующими данный предмет. В качестве эпитетов преимущественно употребляются неологизмы, носящие оценочный характер. В эпиграммах Леонида они становятся главным средством художественной выразительности, ибо без них перечень посвящаемых предметов превратился бы в голый инвентарный список, деловой каталог, лишенный эмоциональной окраски.

Новые для поэзии слова из сферы производительного труда Леонид любит повторять, ставить в разные формы,

примеряя к различному окружению, изменять на все лады, как бы заставляя работать, смакуя и с явным удовольствием прислушиваясь к их необычному звучанию. Этим же стремлением освоить новый материал объясняется, на наш взгляд, появление ряда вариантов эпиграмм на одну и ту же тему. Поэт одухотворяет, персонифицирует орудия, инструменты, железные для человека предметы и наделяет их человеческими именами, придает им активный, действенный смысл. Таким образом, у Леонида, должно быть, впервые в античной поэзии мы встречаемся с культом орудий труда, характерным для народной идеологии. В эпитафиях, наряду с идеей освященности орудий труда, содержалась мысль, что труд людей заслуживает вечной памяти и благодарности, признания и посмертной награды. Так религиозное смыкалось с социально-этическим.

Весь образный строй и стиль эпиграмм Леонида Тарентского, испытавший влияние кинико-стоической диатрибы, их естественно-элементарная структура, функционально близкая подлинным посвячительным и надгробным надписям, язык, пропитанный реалиями повседневной жизни, разговорными формами, диалект, идущий от дорической родины поэта, — все было адресовано массовому читателю, далекому от узкого круга «ценителей изящной словесности». Умение увидеть красоту в обыденном, в труде, привлечь внимание к «маленькому человеку», скрасить горечь критики шуткой, вовремя произнести сентенцию, изобразить безобразное так, чтобы оно не отталкивало, а вызывало нужные эмоции и мысли, — эти свойства были почерпнуты в кинической литературе.

Но суть дела не в отдельных кинических переключках и мотивах. Кинизм помог в становлении главной и новаторской сущности поэзии Леонида — в сознательном повороте к миру трудящихся, в стремлении приподнять, укрепить их общественный вес и самосознание, пафосе противопоставления мира труда миру праздности, в поэтизации труда и его орудий. Если искать дальних предшественников поэзии Леонида, то она примыкает к гесиодовской традиции, хотя в эллинистическую эпоху она и воспринималась как новаторская. Именно это новаторство и привлекло позднейших продолжателей Леонида. Исходя из всего сказанного, следует решительно пересмотреть распространившийся в последнее время в зарубежной научной литературе взгляд на Леонида как

на холодного версификатора, ловкого ремесленника от поэзии, «барочного» пересемешника, потрафлявшего вкусам литературных гурманов эллинизма.

К III в. до н. э. относится еще один приметный памятник кинической литературы — так называемые «*Письма Анахарсиса*». Они содержат больше критического материала и наступательнее по тону, чем современные им проповеди Телета. Эти фиктивные Письма примыкают к давней традиции, идеализирующей «естественные», «варварские» народы и наполненной острым социальным смыслом под влиянием кинизма. Мудрый скиф Анахарсис — один из наиболее ярких героев этой традиции. В этом образе заложено все, что могло пригодиться кинической пропаганде, — бесхитрость «дикаря», близкого к природе, прямодушие, ореол свободы, справедливости и силы, окружавший далекий северный народ. Киникам был важен, конечно, не исторический Анахарсис, а романтическая легенда, сделавшая из него «скифского киника». «*Письма Анахарсиса*», безусловно, фиктивны, в них немало анахронизмов. Их кинический автор использовал образ Анахарсиса для потребностей своего века, в частности для отклика на актуальную проблему эллинизма и варварства. В первых двух письмах доказывается, что эллины и варвары принципиально равны. Киник дает бой греческому «расизму». Он направляет свои обличительные послания к правителям, царям, тиранам, представляющим враждебную стихию власти. Каждое из «*Писем Анахарсиса*» пропагандировало кинические ценности и развенчивало общепринятые.

II и I вв. до н. э. бедны памятниками кинической литературы, однако и в это время кинизм не умирал. От этого периода сохранились эпиграммы, прославляющие Диогена, а также папирусные фрагменты. В опубликованном У. Вилькеном в 1923 г. Берлинском папирусе № 1304 конфликтно сведены властелин мира Александр Македонский и нищие философы, «нагие мудрецы», индийские «кинрики» — гимнософисты, брахманы. Зло здесь персонифицировано в Александре, добро — в гимнософистах. Эта же тема представлена в сравнительно недавно (1959 г.) увидевших свет отрывках из сборника кинических диатриб (Женевский папирус № 271), относящихся ко II в. н. э., где беседуют глава брахманов Дандамис и тот же Александр. Моральная победа целиком остается на стороне индийских аскетов.

В эпоху Римской империи кинизм оживляется. Своим возрождением он обязан прежде всего демократическому духу и пафосу практической неконформистской морали, которая давала людям веру в возможность победы добра над торжествующим злом. В критике террористического режима первых императоров киники смыкались с республиканской оппозицией второй половины I в. н. э., представленной мужественными стойками Музонием Руфом, Тразеей Петом, Гельвидием Приском и др., некоторые из них сами испытали влияние кинизма. Многие в это время не проводили различия между стоицизмом и кинизмом, считая последний чем-то вроде левого, крайнего фланга Стои (Ювенал, например). Власти преследовали киников и стоиков. Их изгоняли при Нероне, Веспасиане и Домициане. Одним из самобытных киников I в. н. э. был Деметрий, изгнанный из Рима Нероном. О деятельности Деметрия больше всего рассказывает его друг Сенека. Среди учеников Деметрия особенной известностью пользовался выдающийся проповедник кинизма Демонакт, о котором с великим уважением писал никого не щадивший современник его — Лукиан из Самосаты. В это время обращает на себя внимание сложная и колоритная фигура Перегрин-Протея, говорящая о близости кинизма и первоначального христианства. Для истории кинического атеизма представляет большой интерес острый антирелигиозный памфлет жившего при императоре Адриане Эномай Гадарского «Изобличение обманщиков», цитированный большими кусками епископом из Кесарии Евсевием Памфилом, «отцом христианской историографии». Эномай аргументированно критиковал не только мантику и оракулы античного мира, но и основы всякой религии, выступая против механистического и метафизического детерминизма и фатализма, против веры в божественное предопределение. Кинический богохульник веру в бога противопоставлял веру в могущество человека. «Изобличение обманщиков» — яркий памятник кинической просветительной литературы II в. н. э.

«Киническое возрождение» вызвало к жизни и другое произведение — «Письма киников», авторы которого черпали свое вдохновение в кинической философии и перенесли на страницы писем свою взволнованность проблемами современности. Античное публицистическое письмо в силу своих жанровых особенностей становилось удобным средством политической агитации и философской пропаганды. Приблиз-

тельно с I в. до н. э. по II в. н. э. складывались циклы фиктивных писем Сократа и сократиков, Диогена, Кратета, Мениппа. В основе этого эпистолографического наследия лежат отчасти подлинные письма и сочинения его номинальных авторов, но в большей степени позднейшие доксографические сочинения, сборники популярных хрией и апофтегм, воспоминания и жизнеописания. Поэтому все эти послания дают немного для знакомства с подлинными взглядами древних философов. Зато они прекрасно характеризуют направление кинической мысли первых веков Римской империи.

Эпистолографы целеустремленно разрабатывали идеи кинической этики, выдвигая на передний план те из них, которые могли так или иначе ответить на запросы времени, научить, как действовать в сложившихся условиях. Поэтому так настойчиво подчеркивается независимость мудреца, его стойкость и мужество, свободомыслие и откровенность, ненависть к тиранам, осуждается стремление к власти и богатству, восхваляются дружба и бескорыстие, бедность и разум, ставится вопрос о ценности родины и изгнания. Возродившийся кипизм Империи решительнее, агрессивнее, чем в эпоху эллинизма. Он реставрирует древний радикализм и обращается к образам нравственно сильных людей — к Сократу и особенно к Диогену, который является подлинным героем кинических писем. Письма Диогена и Кратета подчинены двуединой цели — пропаганде кипизма и сокрушению его идейных врагов, защите кинического образа жизни и осуждению современного зла. Обвинения и защита, нападки и оправдания, проклятия и угрозы, уговоры и одобрения — к таким антитезам и полюсам тяготеют почти все кинические письма. Поэтому их адресаты — враги и друзья, близкие и далекие, единомышленники и противники. Нейтральные адресаты («ученики», «молодые люди») дают возможность авторам спокойно изложить отдельные тезисы кинической доктрины. С указанной поляризацией связаны имеющиеся в них стандартные зачины и концовки. По духу к киническим письмам-памфлетам примыкает так называемое *VII письмо Гераклита к Гермадору*, его другу, изгнанному из Эфеса. В 1958 г. В. Мартеном было опубликовано продолжение известного ранее текста этого письма. Найденный большой папирусный фрагмент содержит критику человеческих пороков, идеи преклонения перед природой, идеализацию животных, призывы к справедливости и т. п. — все

то, что характерно для круга идей кинико-стоической диатрибы.

Киническое мировоззрение оказалось притягательным не только для бедноты и неудачников, аутсайдеров жизни, но и для признанных философов и софистов. Эпиктет увидел в истинном кинике свой идеал (III, 22). Увлечен кинизмом даже такой рационалист и скептик, как Лукриан из Самосаты. Несмотря на принципиальную враждебность платонизма и кинизма, философ-платоник и софист *Максим Тирский* поставил перед собой вопрос: не является ли самой предпочтительной из всех жизнь киника? (речь XXXVI). И дал на него положительный ответ. Идеальным героем Максима оказывается Диоген, который «наслаждался в своей бочке не меньше, чем Ксеркс в Вавилоне». Нет смысла пытаться реконструировать по Максиму подлинные взгляды Диогена. Он создает свою концепцию кинизма, идеи которого препарируются в духе его собственного практического и демонологического платонизма.

О широком распространении кинических идей в I—II вв. н. э. свидетельствует также речь ученика Диона Христомоса *Фаворина из Арелаты* «Об изгнании», где доказывалось, что изгнание, вынужденная эмиграция — не зло. К этому же времени относится еще один памятник кинико-стоической мысли — «Картина», приписываемый ученику Сократа *Кебету Фиванскому*⁹. Рассказанный в ней миф откровенно аллегоричен и дидактичен, смысл всех его построений и деталей обнаруживает киническую печать — все ценимые в мире блага, как и «общеобразовательные дисциплины» и науки (XIII, 2), не имеют отношения к нравственности. Не многознание, а благоразумие и истинное образование, подчиненное воспитанию характера, души и чувств, делают людей счастливыми. В «Картине» Псевдо-Кебета киническая любовь к аллегориям доведена до логического конца. К этому же типу памятников относится и диатриба Псевдо-Плутарха «Об упражнении», сохранившаяся лишь в сирийской обработке VIII—IX вв. н. э. Автор ее убеждает читателя, что без упражнения, труда, профессионального мастерства, тренировки и закалки человек не может добиться счастья и совершенства.

⁹ Есть русский перевод этого произведения: *Кебет. Картина* / Пер. с греч. В. Алексеева. СПб., 1888.

Во времена ранней империи киники становились опасной политической силой, с которой так или иначе приходилось считаться властям. Нерон изгнал киника Исидора будто бы только за то, что он «громко крикнул ему при всех, что о бедствиях Навплия он поет хорошо, а со своими справляется плохо» (*Светоний. Нерон*, 39). Подверглись жестоким репрессиям киники Диоген и Герас, открыто нападавшие на брак императора Тита и Берепики (*Дион Кассий*, 66, 13—16). Киники активно участвовали в антиримских и антирабовладельческих движениях в провинциальных городах Греции, Малой Азии и Египта. Кинический проповедник Перегрин призывал греков поднять оружие против римлян (*Лукиан. О смерти Перегрин*, 19).

В первые века новой эры особой остроты социальная борьба достигла в Александрии, крупнейшем экономическом и культурном центре древнего мира. Здесь сплелись воедино антиримские, освободительные, сепаратистские, националистические (эллипофильские и иудейские) и римско-шовинистические интересы. Среди беспокойных низов Александрии киники занимали мятежную позицию, падая на власть имущих, на римских префектов, императоров и их приспешников. От этого беспокойного времени, свидетелем которого был Дион Хрисостом (XXII, 10), сохранились интереснейшие подлинные документы социальной борьбы, найденные среди египетских папирусов. Эти документы, относящиеся к I—III вв. н. э., получили условное название «Акты языческих мучеников Александрии». В речах александрийских «мучеников» перед лицом римских императоров дают себя знать кинический стереотип с его «парресией», безоглядной «вольностью речи», а также влияние кинических мотивов — противопоставление истинного «отца народа», «царя», и тирана, осуждение деспотизма, богатства, насилия, распутства, размышления о добродетелях правителя, о границах власти и т. п. «Акты...» — памятники нелегальной политической литературы, подстрекательские памфлеты, листовки, основанные на документальных, архивных данных. В них мы, может быть, впервые сталкиваемся с тенденциозной документальной прозой, получившей в наши дни столь широкое распространение.

Кинизм занял прочное место в сочинениях таких крупных писателей и мыслителей конца античности, как Дион

из Прусы, прозванный Хрисостомом, Эпиктет и Юлиан-Отступник.

Изгнание изменило весь строй жизни Диона (ок. 40—120 гг. н. э.), отпрыска богатой и знатной вифинской провинциальной фамилии, начавшего блестящую карьеру в центре огромной Римской империи. Изгнание по политическим мотивам длилось для него более 14 лет. Впервые он столкнулся с действительной жизнью, настоящими радостями и бедами, с толпами обездоленных. Он стал вместе с ними думать, мечтать, смотреть на мир их глазами. Во времена Диона не было иного философского учения, кроме кинизма, которое так отвечало бы ситуации и умонастроению изгнанника, познавшего горечь утрат и желавшего наставлять людей в истинных ценностях. Весь критицизм Диона, его ненависть к тирании и деспотической монархии, к угнетателям, к развращающему влиянию роскоши, «новой» культуры, зародившаяся любовь к людям труда продиктованы его близостью к народу и кинизму, к которому его толкнул личный опыт. Удивительно: как только кончились контакты Диона с низами, влияние кинической идеологии ослабевает, кинический революционаризм сменяется стоической либеральной фразеологией, не вступающей в конфликт с существующим строем. Антимонархические взгляды периода изгнания под ласковым воздействием императоров Нервы и Траяна сменяются лояльным монархизмом, который Дион старается улучшить своими просветительскими моралистическими проповедями (речи «О царской власти»). Кинизм был выстрадан Дионом, а поэтому у него никогда не пропал интерес к этому учению, даже на вершине успеха и славы.

Дион, обдумывавший почти все аспекты кинической философии, посвятил две специальные, программного характера речи двуединой проблеме рабства и свободы (речи XIV и XV). Обе дополняют друг друга. В первой из них вопрос рассматривается в чисто теоретическом плане и свобода определяется как познание того, что допустимо и не запрещено, а рабство — как незнание того, что можно и чего нельзя (XIV, 18). Во второй речи постановка вопроса о рабстве и свободе конкретная, политическая: как узнать, кто раб и кто свободный (XV, 2). Затем Дион делает экскурс не в мифологию, а в реальную историю рабства. Все способы порабощения человека человеком несправедливы — к такому

выводу приходит Дион (XV, 28). Во всей античной литературе нет, пожалуй, более фундаментального, всесторонне аргументированного выступления против рабства, так решительно порывающего с привычными классовыми и психологическими установками. Киническое происхождение этих идей не подлежит сомнению.

По киническому обыкновению Дион рассказывает мифы, имея в виду их подспудный, переносный смысл (V, 3). Именно так им истолковываются все мифы о Геракле, «святом» патроне киников. Другого кинического героя — Диогена — Дион сделал протагонистом четырех речей, получивших название «диогеновских»: «Диоген, или О тирании» (VI), «Диоген, или О добродетели» (VIII), «Диоген, или На Истмийских состязаниях» (IX) и «Диоген, или О слугах» (X). Диоген выступает в них как живое воплощение кинизма. Но если в этих речах сильнее звучит критическая часть, то в «Эвбейской» (XII) и «Борисфенитской» (XXXVI), этих наиболее совершенных произведениях Диона, излагается положительная программа, обрисовывается социально-правственный идеал, сложившиеся под влиянием кинической пропаганды. Кинизм видел исцеление от всех социальных бед в моральном воспитании, в этическом просвещении, в возвращении к непритязательности «естественной» жизни, близкой к природе, в отказе от ложной цивилизации с ее неравенством и погоней за наживой и удовольствиями. Художественным рупором этих идей и явились откровенно тенденциозные VII и XXXVI речи. Художественная практика и эстетические взгляды здесь дополняют друг друга. Повсюду: в поэзии, мифологии, в сказках, в баснях и т. п. — Дион ищет полезное для жизни, извлекает моральный урок (LIII, 11), а образы героев и их поступки воспринимает как символы идей, теоретических положений, как конкретные знаки более общих понятий.

Философскую позицию Диона трудно определить одним словом. Ясно одно: без кинизма ее не понять. Для мировоззрения Диона характерны колебания между двумя популярными учениями эпохи — кинизмом и стоицизмом. Эти метапиза отразили внутреннюю половинчатость, двойственность и сложность жизненного пути Диона. Подлинный кинизм заходил в своих социальных требованиях, пусть утопичных и наивных, значительно дальше, чем мог себе позволить этот философ. Вместе с тем в кинизме были объ-

ективно слабые положения, вытекающие из его анархического индивидуализма, к которым Дион критически относился, и белые пятна в теории (физика, теология). Этот вакуум заполнялся стоическими доктринами, которые, как он видел, разделяли лучшие и честнейшие умы его времени (Мусоний Руф, Сенека, Эпиктет и др.). Стоицизирующий киник — пожалуй, лучшее определение места Диона в философии. Однако в наиболее социально значимых и острых вопросах своего времени (рабство и свобода, труд и праздность, бедность и богатство и др.) Дион благодаря кинизму сумел преодолеть ограниченность и предрассудки своего класса и касты и пойти дальше стоической оппозиции.

Даже «националистическая» борьба Диона-романтика за возрождение эллинской культуры и старинных греческих добродетелей в условиях римского господства приобретала политическое значение, хотя и не призвала к неповиновению и не грозила государственным переворотом, так как он ни на минуту не сомневался в исторической необходимости монархии. Устные и письменные изобличения тирании и деспотизма имели только один конкретно-исторический адрес — Домициана, но не затрагивали принцип. Что же касается литературного творчества, то наиболее идейно ценные и художественно совершенные произведения Диона Хрисостома («диогиеновские», «Эвбейская» и «Борисфенитская» речи) возникли под влиянием его кинических увлечений.

Если о Дионе можно говорить как о стоицизирующем кинике, то о его современнике *Эпиктете* — с неменьшим основанием как о кинизирующем стоике. Правда, кинизм у Эпиктета утратил свою первоначальную революционную сущность и превратился в некую сублинацию стоицизма, необходимую философу, чтобы сформулировать свой ригористический нравственный идеал, более радикальный, чем в современном ему стоицизме, вообще игнорируемом Эпиктетом. Его не интересовали ни подлинный древний кинизм, ни исторический Диоген; свои представления о кинизме и Диогене он черпал из легенды. Если в кинизме можно заметить проявление бунтарской энергии угнетенных и гонимых, их жажду увидеть мир иным, более справедливым, то ведущими принципами бывшего раба Эпиктета стали рабская покорность, примирение с действительностью, удовлетворенность судьбой, государством и миром. Эпиктет и

себя не считал до конца свободным (IV, 1, 151), он только жил постоянной мечтой о свободе (недаром это слово в четырех книгах «Диатриб» встречается 130 раз) и увидел ее осуществление в неунывающем бродяге-киннике, для которого весь мир — дом.

Наиболее значительная часть теоретического наследия Эпиктета — «Беседы» («Diatribai») — следует традиции кинико-стоической диатрибы, у истоков которой стоял Бюон. Одна из них специально посвящена кинизму (III, 22). В ней на основе паправленного отбора нескольких типично кинических идей Эпиктет создает свою концепцию кинизма, идеальную киническую модель стоического «мудреца», истинно свободного, бесстрастного, стойкого, духовно богатого, глубоко верующего, подражая которому можно кратчайшим путем достичь добродетели и счастья. Эпиктет отмежевывается от вцепливых «скандалных» примет кинизма и с негодованием говорит о современных ему лжекинниках, этих «сторожевых псах, которые вертятся у столов в ожидании подачи» (III, 22; 80).

Этика Эпиктета сугубо стоическая, но под маской кинизма. В качестве образца для подражания у него выступают кинические герои — Сократ, упомянутый в «Диатрибах» по разным поводам 63 раза, Диоген — 24 раза, Геракл — 12 раз. В них воплотился идеал внутренней свободы, аскетизма, альтруизма и независимости от внешних условий. Под влиянием платоновского сократического диалога и собственных взглядов диатриба у Эпиктета посерьезпела, элемент «серьезно-смешного» стал играть в ней подчиненную роль. Победило желание убеждать, уговаривать, проповедовать, а не поражать и эпатировать. Эпиктет аккуратно «причесал» лохматого и крикливого кинического проповедника, надел на него «приличное» платье и нарисовал такими красками, что теперь его можно было принять за вполне благопристойного стоика. Правда, под воздействием кинизма и сам стоицизм Эпиктета несколько погрубел, опростился, стал более практичным.

Глубокий кризис III в. н. э. с его бесконечными гражданскими войнами, нашествием варваров, дворцовыми переворотами, восстаниями, волнениями лишил актуальности и деформировал философские искания, губительно сказался на литературе. Все захлестнула волна мистицизма и религии. Замирает почти вся культурная и духовная жизнь, и

лишь зарождение неоплатонизма (Плотин, Порфирий) свидетельствует о том, что античность еще не окончательно исчерпала свои творческие возможности. Распространение христианства и неоплатонизма заслоняет учения других школ, впитывавших новые веяния. Кинизм оттеснен на периферию культурной жизни, но еще живет в гуще народной. Лишь в IV в. при кратковременной реставрации языческого эллинизма и уходящей старины мы снова встречаемся с крупной исторической личностью, по-своему живо отзывавшейся на кинические идеи. Это был римский император Юлиан, прозванный Отступником (331—363).

Юлиан отличался удивительным для своего времени либерализмом и не пытался уничтожить своих идейных противников физически, он хотел их переубедить. Будучи неоплатоником, он не преследовал сторонников других направлений, но, напротив, старался их примирить, объединить и создать единый языческий философский и религиозный фронт против христианских фанатиков. Но среди старых философских школ он увидел одну, с которой готов был разделаться гораздо круче, чем с христианами (VII, 237c—d). Такой школой был кинизм, казавшийся ему более опасным, чем христианство, так как он хоть и не был заодно с последним, но представлял враждебную силу внутри языческого лагеря. К тому же у киников и ненавистных Юлиану христиан было немало точек соприкосновения (близость христианства и кинизма в IV в. знаменует собой такая фигура, как Максим Александрийский).

Киники, как и христиане, серьезно волновали Юлиана. Несмотря на свою крайнюю занятость, он находит время, чтобы посвятить кинизму две полемические речи, написанные в первую половину 362 г. Как показывают эти речи, Юлиан был хорошо знаком с киническим учением по первоисточникам. На первый взгляд отношение императора к кинизму двойственное, как и у Эпиктета: решительно отвергается современный кинизм и превозносится древний, «истинный» кинизм. Но для ненависти к современному кинизму у Юлиана было больше оснований, чем для любви к древнему. Дело в том, что восхищался он не исторически достоверным философским направлением, а своей собственной выдумкой — кинизмом в неоплатоническом варианте. Перелицованный кинизм был ему не только не страшен, но даже годился в союзники.

Что же за причины побудили толерантного Юлиана возненавидеть кинизм и написать «на одном дыхании» две речи: «Против невежественных киников» (VI) и «К кинику Гераклию...» (VII)?

Во-первых, у Юлиана, неоплатоника, и у киников была разная социальная база. Киники оставались оппозиционной существующему режиму силой, неоплатоники — охранительной, т. е. Юлиан выступает не просто против идейно чуждой ему философской школы, но против политической оппозиции. Во-вторых, киники с их деструктивными принципами надругались надо всем, чему поклонялся Юлиан, — над древней культурой, эллинизмом, олимпийскими богами, религией, оракулами, мистериями и т. п. В-третьих, кинические безбожники идентифицировались Юлианом с его заклятыми врагами — христианами (VI, 192d; VII, 224a). Речь шла о «христианских киниках», имевших успех в народных низах и вдвойне ненавистных Юлиану. В-четвертых, новые киники, по мнению Юлиана, дискредитировали уважаемых основателей кинизма и вообще всю философию, эллинизм и его славное прошлое (VII, 223d, 225a). В-пятых, Юлиан занимался собиранием всех сил язычества, стремясь противопоставить их христианству, а киники были чем-то вроде троянского копя, находившегося в языческом лагере. Были и более мелкие поводы: нападки на самого императора, теоретические расхождения в толковании сущности мифологии и др.

Речь «Против невежественных киников» дает представление о взглядах Юлиана на новый и древний кинизм, а также на философию в целом. Выступая против какого-то киника из Египта, он претендует на защиту «истинного кинизма», который рассматривается как серьезная философская доктрина (VI, 182c). Юлиан призывает изучать философию киников, не ограничиваясь их экстравагантными выходками и шутками. Зачинателем всякой философии, и кинизма в том числе, нужно считать, по мнению Юлиана, Аполлона Пифийского. Эту мысль высказал еще «блаженный Ямвлих» (188b). Кинизм, таким образом, приобретает теософский характер, а киники становятся служителями бога. Апостолами такой философии выступают Антисфен, Диоген и Кратет. Платона Юлиан делает сотрудником киников (188c, 189d), а Диогена — «самым преданным слугой и помощником пифийца» (192d).

В речи «Против невежественных киников» неоплатоническая версия кинизма дает бой христианизирующему кинизму. В основном же она посвящена защите, изложению и пропаганде кинического учения в юлиановской интерпретации. Для этого служит, в частности, аллегорическое толкование поступков Диогена (182b). Если в названной речи дается общая картина кинизма, то в речи «К кинику Гераклию. О том, как должен жить киник и пристало ли ему сочинять мифы» им исследуется более частный вопрос, связанный с концепцией мифотворчества императора-неоплатоника. Поводом для речи послужило выступление киника Гераклия с сочиненным им мифом, где Юлиан издевательски выведен под маской Пана, а сам автор — в образе Зевса (VII, 234c, 208b). В мифе были затронуты также Гелиос и Фаэтон, особенно чтимые императором-язычником.

Юлиан различает два рода кинизма: истинный, олицетворяемый Диогеном и Кратетом (211b), и лжекинизм, представленный Гераклием и начатый Эномаем. Чтобы окончательно заклеить киников, Юлиан сближает их с ненавистными ему христианами (224a—c). Киники напоминают ему бродячих нищенствующих монахов, но они еще зловреднее, так как появляются в толпе, чтобы надругаться над законами и обычаями (210c). Поэтому их следует сбрасывать в пропасть и закидывать камнями (209b—210a, b). Но главная тема седьмой речи — юлиановское понимание мифа, его происхождения, мифотворчества, отношения мифологии к поэзии и философии. В заключение свою концепцию мифологии он подкрепляет «образцовым» мифом собственного сочинения.

Каким же должен быть настоящий миф, кто должен его сочинять и каково его отношение к философии? Юлиан решает эти вопросы, исходя из своего неоплатонизма. Мифография относится к практической части философии, занимающейся отдельным человеком (этика), а также к посвяительной и мистической части теологии (216b, c). Юлиан призывает Гераклия придавать своим сочинениям «антисфеновский характер», иначе говоря, создавать мифы в духе «Геракла», «Одиссея», «Протея», «Кирки», «Амфиарая» и других творений Антисфена с аллегорическим содержанием. Истинный миф должен быть благочестивым, сакральным и не оскорблять ни богов, ни людей. То, что насочинял Гераклий, никак нельзя считать мифом (226d). В своем «об-

разцовом» мифе император в форме прозрачной аллегии рассказывает о себе, о доме Константина, о своей «божественной» миссии, о почитании богов и конечной готовности выполнить их волю, чтобы в итоге удостоиться созерцания отца богов. Этот пропагандистский миф должен был оправдать все, что сделал и собирался сделать Юлиан как глава государства и религиозный реформатор.

VI и VII речи Юлиана представляют непосредственный отклик на киническую философию. Но влияние кинизма, его литературной, сатирической и диатрибической традиции сказалось также на одном из лучших произведений императора — «Пир, или Кронии» («Цезари»). В нем отчетливо прослеживается воздействие фантастических сатир Мениппа и Лукиана, двух самых блестящих представителей кинической музыки. Вообще Юлиан воспринял у киников немало чисто литературных черт: стилистическую пестроту, смешение грубых шуток с приподнятым философствованием, вульгарную фразеологию рядом с молитвенными призывами к богам, издевательски вежливые обращения к противнику, грубые сравнения, риторические вопросы, многочисленные поэтические цитаты, поговорки, крылатые слова, афоризмы и пр.

Речи «Против невежественных кипиков» и «К кинику Гераклию...» нельзя назвать антикиническими, субъективно они написаны с апологетической целью — защитить «истинный», т. е. «юлиановский», кинизм. Но Юлиан кинизма не понял, для него он представлял, с одной стороны, общечеловеческое учение, почти тождественное с неоплатонизмом, с другой — ненавистное движение пищих крикунов-попрошак, которых он не отличал от не менее ненавистных ему христиан («галилеян»). Юлиан — последнее весомое свидетельство эволюции и живучести кинизма, предсмертного взлета популярной греческой философии.

Испытал киническое влияние и известный придворный ритор, поклонник Платона *Фемистий* (317—390). В сохранившейся лишь в сирийской обработке его речи-диатрибе «О добродетели», опубликованной впервые в переводе на немецкий язык И. Гильдемейстером и Ф. Бюхелером (1872), киническая тенденция выступает удивительно наглядно — от восхваления добродетели, обычного в кинических источниках, до избитых диатрибических приемов. Антисфен, Диоген и Кратет — вот на кого должны равняться люди.

В начале V в. Августин Аврелий сообщает, что вымерли все философские школы древней Греции, и можно увидеть только киников, перипатетиков и платоников (Против академиков, III, 19, 42). В 529 г. император Юстиниан специальным эдиктом «официально» закрыл Академию и все остальные философские школы в Афинах, а перед этим, в первые годы VI в., мы еще встречаем там кинического аскета родом из Сирии Саллюстия, который смело критиковал современные порядки и нападал на христианство, но сам не смог избежать влияния мистицизма. О нем мы узнаем из «Жизнеописания Исидора» (89, 92, 250), составленного последним главой Академии Дамаскием.

Появившись на свет как один из первых симптомов внутреннего кризиса рабовладельческого общества, кинизм просуществовал удивительно долго, сохраняя на протяжении тысячелетия неизменным ядро народного критицизма и здравомыслия, настороженность ко всему, что исходило от инициативы господствующего класса. Кинические идеи, чего бы они ни касались, непримиримо сталкивались с «общепринятыми» взглядами. Требуется немало воображения, чтобы представить, какое сопротивление общественного мнения и инерции вековых предрассудков приходилось преодолевать киникам, когда они, взрывая стереотипы, предприняли фронтальную «перечеканку ценностей», всеобщую ревизию. Недаром Диоген признавался, что всю жизнь шел против течения (*Диог. Лаэрт.*, VI, 64). В кинизме выплеснулось тотальное неприятие мира рабства, желание рабов «опрокинуть» все ценности старого мира.

Протестуя против лично задевавшей их диктатуры рабовладельцев, киники ополчались против идеи государственности как таковой; ненавидя стяжателей, корыстолюбцев, бездельников, прожигателей жизни, богачей, упоенных своей властью над миром людей и вещей, они призывали к аскетизму как социальной панацее. Киников в этом обществе бесчисленных запретов и ограничений отличало мятежное инакомыслие, несогласие с признанным авторитетом законов и обычаев. Кинизм выдвигал новые ценности, а с ними — новые мифы и иллюзии, среди которых не последнюю роль играло убеждение, что все сложные социальные и психологические функции индивида можно свести к элементарным актам человеческого существования. Переоценка ценностей велась киниками с позиций социальных

низов, которых сама жизнь заставляла больше отрицать, чем утверждать.

Однако в своем отрицании и протесте, какие бы причудливые формы они ни принимали, античный кинизм не выродился в цинизм, хотя его агрессивно-эпатирующий вызов обывательской благопристойности, шокирующие выпады против привычных норм поведения дали соблазнительный толчок для дальнейших деформаций. Всякий цинизм внутренне пуст, лишен любых идеалов и иллюзий, аморален в преследовании своекорыстных целей и связан с обанкротившейся идеологией исторически обреченного господствующего класса. Все, пусть несбыточные и в чем-то странные, но по-своему позитивные, социальные проекты киников несли на себе ясные знаки демократического происхождения, что выражалось в прославлении свободы, труда и трудолюбия, честной бедности, справедливости и человеколюбия, равенства всех людей, независимо от положения и национальной принадлежности, в стремлении жить в гармонии с природой, в вере в духовную силу человека и его волю, в отталкивании от любой формы подавления личности.

В предлагаемой ниже антологии впервые собрано и переведено на русский язык почти все, что осталось от деятельности киников или имеет к ней касательство. Источники эти разнообразны, специфичны и нелегки для истолкования. Много в кинизме из-за характера и состояния источников на первый взгляд кажется туманным, проблематичным и противоречивым. Задача исследователя — за анекдотическим и апокрифическим увидеть закономерное и исторически достоверное. За исключением двух ранних декламаций Антисфена, подлинных сочинений древних киников, которых было немалое количество, в целостном виде не сохранилось. Творчество Антисфена, Диогена, Кратета и большинства других кинических философов представлено исключительно фрагментами. Из современных свидетельств о старших киниках наиболее важны отдельные пассажи из «Меморабилей» и «Пира» Ксенофонта, где предоставлено слово и Антисфену, к которому автор питал явные симпатии. Немногочисленны, но очень важны для знакомства с теорией кинизма некоторые места в сочинениях Аристотеля, в частности в «Метафизике». В диалогах Платона со-

держатся многочисленные намеки и анонимная полемика с Антисфеном, имя которого прямо упоминается лишь однажды в «Федоне».

Все основные доксографические материалы относятся к поздней античности. Главнейшим источником является шестая книга «Жизнеописаний и мнений знаменитых философов» Диогена Лаэртского (нач. III в. н. э.), где автор собрал множество иногда противоречивых анекдотов и апофтегм о древних и эллинистических киниках (особенно о Диогене), исходящих из разных сфер, в том числе и враждебных киникам. Диоген Лаэртский использовал и более ранние источники, на которые он ссылается (Фаворин, Диокл, Деметрий из Магнесии, Аполлодор и др.). Из других поздних авторов немало полезных сведений сообщают Афиной (III в. н. э.) и Иоанн Стобей (V в. н. э.). Цепные, хотя и отрывочные данные имеются в знаменитом византийском лексиконе «Суда» (X в.).

Особую категорию источников представляют сочинения кинизирующих авторов I—II вв. н. э. — Диона Хрисостома, Эпиктета, Лукиана, где на древние взгляды наслаиваются собственные воззрения авторов, увлеченных кинизмом. То же можно сказать о фиктивных письмах сократиков и киников, относящихся приблизительно к тому же периоду. Известное значение имеют отдельные упоминания о киниках у Цицерона, Горация, Страбона, Марциала, Петрония, Сенеки, Плутарха и др. Для изучения позднего кинизма важны отрывки писем и диатриб, обнаруженных на папирусах из Египта (Берлинский папирус II—I вв. до н. э., Женевский папирус II в. н. э. и др.). Для характеристики заключительных этапов развития кинизма как источник и отклик представляют интерес VI и VII речи императора Юлиана¹⁰.

И. М. Нахов

¹⁰ Более подробно о кинизме см.: *Нахов И. М. Философия киников*. М.: Наука, 1982; *Он же. Кипическая литература*. М.: Наука, 1984.

Диоген Лаэртский

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ И МНЕНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ

КНИГА VI

АНТИСФЕН

¹ Антисфен, сын Антисфена, был афинянин, но, как говорили, незаконнорожденный. С этим связан его ответ на чью-то насмешку: «И мать богов — фригийка»¹. Должно быть, его мать была родом из Фракии. После того как он отличился в битве при Танагре², Сократ заметил, что Антисфен никогда не показал бы себя таким храбрецом, если бы оба его родителя были афиняне. И сам Антисфен с презрением говорил об афинянах, кичившихся своим происхождением, что они ничуть не благороднее улиток или кузнечиков.

Сначала он был учеником ратора Горгия. Отсюда риторическая окраска его диалогов, особенно ощущаемая в «Истине» и в «Протрептиках». ² Гермипп сообщает, что Антисфен собирался выступить во время Истмийских игр как с поношением, так и с похвалой гражданам Афин, Фив и Лакедемона, но потом раздумал, увидев множество людей, прибывших из этих городов.

Позднее он примкнул к кружку Сократа и так много почерпнул там, что стал уговаривать своих собственных учеников перейти вместе с ним в обучение к Сократу. Живя в Пирее, Антисфен каждый день проделывал 40 стадиев³, чтобы только послушать Сократа. От него он научился воздержанности и, восхищаясь его презрением к страстям, стал родоначальником кинизма. Он доказывал, что труд — благо, приводя в пример великого Геракла и Кира, одного — из эллинов, другого — из варваров.

³ Он первым дал определение: «Понятие есть то, что выражает, чем предмет был или что он есть». Он ча-

сто говаривал: «Лучше помешаться, чем наслаждаться», а также: «Следует сходиться только с такими женщинами, которые будут вам за это признательны». Одному юноше с Понта, который хотел у него учиться и спросил, что для этого нужно, он ответил: «Новая книжка, новый грифель, новая табличка, да ума кусок», игрой слов подчеркивая значение ума⁴. На вопрос, кого следует брать в жены, сказал: «Та, что всеобщий имеет успех, жена для всех, а та, что без внимания, сплошное наказание»⁵. Услышав однажды, что Платон поносит его, заметил: «Так бывает и с царями: они делают добро, а все их бранят».

⁴ Однажды его посвящали в тайнства орфиков, и жрец сказал, что посвященных в Аиде ожидают всякие блага, на что Антисфен возразил: «Почему же ты не умираешь?» Когда его попрекали тем, что не оба его родителя свободнорожденные, он сказал: «Но они также и не борцы, а вот я — борец». Спрошенный, почему у него так мало учеников, ответил: «Потому, что я гоплю их от себя серебряной палкой»⁶. На вопрос, почему он так жесток с учениками, ответил: «И врачи бывают жестоки с больными». Увидев однажды прелюбодея, спасавшегося бегством, он крикнул ему: «Несчастный! Какой опасности ты мог бы избежать всего за один обол!» Как рассказывает Гекатон в «Хриях», Антисфен говорил: «Лучше достаться воронам, чем попасть к лъстецам. Те пожирают мертвых, а эти — живых»⁷.

⁵ На вопрос, о чем человек должен мечтать, он ответил: «О том, чтобы умереть счастливым». Как-то один из знакомых пожаловался ему, что потерял свои ценные записи. На это он заметил: «Нужно было записывать не на табличке, а в сердце». Он нередко говорил: «Как ржавчина съедает железо, так завистников — их собственный нрав». «Тот, кто хочет быть бессмертным, — говорил он, — должен вести благочестивую и праведную жизнь». Он говорил: «Государства погибают тогда, когда перестают отличать дурных от хороших». Когда его однажды хвалили дурные люди, он заметил: «Боюсь, не сделал ли я чего-нибудь дурного».

⁶ Он говорил, что совместная жизнь братьев-едино-

мышлелников прочнее всяких степ. Нужно, учил он, брать с собой в дорогу столько припасов, чтобы они уцелели даже при кораблекрушении. Когда однажды его упрекнули в том, что он якшается с дурными людьми, он ответил: «И врачи вступают в контакт с больными, но не заражаются». «Не чудно ли,— говорил он,— очищать зерна от плевел, не допускать к бою людей непригодных и в то же время мириться с мошенниками на государственной службе?» Когда его спросили, что дает ему философия, он ответил: «Умение оставаться наедине с собой». Во время пирушки кто-то предложил ему: «Спой!» — «А ты сыграй мне на флейте»,— ответил Антисфен. Когда Диоген попросил у него хитон, он предложил ему взамен сложить вдвое свой собственный гиматий. Спрошенный, какая из наук самая важная, он ответил: «Та, которая учит отучаться от зла». Тем, кому приходилось слышать о себе клевету, он советовал переносить ее мужественнее, чем удары камнями.

Он смеялся над Платоном как над человеком, целиком зависимым от мирской суеты. Во время пышного шествия увидев храпящего коня, он сказал Платону: «И ты напоминаешь мне такого горделивого жеребца». Эта насмешка связана с тем, что Платон постоянно хвалил лошадей. Однажды Антисфен навестил больного Платона и, увидев таз, куда того стошнило, спросил: «Желчь я вижу, а где же твоя спесивость?» Он советовал афинянам принять специальное постановление и считать ослов конями. Те сочли это нелепым, но, возразил он, ведь у вас можно стать и стратегом, ничему не учась; достаточно только для этого большинству поднять руки. Кто-то сказал: «Тебя многие хвалят». — «Что же я такого натворил?» — забеспокоился Антисфен. Увидев, что тот так вывернул свой плащ, что стали видны дыры, Сократ заметил: «Через дыры твоего плаща просвечивает тщеславие». Как рассказывает Фаний в сочинении «О сократиках», Антисфен на вопрос, как стать совершенным, ответил: «Научившись у людей знающих избегать пороков, сидящих в тебе». Когда кто-то хвалил роскошь, он вознегодовал: «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!»

⁹ К юноше, старавшемуся принять перед скульптором позу покрасивее, он обратился со словами: «Скажи-ка мне, если бы бронза вдруг обрела голос, чем бы она, по твоему мнению, стала кичиться?» — «Своей красотой», — последовал ответ. «Тогда не стыдно ли тебе чваниться тем же, чем и неодоушевленный материал?» Юноша с Понта обещал обогатить Антисфена, когда придет его корабль с соленой рыбой. Философ захватил пустой мешок и попросил юношу пойти вместе с ним к торговке хлебом. Там он набил мешок и пошел прочь. Когда же она потребовала плату, тот сказал: «Вот этот молодой человек тебе заплатит, когда придет его корабль с соленой рыбой». Кажется, он был причастен к изгнанию Анита и к казни Мелета. ¹⁰ Встретившись с юношами, прибывшими с Понта после того, как они наслышались о славе Сократа, Антисфен отвел их к Аниту, сказав в насмешку, что этот человек мудрее Сократа. Как говорят, это вызвало такое негодование среди окружавших Сократа, что они настояли на изгнании Анита. Когда он где-нибудь видел роскошно одетую женщину, то отправлялся к ней домой и просил ее мужа вывести коня и показать оружие. Если у него найдется и то, и другое, то пусть ее наряжается, так как этого ему достаточно для защиты. Если же у него ничего такого нет, то пусть заставит ее отказаться от украшений и нарядов.

Вот основные положения его философии. Он доказывал, что добродетели можно научиться; что благо-
¹¹ родство и добродетельность одно и то же. Для счастья достаточно одной добродетели, а она нуждается лишь в Сократовой силе. Добродетель же состоит в делах и не нуждается ни в многословии, ни в науках. Мудрец сам себе довлеет, ибо все, что принадлежит другим, принадлежит и ему. Безвестность, как и труд, — благо. Мудрец живет не по законам государства, а по законам добродетели. Жениться следует для воспроизведения рода, сходясь для этого с самыми прекрасными женщинами. И любви не должен чуждаться мудрец, ибо только он знает, кто достоин ее.

¹² Диокл приписывает ему также следующие мысли. Для мудреца нет ничего чуждого или невыполнимого.

Добродетельный человек достоин любви. Все достойные люди — друзья. Своими союзниками следует делать людей мужественных и справедливых. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять. Лучше с немногими добродетельными сражаться против всех дурных, чем со многими дурными против немногих честных. Считайся с врагами: они первыми замечают твои ошибки. Пуще родича своего почитай человека справедливого. У мужчин и женщин добродетель одна и та же. Добро прекрасно, зло безобразно. Все дурное считай чуждым себе.

¹³ Разум — самое прочное из укреплений, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать. Его стены нужно возводить из наших собственных неопровержимых доводов. Свои беседы Антисфен вел в Киносарге⁸ — гимназии, расположенном недалеко от городских ворот, поэтому, как полагают некоторые, отсюда и произошло название кипической школы. Сам Антисфен получил прозвище Дворняга. Согласно Диоклу, он первым стал складывать вдвое свой трибон⁹ и пользоваться только им во всех случаях жизни. Он стал также ходить с посохом и котомкой. Неанф утверждает, что он первым стал складывать вдвое и свой гиматий, а Сосикрат в третьей книге «Преемств» говорит, что это первым стал делать Диодор из Аспенда, отпустивший себе также бороду и ходивший с котомкой и посохом.

¹⁴ Из всех сократиков только Антисфен удостоивается похвалы Феопомпа, который подчеркивает его одаренность и способность логикой своей речи захватить любого. Об этом же свидетельствуют как его сочинения, так и «Пир» Ксенофонта. Пожалуй, Антисфен может также считаться основателем наиболее строгого течения в стоицизме, о котором эпиграмматик Афиней говорит следующее:

Вот ведь о чем говорит мудрость священных страниц:
Лишь добродетель — духовное благо, важнейшее в мире,
О знатоки учения Стои! О школа мудрейших!

Ибо одна лишь она город спасет и людей.

Прочие ж люди считают за счастье потворствовать плоти.

Муза есть и у них, имя ее — Эратó.

- ¹⁵ Антисфен дал также толчок бесстрастию Диогена, выдержке Кратета и суровости Зенона, заложив основы их учений о государстве. Ксенофонт называет его приятнейшим из собеседников, а в остальном очень сдержанным.

Как сообщают, сочинения Антисфена составляли десять томов.

В первом томе находились следующие произведения:

- «О словесном выражении, или О стилях речи».
- «Аякс, или Речь Аякса».
- «Одиссей, или Об Одиссее».
- «Апология Ореста, или О составителях судебных речей».
- «Исография, или Лисий и Исократ».
- «Ответ на речь Исократа „Без свидетелей“».

- ¹⁶ Во втором томе:

- «О природе животных».
- «О рождении детей, или О любви в браке».
- «О софистах. Физиогномический очерк».
- «О справедливости и о мужестве. Увещательная речь (protreptik) в трех частях».
- «„О Феогниде“». Составляет четвертую и пятую части предыдущего сочинения».

В третьем томе:

- «О добре».
- «О мужестве».
- «О законе, или О государственном устройстве».
- «О законе, или О прекрасном и справедливом».
- «О свободе и рабстве».
- «О вере».
- «Об управлении, или О повиновении».
- «О победе, или Домострой».

В четвертом томе:

- «Кир».
- «Геракл Большой, или О силе».

В пятом томе:

- «Кир, или О царской власти».
- «Аспасия».

В шестом томе:

- «Истина».

- «Об искусстве вести спор».
«Сатон, или О противоречиях. В трех книгах».
«О разговоре».
- 17 В седьмом томе:
«О воспитании, или О существительных. В пяти книгах».
«О вопросах и ответах».
«О мнении и знании. В четырех книгах».
«Мнения. Poleмическое сочинение».
«Вопросы обучения».
- В восьмом томе:
«О музыке».
«О комментаторах».
«О Гомере».
«О несправедливости и безбожии».
«О Калхасе».
«О наблюдателе».
«О наслаждении».
- В девятом томе:
«Об Одиссее».
«О посохе».
«Афина, или О Телемахе».
«О Елене и Пенелопе».
«О Протее».
«Киклоп, или Об Одиссее».
- 18 «Об употреблении вина, или Об опьянении, или О Киклопе».
«О Кирке».
«Об Амфиарае».
«Об Одиссее, Пенелопе и собаке».
- В десятом томе:
«Геракл, или Мидас».
«Геракл, или О разуме или силе».
«Кир, или Возлюбленный».
«Кир, или Наблюдатели».
«Менексен, или О власти».
«Алкивиад».
«Архелай, или О царстве».

Таковы сочинения Антисфена.

Тимон упрекает его за такое обилие сочинений и называет «плодовитым пустобрехом». Умер Анти-

сфен от болезни. Однажды Диоген зашел к нему и спросил, не нуждается ли он в помощи друга. В другой раз он пришел с кинжалом. Когда Антисфен простонал: «Кто избавит меня от мучений!?» — Диоген указал на кинжал и сказал: «Вот он». Антисфен возразил: ¹⁹ «Я сказал — от мучений, а не от жизни». Должно быть, философ не очень мужественно переносил болезнь, сильно любя жизнь. Вот мои стихи о нем:

Жил ты как пес, Антисфен, обычай такой соблюдая:

Речью людские сердца рвать ты на части умел.

Злою чахоткой в могилу сведен. — Ну, что тут рыдать нам?!
Ведь по дороге в Анд нужен нам всем проводник.

Было еще три человека по имени Антисфен: один из них — последователь Гераклита, другой — родом из Эфеса, третий — какой-то родосец, историк.

Как раньше мы перечислили учеников Аристиппа и Федона, так теперь расскажем о киниках и стоиках, вышедших из школы Антисфена, в следующем порядке.

ДИОГЕН

²⁰ Диоген, родом из Синопы, был сыном менялы Гиксия. По сообщению Диокла, он бежал из родного города, так как его отец, будучи казенным менялой, подделывал монеты. Эвбулид же в своей книге о Диогене утверждает, что и Диоген занимался тем же и покинул родину вместе с отцом. Как бы то ни было, но и сам Диоген в сочинении «Леопард» признается в том, что перчеканивал монеты. Другие же говорят, что, назначенный казначеем, он, поддавшись уговорам подчиненных ему работников, направился в Дельфы или на Делос, родину Аполлона, чтобы спросить у оракула, следует ли ему сделать то, в чем его убеждают. Бог разрешил ему изменить государственный строй (*politicon nomisma*), а он его неправильно понял и стал подделывать деньги (*nomisma*), но, как говорят, был уличен и изгнан. По другим источникам, он сам бежал, ²¹ испугавшись наказания. Сообщают также, что он подделывал монеты, которые давал ему отец, умерший впоследствии в тюрьме, а сам он бежал и прибыл в Дельфы, где спросил оракула, что ему сделать, чтобы

заслужить славу, а не о том, подделывать ему деньги или нет. Именно тогда он и получил указанный выше оракул.

Но прибытии в Афины он познакомился там с Антисфеном. Тот его оттолкнул, так как вообще никого к себе не допускал, но Диоген упорством все же добился своего. Однажды Антисфен замахнулся на него палкой, но Диоген только наклонил голову и сказал: «Бей. Но у тебя не найдется такой дубины, чтобы прогнать меня, пока у тебя будет, что сказать». С этого времени он стал его учеником и, будучи изгнанником, вел весьма скромную жизнь.

- ²² Как рассказывает Теофраст в диалоге «Мегарик», Диоген, наблюдая пробежавшую мышь, которая не заботилась о постели, не боялась темноты, не искала так называемых лакомств, нашел выход из своего собственного положения. Он первым, как утверждают некоторые, стал складывать вдвое свой плащ, вынужденный спать на нем; он раздобыл себе котомку, куда складывал пищу, и где угодно мог завтракать, спать, беседовать. Это афиняне, говорил он, позаботились, чтобы ему было где жить, и показывал на портик Зевса и на Помпейон. Он стал пользоваться посохом только после болезни, но вскоре всегда начал ходить с ним, но не в городе. Как сообщают афинский простат Афинодор, ритор Полиевкт и сын Эсхриона Лисаний, в дорогу он брал с собой и посох, и суму. Когда Диоген в письме попросил знакомого найти ему небольшой домик, а тот запоздал с ответом, он устроил себе жилище в большой бочке ¹⁰ в Метрооне. Об этом он и сам говорит в одном из своих писем. Летом он катался в горячем песке, а зимой обнимал статуи, засыпанные снегом, пользуясь любым случаем для закалки.

- ²⁴ К своим современникам он относился с большим высокомерием. Школу Евклида, например, называл школой Желчида, Платоновы беседы — пустым бредом ¹¹, состязания на Дионисиях ¹² — большими иллюзионными представлениями для дураков, демагогов — прислужниками черни. Он говорил также, что когда в жизни встречается кормчих, врачей и философов, то думает, что среди живых существ нет никого умнее человека. Но, видя толкователей снов, прорицателей и

тех, кто им верит, или людей, надутых от сознания своей славы или богатства, считает, что нет никого глупее человека. Он часто говаривал, что для жизни надо запастись разумом или веревкой на шею.

25 Однажды на пышном пиру, заметив, что Платон ест простые оливки, Диоген воскликнул: «Как же так получается? Знаменитый философ предпринимал путешествие на Сицилию специально ради изысканных яств, а теперь отказывается от того, что лежит перед носом?!» На что Платон отвечал: «Но, клянусь богами, Диоген, я и там по большей части питался оливками и тому подобным». — «Тогда зачем нужно было плыть в Сиракузы? Разве в то время в Аттике был неурожай на оливки?» — возразил Диоген. Фаворин в «Пестрых рассказах» приписывает этот ответ Аристиппу. Как-то в другой раз он ел сушеные фиги и повстречал Платона. «Можешь взять», — предложил он ему. Тот взял и съел. «Можешь взять, сказал я, а не съешь», — рассердился Диоген.

26 Однажды Платон пригласил в гости друзей, прибывших от Дионисия. Пришел и Диоген и стал топтать ковры хозяина со словами: «Попираю тщеславие Платона». На что Платон заметил: «Какое же тебя самого распирает тщеславие, хотя ты и делаешь вид, будто вовсе не тщеславен». По другим сведениям, Диоген сказал: «Попираю гордыню Платона». — «Другой гордыней», — ответил Платон. Сотион в четвертой книге своего сочинения утверждает, что киник сказал: так я попираю самого Платона. Однажды Диоген попросил у Платона вина, а затем и сушеных фиг. Философ прислал ему целый жбан, а Диоген сказал: «Когда тебя спрашивают, сколько будет дважды два, ты отвечаешь — двадцать?» Твой ответ также не соответствует вопросу, как и подарок — просьбе». Так он посмеялся над ним как над болтуном.

27 Когда спросили, где в Греции он видел добродетельных мужей, он ответил: «Мужей — нигде, детей — в Лакедемонне». Однажды он рассуждал о чем-то весьма серьезном, но никто не обращал на него внимания. Тогда он начал верещать по-птичьи. Собрались люди. Диоген стал стыдить их, что они поспешили слушать чепуху, а к серьезным речам отнеслись пренебрежи-

тельно. Он говорил, что люди состязаются в рытье канав и подножках, а в добродетели — никто. Он удивлялся грамматикам, которые выискивают грехи у Одиссея, а своих собственных не видят; музыканты же умеют настраивать струны на лире, а собственный ²⁸ прав настроить никак не могут. Астрономы наблюдают за солнцем и луной, а то, что под ногами, не замечают. Риторы охотно говорят о справедливости, но поступки их никогда ей не соответствуют. Скупцы поносят деньги, а сами любят их больше всего на свете. Он презирал тех, кто восхищается честными людьми за то, что они выше денег, а сами завидуют богачам. Его возмущало, что люди приносят жертвы богам ради своего здоровья, а сами во время жертвоприношений обжираются, нанося вред здоровью. Он удивлялся, как это рабы, видя обжорство господ, не расхищают их пищу.

²⁹ Он хвалил тех, кто затевал жениться и не женился, кто хотел отправиться в путешествие и не отправлялся, кто собирался посвятить себя государственной жизни и не посвящал, кто намеревался воспитывать детей и не делал этого, а также тех, кто был готов пойти в услужение к вельможам, но избегал даже общения с ними. Он говорил, что к друзьям нужно идти с раскрытыми руками, а не сжимать их в кулак. Менипп в «Продаже Диогена» рассказывает, что, когда философа взяли в плен и выставили на продажу и кто-то спросил, что он умеет делать, тот ответил: «Править людьми», — и обратился к глашатаю с просьбой, чтобы он объявил, не хочет ли кто-нибудь купить себе господина. Когда ему запретили садиться, он сказал: ³⁰ «Не имеет значения. Как бы рыба ни лежала, ее все равно купят». По его словам, он удивлялся тому, что, покупая кувшин или таз, мы их тщательно проверяем, а при покупке человека довольствуемся лишь беглым осмотром. Купившему его Ксениаду он говорил, что тот должен ему повиноваться, хотя он и раб. Ведь если кормчий или врач — рабы, их все равно слушаются. Эвбул в сочинении «Продажа Диогена» рассказывает, что философ, воспитывая сыновей Ксениада, среди прочих наук учил их перховой езде, стрельбе из лука, умению обращаться с пращей, иску-

ству метания копья. Когда они занимались на палестре, он не позволял тренеру делать из них атлетов, а заботился лишь о том, чтобы лица юношей покрывал румянец и были крепкими их тела.

³¹ Мальчики также учили наизусть много отрывков из поэтов и писателей, в том числе и из сочинений самого Диогена, причем весь учебный материал для скорейшего усвоения он излагал кратко. Он учил их дома самим себя обслуживать, есть простую пищу и пить воду, носить короткую стрижку, обходиться без украшений, не надевать ни хитонов, ни обуви и ходить по улицам молча, потупив взор. Он устраивал для них и псовую охоту. Они же, со своей стороны, проявляли заботу о Диогене и выступали его защитниками перед родителями. Тот же Эвбул сообщает, что Диоген состарился в доме Ксениада, там умер и был похоронен его сыновьями. Когда Ксениад спросил Диогена, как его похоронить, тот ответил: «Вниз лицом».

³² На вопрос «зачем?» он ответил: «Ведь скоро все, что было внизу, окажется наверху». Эти слова были связаны с тем, что македоняне к этому времени уже захватили власть и из подчиненных стали властителями. Однажды какой-то человек привел его в богатый дом и запретил плевать, тогда он сначала отхаркнулся, а потом плюнул ему в лицо, прибавив, что более грязного места не нашел. Другие приписывают эти слова Аристиппу. Как-то раз он закричал: «Эй, вы, люди!» Сбежался народ. Он набросился на них с палкой со словами: «Я звал людей, а не дерьмо». Об этом рассказывается у Гекатона в первой книге «Хрий». Передают, что Александр однажды сказал: «Если бы я не был Александром, то хотел бы быть Диогеном».

³³ Калеками он считал не тех, кто глух и слеп, а тех, у кого нет котомки¹³. Однажды, рассказывает Метрокл в «Хриях», Диоген пришел к юношам на пир с наполовину остриженной головой, за что был побит. Тогда он написал на белой табличке имена своих обидчиков, повесил ее себе на шею и так стал ходить по городу, пока все не начали над ним издеваться, презирать их и бранить. Он говорил о себе, что он одна из тех собак, которую все хвалят, но ни один из хвалителей

не решится взять с собой на охоту. Когда кто-то расхвастался: «На Пифийских играх я побеждаю мужей», Диоген ему возразил: «Это я побеждаю мужей, а ты — рабов»¹⁴.

- ³⁴ Тем, кто говорил ему: «Ты уже старик, отдохни, наконец», он отвечал: «Как же так? Если бы я бежал на состязаниях и был бы уже близок к финишу, разве мне следовало расслабиться, а не напрячь все силы?» Однажды, когда его позвали на пир, он отказался, ссылаясь на то, что раньше, когда принял приглашение, никто его за это не поблагодарил. Он ходил босиком по снегу и делал еще многое, о чем было сказано выше. Он пробовал есть сырое мясо, но не мог его переварить. Однажды он застал оратора Демосфена завтракающим в трактире. Тот скрылся во внутреннее помещение трактира, на что Диоген заметил: «Так ты еще больше окажешься в харчевне». Когда какие-то иностранцы хотели повидать Демосфена, Диоген выставил средний палец¹⁵ и сказал:
- ³⁵ «Вот вам афинский демагог». Кто-то обронил кусок хлеба и постеснялся его поднять. Тогда Диоген, желая преподать ему урок, привязал к горлу кувшина веревку и поволок его так через весь Керамик¹⁶.

Он говорил, что подражает хормейстерам, которые дают хористам более высокую ноту с тем, чтобы те придерживались нужного тона. Большинство людей, говорил он, отделяет от безумия лишь один только палец; ведь если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на все средним пальцем, то подумают, что он сошел с ума, а если — указательным, то нет. Он говорил далее, что ценные вещи продаются за бесценок и наоборот. Так, например, статуя стоит три тысячи драхм, а хеник муки — два медяка.

- ³⁶ Купившему его Ксениаду Диоген сказал: «Ну, теперь исполняй приказания!» Когда же тот воскликнул:

Вспять потекли источники рек!¹⁷

— ответил: «Если бы ты заболел и купил себе врача, разве ты не подчинялся бы ему, а лишь декламировал: „Вспять потекли источники рек“?» Один человек хотел обучаться у него философии. Диоген дал ему селедку

и приказал следовать за ним. Когда же тот, застеснявшись, бросил ее и ушел, философ, встретив его спустя некоторое время, со смехом сказал: «Нашу дружбу порушила селедка». Диокл рассказывает об этом иначе. Кто-то предложил: «Приказывай нам, Диоген». Тогда Диоген отвел просителя в сторону и дал кусок сыру, стоивший всего пол-обола, и велел ходить с ним. Человек отказался, тогда Диоген заметил: «Нашу дружбу разорвал кусочек сыра».

- ³⁷ Увидев однажды мальчишку, который пил воду из ладонки, он выбросил из своей котомки кружку и сказал: «Мальчик превзошел меня в скромности жизни». Он выбросил и тарелку, когда увидел, как мальчик, разбив случайно миску, ел свою чечевичную похлебку из углубления, сделанного в хлебном мякише. Он рассуждал так: «Все принадлежит богам. Мудрецы — друзья богов, а у друзей все общее. Значит, все принадлежит мудрецам». Увидев однажды женщину, припавшую к статуям богов в непристойной позе, и желая освободить ее от суеверия, он, как рассказывает Зоил из Перги, подошел к ней и сказал: «Женщина, а не боишься ли ты, что бог стоит как раз позади тебя — ведь все преисполнено им — и ты оскорбляешь его своим неприличным видом?»
- ³⁸ Он привел в храм Асклепия в качестве подарка кулачного бойца, чтобы тот подбегал и бил каждого, кто падает ниц.

Он любил говорить, что над ним сбылись трагические проклятия, ибо он:

Безродный изгнанник, лишенный отчизны,
Бродяга и нищий, без крова и пищи¹⁸.

Он говорил, что судьбе противопоставляет отвагу, закону — природу, страстям — разум. В Крании Диоген грелся на солнышке. Подошел Александр и сказал: «Проси у меня чего хочешь». Диоген ответил: «Только не загораживай мне солнца». Кто-то громко и долго читал, тогда Диоген показал на чистое место в конце свитка и сказал: «Мужайтесь, люди, — вижу землю». Когда какой-то человек стал доказывать, что у Диогена есть рога, тот потрогал свой лоб и сказал: «А я их не чувствую». В том же духе он стал дей-

ствовать, когда кто-то утверждал, что движения не существует, — поднялся с места и начал прохаживаться взад и вперед. Разглагольствующего об астрономических явлениях он спросил: «Давно ли ты спустился с небес?» Когда какой-то порочный евнух написал на двери своего дома: «Пусть не войдет сюда никакое зло!», — Диоген спросил: «А как же теперь войдет сюда хозяин дома?» Умастив ноги благовонной мазью, он рассуждал: «Благовоние распространяется от головы в воздух, а от ног оно поднимается к ноздрям». Афиняне уговаривали его принять посвящение в святые таинства, уверяя, что в Аиде посвященные пользуются преимуществами. «Смешно, — ответил философ, — когда Агесилай и Эпаминонд будут барахтаться в печистотах, а никчемные людишки только за то, что они приняли посвящение, — обитать на Островах блажешших».

⁴⁰ Мыши карабкались на стол с едой. Диоген заметил и сказал: «Теперь даже у меня есть пахлебники». Когда Платон назвал его собакой, он сказал: «Правильно. Ведь я вернулся назад к продавшим меня». Диоген выходил из бани. Его спросили, много ли там моется людей. Он ответил, что нет. Когда же его спросил кто-то, много ли там народа, он сказал: «Да». Когда Платон выступил с определением: «Человек есть животное с двумя ногами и без перьев», — и заслужил всеобщее одобрение, Диоген оципал петуха и припес его в платоновскую школу со словами: «Вот человек Платона». Тогда тот прибавил к своему определению: «И кроме того, с плоскими ногтями». Обратившемуся к нему с вопросом, в какое время следует завтракать, Диоген ответил: «Если ты богат, когда хочешь; если беден, когда можешь!»

⁴¹ У мегарцев он видел овец, покрытых кожаными накидками, а дети их ходили голыми. В связи с этим он заметил: «У мегарца выгоднее быть бараном, чем сыном». Кто-то сначала задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!» — Диоген засмеялся: «Ты что, снова собираешься меня ударить?» Он говорил, что демагоги — лакеи черни, а вепки — сыпь славы. Среди бела дня с зажженным фонарем в руках бродил он повсюду и говорил: «Человека ищут». Однажды он

- стоял весь промокший до нитки. Собрались люди и стали жалеть его. Проходивший мимо Платон обратился к ним: «Если вам действительно жаль его, ступайте своей дорогой», — этим он намекал на его тщеславие. Когда кто-то панес ему удар по голове кулаком, Диоген вскричал: «Как же, о Геракл, я забыл надеть шлем, выходя на улицу?!» Но когда Мидий ударил его и добавил: «Вот три тысячи драхм у тебя на столе», — на следующий день он обмотал себе руки ремнями и отдубасил Мидия, приговаривая: «Вот тебе три тысячи на стол!» Продавец лекарств Лисий спросил его, верит ли он в богов. Диоген ответил: «Как же мне не верить, когда я вижу такого богомерзкого подонка». Другие авторы приписывают эти слова Феодору. Увидев какого-то человека, совершившего омовение, он обратился к нему: «Бедняжка, как же ты не понимаешь, что омовением не исправитшь ни грамматических, ни жизненных ошибок». Он упрекал людей в том, что, молясь, они просят богов не об истинном благе, а лишь о том, что им кажется таковым.
- 43 Тем, кто пугался снов, он говорил, что они не обращают внимания на то, что делают наяву, а о том, что им приснится ночью, заботятся. Однажды в Олимпии глашатай провозгласил: «Диоксипп победил мужей», — Диоген запротестовал: «Это я побеждаю мужей, а он — рабов».

Несмотря на все, афиняне любили его. Так, когда какой-то озорник сломал его бочку, они поколотили его, а Диогену привезли новую. Стоик Дионисий сообщает, что после битвы при Херонее Диоген был взят в плен и доставлен к Филиппу. Когда тот спросил его, кто он такой, Диоген ответил: «Я соглядатай твоей венасытности». В изумлении царь велел его отпустить.

- 44 Однажды Александр послал письмо Антипатру в Афины через некоего Афлия. Диоген присутствовал при этом и сказал:

Несчастный от несчастного через несчастного несчастному¹⁹.

Когда Пердикка под угрозой смертной казни приказал Диогену явиться к нему, философ заметил: «Подумаешь, чем грозитя. На это же способны скорпионы

и фаланги. Только бы он не грозился, что и без меня может жить счастливо». Он часто громко заявлял, что богами людям дана легкая жизнь, а они забыли о ней, гоняясь за лакомствами, благовониями и тому подобным. Поэтому человеку, которому раб надевал сандалии, он сказал: «Ты был бы совсем счастлив, если бы он еще и сморкался за тебя. Покалечь себе руки, так оно и будет».

- 45 Однажды он увидел, как жрецы вели воришку, ставившего чашу из сокровищницы храма, и сказал: «Крупные воры погоняют мелкого». Увидев мальчишку, швыряющего камни в крест, сказал: «Давай! Бей! Ты достигнешь своей цели»²⁰. Мальчишкам, которые обступили его и кричали: «Не покусай нас!» — он отвечал: «Смелее, братцы. Эта собака не ест свеклу»²¹.

Некто надел на себя львиную шкуру и ходил гордым видом. Диоген обратился к нему: «Не позорь одеяния доблести». Человеку, который превозносил Каллисфена и восхищался его роскошной жизнью в свите Александра, он сказал: «Несчастен тот, кто завтракает и обедает, когда захочется Александру».

- 46 Нуждаясь в деньгах, он утверждал, что не просит у друзей подаяния, а лишь требует возвратить долг. Однажды на центральной площади он занимался рукоблудием и говорил при этом: «О, если бы можно было утолить и голод, потирая вот так пустое брюхо». Увидев мальчика, идущего с сатрапами на пир, он схватил его и увел к родителям и велел смотреть за ним как следует. Мальчишке, покрашенному как женщина и спросившему его о чем-то, он ответил, что не станет с ним говорить раньше, чем тот скинет одежды и покажет, мужчина он или женщина. Мальчику, который в бане играл в коттаб, он сказал: «Чем больше тебе везет, тем хуже». Во время пира ему бросали кости, как собаке. Тогда он подошел к пирующим и обмочил их, как собака.

- 47 Риторов и всех тех, кто красноречиво говорил из тщеславия, он называл «трижды человеки», т. е. «трижды несчастные». Невежественного богача он называл золотым бараном. Увидев на доме гуляки надпись «Продается», он воскликнул, обращаясь к дому: «Я был

уверен, что, живя в таком пьяном угаре, ты легко вместе с блевотиной освободишься и от своего хозьяина». Мальчику, который жаловался на пристава-ния, он сказал: «А ты не носись со своей порочно-стью». Увидев грязную баню, спросил: «Где же моются те, кто здесь вымылся?» Только он один хвалил гол-стяка-кифареда, которого все брали. Его спросили, почему. Последовал ответ: «Скажите спасибо, что при таком аппетите он все еще играет на кифаре, а не грабит».

⁴⁸ Одного кифареда, от игры которого всегда разбе-гались слушатели, приветствовал он словами: «Привет, петух». — «Почему ты так меня пазываешь?» — спро-сил кифаред. «Потому что ты заставляешь всех вста-вать». Какой-то юноша выступал с речью. Диоген, наложив за пазуху волчьих бобов, встал напротив и пачал их жевать. Когда люди уставились на него, он сказал, что крайне удивлен тем, что все забыли об ораторе и смотрят на него. Какой-то очень суеверный человек пригрозил ему: «Одним ударом я раскрою тебе череп». — «А я, — ответил Диоген, — чихну слева и брошу тебя в дрожь». Гегесий попросил Диогена дать ему что-нибудь почитать из его сочинений. «Чудак ты, Гегесий, — сказал Диоген. — Когда речь идет о фигах, ты выбираешь не нарисованные, а настоящие. А те-перь проходишь мимо возможности по-настоящему по-тренироваться в добродетели и предпочитаешь напи-санные наставления».

⁴⁹ Когда какой-то человек попрекнул его изгнанием, он возразил: «Но ведь именно благодаря ему, бедняга, я и стал философом». Когда же снова кто-то ему ска-зал: «Граждане Синопы приговорили тебя к изгна-нию». — «А я их — оставаться на месте», — последовал ответ. Однажды он увидел олимпийского чемпиона па-сущим овец и сказал: «Однако же быстро ты, любез-нейший, перешел от Олимпийских игр к Немейским»²². На вопрос, почему атлеты так тупы, он ответил: «По-тому что они сделаны из мяса свиней и быков». Од-нажды он просил милостыню у статуи. Спрошенный, почему он так поступает, ответил: «Так я привыкаю к отказам». Когда он просил милостыню (а впервые он это сделал, находясь в крайней нужде), то обра-

тился к прохожему с такими словами: «Если ты подал другому, то дай и мне. А если еще не подал, то пачни с меня».

- 50 Когда тиран спросил его, какая медь лучше всего пригодна для статуй, он ответил: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристокитон»²³. На вопрос, как обходится Дионисий с друзьями, ответил: «Как с мешками; пока они полны, хранит; когда пусты, выбрасывает». Когда какой-то новобрачный сделал на своем доме надпись:

Геракл, Зевса сын, прославленный повсюду, здесь живет.
Пусть никакое зло в дом этот не войдет!

Диоген добавил: «После войны мирный договор». Сребролюбие он пазывал средоточием всех пороков. Увидев однажды в трактире гуляку, который ел оливки, сказал: «Если бы ты так завтракал, то так не обедал бы».

- 51 Людей добродетельных он считал подобиями богов, любовь — делом для тех, кому делать нечего. Спрошенный, что он считает самым большим несчастьем в жизни, ответил: «Нищую старость». На вопрос, укусы каких зверей самые болезненные, ответил: «Из диких — сикофанта, из ручных — льстеца». Увидев однажды двух скверно намалеваанных кентавров, спросил: «Какой из них Хирон?»²⁴ Льстивые речи он пазывал медовой петлей, желудок — Харибдой жизни. Когда флейтист Дидимон был уличен в прелюбодеянии, Диоген заметил: «Он заслуживает быть повешенным за свое пмя»²⁵. На вопрос, почему у золота такой бледный вид, он ответил: «Потому что вокруг него всегда множество злоумышленников». Увидев женщину на носилках, сказал: «Этому зверю пужна не такая клетка».

- 52 Увидев однажды беглого раба, сидящего у колодца, он сказал: «Смотри, молодец, не угоди туда»²⁶. Заприметив в бане ворешку, охотившегося за платьем моющихся, спросил его: «Для чего тащишь — для притирания или для одевания?»²⁷ Увидев однажды женщину, повесившихся на оливковом дереве, воскликнул: «Вот если бы на всех деревьях висели такие плоды!» Заметив человека, крадущего одежду, спросил:

Что ты здесь ищешь, храбрый?
Хочешь ты мертвых ограбить, polegших на поле? ²⁸

Спрошенный, есть ли у него раб или рабыня, ответил, что нет. Кто-то спросил: «А когда умрешь, кто вынесет твой труп?» — «Тот, кому понадобится мое жилище».

⁵³ Увидев красивого мальчика, заснувшего в соблазнительной позе, растормошил его и обратился со словами: «Проснись!»

Или вонзится копье в твою беззаботную спину.

Человеку, делавшему обильные покупки для пира, сказал:

Скоро умрешь ты, мой сын, — вот ведь ты что покупаешь... ²⁹

Когда Платон философствовал по поводу идей и употреблял такие слова, как «стольность» и «чашность», Диоген возразил: «Что касается меня, то стол и чашу, Платон, я вижу, а вот стольность и чашность — нет». На что Платон ответил: «Здесь нет ничего мудреного. У тебя есть глаза, которыми ты можешь увидеть и стол, и чашу, а вот ума, чтобы увидеть стольность или чашность — не хватает».

⁵⁴ Спрошенный кем-то, что, по его мнению, за человек Диоген, Платон ответил: «Спятивший Сократ» ³⁰. На вопрос, когда следует жениться, Диоген ответил: «В юности еще рано, в старости — уже поздно». Его спросили, что нужно делать, когда тебя бьют. «Надеть шлем», — последовал ответ. Увидев прихорашивающегося юношу, он сказал: «Если это для мужчин, то ты глупец, а если для женщин — подлец». Увидев однажды, как зарделся юноша, он обратился к нему: «Не робей, мой милый. Это краска добродетели». Услышав спор двух законников, он обругал обоих: «Один из вас у другого украл, а тот ничего не потерял». На вопрос, какое вино он пьет всего охотнее, ответил: «Чужое». На упрек: «Многие потешаются над тобой», он ответил: «А я все не потешаюсь».

⁵⁵ Когда какой-то человек сказал, что жизнь — зло, он возразил: «Не жизнь сама по себе, а порочная жизнь». Советовавшим ему начать розыски сбежав-

шего раба он ответил: «Смешно, если Манес без Диогена может жить, а Диоген без Манеса не сможет». Когда он завтракал оливками и ему принесли пирог, он швырнул его от себя и воскликнул:

Прочь, чужеземец, с дороги царей! ³¹

А в другой раз сказал:

... Бичом он ударил оливу ³².

На вопрос, он собака какой породы, ответил: «Когда голоден, — мальтийская, когда сыт — молосская, т. е. из той породы, которую большинство хвалят, но из боязни быть покусанными идти с ними на охоту не отваживаются. Так и со мной вы не можете жить, опасаясь укусов совести».

⁵⁶ Его спросили, едят ли мудрецы пироги. Он ответил: «Они едят все то же, что и остальные люди». На вопрос, почему люди нищим подают, а философам нет, он ответил: «Потому что хромыми и слепыми они могут стать, а философами — никогда». Однажды он попросил подаяние у скупца. Тот замешкался. «Человече, — сказал Диоген, — я прошу у тебя на пропитание, а не на погребение». Однажды его упрекнули за участие в подделке монет, на что он ответил: «В то время я был таким, как ты сейчас, но таким, как я сейчас, ты никогда не будешь». На подобный же упрек в другой раз, заметил: «Раньше я и мочился быстро, а теперь нет».

⁵⁷ Придя в небольшой городок Минд и увидев там огромные городские ворота, он обратился к жителям: «Граждане города Минда, закройте ворота, чтобы город ваш не сбежал». Увидев однажды вора, пойманного на краже пурпура, он сказал:

Очи смежила пурпурная Смерть и могучая Участь ³³.

Когда Кратер ³⁴ пригласил Диогена к себе, тот отказался и сказал, что предпочитает скорее лизать соль в Афинах, чем вкушать изысканные яства у Кратера. Толстяку-ритору Анаксимену он сказал: «Дай и нам, нищим, кусок своего брюха. И тебе будет полегче, и нам поможешь». Однажды, когда этот же ритор о чем-то витийствовал, он стал размахивать селедкой,

чем отвлек слушателей. Анаксимен возмутился. Тогда Диоген сказал: «Несчастливая селедка ценой в один обол положила конец всем рассуждениям Анаксимена».

58 На упрек в том, что он ел на агоре, Диоген ответил: «Но ведь на агоре я и голодал». Некоторые авторы связывают с ним и следующий эпизод. Платон, увидев Диогена, моющего овощи, подошел к нему и тихо сказал: «Служил бы ты Дионисию, не мыл бы себе овощей». А тот так же тихонько ему ответил: «И ты, если бы мыл овощи, не служил бы своему Дионисию». На упрек: «Многие смеются над тобой», — он ответил: «А над ними, может быть, потешаются ослы, но, как им наплевать на ослов, так и мне наплевать на них». При виде юноши, увлекавшегося философией, он сказал: «Прекрасно. Теперь тех, кто любит твое прекрасное тело, ты заставишь любить красоту твоей души».

59 Когда какой-то человек удивлялся обилию даров в Самофракии, он заметил: «Их было бы куда больше, если бы их приносили и те, кому не удалось спастись»³⁵. По другим источникам, эти слова принадлежат Диагору Мелосскому. Красивому мальчику, собравшемуся на пирушку, он сказал: «Домой ты вернешься худшим, чем ушел». Вернувшись, мальчик сказал: «Вот я вернулся и хуже не стал». — «Хироном, правда, ты не стал, но стал Эвритионом»³⁶. Как-то он просил милостыню у ворчливого и угрюмого человека. «Если меня убедишь, то подам», — сказал тот. «Да если бы я мог тебя убедить, то давно бы заставил повеситься», — ответил Диоген. Однажды он возвращался из Лакедемона в Афины. «Ты откуда и куда?» — спросили его. «Из мужской половины в женскую», — последовал ответ.

60 Он возвращался из Олимпии домой. На вопрос, много ли было там народу, ответил: «Народу много, людей мало». Распутников он сравнивал со смоковницами, выросшими над пропастью: человек не может воспользоваться ее плодами, а вороны и коршуны их клюют. Когда Фрипа поставила в качестве посвящения в Дельфах золотую статую Афродиты, Диоген, говорят, сделал на ней надпись: «От эллинской распущенности». Однажды около него остановился Алек-

сандр и сказал: «Я Александр — великий царь». — «А я Диоген, собака», — представился философ. Спрошенный, почему его зовут собакой, ответил: «Потому что тем, кто мне подает, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а порочных — кусаю».

⁶¹ Однажды он срывал плоды смоковницы, а сторож ему сказал: «Недавно на этом дереве повесился человек». — «Отлично, — ответил Диоген. — Теперь я его очищу». Увидев победителя Олимпийских игр, то и дело бросавшего вожделенные взгляды на гетеру, он сказал: «Смотрите, как этому бодливому барану свернула шею первая встречающая потаскуха». Красивых гетер он сравнивал с медовыми возлияниями мертвым. Когда он завтракал на агоре, толпа окружила его и из нее то и дело раздавались крики «собака». Диоген огрызнулся: «Это вы собаки. Окружили меня, когда я ем». Когда два развратника пытались скрыться от него, он сказал: «Не бойтесь: псы свеклу не жрут»³⁷. Спрошенный об одном порочном мальчишке, откуда тот взялся, он ответил: «Из Тегей»³⁸.

⁶² Увидев бездарного борца, заявившегося врачебной практикой, он спросил: «Это зачем? Не для того ли, чтобы отомстить тем, кто тебя в свое время одолел?» Увидев однажды сына гетеры, который швырялся камнями в прохожих, он крикнул: «Смотри, не угоди в своего отца». Когда мальчик показал ему кинжал, подаренный любовником, он сказал: «Кинжал действительно хорош, да рукоятка у него паршивая»³⁹. Когда какие-то люди стали хвалить человека, который дал ему милостыню, он сказал: «Но почему вы не хвалите меня, заслужившего ее?» Когда какой-то человек стал у него требовать назад свой плащ, он ответил: «Если ты подарил мне его, то он мой. Если же ты мне его одолжил, то он мне еще нужен». Какой-то подкидыш сказал ему, что в его плаще спрятано золото. «Теперь я понял, почему ты спишь, подкинув его под себя», — заметил Диоген. На вопрос, что ему дала философия, он ответил: «Во всяком случае, быть готовым ко всем ударам судьбы».

⁶³ На вопрос, откуда он явился, ответил: «Я — гражданин мира». Когда какие-то родители приносили жертву богам, моля послать им сына, Диоген сказал:

«А что из него выйдет, для вас безразлично?» Однажды устраивали пир в складчину, и организатор попросил у него долю. Диоген отвечал:

Грабь ты других, собирай, но от Гектора руки подальше! ⁴⁰

Гетер он называл царицами царей, потому что они делают все, что заблагорассудится наложницам. Когда афиняне присвоили Александру имя Диониса, он попросил: «А меня сделайте Сараписом». Некий человек упрекал его за то, что он посещает подозрительные места. «Но ведь и солнце заглядывает в нужники, но это его не марает».

⁶⁴ Он обедал в храме, и когда принесли загрязненный хлеб, схватил его и бросил со словами: «В храм не дозволено войти ничему нечистому». Кто-то сказал ему: «Ты неуч, а еще философствуешь». На что он ответил: «Даже подделываться под мудрость — уже философия». Некто привел к нему своего сына и сказал, что он очень способный мальчик и в высшей степени добродетелен. «Тогда зачем же я ему нужен?» — спросил Диоген. Людей, которые говорят красно о добродетели, а сами ее не придерживаются, он называл кифарами, ибо у них нет ни слуха, ни чувств. Он направлялся в театр, когда другие уже оттуда выходили. На вопрос, зачем он так поступает, ответил: «Я именно так веду себя всю жизнь».

⁶⁵ Увидев однажды жепственного юношу, он сказал: «Не стыдно ли тебе поступать с собой хуже, чем это было задумано природой? Она создала тебя мужчиной, а ты заставляешь себя быть женщиной». Увидев, как глупец настраивал струнный инструмент, он сказал: «Не стыдно тебе приводить звуки в созвучие с деревяшкой, а душу не приводить в гармонию с жизнью?» Человеку, сказавшему: «Я не гоюсь для философии», — он заметил: «Для чего же ты живешь, если тебя не заботит жизнь в добродетели?» Тому, кто презирал своего отца, он сказал: «Не стыдно тебе презирать того, благодаря которому ты можешь проявлять свою гордыню?» Увидев приличного юношу, неприлично бранившегося, он сказал: «И тебе не стыдно из дорогих пожен вытаскивать дрянной свинцовый меч?»

⁶⁶ Когда его упрекнули за то, что он пьет в трак-

тире, он ответил: «А стригусь я в цирюльне». Его упрекнули за то, что он принял в подарок плащ от Антипатра. Он ответил:

Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных ⁴¹.

Когда кто-то задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!», — он стукнул его палкой и заорал: «Берегись!» Один человек приставал к гетере с известными просьбами. Диоген обратился к нему: «Зачем ты, несчастный, хочешь получить то, от чего лучше отказаться?» Человеку, сильно пахнувшему благовониями, он сказал: «Смотри, чтобы твои благовонные волосы не провоняли всю твою жизнь». Он говорил, что рабы служат своим господам, а дурные люди — страстям. Спрошенный, почему раб получил название «муженогий», Диоген ответил: «Потому что ноги у него, как у мужей, а душа — подобна твоей, мой любознательный». У гуляки он попросил мину.

⁶⁷ На вопрос, почему у других просит лишь обол, а у этого целую мишу, ответил: «У других я надеюсь получить кое-что еще раз, а получу ли я у него снова, бог знает». Когда его стыдили за то, что он просит милостыню, а Платон не просит, он сказал, что и тот просит, но

Голову лишь приклонив, чтоб его не слышали другие ⁴².

Увидев неумелого лучника, он сел рядом с мишенью, приговаривая: «Это для того, чтобы он не угодил в меня». Влюбленные, говорил он, ради удовольствия готовы испытать все несчастья.

⁶⁸ Спрошенный, является ли смерть злом, ответил: «Какое же это зло, если его присутствия мы не чувствуем». Когда Александр подошел к Диогену и спросил: «Ты меня не боишься?» — философ спросил в свою очередь: «А ты — зло или добро?» Царь ответил: «Добро». — «Кто же боится добра?» — возразил Диоген. Он говорил, что образование дает юношам благоразумие, старикам — утешение, беднякам — богатство, богачам — украшение. Увидев однажды, как распутный Дидимон взялся лечить глаз у одной девицы, он сказал: «Смотри, как бы, исцеляя у девушки глаз, ты не повредил ей что-нибудь другое» ⁴³. Когда кто-то пожа-

ловался, что друзья строят против него козни, он посоветовал: «Что же делать, если с друзьями придется обходиться, как с врагами».

⁶⁹ Спрошенный, что самое прекрасное у людей, ответил: «Свобода слова». Зайдя в школу и увидев там много статуй, изображавших Муз, и мало учеников, сказал: «С божьей помощью, учитель, у тебя полно учащихся». Он обыкновенно делал на виду у всех все, что связано с Деметрой и Афродитой, объясняя: «Если завтракать — вещь обычная, то почему бы не завтракать и на площади». Часто занимаюсь онанизмом на виду у всех, он приговаривал: «О, если бы, потирая брюхо, можно было бы утолить и голод». О нем еще многое другое рассказывают, но все пересказать заняло бы слишком много места.

⁷⁰ Он учил, что упражнения бывают двух видов: одни касаются души, другие — тела. При постоянном упражнении духа создаются представления, облегчающие совершение добродетельных поступков. Один вид упражнений без другого недостаточен; причем хорошее здоровье и сила имеют для них немаловажное значение, так как относятся и к душе, и к телу. Он приводил также примеры того, как легко благодаря упражнениям совершается переход к добродетели. Можно заметить, что, как в простых ремеслах, так и в других искусствах специалисты, упражняясь, достигают удивительного совершенства и ловкости. Так, например, флейтисты и атлеты чем больше упражняются, каждый в своем деле, тем большего добиваются успеха. Если бы они перенесли свои упражнения также и на душу, то эти усилия не остались бы без пользы и результата.

⁷¹ Он утверждал, таким образом, что в жизни невозможно достичь никакого блага без упражнений и что благодаря им можно все одолеть. Бесплозным трудам следует предпочесть труды в согласии с природой и жить счастливо; люди несчастны только из-за собственного перазумия. И когда мы привыкнем, то презрение к наслаждению само по себе доставляет высочайшее удовольствие. И как те, кто привык жить, испытывая наслаждения, с отвращением относятся к неудовольствиям, так приучившие себя к последним из-

влекают радости из презрения к самим удовольствиям. Так он учил и поступал в соответствии со своим учением. Это и впрямь было «перечеканкой монеты», так как он меньше всего считался с законами государства, предпочитая им законы природы. Он утверждал, что ведет такой же образ жизни, как и Геракл, всему предпочитая свободу.

⁷² Он утверждал, что все принадлежит мудрецам, обосновывая это положение уже приведенными выше доводами ⁴⁴: все принадлежит богам, боги — друзья мудрецов, у друзей все общее, следовательно, все принадлежит мудрецам. Без закона, говорил он, невозможна жизнь в государстве, так как вне государства нельзя извлечь никакой пользы от цивилизации, а государство — плод цивилизации. Вне государства нет никакой пользы от закона, следовательно, и закон есть плод цивилизации. Высокое происхождение, славу и тому подобное он высмеивал, пазывал их украшениями испорченности. Пример едипственню совершенного государственного устройства он находил только во Вселенной. Он учил также, что женщины должны быть общими, брак не ставил ни во что, кроме союза, основанного на взаимном согласии. Поэтому и дети должны быть общими.

⁷³ Он не видел также ничего ужасного в краже из храма или в употреблении в пищу мяса любого животного. Причем, говорил он, нет ничего нечестивого и в том, чтобы питаться даже человеческим мясом, как это видно из быта других народов. Более того, согласно здравым рассуждениям, все элементы содержатся во всем и во все проникают. Так, например, в хлебе заключено мясо, а хлеб — в овощах; и во всем находятся частицы других веществ, проникающие через невидимые поры в виде испарений. Об этом он говорит в «Фиесте», если трагедии принадлежат действительно ему, а не его другу Филиску Эгинскому или Пасифонту, сыну Лукиана, который, как сообщает Фаворин в «Пестрых историях», написал их уже после кончины Диогена. Музыкой, геометрией, астрологией и тому подобными дисциплинами можно, считал он, не заниматься как бесполезными и ненужными.

⁷⁴ Он проявлял удивительное остроумие и находчивость в словесных стычках, как это видно из вышесказанного. Свою продажу в рабство он перенес с большим достоинством. Во время плавания на Эгину он был захвачен пиратами, во главе которых стоял Скирпал, увезен на Крит и там продан в рабство. На вопрос глашатая, что он умеет делать, Диоген ответил: «Править людьми». При этом он показал на одного богато одетого коринфянина (это был упомянутый уже Ксениад) и добавил: «Продай меня этому человеку. Он нуждается в господине». Так Ксениад купил его, отвез в Коринф и приставил к своим детям и вообще поручил ему управление всем домом. А Диоген так хорошо справлялся со всеми своими обязанностями, что Ксениад повсюду ходил и говорил: «В моем доме поселился добрый гений».

⁷⁵ Клеомен в сочинении под названием «Педагогик» рассказывает, что друзья Диогена хотели выкупить его из рабства, а тот назвал их глупцами, добавив, что пеллы являются рабами тех, кто их кормит, а наоборот. Ведь это рабу свойствен страх, а дикие звери внушают страх людям. У этого человека была такая удивительная способность убеждать, что он легко своими доводами привязывал к себе людей. Так, например, рассказывают, что какой-то житель Эгины по имени Онесикрит послал в Афины одного из своих сыновей, Андросфена, который, услышав Диогена, остался при нем. Тогда Онесикрит послал за ним своего старшего сына, Филиска, уже упомянутого выше, но и последний был увлечен Диогеном, как и его брат, и остался в Афилах. Тогда, на третий раз, туда приехал сам отец и, не меньше сыновей очарованный учителем, присоединился к ним и посвятил себя философии. Такая, просто волшебная сила заключалась в речах Диогена. Среди его слушателей был и Фокион, прозванный Честным, и Стильпон из Мегар, и много других политических деятелей.

Говорят, что он умер, когда ему было почти девяносто лет. О его смерти существует много преданий. Одни рассказывают, что он умер от холеры после того, как съел сырое мясо осьминога. Другие — что смерть наступила от того, что он сам задержал дыхание. В эту

версию верил Керкид из Мегалополя (или с Крита) ⁴⁵, который так говорит об этом в своих «Мелиямбах»:

Нет, не таким был философ Синопский,

Тот, кто повсюду ходил с посохом, сдвигал плащ и жил под
небом открытым.

Смерти достиг и на небо взят, зубы намертво стиснув

- ⁷⁷ (Дыхание так прекратилось). Верное имя послал — Диоген,
Зевса потомок, пес, достойный небес.

Другие передают, что он хотел бросить собакам куски полипа и был укушен в ахиллесово сухожилие, от чего и умер. Впрочем, по сообщению Антисфена в «Диодохах», версию о задержке дыхания придумали его друзья. В то время он жил в Крании, гимнасии, расположенном недалеко от Коринфа. По своему обыкновению ученики пришли к нему, но застали лежащим и закутанным в плащ. Они подумали, что он спит, хотя Диоген не был любителем поспать. Потом они отвернули плащ и, увидев его бездыханным, предположили, что он сделал это умышленно, дабы так уйти из жизни.

- ⁷⁸ Тогда, как говорят, между учениками возник спор, кому его хоронить. Причем дело не обошлось без драки. Но пришли их отцы и представители властей и похоронили его вблизи ворот, ведущих на Истм. Там была воздвигнута колонна, а на ней сидела собака, изваянная из паросского мрамора. Позднее и сограждане оказали ему почет, воздвигнув бронзовые памятники, на которых было написано:

Время состарит и бронзу, лишь Диогенова слава

Вечность саму превзойдет и никогда не умрет.

Смертным служил ты примером самодовлеющей жизни.

Ты указуешь им путь, легче его не найти.

- ⁷⁹ И я написал стихи в прокелевзметиках:

Скажешь ли нам, Диоген, какая судьбина тебя

Ввергла в мрачный Лид? — Укус одичавшего пса ⁴⁶.

Некоторые авторы сообщают, что, будучи при смерти, он оставил наказ, чтобы его не погребали, а бросили на съедение диким зверям или кинули в ров, покрыв тело только тонким слоем пыли. По

другим свидетельствам, он просил сбросить его в реку Иллис, чтобы принести пользу своим меньшим братьям.

Деметрий в «Омонимах» утверждает, что Александр и Диоген умерли в один и тот же день⁴⁷: один — в Вавилоне, другой — в Коринфе. В 113-ю Олимпиаду Диоген был уже стариком.

⁸⁰ Ему приписывают следующие произведения.

Диалоги:

«Кефалион».

«Ихтий».

«Галка».

«Леопард».

«Афинский демос».

«Государство».

«Искусство этики».

«О богатстве».

«О любви».

«Феодор».

«Гипсий».

«Аристарх».

«О смерти».

Письма.

Семь трагедий:

«Елена».

«Фиест».

«Геракл».

«Ахиллес».

«Медея».

«Хрисипп».

«Эдип».

Что касается Сосикрата, то он в первой книге «Преемств» (*Diadochē*), а Сатир в третьей книге своих «Жизнеописаний» говорят, что все эти сочинения не принадлежат Диогену, а упомянутые маленькие трагедии, как утверждает Сатир, написаны Филиском с Эгипы, другом Диогена. Сотийон в седьмой книге подлинными считает только следующие сочинения Диогена: «О добродетели», «О добре», «О любви», «Ничий», «Толмей», «Леопард», «Касандр», «Кефалион», «Филиск», «Аристарх», «Сисиф», «Ганимед», «Хрии», «Письма».

⁸¹ Было известно пять Диогенов: первый — естествоиспытатель из Аполлонии, сочинение которого имело такое начало: «По моему мнению, начинать любую речь следует с положения, которое не допускает двойного истолкования»; второй — автор работы о Пелопоннесе — был из Сикиона; третий — о нем мы писали выше; четвертый — философ-стоик, родом из Селевкии, называемый также Вавилонским, ибо Селевкия расположена по соседству с Вавилоном; пятый — из Тарса, автор, посвятивший свой труд проблемам поэтики, которые он пытался разрешить.

Афинодор в восьмой книге своих «Прогулок» говорит о нашем философе, что из-за притираний он всегда лоснился.

МОНИМ

⁸² Моним из Сиракуз был учеником Диогена. Как сообщает Сосикрат, он был рабом одного коринфского менялы, к которому часто приходил хозяин Диогена Ксениад и рассказывал о его добрых словах и поступках. Эти рассказы вызвали у Монима чувство восхищения философом. Притворившись сумасшедшим, он неожиданно стал разбрасывать деньги, находившиеся на столе менялы, и хозяин был вынужден его отпустить. Моним тотчас же присоединился к Диогену. Он часто также сопровождал кирика Кратета и подражал ему, так что его господин, наблюдая его поступки, в еще большей степени убедился в его безумии.

⁸³ Он стал знаменитым человеком, и даже комедиограф Менаандр упоминает его. В одной из своих комедий, «Конюх», он так писал о нем:

Какой-то человек по имени Моним
 Был мудр, Филои, хоть и не очень знаменит.
 — С котомкой он бродил?

— Да не с одной — с тремя!

Но слов, подобных мудрым изречениям,
 Как, например, «познай себя», не говорил.
 Однако грязный этот нищий всех превзошел,
 Сказав, что все на свете — суета сует.

Моем придерживался очень строгих нравственных правил, презирал славу и почитал только одну истину.

Он оставил сочинения, где серьезное было незаметно смешано со смешным, а также две книги — «О влечениях» и «Протрептик».

ОНЕСИКРИТ

- ⁸⁴ Некоторые считают, что Онесикрит был родом из Эгины, но Деметрий из Магнезии утверждает, что из Астипалеи. Он также был одним из самых знаменитых учеников Диогена. У него есть некоторое сходство с Ксенофонтом — последний принимал участие в походе Кира, Онесикрит — в походах Александра, кроме того, он написал сочинение о воспитании Александра, подобно тому как Ксенофонт — о воспитании Кира. Ксенофонт восхвалял Кира, Онесикрит — Александра. И в стиле он подражал Ксенофону, но, как подражатель, был далек от образца.

Среди учеников Диогена были и Менандр, прозванный Дубом, восхищавшийся Гомером, а также Гегесий из Синопы по прозвищу Собачий Ошейник и Филиск с Эгипы, уже упомянутый выше.

КРАТЕТ

- ⁸⁵ Кратет, сын Асконда, фиванец, был также одним из знаменитых учеников Диогена-собаки. Однако Гиппобот утверждает, что он был учеником ахейца Брисона. Кратет был автором следующих шуточных стихов:

Остров есть Пёра среди виноцветного моря порока.
 Дивен и тучен сей остров. Владений окрест не имеет.
 Дурень набитый и трутень, как и развратник негодный,
 Жадный до толстого зада, в пределы его не допущен.
 Смоквы, чеснок и тимьян в изобилье тот остров рождает.
 Граждане войн не ведут и не спорят по поводам жалким.
 Денег и славы не ищут, оружием к ним путь пробивая.

- ⁸⁶ Он сочинил также широко известный «Дневник», в котором есть и такие строчки:

Дай десять мнн ты повару и драхму лишь — врачу,
Тому, кто льстит, — талантов пять и шиш — советчику.
А девке дать не жаль талант, философу ж — обол.

Он получил прозвище «Всех-дверей-открыватель», потому что входил в любой дом и учил добру. Ему принадлежат и следующие стихи:

То, что узнал и продумал, что мудрые Музы внушили,
Это богатство мое; все прочее дым и ничтожность.

О том, что дала ему философия, он писал:

Бобов лишь меру жалкую да жизнь без забот.

Вот, как полагают, еще один образчик его поэзии:

Любовь проходит с голодом, а если нет — со временем.
А если так не справиться, тогда петля — спасение.

⁸⁷ Его расцвет приходится на 113-ю Олимпиаду ⁴⁸.

Антисфен в своих «Преемствах» сообщает, что он примкнул к кипической философии, увидев в какой-то трагедии Телефа в жалкой одежде и с маленькой корзинкой в руках. Он обратил все свое состояние в деньги (а принадлежал он к классу богатых) и выручил около 200 талантов, которые поделил между согражданами, а сам с такой страстью предался философии, что комический поэт Филемон написал даже:

А летнею порой послал он толстый плащ,
Зимой ходил в тряпье, как кирик наш Кратет.

Диокл же говорит, что это Диоген убедил его отдать свои земли под общественное пастбище, а все деньги бросить в море.

⁸⁸ Говорят, что в доме Кратета [бывал] Александр, а в доме Гиппархии — Филипп ⁴⁹. Нередко он гнал палкой тех из своих родственников, которые приходили и пытались уговорить его отказаться от своих намерений. Он оставался непоколебим. Деметрий из Магнезии рассказывает, что Кратет сделал вклад у одного банкира с условием: если его дети окажутся людьми ординарными, то он должен отдать им деньги, если же они станут философами, то раздать их народу, ибо, став философами, они не будут ни в чем нуждаться.

Эратосфен сообщает, что от Гиппархии, о которой пойдет речь ниже, у него был сын по имени Пасикл. Когда тот стал взрослым юношей, он отвел его в дом терпимости и добавил, что таков был и отцовский брак. Брак, который влечет за собой разврат и прелюбодеяния, говорил он, трагичен, ибо его следствием являются изгнание и убийства, а браки тех, кто вступает в связь с гетерами, дают сюжет для комедий, так как распутство и пьянство приводят лишь к безумию.

У него был брат Пасикл, ученик Евклида.

Фаворин во второй книге своих «Воспоминаний» рассказывает следующую забавную историю. Вступившись однажды за кого-то, Кратет стал упрашивать гимнастарха, коснувшись рукой его бедер. Когда тот пришел в ярость, он сказал: «Разве твои ляжки чем-то отличаются от колен?»⁵⁰ Он говорил, что невозможно найти человека, который никогда не совершал бы ошибок, подобно тому как в гранате среди зерен всегда найдется хоть одно, да гнилое. Раздразнив однажды кифареда Никодрома, он получил от него здоровенную затрепщину, оставившую след на лице. Тогда он прилепил на лоб записку: «Сделано Никодромом».

Он парочно ругался с проститутками, чтобы приучить себя к поношениям.

Деметрия Фалерского, приславшего ему хлеба и вина, он попрекал словами: «О, если бы источники приносили и хлеб!» Из этого ясно, что пил он только воду. Когда Кратет получил замечание от афинских астиномов⁵¹ за то, что надел кисейное покрывало, он сказал: «Я докажу вам, что и Феофраст ходит в кисе». Когда они не поверили ему, он повел их в цирюльню и показал на Феофраста, которого в то время брили. В Фивах он был избит гимнастархом (по другим сведениям, в Коринфе Эвтикратом), и, когда его волокли за ноги, он, не теряя присутствия духа, декламировал:

Влек он, за ногу схватив, и повергнул с небесного
прага⁵².

⁵¹ Диокл, однако, утверждает, что это сделал с ним Менедем из Эретрии. Этот Менедем был красив и, ка-

жется, состоял в интимной связи с Асклепиадом из Флиунта. Кратет похлопал его по заду, приговаривая: «Вот где гостит Асклепиад». Тогда Менедом рассвирепел и поволок его, а он прочел стих, процитированные выше.

Зенон Китийский в своих «Хриях» рассказывает, что Кратет был настолько ко всему безразличен, что даже пришел к своему плащу заплату из кусочка овечьей шкуры. Лицом он был безобразен и, когда занимался гимнастическими упражнениями, над ним смеялись. Поднимая руки, он обычно говорил: «Будь ⁹² уверен в своих глазах и теле, Кратет. Придет время, и ты увидишь, как эти насмешники, уже давно измученные болезнями, сочтут тебя счастливым, а себя самих будут бранить и поносить за свою лень». Он любил говорить, что философией нужно заниматься до тех пор, пока военачальников не станут считать простыми погощниками ослов. Те, кто живет среди льстецов, говорил он, так же беспомощны, как телята в стаде волков. Ни тем, ни этим пельзя помочь — кругом одни враги. Чувствуя приближение своего конца, он пропел, обращаясь к самому себе, следующие стихи:

Идешь далече, милый мой горбун.
Согбенный старостью, в Анд свой держишь путь.

Годы пригнули его к земле.

⁹³ Когда Александр спросил его, хочет ли он, чтобы его родной город был восстановлен, он ответил: «Зачем? Придет, пожалуй, новый Александр и снова разрушит его». Он говорил, что его родина — безвестность и бедность, неподвластная даже судьбе, и что его соотечественник Диоген — человек, недоступный зависти. Он упомянут в комедии Менаандра «Сестры-близнецы». Вот это место:

Со мной пойдешь кругом бродить в одном плаще,
Как некогда с Кратетом-кинником его жена.
И замуж дочь он выдал, как он сам признал,
На пробу сроком в тридцать дней. Таков он был.

Дальше пойдет речь о его учениках.

МЕТРОКЛ

⁸⁴ Метрокл из Маронеи, брат Гиппархии, был сначала учеником перипатетика Феофраста. Метрокл был так слаб здоровьем, что однажды во время занятий не смог сдержать ветры из живота. В отчаянии он заперся дома, твердо решив умереть. Узнав о случившемся, Кратет пришел к нему, будто бы его об этом попросили, предварительно нарочно наевшись бобов. Он разумными доводами стал убеждать его, что тот ничего дурного не сделал: было бы, напротив, удивительным, если бы ветры не вышли, как им положено по природе. В заключение он сам произвел указанное выше действие, чем окончательно привел Метрокла в чувство и утешил. С этого времени Метрокл стал его учеником и превратился в настоящего философа.

⁸⁵ По словам Гекатона в первой книге «Хрий», он сжег свои сочинения, провозгласив:

Подземных снов пустое порождение.

Другие же рассказывают, что, сжигая лекции Феофраста, он сказал:

Выйди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба ⁵³.

Он учил, что из всех вещей одни можно купить за деньги, как, например, дом; другие же — приобрести со временем при помощи старания, как, например, образование. Богатство, говорил он, приносит вред, если не употреблять его достойно.

Он умер уже стариком, задержав добровольно дыхание. Его учениками были Феомброт и Клеомен. У Феомброта, в свою очередь, был учеником Деметрий из Александрии, а у Клеомена — Тимарх из Александрии и Эхекл из Эфеса. Эхекл был также слушателем Феомброта, учеником которого был Менедем, о котором мы скажем ниже. Среди них особенно прославился Менипп из Синопы.

ГИППАРХИЯ

⁸⁶ Рассуждения этих философов покорили и Гиппархию, сестру Метрокла. Оба они были родом из Маронеи.

Она влюбилась в Кратета, в его речи и образ жизни, оставаясь равнодушной к домогательствам своих женихов, несмотря на их богатства, знатность и красоту. Для нее Кратет был всем. Она угрожала своим родителям наложить на себя руки, если они не выдадут ее за Кратета. Родители же умоляли его оставить в покое их дочь. Кратет делал все, что мог, и, не в состоянии убедить ее, в конце концов встал, снял перед ней все свои одежды и сказал: «Вот твой жених, вот все его богатство, решай!» Ведь брачный союз не состоится, если она не разделит и его образ жизни.

- ⁹⁷ Девушка сделала свой выбор, падела такое же платье, как и он, бродила повсюду вместе с мужем, делила с ним ложе на виду у всех и вместе с ним отправлялась на пиры. Однажды она пришла на пир, устроенный Лисимахом, и там стала опровергать Феодора, прозванного Безбожником, применив следующий софизм: то, что делает Феодор, он, пожалуй, не назовет ошибкой. Если это же сделает Гиппархия, то и в этом случае не будет допущена ошибка. Феодор, ударив самого себя, не совершит ошибки, значит и Гиппархия не ошибется, если ударит Феодора. Тот не нашелся, что ответить, но попытался задрать ей ⁹⁸ платье. Но Гиппархия не растерялась и не испугалась, как это свойственно женщине. И когда он обратился к ней со словами:

Кто эта женщина, оставившая свой челнок? ⁵⁴

«Это я, Феодор, я, — ответила Гиппархия, — неужели ты думаешь, что я поступила неправильно, когда время, которое я собиралась провести у ткацкого станка, использовала на образование?» Еще и много других историй рассказывалось об этой женщине-философе.

Получила распространение книга писем, составленная Кратетом, в которой содержатся замечательные философские рассуждения, напоминающие по стилю Платона. Он был также автором трагедий, имеющих возвышенный философский характер. Вот один из образчиков:

Отечество мое — не только дом родимый;
 Но всей земли селенья, хижина любая,
 Готовые принять меня в свои объятия.

Он умер в преклонном возрасте и был похоронен в Беотии.

МЕНИПП

⁹⁹ Менипп, кинический философ, родом из Финикии, был, как сообщает Ахаик в своей «Этике», рабом. Диокл, со своей стороны, добавляет, что его господином был житель Понта по имени Батон. Будучи корыстолюбивым, Менипп с таким успехом попрошайничал, что смог стать фиванским гражданином.

Как говорят, в нем не было ничего серьезного. Книги его полны пасмешек и острот, в чем-то они похожи на сочинения его современника Мелеагра.

Гермипп рассказывает, что он ссужал деньги на день под проценты и получил прозвище Ростовщика. Он давал займы под «морские» проценты, т. е. страховал корабли и брал соответствующий залог. Таким образом он сколотил изрядный капитал, но под конец стал жертвой заговора и всего лишился. В отчаянии повесился и так свел счеты с жизнью. Вот наше стихотворение о нем:

Знаешь, быть может, Мениппа,
 Из Финикии родом, но с Крита собаку,
 Процентщика-заимодавца (так прозывался).
 В Фивах в дом его забрались —
 Все потерял состояние, но попять не сумел сущность
 кинической жизни;
 Повесился с горя, бедняжка.

Некоторые авторы считают, что сочинения, известные под именем Мениппа, принадлежат не ему, а Дионисию и Зопиру из Колофона, которые написали их шутки ради и передали ему как человеку, который сумеет с ними хорошо распорядиться.

¹⁰¹ Всего же было известно шесть Мениппов. Первый — тот, кто написал «Историю лидийцев» и сделал сокращение сочинения Ксанфа, второй — о нем здесь шла речь, третий — софист из Стратоникеи, кариец по

происхождению, четвертый — скульптор, пятый и шестой — художники, упомянутые у Аполлодора.

Киником написано тринадцать книг: «Путешествие в подземное царство» (Некуиa), «Завещания», «Письма, сочиненные как бы от лица богов», «Ответ физикам, математикам и грамматикам», «О рождении Эпикура» и «О почитаемых эпикурейцами двадцатидневках» и др.

МЕНЕДЕМ

¹⁰² Менедем был учеником Колота из Лампсака. Согласно Гиппоботу, он дошел до такой степени одержимости, что, надев платье эринии, ходил повсюду и говорил, что прибыл прямо из Лида как соглядатай человеческих прегрешений и намерен вернуться туда обратно и передать все тамошним богам. А одет он был так: в темно-серый хитон, доходящий до пят, подпоясанный пурпурным кушаком, на голове — аркадский колпак, украшенный двенадцатью знаками зодиака, на ногах — трагические котурны, носил он также очень длинную бороду, а в руке — посох из ясепа.

¹⁰³ Таков был образ жизни кишических философов. Добавим только к сказанному некоторые общие существенные черты их учения, так как мы считаем кишизм особой философской школой, а не известным образом жизни, как полагают некоторые. Итак, подобно Аристону с Хиоса, они отрицали необходимость логики и физики, все внимание обращая лишь на этику. И то, что некоторые считают характерным для Сократа, Диокл приписывает Диогену, приводя его слова: должно исследовать

Что у тебя и худого и доброго дома случилось⁵⁵.

Они отвергали также общеобразовательные науки. Антисфен часто говорил, что здравомыслящие люди не должны изучать литературу, чтобы не подвергаться чуждому влиянию. Они относились отрицательно к геометрии, музыке и ко всем подобным занятиям. Так, человеку, показавшему ему часы, Диоген сказал: «Да, полезная штука, чтобы не опаздывать на обед». А тому, кто хотел обучать его музыке, он сказал:

Умом людей разумных процветают город, дом,
А не бряцаньем лир и флейт игрой⁵⁶.

Далее они утверждали, что конечная цель философии — «жить в согласии с добродетелью», как об этом говорит Антисфен в своем «Геракле» (это же проповедовали и стоики, так как была известная общность идей между этими двумя школами). По этой причине кинизм называли кратчайшей дорогой к добродетели. Так жил и Зенон из Кития. Они проповедовали также неприхотливый образ жизни, довольствуясь самой необходимой пищей и одним плащом, презирая богатство, славу, знатность. Некоторые, например, питались исключительно зеленью и пили холодную воду, жили под первой попавшейся крышей или в бочках, как Диоген, который любил говорить, что только боги ни в чем не нуждаются, а богоподобные люди нуждаются в малом.

¹⁰⁵ Они полагали также, что добродетели можно научиться и ее нельзя утратить, как пишет Антисфен в «Геракле»; только мудрец достоин любви, безгрешен, друг себе подобных и ни в чем не полагается на судьбу. Все, что лежит между добродетелью и злом, они, подобно Аристону с Хиоса, считали безразличным.

Таковы были киники. Теперь перейдем к стоикам, основателем школы которых был Зенон, тоже ученик Кратета.

КНИГА IV (46—58)

БИОН

⁴⁶ Бион родился в Борисфене⁵⁷. О своих родителях и обстоятельствах, толкнувших его к занятиям философией, он сам подробно рассказал Антигону⁵⁸. Когда царь спросил его:

Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?⁵⁹

— он сообразил, что его уже успели оклеветать, и сказал ему: «Мой отец был вольноотпущенником, из тех, кто в рукав сморкается (иными словами — он торговал селедками), родом из Борисфена. Лица в соб-

ственном смысле слова не имел, а вместо него какие-то знаки — следы господского зверства. Мать такая, что взять ее в жепы мог, пожалуй, только человек вроде моего отца. Она была проституткой. Однажды отец не заплатил налогов и был продан в рабство вместе со всем семейством. Я был юношей довольно приятной паружности, и меня купил пекий ритор, который, умирая, завещал мне все свое состояние. А я сжег всю его писанину, порвал со всем прошлым, приехал в Афины и занялся философией.

Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюсь⁶⁰.

Такова моя история. Поэтому пусть Персей и Филонид⁶¹ оставят свои выдумки. Обо мне же суди не по рассказам, а по мне самому».

Безусловно, Бион был во всех отношениях опытным человеком и разносторонним софистом, который нередко давал врагам философии немало поводов для ее оскорбления. При случае он мог гоняться за пышностью и быть очень тщеславным. Он оставил многочисленные воспоминания и апофтегмы, содержащие много полезных мыслей. Так, например, когда его упрекнули за то, что он не заводит себе мальчика, Бион ответил: «Нельзя удержать на железном крючке мягкий сыр». На вопрос, кто больше всех переживает, он ответил: «Тот, кто больше всех гоняется за счастьем». На вопрос относительно жепитьбы (это изречение ему также приписывается) он заметил: «Та, что всеобщий имеет успех, — жена для всех, а та, что без внимания, сплошное наказание»⁶². Он называл старость гаванью всех несчастий, ибо в ней находят прибежище все беды. Слава — мать всех огорчений⁶³. Телесная красота — отчужденное благо. Богатство — движущая сила поступков. Одному человеку, промотавшему свою имение, он сказал: «Амфиарая поглотила земля, а ты — землю». По его словам, неумение переносить зло — само по себе большое зло. Он считал нелепым сжигать мертвецов, будто они ничего не чувствуют, и в то же время обращаться к ним, словно они что-нибудь чувствуют. Он часто говорил, что лучше доставить своей красотой радость другому, чем срывать ее плоды у других, так как это наносит вред

и телу, и душе. Бийон осуждал Сократа, говоря, что если он, питая страсть к Алкивиаду, воздерживался, то — дурак. Если же был равнодушен, то в его поведении нет ничего поразительного. Дорога в Аид легка, говаривал Бийон, ибо по ней идут с закрытыми глазами. Он бранил Алкивиада за то, что тот, будучи мальчиком, уводил мужей от жен, а став юпошей, — жеп от мужей. Афиняц, приезжавших на Родос совершенствоваться в риторике, он учил там философии. Когда кто-то упрекнул его в этом, он ответил: «Я привез на рынок пшеницу, как же мне продавать ячмень?»

⁵⁰ Он говорил, что для тех, кто находится в Аиде, наказание было бы более тяжким, если бы они носили воду не в дырявых сосудах, а в целых. Какой-то болтун приставал к нему с просьбой помочь ему защищаться на суде. Бийон ответил: «Я согласен. Только пришли защитников, а сам не являйся». Как-то раз он плыл по морю в дурной компании и попал в плен к пиратам. «Мы пропали, если нас узнают», — запричитали пегодяи. «А я, если меня не узнают», — заметил Бийон. Он любил говорить: «Самомнение — камень преткновения на пути к продвижению»⁶⁴. Об одном богатом скряге сказал: «Не он господин своего богатства, а богатство — его господин». Скушцы беспокоятся о состоянии как о своей собственности, но совершенно не пользуются им, будто оно чужое. Он говорил, что в молодости мы все отважны, а в старости наша сила —

⁵¹ в уме. Разум настолько отличается от остальных добродетелей, насколько зрение превосходит остальные наши чувства. Не за что, говорил он, бранить старость, ибо мы все хотим до нее дожить. Увидев злобного и завистливого человека, стоявшего с мрачным видом, он обратился к нему: «Не знаю, то ли с тобой какая-нибудь неприятность приключилась, то ли у другого — радость». Низкое происхождение, по его словам, — дурной помощник свободе речи, потому что

И храбреца ему под силу одолеть⁶⁵.

Он говорил, что друзей нужно оценивать по достоинству, какие бы они ни были, чтобы не подумали, будто мы дружим с дурными или уклоняемся от дружбы с хорошими людьми.

Бион с самого начала испытывал сомнение в доктринах Академии, даже будучи учеником Кратета⁶⁶. Затем он примкнул к кинической школе, надев плащ и взяв котомку нищего. Что еще нужно было ему,⁵² чтобы достичь кинической апатии? Потом ему пришлось по вкусу учение Феодора Атеиста, лекции которого, полные всякой софистической премудрости, он слушал. Затем он стал слушателем перипатетика Феофраста. В его характере было много театрального, он отличался способностью высмеивать, называя вещи своими, нередко грубыми, именами. Как говорят, в связи с тем что он умел соединить в своей речи любые стили, Эратосфен сказал, что Бион первым надел на философию пестрое платье гетеры. Он был также талантливым пародистом. Вот образчик его творчества:

Милый Архит, порожденье музыки, в тщеславье блаженный,
В споре о крайней струне из мужей ты самый искусный⁶⁷.

⁵³ И вообще он подвергал насмешкам музыку и геометрию. Бион вел расточительный образ жизни и переезжал из города в город, иногда не останавливаясь перед тем, чтобы пустить пыль в глаза. Так, например, на Родосе нанял матросов, уговорил их облачиться в ученическое платье и сопровождать его. Когда вместе с ними он вошел в гимнасий, все взоры были устремлены на него. Он нередко усыновлял юношей, чтобы удовлетворить свое вожделение к ним и, в свою очередь, пользоваться их расположением. Он был очень себялюбив и любил повторять: «У друзей все общее». Поэтому при таком большом числе слушавших его он не имел ни одного настоящего ученика. Правда, некоторых ему все же удалось сделать бесстыдными. Так,⁵⁴ один из его близких друзей, Бетпон, как говорят, однажды признался Менедему: «Вот я провожу почи с Бионом, и, полагаю, ничего плохого со мной не случилось». В беседах со своими учениками он нередко нападал на богов, пользуясь при этом аргументами Феодора. Когда же впоследствии он заболел (так рассказывали в Халкиде, где он и умер), то его убедили надеть на себя амулеты и заставили раскаяться в своих нападках на религию. Он лежал без всякой помощи

и находился в крайне плачевном состоянии, пока Антигон не прислал к нему двух слуг. Согласно рассказу Фаворина в его «Пестрых историях», царь сам⁶⁸ в носилках последовал за ними. Так Бион и умер, а я написал про это осуждающие его стихи:

- ⁵⁵ Мудрец Бион Борисфенит в земле родился скифской.
— Богов совсем на свете нет, — так говорил он близким.
Кабы держался до конца Бион такого мнения,
Могли б сказать: «Неправ, но принципиален, нет сомненья».
Теперь он тяжело заболел и, убоившись смерти,
Все то, что прежде утверждал, все отрицал, поверьте:
Что нет богов, и в храмы их он никогда не вступит,
- ⁵⁶ И те, кто жертвами дымит, ох, как ужасно глупы.
А нынче — не на очаге, а на столе алтарном
Сжигает тучные дары богам в угоду старым.
Не только «грешен» говорил, — «простите прегрешенья»,
Он дал старухе талисман надеть себе на шею.
Послушно руки обвязал оп тонкими ремнями,
- ⁵⁷ Крушиной двери увивал, лавровыми ветвями,
Все был готов мудрец сносить — остаться б только живу.
Глупец, он думал, что богам нужна одна нажива
И существуют лишь тогда, когда Бион в них верит.
Но поздно мудрости достиг — душа чуть дышит в теле,
Руками машет, лебезит: «Привет, Плутон, приветник!»⁶⁹

ФРАГМЕНТЫ СОЧИНЕНИЙ КИНИКОВ И КИНИЗИРУЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ

АНТИСФЕН

ИЗ СОЧИНЕНИЙ И БЕСЕД

Из «Геракла»

1. Они утверждали, что конечная цель философии — «жить в согласии с добродетелью», как об этом говорит Антисфен в своем «Геракле» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 104).

2. Они полагали также, что добродетели можно научиться и ее нельзя утратить, как пишет Антисфен в «Геракле»; только мудрец достоин любви, безгрешен, друг себе подобных и ни в чем не полагается на судьбу (*Диог. Лаэрт.*, VI, 105).

3. Для мудреца нет ничего чуждого или невыполнимого. Добродетельный человек достоин любви. Все достойные люди — друзья. Своими союзниками следует делать людей мужественных и справедливых. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять (*Диог. Лаэрт.*, VI, 12).

4. Тогда Антисфен ответил: «В таком случае разве не лучше этому сиракузянину показать свою танцовщицу всему городу и заявить во всеуслышание, что, если афиняне заплатят ему, он сделает так, что они все смело бросятся копьям наперерез?» (*Ксенофонт. Пир*, II, 13).

5. Он был так неуязвим и неподкупен в подобных обстоятельствах, ибо придерживался того принципа, которым руководствовался и антисфеновский Геракл, учивший мальчиков не испытывать благодарности к тем, кто их хвалит. В этом был только один смысл, — чтобы они не смущались и не чувствовали себя обязанными льстить в ответ на похвалу (*Плутарх. О неужном стыде*, 18).

6. Таким, кажется, был Хирон, который жил на Пелионе, превзошел справедливостью всех людей и воспитал Асклепия и Ахилла. Кажется, к нему пришел Геракл, испытывая жажду в знаниях, и жил с ним в пещере, воздавая почести Атланту. Только этого одного кентавра он не убил, а слушал его, как рассказывает сократик Антисфен в своем

«Геракле» (*Эратосфен. Катастеризмы*, гл. 40. — Шаубах, с. 40).

7. Поэтому и антисфеновский Геракл говорит о каком-то юноше, воспитывавшемся у Хиропа: он высок, красив и в расцвете сил. Кого полюбит, тот будет счастлив (*Прокл. Комментар. к «Алкивиаду» Платона. — Крейцер, т. 1, с. 98*).

Из «Кира»

8. В качестве нормы, эталона и наилучшего образца чистоты истинной аттической речи он приводит в пример Платона и Демосфена, а также Крития, сына Каллестра, и Антисфена с его двумя подлинными книгами, посвященными Киру и Одиссею (*Фриних Араб у Фотия. — Библиотека, 101b9*).

9. Антисфен во втором «Кире» бранит Алкивиада и обвиняет его в том, что он презирает обычаи как по отношению к женщинам, так и в остальных областях жизни (*Афиней, V, 220c*).

10. Поэтому и сократик Антисфен, как будто бы он сам видел Алкивиада, говорит, что в юности тот был сильным, мужественным, грубым, дерзким и красивым (Там же, XII, 534c).

11. Итак, что же говорит Антисфен? Ты еще не слышал? — «О Кир, это удел царей — поступать благородно и выслушивать поношения» (*Арриан. Беседы Эпиктета, IV, 5; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 3*).

12. Он доказывал, что труд — благо, приводя в пример великого Геракла и Кира, одного — из эллинов, другого — из варваров (*Диог. Лаэрт., VI, 2*).

13. Нам известна кормилица Алкивиада, лаконянка родом, по имени Амикла, и наставник его Зофир. О первой сообщает Антисфен, о втором — Платон (*Плутарх. Алкивиад, I*).

14. О том, что Алкивиад был высок и красив, свидетельствует, во-первых, то, что его называли любимцем всей Эллады, во-вторых, слова Антисфена, что если Ахилл не был похож на Алкивиада, то он не был истинно прекрасным (*Прокл. Комментар. к «Алкивиаду» Платона. — Крейцер, т. 1, с. 114*)¹.

Из «Аспасии»

15. Аспасия питала неприязнь к сыновьям Перикла Ксантиппу и Паралу. Она говорила, что один из них был сожителем Архестрата, который вел себя наподобие обитательниц домов тернимости, другой — друг и близкий приятель Эвфима, который задевал на дорогах встречных своими грубыми и неумными шутками (*Афиней*, V, 220d).

16. Сократик Антисфен рассказывает, что [Перикл] сильно любил Аспасию и дважды в день, уходя и возвращаясь, целовал ее. Однажды, когда ее обвинили в нечестии, он взял на себя ее защиту и проливал обильные слезы, будто дело шло о его собственной жизни и состоянии. Когда же Кимон, нарушив все законы, сошелся со своей сестрой Эльпиникой, вышедшей позже замуж за Каллия, и был изгнан, Перикл взял в награду за его возвращение возможность сойтись с Эльпиникой (*Афиней*, XIII, 589c; ср.: *Плутарх*. Перикл, 10—24).

Из «Протрептика»

17. Сначала он был учеником риторика Горгия. Отсюда риторическая окраска его диалогов, особенно ощутимая в «Истине» и в «Протрептиках» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 1).

18. Бомбилей — это сосуд с узким горлышком, в котором во время питья жидкость булькает, как сообщает Антисфен в «Протрептике» (*Поллукс*, VI, 16, 98; ср.: Там же, X, 19, 68).

19. Антисфен... и в «Протрептике» говорит: «...откармливаться вместо поросят» (*Афиней*, XIV, 656р).

20. Ночным горшком хотел быть Ксенофонт, вместилищем мочи — Антисфен (*Фотий*, р. 361, 21).

Из «Архелая»

21. «Архелай» содержит нападки на риторика Горгия (*Афиней*, V, 220).

Из «Политика»

22. Его диалог «Политик» содержит нападки на всех афинских демагогов (*Афиней*, I, 220d).

Из «Физиогномика»

23. Антисфен же в «Физиогномике» говорит: «Ведь и они по принуждению откармливают свиней» (*Афиней*, XIV, 656).

Из «Физика»

24. И Антисфен о боге всего сущего провозглашает: его нельзя узнать на изображениях, глазами его нельзя увидеть, он ни на что не похож. Поэтому никто не может узнать его по изображению (*Феодорет*. Излечение греческих страстей, I; *Климент Алекс.* Протрептик, VI, 71; *Лактанций*. О гневе Божиим, XI; *Он же*. Божественные установления, I, 5; *Мишудий Феликс*, 19) ².

Из сочинений о Гомере (Homeric)

25. «А разве тебе не известно, — сказал Антисфен, — что и все рапсоды знают эти поэмы?» — «Как мне этого не знать, когда я слушаю их почти каждый день?» — ответил он. «Тогда знаешь ли ты людей глупее рапсодов?» — «Должно быть, нет, клянусь Зевсом», — ответил Никерат. «Нет сомнения, — заметил Сократ, — что они не понимают сокровенного смысла» (*Ксенофонт*. Пир, III, 6; ср.: Там же, IV, 6; *Юлиан*, VII, 215).

26. Антисфен говорит, что Гомер хвалит Одиссея не больше, чем порицает, называя его «многохитростным». Ахилла и Лякса поэт менее всего изобразил «многохитростными», но простыми и благородными. Также и мудрого Нестора, клянусь Зевсом, не хитрым и лицемерным, а ведущим с Одиссеем и со всеми другими простые речи. Если у него были какие-нибудь полезные мысли, он их высказывал войску и ни от кого не скрывал. Ахилл был настолько простодушен, что считал того смертельным врагом, кто одно держит на уме, а говорит другое. Решая данную проблему, Антисфен говорит: «Что же, Одиссей дурной человек, раз он назван многохитростным? А не потому ли, что он был мудрым, так назвал его Гомер? Может быть, „хитрость“, „ловкость“ (tropos) здесь означает то ум, то умение пользоваться речью? Ведь благоправный (eutropos) тот, у кого ум расположен к добру». Но причиной стилистического

различия речи является различие в вымысле. Поэт пользуется разнохарактерной речью в зависимости от изменения голоса и действующих лиц, когда, например, описывает соловья, который, «постоянно меняя голос, льет свою переливчатую песнь»³. Если мудрые люди искусны в речах, то они умеют одну и ту же мысль выразить разными способами. Поэтому те, кто умеет говорить об одном и том же по-разному, и могут, пожалуй, быть названы «многохитростными», «ловкими» (polytropos). А мудрые люди в то же время и добродетельные. Гомер называет Одиссея, человека мудрого, и «многохитростным», именно потому что он умеет находить к разным людям разный подход. Рассказывают, что и Пифагор, разговаривая с детьми, применялся к детской речи, беседуя с женщинами, приспособлялся к ним, общаясь с властями, приносивался к ним, обращаясь к юношам, — к юношам. Ибо характерным для мудрости является умение найти для каждого свой род мудрости, а невежеству свойственно к разным людям обращаться с однообразной речью. Так обстоит дело и в медицине, когда она успешно применяет свое искусство, предписывая разнообразное лечение в соответствии с различием в состоянии больных. Таким образом, характеры бывают разными и означают изменчивость душевного склада. А многообразие в речах и употребление различных средств речи порождают у различных слушателей единообразие в восприятии, ибо каждому свойственно свое, единственное. Поэтому своеобразие каждого собирает нестрое различие речей в одно, подходящее только для него. С другой стороны, единообразное несоответствие⁴ порождает в восприятии различных людей впечатление разнообразия речи, отвергаемого многими, так как они считают неприслемой и саму речь (Схолии к «Одиссее», I, 1. — Буттманн, с. 9).

27. Антисфен говорит, что понял мудрость Одиссея, так как влюбленные часто обманывают и обещают невозможное (Схолии к «Одиссее», V, 211. — Буттманн, с. 193).

28. Антисфен говорит, что влюбленные не выполняют своих обещаний. Но «она [Калипсо] не могла делать этого без воли Зевса» (Схолии к «Одиссее», VII, 257. — Буттманн, с. 267).

29. Почему Одиссей так неразумно и пренебрежительно отзывается о Посейдипе, говоря, что он и глаза не выльчит, хотя и колеблет землю? Антисфен разъясняет: известно,

что врачеватель не Посейдон, а Аполлон («Схолии к «Одиссее», IX, 525. — Буттманн, с. 328).

30. Антисфен объясняет, что здесь речь идет не о силе рук, а о том, что он (Нестор. — *И. Н.*) не пьянел, а легко перепосил вино (Венецианские схолии к «Илиаде», IX, 636).

31. В связи с этим Антисфен говорит, что мудрый человек всегда действует, учитывая все стороны поступков. Поэтому и Афина трижды предостерегает Ареса (Лейпцигские схолии к «Илиаде», XV, 123).

32. Правильно говорит Антисфен, что мы должны желать врагам все блага, кроме доблести, потому что ею не просто владеют, а добиваются победы (*Плутарх. О счастье или доблести Александра*, II, 3. — Гуттен, т. 9, с. 56).

33. В связи с этим Антисфен говорит, что души схожи с телами, в которые они заключены (Венецианские схолии к «Илиаде», XXIII, 65).

Из книги «Об употреблении вина»

34. Так как он имел опыт и по этой части, то разрешает им пить, исходя из своих возможностей, говоря в шутку, что безрассудны те люди, которые, имея все необходимое в избытке, не осмеливаются им свободно пользоваться, и что эта самая книга представляет собой, как кажется, сочинение Антисфена «Об употреблении вина». В ней рассказывалось о вине и о некоторых признаках Диониса (*Аристид. Речи*, XXV, 560. — Диндорф, т. 1, с. 496).

Из книги «О любви»

35. Я согласен с Антисфеном, который говорит, что, если бы ему попала сама Афродита, он пронзил бы ее стрелой, потому что она погубила много наших прекрасных и достойнейших женщин, а также называет любовь пороком природы. Несчастные, попав под ее власть, называют болезнь божеством. Таким образом доказывается, что невежественные люди из-за незнания подчиняются наслаждению, которое не следует допускать, хотя оно зовется божеством и дано богами для потребностей продолжения рода (*Климент Алекс. Строматы*, II — Поттер, с. 485).

36. Жениться следует для воспроизведения рода, сходясь

для этого с самыми прекрасными женщинами. И любви не должен чуждаться мудрец, ибо только он знает, кто достоин ее (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11).

37. Следует сходиться только с такими женщинами, которые будут вам за это признательны (*Диог. Лаэрт.*, VI, 3).

38. — Ну, хорошо, — сказал Каллий. — А ты, Сократ, что можешь сказать, почему ты вправе гордиться таким бесславным искусством, которое ты назвал?

— Уговоримся сперва, — сказал Сократ, — в чем состоит дело сводника. На все мои вопросы отвечайте без замедления, чтобы нам знать все, в чем придем к соглашению. Вы тоже так думаете?

— Конечно, — отвечали они. Сказавши раз «конечно», после этого все давали ответ этим словом.

— Итак, — начал Сократ, — задача хорошего сводника — сделать так, чтобы тот или та, кого он сводит, нравился тем, с кем он будет иметь дело, не правда ли?

— Конечно, — был общий ответ.

— Одно из средств нравиться не состоит ли в том, чтобы иметь идущий к лицу фасон прически и одежды?

— Конечно, — был общий ответ.

— Не знаем ли мы и того, что человек может одними и теми же глазами смотреть на кого-нибудь дружелюбно и враждебно?

— Конечно.

— А что? Не бывает ли так, что одни речи возбуждают вражду, другие ведут к дружбе?

— Конечно.

— Хороший сводник не будет ли из всего этого учить тому, что помогает нравиться?

— Конечно.

— А какой сводник лучше, — который может делать так, чтобы его клиенты нравились одному, или который — многим?

Тут голоса разделились; одни сказали: «Очевидно, который очень многим», — а другие: «Конечно».

Сократ сказал, что и относительно этого все согласны, и продолжал:

— А если бы кто мог делать так, чтобы люди нравились даже целому городу, не был ли бы он уже вполне хорошим сводником?

— Несомненно, — был общий ответ.

— Если бы кто мог делать такими людей, во главе которых он стоит, не был ли бы он вправе гордиться этим искусством и не был ли бы вправе получать большое вознаграждение?

Когда и с этим все согласились, он продолжал:

— Таков, мне кажется, наш Антисфен.

— Мне передаешь ты, Сократ, это искусство? — сказал Антисфен.

— Да, клянусь Зевсом, — отвечал Сократ, — я вижу ты вполне изучил и родственное этому искусство.

— Какое это?

— Искусство завлечения, — отвечал Сократ.

Антисфен, ужасно обидевшись, спросил:

— Какой же поступок такого рода ты знаешь за мной, Сократ?

— Знаю, — отвечал он, — что ты завлек нашего Каллия к мудрому Продику, видя, что Каллий влюблен в философию, а Продику нужны деньги; знаю, что ты завлек его к Гиппию из Элиды, у которого он научился искусству помпиль, и оттого с тех пор стал еще более влюбчивым, потому что никогда не забывает ничего прекрасного, что ни увидит. Недавно и мне ты расхваливал этого проезжего из Гераклеи и, возбуждив во мне страсть к нему, познакомил его со мною. За это я, конечно, тебе благодарен: человек он, мне кажется, в высшей степени благородный. А Эшила из Флиунта разве ты мне не расхваливал, а меня — ему? И не довел ли ты нас до того, что мы, влюбившись под влиянием твоих речей, бегали, как собаки, разыскивая друг друга? Так, видя, что ты можешь это делать, я считаю тебя хорошим завлекателем. У кого есть талант узнавать, какие люди полезны друг другу, и кто может возбуждать в них взаимную страсть, тот мог бы, мне кажется, и город склонить к дружбе, и браки устраивать подходящие: он был бы дорогим приобретением и для города, и для друзей, и для союзников. А ты рассердился, как будто я обругал тебя, назвав тебя хорошим завлекателем.

— Теперь нет, клянусь Зевсом, — сказал Антисфен. — Если я действительно обладаю таким талантом, то душа у меня уже совсем набита будет богатством (*Ксенофонт. Пир, IV, 56—64 / Пер. С. И. Соболевского*).

Из книги «О воспитании, или О словах»

39. Антисфен говорит, что начало образования состоит в исследовании слов (*Арриан. Беседы Эпиктета, I, 17*).

40. Антисфен часто говорил, что здравомыслящие люди не должны изучать литературу, чтобы не подвергаться чуждому влиянию (*Диог. Лаэрт., VI, 103*).

Из «Сатона»

41. Мерзко и похабно переименовав Платона в Сатона, он (Антисфен. — *И. Н.*) издал под таким названием диалог, направленный против Платона (*Афиней, V, 220d*; ср.: Там же, XI, 507а).

42. Он (Протагор. — *И. Н.*) также первым, по словам Платона в «Эвтидеме», стал употреблять в дискуссиях положение Антисфена, которым он старался доказать невозможность противоречия (*Диог. Лаэрт., IX, 53*; ср.: *Платон. Эвтидем, 286C*).

43. Рассказывают, что Антисфен намеревался прочесть одно из своих сочинений и пригласил Платона. Когда тот спросил, что он собирается читать, Антисфен ответил: «О невозможности противоречия». Тогда Платон сказал: «Как ты вообще можешь что-нибудь написать об этом?» — и стал доказывать, что он сам себе противоречит. После этого Антисфен написал диалог под названием «Сатон», направленный против Платона, и оба философа отныне стали врагами (*Диог. Лаэрт., III, 35*; ср.: Там же, VI, 7).

44. Говорят, что есть три вида идей. Антисфен называет их пустыми выдумками, прибавляя: «Человека и лошадь я вижу, а человечности и лошадности не вижу» (*Цец. Хилиады, VII, 606*; ср.: *Симпликий. Схолии к «Категориям» Аристотеля. — Брандис, с. 66*).

45. Однажды Зенон, снова защищая того же самого учителя (Парменида. — *И. Н.*), утверждавшего, что сущее неподвижно, приводил пять доказательств этого положения. Киник Антисфен, не зная, как возразить на это, встал и начал прохаживаться, считая, что сильнее всякого словесного опровержения практическое доказательство (*Симпликий. Схолии к «Категориям» Аристотеля. — Брандис, с. 22*).

Из книги «Истина»

46. Сначала он был учеником ритора Горгия. Отсюда риторическая окраска его диалогов, особенно ощутимая в «Истине» и «Протрептиках» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 1).

47. А ложное высказывание вообще ни к чему не относится. Поэтому Антисфен простодушно полагал, что ничто не может обозначаться ничем другим, кроме присущего ему слова (*logos*), но только одним об одном. Отсюда вытекало, что противоречие невозможно, а также, пожалуй, невозможно и ложное высказывание (*Аристотель. Метафизика*, V, 29, 1024b26—1025a1).

48. Он первый дал определение: «Понятие есть то, что выражает, чем предмет был или что он есть» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 3).

49. Поэтому не без основания возникало затруднение, смущавшее антисфеновцев и других столь же необразованных людей: нельзя-де дать определения того, чем является вещь (ведь такое определение — только ее длинное описание), но возможно научить, какова она в качественном отношении. Нельзя, например, сказать, в чем сущность серебра, но можно сказать, что оно похоже на олово (*Аристотель. Метафизика*, VIII, 3, 1043b23).

50. Логика бесплодна — мы еще рассмотрим этот вопрос. Итак, если кто-нибудь согласится с этим, то этого достаточно, чтобы остальное различить, рассмотреть и, так сказать, измерить и взвесить. — Кто так думает? — Только Хрисипп, Зенон и Клеанф. Антисфен такого мнения не придерживался (*Эпиктет. Беседы*, I, 17, 10).

51. Антисфен Аристиппу.

Не к лицу истинному философу жить у тиранов и принимать участие в пресловутых сицилийских пирах. Он должен оставаться на родине и довольствоваться тем, что имеет. Ты же полагаешь, что разумный человек должен уметь склотить состояние и приобрести друзей среди самых влиятельных лиц. Но богатство не относится к числу необходимых вещей, а если бы оно и было необходимым, то, добытое таким путем, оно отнюдь не является благом. Что же касается друзей, то этот сброд невежд и тиранов никогда не может стать друзьями. Поэтому я посоветовал бы тебе покинуть Сиракузы и Сицилию. Если же ты, как утверждают люди, пристрастился к наслаждениям и привязан

к тому, что философам не приличествует, тогда отправляйся-ка в Антикиру — там тебе поможет отвар из чемерицы. Он гораздо полезнее вина, которым тебя поит Дионисий. Вино ведет к безумию, а чемерица излечивает его. Насколько здоровье и благоразумие отличаются от болезни и глупости, настолько и ты станешь лучше по сравнению с тем, каков ты сейчас. Будь здоров (Письма сократиков. — Орелли, с. 15; Герхер, письмо VIII).

Недостоверное

52. Он доказывал, что добродетели можно научиться (*Диог. Лаэрт.*, VI, 10).

53. У мужчин и у женщин добродетель одна и та же (Там же, 12).

54. И Сократ сказал: «Как во многом другом, так и в том, что делает эта девушка, видно, друзья, что женская природа ни в чем не уступает мужской, но она нуждается в знаниях и в силе. Поэтому, если у кого из вас есть жена, пусть смело учит ее тому, чему бы он хотел». Тогда Антисфен спросил: «Как же ты, Сократ, придерживаясь такого мнения, не воспитываешь Ксаптиппу, а живешь с женщиной самой несносной, как я думаю, из всех, которые есть, были и будут?» (*Ксенофонт. Пир*, II, 9—10).

55. Безвестность, как и труд, — благо (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11; ср.: *Эпиктет. Беседы*, I, 24; ср. также: *Диог. Лаэрт.*, VI, 72; 83; 93).

56. Мудрец сам себе довлеет, ибо все, что принадлежит другим, принадлежит и ему (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11, ср.: Там же, VI, 72).

57. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять. . . Разум — самое прочное из укреплений, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать. Его стены нужно возводить из наших собственных неопровержимых доводов (Там же, 12—13).

58. Вот основные положения его философии. Он доказывал, что добродетели можно научиться; что благородство и добродетельность одно и то же. Для счастья достаточно одной добродетели, а она нуждается лишь в Сократовой силе. Добродетель же состоит в делах и не нуждается ни в многословии, ни в науках. . . Мудрец живет не по законам государства, а по законам добродетели. . . Диокл при-

писывает ему также следующие мысли... Лучше с немногими добродетельными сражаться против всех дурных, чем со многими дурными против немногих честных. Считайся с врагами: они первыми замечают твои ошибки. Пуще родича своего почитай человека справедливого... Добро прекрасно, зло безобразно. Все дурное считай чуждым себе (*Диог. Лаэрт.*, VI, 11—12).

59. Снова и снова Антисфен говорит, что целью жизни является непритязательность (*Климент Алекс.* Строматы, II. — Поттер, с. 498).

60. «А ты, — спросил он, — чем ты гордишься, Антисфен?» — «Богатством», — ответил он. Тогда Гермоген спросил, а много ли у него денег. Тот поклялся, что у него нет ни обола. «Тогда много ли у тебя земли?» — снова спросил тот. «Может быть, нашему Автолику хватило бы для того, чтобы патереться песком» (*Ксенофонт.* Пир., III, 8).

61. — А ну-ка, — сказал Сократ, — ты теперь говори нам, Антисфен, как это ты, имея столь мало, гордишься богатством?

— По моему убеждению, друзья, у людей богатство и бедность не в хозяйстве, а в душе. Я вижу много частных лиц, которые, владея очень большим капиталом, считают себя такими бедными, что берутся за всякую работу, идут на всякую опасность, только бы добыть побольше. Знаю и братьев, которые получили в наследство поровну, по у одного из них средств хватает, даже есть излишки против расхода, а другой пуждается во всем. Я слышал и про тиранов, которые так алчны до денег, что прибегают к действиям, гораздо более преступным, чем люди, самые неимущие, — из-за нужды одни крадут, другие прорывают стены, иные похищают людей, а тираны бывают такие, что уничтожают целые семьи, казнят людей массами, часто даже целые города из-за денег обращают в рабство.

Мне их очень жалко, что у них такая тяжелая болезнь: мне кажется, с ними происходит что-то похожее на то, как если бы человек много ел, но никогда не был сыт. А у меня столько всего, что сам я насилу нахожу это; по все-таки у меня в барышах остается, что, евши, я дохожу до того, что не бываю голоден, пивши — до того, что не чувствую жажды, одеваюсь так, что на дворе не мерзну нисколько не хуже такого богача, как Каллий; а когда бываю дома, то очень теплыми хитопами кажутся мне стены, очень теп-

лыми плащами — крыши; постелью я настолько доволен, что трудно бывает даже разбудить меня. Когда тело мое почувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, поскольку никто другой не хочет иметь с ними дела. И все это кажется мне таким приятным, что испытывать больше наслаждения при исполнении каждого такого акта я и не желал бы, а напротив, меньше: до такой степени некоторые из них кажутся мне приятнее, чем это полезно.

Но самым драгоценным благом в моем богатстве я считаю вот что: если бы отняли у меня и то, что теперь есть, ни одно занятие, как я вижу, не оказалось бы настолько плохим, чтобы не могло доставлять мне пропитание в достаточном количестве. И в самом деле, когда мне захочется побаловать себя, я не покупаю на рынке дорогих продуктов, потому что пачетисто, а достаю их из кладовой своей души. И гораздо больше способствует удовольствию, когда подносишь ко рту пищу, дождавшись аппетита, чем когда употребляешь дорогие продукты, как, например, теперь, когда я пью это фасосское вино, не чувствуя жажды, а только потому, что оно попало мне под руку. Несомненно, и гораздо честнее должны быть люди, любящие дешевизну, чем любящие дороговизну: чем больше человеку хватает того, что есть, тем меньше он зарится на чужое.

Следует обратить внимание еще на то, что такое богатство делает человека более щедрым. Сократ, например, от которого я получил его, давал его мне без счета, без веса: сколько я мог унести с собою, столько он мне и давал. Я тоже теперь никому не отказываю: всем друзьям показываю изобилие богатства в моей душе и делюсь им со всяким. Далее, видите, такая прелесть, как досуг, у меня всегда есть; поэтому я могу смотреть, что стоит смотреть, слушать, что стоит слушать, и, чем я особенно дорожу, благодаря досугу проводить целые дни с Сократом. Да и Сократ не ценит людей, насчитывающих груды золота, а, кто ему нравится, с теми постоянно и проводит время. Так говорил Антисфен (*Ксенофонт*. Пир, IV, 34—43 / Пер. С. И. Соболевского).

62. Ибо вижу у вас большие приготовления для варки чечевицы, и, присмотревшись к ним, я посоветовала бы вам, как говорит сократик Антисфен, покончить жизнь са-

моубийством, прежде чем съесть такое (*Афиней*, IV, 157b).

63. Что касается Антисфена-сократика, то он говорит о наградах за доблесть то же самое, что и Платон. Правда, данный рассказ не может считаться истинным, так как этот киник многое делал, чтобы понравиться Сократу. Поэтому не следует верить ни тому, ни другому, когда мы имеем свидетельство Фукидида. Антисфен добавляет к уже существующим неправильным описаниям следующее: «Мы знаем, что в битве с беотийцами ты получишь награду за доблесть». — «Молчи, чужестранец. Это заслуга Алкивиада, а не моя». — «Как мы видим, ты соглашаешься» (*Афиней*, V, 216b).

64. Антисфен утверждал, что удовольствие — благо, но, добавляя он, когда оно не вызывает раскаяния (Там же, XII, 513a).

65. Антисфен, человек с гераклитовским складом ума, говорил, что лучше быть безумным, чем наслаждаться. Поэтому он убеждал своих учеников, чтобы они для достижения удовольствия не шевельнули и пальцем (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, XV, 13; *Диог. Лаэрт.*, IX, 101; *Авл Геллий*, IX, 5; *Климент Алекс.* Строматы, II, 20, 492a; *Цицерон*. О границах добра и зла, V, 31, 93).

66. Отсюда вытекает, что законодательство по необходимости устанавливается в интересах людей, равных как по рождению, так и по могуществу. Для таких людей законы не пишутся: они сами себе законы. И был бы смешон тот, кто пытался бы писать для них законы. Ведь они, пожалуй, скажут так, как говорил Антисфен: львы взяли слово, когда, собравшись на совет, зайцы потребовали для всех равноправия (*Аристотель*. Политика, III, 13, 1284a15—16; Ср.: *Эзон*, 241).

67. Речи придается выразительность и тем, что самое важное слово ставится в конце; поставленное же в середину, оно как бы притупляется, как, например, у Антисфена: «Почти что больным человек, спавший на хворосте, встанет». Если изменить порядок слов и сказать: «спавший на хворосте человек встанет почти что больным», — то хотя будет сказано одно и то же, но возникнет впечатление, что сказано не одно и то же (*Деметрий Фалерский*. О стиле, 249).

68. И как Антисфен пысканность Кефисодота сравнил с ладаном: он доставляет удовольствие, когда убывает (*Аристотель*. Риторика, III, 4, 1407a).

69. Пес пазывал харчевни аттическими фидитнями (Там же, 10, 1411а. Псом Аристотель, вероятно, называл Антисфена).

70. Поэтому Антисфен справедливо отвечал нищенствующей братии: Не собираюсь кормить мать богов, которую кормят боги (*Климент Алекс. Протрептик.* — Поттер, с. 64).

71. Общаясь с мудростью других,
 Становятся тираны мудрецами

(этот стих вместе с Платоном Антисфен приписывает Еврипиду, в то время как другие авторы утверждают, что он взят из трагедии Софокла «Аякс из Локр». См.: Схолии к Фесмофориадзусам, Арпстофана, 21; *Аристид.* Речь, II, 288; *Платон.* Государство, VIII, 568А; *Он же.* Феаг, 125В, и др.).

72. Поэтому не так уж плохи поправки, сделанные Клеанфом и Антисфеном. Когда он (Антисфен. — *И. П.*) увидел, что афиняне, находившиеся в театре, пришли в страшное волнение, услышав стих:

Что за позор, коли его позором не считать,

тут же его переделал:

Позор позором останется, хочешь того или нет.

(*Плутарх.* Как юноше должно слушать произведений поэтов. — Гуттен, т. 7, с. 115. Указанный стих принадлежит Еврипиду («Дол»), как указывает схолиаст к стих. 1523 «Лягушек» Аристофана).

73. Если бы он любил не только сельское хозяйство, но и людей, то предпочел бы засеять поле, которое могло бы прокормить много народа, а не такой клочок земли, о котором говорил Антисфен, что его хватило бы только на то, чтобы натереться Автолику песком. А я, собираясь возделывать поле, хочу обратить в него весь мир (*Плутарх.* Философу следует беседовать прежде всего с сплными мира, 3. — Гуттен, т. 12, с. 86; ср.: *Ксенофонт.* Пир, III, 8; *Плутарх.* Об изгнании, т. 10, с. 370; Диог. Лаэрт., VI, 98; *Цицерон.* Тускуланы, V, 37).

74. Рассмотрев этот вопрос, Антисфен сказал, что образованного и умного человека трудно переносить, так как неразумие — вещь легкая и необременительная, а разум непреклонен, непоколебим, тяжесть его неодолима (*Филон*

Алекс. О том, что всякий добродетельный человек свободен. — Гешель, с. 869).

75. «С того времени, как Антисфен меня освободил, я перестал быть рабом». — «Как он это сделал?» — «Послушай, что он говорит: он научил меня тому, что является моим и что мне не принадлежит. Богатства не мои, родственники, близкие, друзья, слава, привычные ценности, общение с людьми — все это чуждое». — «Что же принадлежит тебе?» — «Мои представления. Они, — учил он, — никому не подвластны, зависят только от меня, и никто не может им помешать, никто не заставит пользоваться ими иначе, чем я хочу» (*Эпиктет. Беседы, III, 24, 67 сл.; ср.: Там же, IV, 1, 114*).

АПОФТЕГМЫ

76. На вопрос, что такое праздник, Антисфен ответил: повод для обжорства (*Антоний и Максим. Беседа о невоздержанности и обжорстве, с. 299*).

77. Как рассказывает Гекатон в «Хриях», Антисфен говорил: «Лучше достаться воронам, чем попасть к лъстецам. Те пожирают мертвых, а эти — живых» (*Диог. Лаэрт., VI, 4*).

78. Спрошенный, почему у него так мало учеников, [Антисфен] ответил: «Потому что я гоню их от себя серебряной (может быть, *αγρίαί* — *свирепой?*) палкой» (Там же).

79. На вопрос, почему он так жесток с учениками, [Антисфен] ответил: «И врачи бывают жестоки с больными» (Там же).

80. Диоген Синопский скоро стал презирать остальных, к Антисфену же отнесился дружелюбно, не столько восхваляя его самого, сколько его речи, так как считал, что только они одни истинны и скорее всего могут помочь человеку. Сравнивая Антисфена с его речами, он иногда упрекал его самого за излишнюю мягкость и, бранясь, называл его трубой, потому что она, хотя и очень громко трубит, но себя не слышит. И Антисфен выслушивал все это и не возражал, ибо восторгался характером этого человека. Однако в свою защиту говорил, что похож не на трубу, а на осу: осы жужжат крылышками негромко, зато жало у них жалит очень больно. Ему доставляла удовольствие откровенность Диогена, подобно тому как всадник, получивший копя норовистого, но смелого и выпосливого, тем не менее хвалит его

горячность, а ленивых и медлительных ненавидит и не выносит. Таких иногда то шпорами колют, то плеткой поучают, как те, которые, натягивая струны, смотрят все же, чтобы они не оборвались (*Дион Хрисостом*. Речи, VIII. — Рейске, с. 275; ср.: *Стобей*, Антология, XIII, 19).

81. Как пир без беседы, так и богатство без добродетели не приносит радости (*Стобей*. Антолог., I, 30. Слова Антисфена).

82. На вопрос, почему не богачи идут к мудрецам, а наоборот, Антисфен ответил: «Потому что мудрецы знают, что им нужно для жизни, а богачи не знают: в ином случае они стремились бы скорее к мудрости, а не к деньгам» (Там же, III, 64).

83. Антисфен говорил, что удовольствия, которые не вошли через двери, не должны также выходить через них обратно. Их нужно или отсесть, или лечиться от них чемерицей⁵ (Там же, VI, 2. Слова Антисфена).

84. Наслаждения, которые вошли не в двери, говорил Антисфен, нужно будет или отсесть, или лечить чемерицей, или заморить голодом, испытав тяжчайшее возмездие за прежнюю ненасытность, связанную с маленьким и кратким удовольствием (Там же, XVIII, 27).

85. Кто боится других, тот раб, хотя он этого и не замечает (Там же, VIII, 14. Слова Антисфена).

86. Стяжатель не может быть хорошим человеком, будь он царем или просто свободным гражданином (Там же, X, 42. Слова Антисфена).

87. Антисфен говорил, что, подобно тому как гетеры желают своим любовникам всяких благ, кроме благоразумия и рассудка, так и льстецы хотят того же от тех, с кем они знают (Там же, XIV, 19).

88. Следует домогаться удовольствий, которые идут за трудами, а не перед трудами (Там же, XXIX, 65. Слова Антисфена).

89. Антисфен на вопрос, как следует обращаться с политикой, ответил: «Как с огнем: не подходить слишком близко, чтобы не обжечься, и не очень удалиться, чтобы не замерзнуть» (Там же, XV, 28).

90. Философ Антисфен говорил, что палачи благочестивее тиранов. Когда его спросили, почему, он ответил: «Палачи убивают преступников, а тираны — невинных людей» (Там же, XIX, 47).

91. Когда кто-то сказал, что война уничтожает бедняков, сократик Антисфен заметил: «Напротив, она их рождает во множестве» (Там же, L, 11).

92. Того, кто тебя опровергает, нужно не опровергать, а научить. Ведь одно безумство нельзя излечить другим безумством (Там же, XXXII, 8. Слова Антисфена).

93. На вопрос, кого следует брать в жены, [Антисфен] ответил: «Та, что всеобщий имеет успех, жена для всех, а та, что без внимания, сплошное наказание» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 3; ср.: Там же, IV, 48; V, 11).

94. Увидев однажды прелюбодея, спасавшегося бегством, он крикнул ему: «Несчастный! Какой опасности ты мог бы избегать всего за один обол» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 4; ср.: *Афиней*, XIII, 568).

95. Одному юноше с Понта, который хотел у него учиться и спросил, что для этого нужно, он ответил: «Новая книжка, новый грифель, новая табличка да ум впридачу», — игрой слов подчеркивая значение ума (*Диог. Лаэрт.*, VI, 3; ср.: Там же, II, 118).

96. Когда его попрекали тем, что не оба его родителя свободнорожденные, он сказал: «Но они и не борцы, а вот я — борец» (Там же, VI, 4).

97. Как-то один из знакомых пожаловался ему, что потерял свои ценные записи. На это он заметил: «Нужно было записывать не на табличке, а в сердце» (Там же, 5).

98. Государства погибают тогда, когда перестают отличать дурных от хороших (Там же, 5).

99. Как ржавчина съедает железо, так завистников — их собственный нрав (Там же).

100. Когда его однажды хвалили дурные люди, он заметил: «Боюсь, не сделал ли я чего-нибудь дурного» (Там же).

101. Он говорил, что совместная жизнь братьев-единомышленников прочнее всяких стен (Там же, 6).

102. Нужно, учил он, брать с собой в дорогу столько припасов, чтобы они уцелели даже при кораблекрушении (Там же).

103. Когда однажды его упрекнули в том, что он якшается с дурными людьми, он ответил: «И врачи вступают в контакт с больными, но не заражаются» (Там же).

104. «Не чудно ли, — говорил он, — очищать зерна от плевел, не допускать к бою людей непригодных и в то же

время мириться с мошенниками на государственной службе?» (Там же).

105. Когда его спросили, что дает ему философия, он ответил: «Умение оставаться наедине с собой» (Там же).

106. Во время пирушки кто-то предложил ему: «Спой!» — «А ты сыграй мне на флейте», — ответил Антисфен (Там же).

107. Когда Диоген попросил у него хитон, он предложил ему взамен сложить вдвое свой собственный гиматий (Там же).

108. Спрошенный, какая из наук самая важная, он ответил: «Та, которая учит отучаться от зла» (Там же, 7).

109. Тем, кому приходилось слышать о себе клевету, он советовал переносить ее мужественнее, чем удары камнями (Там же).

110. Как рассказывает Фапий в сочинении «О сократиках», Антисфен на вопрос, как стать совершенным, ответил: «Научившись у людей знающих избегать пороков, сидящих в тебе» (Там же, 8).

111. Когда кто-то хвалил роскошь, он вознегодовал: «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!» (Там же).

112. К юноше, старавшемуся принять перед скульптором позу покрасивее, он обратился со словами: «Скажи-ка мне, если бы бронза вдруг обрела голос, чем бы она, по твоему мнению, стала кичиться?» — «Своей красотой», — последовал ответ. — «Тогда не стыдно ли тебе чваниться тем же, чем и неодушевленный материал?» (Там же, 9).

113. Юноша с Понта обещал обогатить Антисфена, когда придет его корабль с соленой рыбой. Философ захватил пустой мешок и попросил юношу пойти вместе с ним к торговке хлебом. Там он набил мешок и пошел прочь. Когда же она потребовала плату, тот сказал: «Вот этот молодой человек тебе заплатит, когда придет его корабль с соленой рыбой» (Там же).

114. Кажется, он был причастен к изгнанию Апита и к казни Мелета. Встретившись с юношами, прибывшими с Понта, после того как они наслышались о славе Сократа, Антисфен отвел их к Аниту, сказав в насмешку, что этот человек мудрее Сократа. Как говорят, это вызвало такое негодование среди окружавших Сократа, что они настояли на изгнании Апита (Там же, 9—10).

115. Когда он где-нибудь видел роскошно одетую женщину, то отправлялся к ней домой и просил ее мужа вывести коня и показать оружие. Если у него найдется и то, и другое, то пусть ее наряжается, так как этого ему достаточно для защиты. Если же у него ничего такого нет, то пусть заставит ее отказаться от украшений и нарядов (Там же, 10).

116. Однажды его посвящали в таинства орфиков, и жрец сказал, что посвященных в Аиде ожидают всякие блага, на что Антисфен возразил: «Почему же ты не умираешь?» (Там же, 4).

117. На вопрос, о чем человек должен мечтать, он ответил: «О том, чтобы умереть счастливым» (Там же, 5).

118. «Тот, кто хочет быть бессмертным, — говорил он, — должен вести благочестивую и праведную жизнь» (Там же).

119. «Поэтому правильно говорит Антисфен, что тем, кто хочет спастись, нужны или истинные друзья, или заклятые враги; первые образумливают ошибающихся, вторые — своей бранью отвращают их от ошибок» (*Плутарх. О пользе, которую можно получить от врагов.* — Гуттен, т. 7, с. 277; ср.: *Цицерон. О дружбе, XXIV, 90*).

120. Но мне помогают известные слова Антисфена. Когда кто-то удивился, что он, идя по рынку, сам пестет соленую рыбу, он ответил: «Но ведь я песу ее для самого себя» (*Плутарх. Наставления по управлению государством.* — Гуттен, т. 12, с. 168).

121. И нет смысла разворачивать другие книги Хрисиппа, чтобы показать, как он борется сам с собой, но и в этих самых он иногда с похвалой упоминает изречение Антисфена о том, что нужно или приобрести разум, или надеть петлю на шею» (*Плутарх. Опровержение стоиков, XIV.* — Гуттен, т. 13, с. 356).

122. Поэтому правильно сказал Антисфен, услышав, что Исмений хороший флейтист: «Но человек он скверный, иначе он не был бы таким искусным флейтистом» (*Плутарх. Перикл, 1.* — Гуттен, т. 1, с. 379).

123. А вот сократик Антисфен, видя, как хвастаются фиванцы своей победой при Левктрах, сказал, что они ничем не отличаются от мальчишек, ликующих оттого, что избili своего наставника (*Плутарх. Ликург, 30.* — Гуттен, т. 1, с. 142).

124. Тому, кто хочет стать добродетельным человеком,

следует укреплять тело гимнастическими упражнениями, а душу — образованием и воспитанием (Извлечения из флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина в «Эклогах» Стобея. — Гайсфорд, т. 2, с. 734; ср.: *Стобей*. Антология. — Майнеке, т. 4, с. 198).

125. Когда какой-то человек спросил Антисфена, чему надо учить сына, он ответил: «Если он собирается общаться с богами, то философии, если же с людьми, то риторике» (Извлечения из Флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина в «Эклогах» Стобея. — Гайсфорд, т. 2, с. 734).

126. Этот философ [Антисфен] был человеком хвастливым и заносчивым. Когда какой-то наглец дал ему пощечину, он написал на своем лбу, как на статуе, имя своего обидчика, чтобы еще хлеще его изобличить (Схолии к Григорию Назианзину у Буассонада).

127. Нельзя считать достоверными слова Антисфена, который родился в Аттике, о том, что, отправляясь из Афин в Лакедемон, ты переходишь как бы из жепской половины дома в мужскую (*Феон*. Прогимназмы, 5, 45: ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 59).

128. Как говорили, [он был] пезаконпорожденный. С этим связал его ответ на чью-то насмешку: «И мать богов — фригиянка» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 1).

129. И сам Антисфен с презрением говорил об афинянах, кичившихся своим происхождением, что они ничуть не благороднее улиток или кузнечиков» (Там же).

ДЕКЛАМАЦИИ⁶

Аякс

¹ Я хотел бы, чтобы нас судили те, кто участвовал в сражениях. Я понимаю, что мне следовало бы молчать, но зато вот этот не знает устали в речах. Ныне тех, кто все это сам пережил, здесь нет. Вы же собираетесь судить, сути дела не ведая. Какая же справедливость может восторжествовать, когда судьи фактов не знают, а только слушают речи?

² А дело родилось из деяния. Итак, тело Ахилла спас и унес я, а он — доспехи, понимая, что троянцы будут скорее пытаться захватить тело погибшего героя, чем его доспехи. Если бы они овладели трупом, то надру-

гались бы над ним, отомстив за Гектора. Что же касается доспехов, то они не стали бы посвящать их богам, а спрятали подалеже.

³ Опасаюсь этого доблестного мужа, который уже раньше однажды ночью святотатственно похитил у них из храма статую богини и показал ее ахейцам, словно свершив достославный подвиг. Я хочу получить оружие Ахилла, чтобы отдать его друзьям, а он — чтобы продать, ибо воспользоваться им, пожалуй, не посмеют. Ведь ни один трус не станет сражаться прославленным оружием, потому что понимает, что трусость его выдаст само оружие.

⁴ Дело обстоит примерно так: цари, командовавшие сражением, охотно предоставили другим право выносить решение о доблести, а вы, ничего не зная, обещаете вершить суд по поводу того, чего не знаете. По моему же мнению, ни один царь, действительно способный судить о доблести, не поручил бы этого дела другим, подобно тому как опытный врач никогда не доверил бы другому поставить больному диагноз.

⁵ Если бы у меня возник спор с человеком, похожим на меня, то проигрыш дела для меня ничего бы не значил. Но теперь нет двух людей, которые бы больше отличались друг от друга. Ведь этот ничего не делает явно, я же ничего бы не посмел сделать тайно. Я бы не выпес ни малейшего оскорбления или насилия, а этот разрешил бы себя даже повесить, лишь бы получить какую-нибудь выгоду. Это он позволил рабам нанести ему удары бичом, бить палками по спине и кулаками по лицу, а потом, обрядившись в лохмотья, почью проник во вражеский город и, ограбив храм, улизнул. И это он вновь согласится делать, да и других, пожалуй, станет убеждать, говоря, как прекрасно все было сделано. После всего сказанного этот негодяй и святотатец хочет получить доспехи Ахилла?!

⁷ Слушайте мое слово вы, ничего не знающие судьбы: когда вы вынесете свой приговор, больше внимания обращайтесь на дела, а не на слова. Ведь и исход войны решается не словом, а делом. И с врагами пужно не состязаться в речах, а или побеждать сражаясь, или покоряться молча. Старайтесь судить хорошо, и тогда вы узнаете, что слово по сравнению с фактами не

- имеет никакой силы и что из-за недостатка фактов говорятя долгие и многословные речи, а пользу при-
8 несет вам не тот, кто речист. В противном случае говорите, что не понимаете того, что говорят, а уходите или же судите по справедливости. Обо всем этом нужно говорить громко, а не шепотком, чтобы вы знали, что и тем, кто судит, если они поступают несправедливо, воздается по справедливости. Потом, может быть, вы поймете, что заседаете здесь не как арбитры речей, а как люди, имеющие убеждения.
- 9 Я предоставляю вам право решать относительно меня и моего дела, но обо всем — запрещаю, особенно относительно человека, который прибыл под Трою не добровольно, а против своей воли⁷, да и обо мне, который всегда впереди один и сражается не под защитой степ.

Одиссей

- 1 Не к одному тебе только обращена моя речь, ради которой я подпился, но и ко всем остальным. Ведь для нашего войска я сделал больше, чем все вы, вместе взятыс. Об этом я сказал бы даже при жизни Ахилла, а сейчас говорю это вам после его смерти. Нет ни одной битвы, в которой я не сражался бы вместе с вами, но никто из вас не разделял со мной всех моих опасностей, никто. Но в общих сражениях, даже если бы вы и нехрабро сражались, ничего страшного не случилось бы.
- 2 Если я благополучно выбирался из опасностей, которые выпали на долю только мне, все это шло на пользу тому делу, ради которого мы сюда прибыли; если бы мне пришлось плохо, вы лишились бы в моем лице единственного в своем роде мужа. Мы пришли сюда не для того, чтобы восвать с трояпцами, а чтобы вернуть Елену и взять Трою.
- 3 Все это было целью моих испытаний. Ведь когда было получено предсказание, что Трою нельзя одолеть, пока мы, похитив, не завладеем статуей богини⁸, кто доставил ее сюда, как не я? А ты меня обвиняешь в святотатстве. Ты-то ничего не видишь и называешь нечестивым грабителем человека, который

отвоевал статую богини, а не ограбившего нас Александра.

4 Вы все горячо желаете взять Трою, а меня, придумавшего, как это сделать, ты обзываешь негодяем. Но если прекрасно взять Иллион, то и прекрасно найти путь для этого. Все остальные благодарны мне, а ты поносишь меня. Из-за своего невежества ты даже не представляешь себе, чьими услугами пользовался, но я не браню тебя за твое невежество. И ты помимо

5 своей воли испытал это, да и все другие. Направленной против меня бранью ты не можешь никого убедить, что спас [тело Ахилла], поэтому и грозишься причинить зло судьям, если они присудят доспехи мне. Я-то знаю, что ты будешь грозить часто и многими карами, прежде чем сделать хоть самую малость. Но если следует судить на основании подобных речей, то, как я думаю, ты сам из-за своего злобного гнева причинил себе зло.

6 А меня ты упрекаешь в трусости за то, что я врагам причинил зло. Но из-за того, что ты явно немало потрудился и напрасно обнаружил свое безрассудство, и при том делал это вместе со всеми, ты полагаешь, что лучше меня. И ты смеешь говорить мне о доблести. Но, во-первых, ты не знаешь, как нужно было сражаться. Как дикий кабан, ослепленный гневом, бросившись на кого-нибудь, ты когда-нибудь, пожалуй, убьешь самого себя. Разве ты не знаешь, что благоразумный муж не должен страдать ни от самого себя, ни от другого, ни от врагов?

7 Ты же, словно ребенок, радуешься, когда они называют тебя отважным. А я говорю, что ты самый трусливый из всех и больше всего боишься смерти, так как у тебя прежде всего доспехи крепки и неуязвимы, благодаря которым, как говорят, ты и сам невредим. Что смог бы ты сделать, если бы на тебя напал враг, обладающий таким же оружием? Может быть, произошло бы что-нибудь чудесное и удивительное, хотя никто из вас ничего не мог бы сделать. После этого ты думаешь, что есть какая-нибудь разница между тем, чтобы иметь такое оружие, или сидеть за крепостными стенами? А ты утверждаешь, что

лишь у тебя нет стен. Но только ты один, защищая себя, как бы стоишь за стеной из семи бычьих шкур.

⁸ Я же без оружия не то что подхожу к вражеским стенам, но даже вхожу внутрь стен и поражаю передовые посты врагов, хотя они и поднимаются по тревоге, их же оружием. Я полководец и страж твой, как и всех остальных. Я знаю все, что делается здесь и у врагов, не посылая другого в разведку, по сам иду и смотрю, как кормчие, которые день и ночь следят за тем, чтобы моряки были живы и невредимы. Так и я охраняю и себя, и всех остальных. Нет такой опасности, которой бы я сторонился, считая ее позорной, в которой бы я промедлил нанести врагу хоть какой-нибудь урон.

⁹ Даже если бы за мной наблюдали люди, то и тогда я не стал бы гоняться за славой. Но в личине раба, пищега или негодяя, достойного плетей, я старался наносить вред врагам. Пытался бы и тогда, когда никто не увидел бы. Ведь война не любит показных дел, а всегда требует подвигов — ночью и днем. Я не располагаю доспехами, в которых мог бы вызвать врагов на бой, но всегда готов выйти на бой с одним или многими с каким угодно оружием.

¹⁰ И когда битва утомляет меня, я не передаю оружие другим, как ты, по и ночью, когда враги отдыхают, я нападаю на них, имея такое оружие, которое нанесет им самый большой урон. Меня никогда не останавливала даже ночь, как передко тебя, и ты радовался, что вместе с ней прекращалось побойще. Но в то же самое время, когда ты храпишь, я спасаю тебя и всегда хоть чем-нибудь наношу вред врагам, имея вот это рабское оружие, одетый в лохмотья, со следами ударов бичом, благодаря которым ты спишь в безопасности.

¹¹ Ты думаешь, что очень храбр, раз добыл труп? Если бы ты не сумел этого сделать, его унесли бы еще двое. После чего и они могли, пожалуй, затеять с нами спор о доблести, но я бы и им сказал то же самое. А что бы ты сказал, споря с ними? Но о двух, пожалуй, ты не заботился, а перед одним постеснялся бы признаться, что трусливее его. Разве тебе не известно, что троянцы заботились не о захвате

- ¹² трупа, а о том, чтобы овладеть доспехами? Тело они собирались отдать, а доспехи положить в храм и посвятить богам. Ведь позорно не отдавать останки для погребения, а уносить погибших с поля боя — не позор. Итак, ты сделал то, что было выполнимо, а я избавил их от проклятий.
- ¹³ Ты болен завистью и невежеством — бедами, наиболее противоположными друг другу. Первая — заставляет тебя стремиться к прекрасному, вторая — отвращает от него. В тебе есть что-то человеческое, поэтому, будучи сильным, ты думаешь, что отважен, но не знаешь, что мудрость и отвага на войне — не одно и то же, а невежество для тех, кто им страдает, — величайшее зло.
- ¹⁴ Я думаю, что если когда-нибудь на свете появится мудрый поэт, то он изобразит меня многострадальным, многоумным, многохитрым разрушителем городов и единственным покорителем Трои, а тебя, как мне думается, уподобит медлительным по природе ослам и быкам и другим стадным животным, которые позволяют спутывать себя и надевать на себя ярмо.

ДОПОЛНЕНИЯ

Свидетельства о сочинениях

4. Ведь и Феопомп Хиосский⁹ в трактате, направленном против Платона, пишет: «Многие из его диалогов, возможно, кто-нибудь сочтет бесполезными и лживыми, но большинство сочинений не принадлежит ему: автор одних — Аристипп, других — Антисфен, много в действительности написано Брисоном из Гераклеи» (*Феопомп у Афиняя*, XI, 508cd).

5. Как полагает Панетий, все сократические диалоги Платона, Ксенофонта, Антисфена и Эсхипа подлинные (*Панетий у Диог. Лаэрт.*, II, 64).

6. По утверждению Персея, большинство из семи [диалогов Эсхипа] принадлежит зретрейцу Пасифонту, который включил их в сочинения Эсхипа. Более того, Эсхип использовал также «Малого Кира», «Меньшого Геракла» и «Алки-

впада» Антисфена, как и диалоги других авторов (*Персей* у Диог. Лаэрт., II, 61).

8А. Если же сократик Антисфен кое-что разъясняет при помощи мифов, то это не должно вводить тебя в заблуждение. На этом подробнее я остановлюсь немного позднее (*Юлиан. Речь*, VII, 209а).

8С. Платон, рассуждая о природе богов, придумал множество мифов о том, что происходит в Аиде, а еще до него это делали эпические поэты; Антисфен, Ксенофонт да и сам Платон, даже разрабатывая некоторые чисто этические проблемы, не походя, а заботливо и с подробностями сочиняют мифы, которым тебе, если бы ты хотел, следовало подражать, заменив Геракла Персеем или каким-нибудь Тезеем, и придать всему антисфеновский характер... (Там же, 216—217а).

9. К тому, что сказано о древней жизни, мне остается добавить всего несколько слов о языке Фукидида, свойственного людям того далекого времени: из многих риториков и философов, живших в Афинах после Пелопоннесской войны, уже никто не пользовался этим языком: ни ораторы из окружения Андокида, Антифонта или Лисия, ни последователи Сократа из окружения Крития, Антисфена и Ксенофонта (*Дионисий Галикарнасский. О Фукидиде*, 51, 941).

11. Среди софистов [искусство слова] не вызывает презрения и пользуется большим вниманием даже у тех из них, кто занимался философией. Так, и Платон, и Ксенофонт, и Эсхил, и Антисфен серьезно работали над словом и добились совершенства (*Лонгин. Риторическое искусство*. — Прикард, с. 559).

Из установленных произведений

21А. Персидский царь Кир на вопрос, какая наука самая необходимая, ответил: «Та, что учит отвыкать от пороков» [Из «Кира»] (*Арсений. Виолярый*. — Вальц, с. 502).

21В. Он же [Антисфен], будучи спрошенным, какая из наук самая необходимая, ответил: «Та, что учит отвыкать от пороков» [Из «Кира»] (*Стобей. Антолог.*, II, 31, 34).

24С. Здесь, кажется, был Хирон, живший на Пеллопоне; он превосходил всех людей справедливостью и даже учил Асклепия и Ахилла. К нему пришел Геракл, по-видимому охваченный любовью; вместе с Хироном в его пещере они

принесли жертвы Пану. Геракл не убил Кентавра, но повиновался ему¹⁰. Так рассказывает сократик Антисфен [Из «Геракла»] (Латинский аноним, II. — Маас, с. 264).

27. Если вы в самом деле хотите узнать, что разумность есть нечто возвышенное, то я призову в свидетели не Платона с Аристотелем, но мудрого Антисфена, который прошел этот путь познания. Так, он говорил: «Прометей обращался к Гераклу: „Твой образ действий вызывает одно презрение, ибо ты занят мирскими делами, а о более важном не заботишься. Тебя нельзя считать совершенным мужем до тех пор, пока ты не познал то, что выше людей. Лишь познав это, ты постигнешь также человеческую сущность. Познав же только земное, ты будешь бродить вслепую, как дикие звери“». Тот, чьи интересы связаны лишь с земными благами и чей ум ограничен этими зыбкими и узкими ценностями, не является мудрецом, как полагает Антисфен, но уподобляется тому животному, которое черпает удовольствие, копаясь в грязи [Из «Геракла»] (*Фемистий*. О добродетели (перевод с сирийского Гильдмейстера—Бюхелера. — Рейнский Музей, 1872, т. 27, с. 450 сл.).

28. Он же [Антисфен], увидев картину, изображающую, как Ахилл прислуживает кентавру Хирону, заметил: «Молодец, Ахилл! Ты правильно сделал, что ради образования не отказался даже прислуживать» [Из «Геракла»] (Ватик. гномолог., II).

39А. У Антисфена в «Физике» читаем: «Согласно мнениям людей, существует множество богов, по природе же — один» (*Филодем*. О благочестии, 7).

40С. Сократик Антисфен перефразировал пророческие слова Писания. «Кому вы меня уподобили?» — говорит господь. «Бог, — сказал он, — ни на кого не похож, поэтому-то никто не может узнать его по изображению» [Из «Физика»] (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, XIII, 13, 35).

Из неуставленных произведений

44В. (Поэтому имеет некоторое основание затруднение (арогia), которое привело в смятение Антисфена и других, столь же псеведущих людей). Нужно иметь еще в виду решение этой апории на основании ранее сказанного, с тем чтобы понять указанное место: «Поэтому имеет основание затруднение, которое смутило антисфеновцев, а решение вы-

текало из сказанного». Уже было разъяснено, что одни части имеют значение формы, а другие — материи. Именно это разъяснение и позволит разрешить апорию антисфеновцев, которая, по их мнению, заключается в том, что нельзя дать определения и не существует определения чего-либо. Это они доказывают следующим образом.

Так как определение не может быть именем (ονομα), а должно состоять из многих имен (это называлось «многословием»; определением можно, например, считать следующее «многословие»: существо разумное, смертное, имеющее ум и знания, а не просто наименование «человек»), а так как имя не может играть роль определения, поэтому невозможно и определять. Они говорят: когда мы произносим «существо разумное», то этим самым мы произносим нечто сложное, состоящее из материи и формы, «существо» относится к материи, а «мыслящее, разумное» — к форме. К этому прибавляется еще «смертное». Если это так, то мы рассматриваем сложное как результат арифметического сложения. Говоря «существо разумное» и прибавляя к этому еще «смертное», определения мы все же не даем. Аристотель говорит, что эта апория разрешается, исходя из уже сказанного.

Ведь было доказано, что «существо пешее, на двух ногах» есть части формы, а не материи. Как же можно утверждать, что «существо» — это материя, а «разумное» — форма или «существо разумное» — материя, а «существо смертное» — форма? Ведь если части материи — «существо», «смертное», «разумное», то следовало так и сказать, что «существо» и «разумное» — материя, а «смертное» — форма, а говоря «существо смертное», мы произносим нечто сложное, состоящее из материи и формы. А когда нет относящегося к материи, то говорят не сложное, а называют части формы, поэтому определение существует. Итак, они утверждают, что нельзя дать определения, но, каков человек или бык, можно объяснить, а определить нельзя. Так, например, что такое серебро, определить нельзя, а каково оно, сказать можно. Так, на вопрос, каково серебро, можно ответить, что оно похоже на олово.

Таким образом, как они утверждают, можно дать определение лишь сложной сущности, состоящей из материи и формы, а определения формы или материи, из которых состоят сложные сущности, дать нельзя. Утверждая, что

можно дать определение сложной сущности, он присовокуплял: все равно, «воспринимается ли она чувствами или постигается разумом». Но ведь ясно, что сложные сущности воспринимаются чувствами; очевидно, что существуют также умопостигаемые сложные сущности: математика состоит из материи и формы. Не из желания изложить свое мнение назвал он математику сущностью, но, возможно, он так ее назвал на основании рассуждений последователей Антифена.

Итак, по их мнению, можно дать определение сложной сущности независимо от того, воспринимается ли она чувствами или постигается умом (как, например, «существо разумное»), а элементов, из которых она состоит, определить нельзя; определение же вообще на что-то указывает, причем одна часть является формой, а другая — материей ([Александр Афродисийский] Комментар. к «Метафизике», 1043b23, р. 553, 29).

47С. Тезис есть предположение философски мыслящего человека, противоречащее общепринятому, как, например, предположение Антифена, что невозможно противоречить (Аристотель. Топика, 104b20).

50В. Но известнее и заслуживает больше нашего внимания категория качественности, чем качества¹¹, даже если некоторые отказываются от нее, будто последней вовсе не существует; качественность же никто не может устранить, хотя, как утверждает Антифен, лошадь он видит, а лошадности не видит. Первое он воспринимает глазами, а второе постигается лишь разумом, причем первое является причиной второго, оно как бы предшествует ему, второе же является следствием первого; первое — это тело и притом сложное, второе — бестелесное и простое (Симпликий. Комментар. к «Категориям» Аристотеля, 8b25, р. 211, 15).

53. («И в землю / Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов») Антифен говорит, что только Полифем несправедлив, ибо по существу презирает Зевса. Остальные же циклопы там справедливы, потому земля приносит им свои плоды сама. Не обрабатывать ее, стало быть, вполне справедливое дело (Порфирий. Схоллии к «Одиссее», IX, 106).

58. Зенон ни в чем не упрекает Гомера, объясняя и поучая одновременно, что одно написано поэтом в согласии с мнением людей, а другое — в соответствии с истиной. По-

этому не должно казаться, что он сам себе противоречит там, где есть видимость противоречия. Такой взгляд еще до Зенона высказал Аптисфен, утверждая, что одно поэтом сказано в согласии с мнением, другое — с истиной. Но если эта теория у Аптисфена еще не разработана в подробностях, то у Зенона все детально разъяснено (*Дион Хрис. Речь, III, 5*).

68. Он же [Аптисфен] утверждал, что невежественные люди похожи на бодрствующих в состоянии сна (Ватик. гномолог., 3).

78. Не замечай ошибки старца: старое дерево бесполезно пересаживать (*Антоний. Беседы, XXXIII, 172*).

83. Дурные люди от лесты становятся еще хуже (Там же).

84В. Аптисфен говорил, что лучше отправиться «к воронам»¹², чем к льстецам. Вороны пожирают мертвецов, а льстецы — живых (*Стобей. Антолог., III, 14, 17*).

86. Он же [Аптисфен] говорил: добродетель не нуждается в многословии, в нем нуждается зло (Ватик. гномолог., 12).

87. Невежда много болтает, не зная меры в словах (*Цецилий Балб, XVII, 2. — Вельфлин, с. 29*).

90. Аптисфен... сказал, что не следует подражать чужим порокам [или завидовать позорным поступкам другого]. Городские стены могут не устоять перед предательством, а стены души незыблемы и прочны (*Епифаний. Против еретиков, III, 26. — Дильс. Доксографы, с. 594*).

96. Аптисфен говорил, что трудности похожи на собак: они кусают лишь тех, кто к ним не привык (Ватик. гномолог., 1).

99. Правильно говорил Аптисфен, что врагам следует желать всяческого добра, кроме мужества. Это признак силы, а не слабости (*Плутарх. О мужестве Александра Великого, 336а*).

102. Он [Аптисфен] говорил, что государством должен править мудрец (*Августин. О граде Божьем, XVIII, 41*).

105. Опасно давать безумцу в руки меч, а негодяю — власть (*Максим. Беседы, 9, 561*).

106. Что же, в конце концов, ни Сократ, который умел примирить одно с другим и, кажется, был способен примирить отдельного человека с толпой, ни Аптисфен, ни Зенон, ни Клеапф, ни Хрисипп и никто иной не смогли добиться

таких успехов? (*Филодем. Риторика.* — Зудхаус, с. 223, 12 сл.).

109В. Тогда, как говорят, Антисфен, ученик Сократа и учитель Диогена, более всего ценил благоразумие и, испытывая отвращение к наслаждениям, сказал: «Если бы я встретил Афродиту, то пронзил бы ее стрелой за то, что она погубила столько наших прекрасных и добродетельных женщин». Любовь он называл пороком природы, тогда как несчастные людишки именуют эту болезнь богиней. Поэтому он предпочитал скорее сойти с ума, чем предаваться любви (*Феодорет. Изложение греческих страстей*, III, 53).

111А. Таким образом, сократики придерживались разных мнений о цели философии. Их взгляды настолько расходились (просто невероятно, как это могло случиться с учениками одного и того же учителя!), что одни, как Аристипп, объявляли высшим благом удовольствие, а другие, как Антисфен, — добродетель (*Августин. О граде Божьем*, VIII, 3).

116. Сократик Антисфен писал, что не следует отказываться от так называемого прелюбодеяния (*Климент. Гомилии*, V, 18, 147).

120. После этого Сократ сказал:

— Итак, теперь, пожалуй, нам остается порассуждать о том, что каждый считает наиболее ценным.

— Не хотите ли выслушать меня первым? — спросил Каллий. — Тогда как вы, насколько я понимаю, затрудняетесь ответить на вопрос, что такое справедливость, я в это время делаю людей справедливее.

— Каким же это образом, дорогой? — спросил Сократ.

— Я просто снабжаю их деньгами, клянусь Зевсом.

Тут встал Антисфен и с издевкой спросил:

— Скажи, Каллий, где по-твоему люди хранят справедливость — в душе или в кошельке?

— В душе, разумеется, — ответил Каллий.

— А ты, значит, положив деньги в кошелек, делаешь души более справедливыми?

— Безусловно!

— Каким же это образом?

— Зная, что у них есть средства для приобретения всего жизненно необходимого, люди не хотят идти на преступления и подвергать себя опасности.

— Ну, а возвращают ли они тебе то, что берут? — спросил Антисфен.

— Конечно, нет, клянусь Зевсом.

— Может быть, все-таки платят благодарностью?

— Нет, клянусь Зевсом, даже благодарности не получаю. Более того. Некоторые становятся даже враждебнее, чем были до этого.

— Поразительно! — воскликнул Антисфен, насмешливо глядя на него. — Всех ты делаешь справедливее по отношению к другим, а к себе — нет.

— Что же в этом удивительного? Мало ли ты видел плотников и строителей, которые строят дома для многих других, а для себя ничего не могут построить и живут, снимая квартиры? Угомонись же, наконец, мудрец-обличитель!

— Клянусь Зевсом, — вмешался тут Сократ, — он должен с этим примириться. И прорицатели, говорят, предсказывают другим судьбу, а что их самих ожидает, не предвидят (*Ксенофонт*. Пир, IV, 1—5).

Биографические заметки

122В. Афинянин... сын отца, носившего то же имя Антисфен, мать — фракиянка родом (Суда, под словом «Антисфен»).

122С. Антисфена упрекали за то, что у него мать фракиянка, варварского рода. На что он отвечал, что и мать богов Идэя¹³ родом оттуда же (*Сенека*. О твердости духа мудреца, 18, 5).

122D. Антисфен был афинским гражданином, а мать происходила из Фракии, сначала он был последователем Сократа, затем стал киником (*Епифаний*. Против еретиков, III, 26).

124. Кто-то сказал ему [Сократу], что у Антисфена мать фракиянка. Тогда он заметил: «А ты думал, что такой благородный человек мог родиться только от двух полноправных афинских граждан?»¹⁴ (*Диог. Лаэрт.*, II, 31).

128С. Он же [Антисфен] научился сначала риторике, затем примкнул к Сократу. Встретив однажды друзей, сказал им: «Раньше все вы были моими учениками, а теперь, если окажетесь благоразумными, станете моими соучениками» (Ватик. гномолог., 4).

129. Этот киник-собака [Антисфен] многим обязан Сократу (*Афиней*, V, 216b).

130А. После того как Антисфен учился у Сократа, он стал киником (*Климент Алекс. Строматы*, 1, 14, 63, 4).

130В. Затем он стал киником (Суда. Под словом «Антисфен»).

131. Сократ, как я думаю, считал, что философия Эسخина и Антисфена принесла Афинскому государству мало пользы (*Максим Тирский*, 1, 9, е).

131А. Эхекрат. Кто же там был, Федон? Федон. Известный тебе Аполлодор из местных жителей, а также Критобул... и Антисфен¹⁵ (*Платон. Федон*, 59В).

132В. Что за молодые люди появились в тюрьме? Аполлодор, Критон, Федон, Симмий, Кебет, а также Гермоген, Эпиген, Антисфен, Эсхин, пожилые люди, участники собеседований Сократа (*Либаний. Апология Сократа*, V, 23).

134А. В этике существует десять школ... Основателем древней академической был Платон... кинической — афинянин Антисфен (*Диог. Лаэрт. Вступление*, 19).

134В. Сначала от самого Платона пошли Аристотель и Ксенократ... затем от Антисфена, который более всего восхищался в беседах Сократа проповедью терпения и твердости, пошли в первую очередь киники... (*Цицерон. Об ораторе*, III, 17).

136В. Он был создателем кинической философии, которая получила свое название благодаря тому, что Антисфен учил в гимнасии Киносарг¹⁶ (Суда. Под словом «Антисфен»).

136С. (В связи с тем, что в то время, как говорят, насчитывалось семь философских школ)... или по образу жизни, как, например, киническая школа, во главе которой стоял Антисфен (*Иоанн Филопон. Введение в Категории*, р. 2, 4).

136D. Я думаю, что из множества сократиков нет никого хуже [и слабее], чем Антисфен, который ввел в жизненную практику киническую философию. Его сторонником и подражателем стал Диоген ([*Гален*] *История филос.*, 3).

137. Теперь основоположника этой философии, к которому прежде всего можно возвести ее идеи, нелегко установить, хотя некоторые полагают, что для этой роли подходит и Антисфен, и Диоген. Кроме того, Эномай, кажется, не считает абсурдным утверждение, что кинизм не представляет собой ни антисфенизм, ни диогенизм. Ведь наиболее благородные из киников говорят, что сам великий Геракл,

являвший нам примеры всяческих добродетелей, оставил также людям величайший образец и этой (кинической. — *И. Н.*) жизни (*Эномай* у Юлиана, речь VI, 187с).

138В. Антисфен многих призывал записаться философией, но люди не обращали на его слова никакого внимания. Тогда, охваченный негодованием, он перестал вообще допускать к себе учеников. Не был исключением и Диоген, но тот проявил настойчивость и упорство, притом такое, что Антисфен стал грозить ему палкой и однажды даже ударил палкой по голове, но Диоген не только не изменил своего намерения, но еще с большим упорством стал добиваться своего — столь велико было желание слушать поучения Антисфена. «Можешь меня поколотить, если тебе угодно, — сказал он, — я снова подставлю свою голову под твои удары, но ты, пожалуй, не найдешь такой крепкой дубины, чтобы прогнать меня и не дать слушать твои речи». Тогда Антисфен проникся к нему исключительным расположением (*Элиан. Пестр. ист.*, X, 16).

138С. Антисфен не допускал к себе учеников, а настойчивости Диогена преодолеть не мог, даже угрожая ему палкой. Рассказывают, что Диоген склонил перед ним голову и сказал: «На свете нет такой палки, которая могла бы меня от тебя отвадить» (*Иероним. Против Иовиниана*, II, 14, 345).

138D. Диоген-киник стал учеником Антисфена (*Евсевий. Приготовление к Евангелию*, XV, 13, 7).

138Е. Он стал учителем Диогена-собаки и других киников (Суда. Под словом «Антисфен»).

138F. (Этот киник Диоген...) После того как у него было конфисковано имущество, он стал изгнанником и прибыл в Афины, где подружился с Антисфеном и был вместе с ним до конца его жизни (Схолии к «Продаже жизней», 7, Луккиана).

140. В это время жили люди, заслуживающие внимания благодаря их образованности... Аристипп и Антисфен (*Диодор Сицилийский*, XV, 76. — Олимп. 103, 3—4; 366—365 гг.).

143. Рассказывают, когда Антисфен заболел долгой и неизлечимой болезнью, Диоген протянул ему кинжал со словами: «Возьми, если нуждаешься в услуге друга...» (*Юлиан, Речи*, VI, 181b).

144. ...Одни [философы] погибли от яда, как Сократ, другие были сожжены заживо, как Гераклит Эфесский, третьи — зачахли, как Антисфен (Сх. к «Параситу», 57, Луккиана).

Анекдоты

146. Он же [Антисфен] в ответ на чью-то брань и упреки, что он неполноправный афинянин, заметил: «Ведь никто не видел коринфского или аттического льва, но зверь от этого не становится ничуть не менее благородным» (Ватик. гномолог., 10).

148А. Увидев, что Антисфен постоянно выставляет напоказ дыры на своем плаще, Сократ заметил: «Может быть, ты перестанешь красоваться перед нами?» (*Эман. Пестр. ист.*, IX, 35).

148В. Антисфен повернулся так, чтобы были видны дыры на его плаще. Тогда [Сократ] сказал: «Через дыры плаща просвечивает твое тщеславие» (*Диог. Лаэрт.*, II, 36; ср.: Там же, VI, 8).

153. Когда Платон в своей школе однажды о чем-то долго рассуждал, Антисфен заметил: «Не оратор является мерой слушателя, а слушатель — мерой оратора» (Ватик. гномолог., 13).

155. [Аристипп] всегда высмеивал Антисфена за его угрюмый вид (Суда. Под словом «Аристипп»).

156. Он же [Антисфен] на горестные сетования Дионисия, что он смертен, заметил: «Но ведь ты же сам, когда превратишься в глубокого старика, будешь огорчаться, что все еще жив» (Ватик. гномолог., 5).

160. ... [Парменид] доказывал, что сущее неподвижно. Не будучи в состоянии опровергнуть это словами, киник Антисфен поднялся и начал ходить взад-вперед, считая, что гораздо убедительнее доказывать делом, чем возражать на словах (*Элий. Комментар. к «Категориям»*, 220b40, р. 109, 18 сл.).

161. Таковы нищенствующие жрецы, собирающие подаяния для богини Кибелы. Похоже, что это им, просящим милостыню, Антисфен сказал: «Я не хочу кормить матерью богов, которую кормят боги» (*Климент Алекс. Протрептик*, VII, 75, 3).

167. Видя, что во время правления Тридцати¹⁷ гибнут наиболее известные граждане и тираны особенно преследуют самых богатых, Сократ, как говорят, повстречав Антисфена, сказал ему: «Ты, надеюсь, не раскисаешься, что в жизни мы не стали столь прославленными и почитаемыми, как цари, которых выводят в трагедиях, все эти Атреи,

Фшесты, Агамемноны, Эгисфы? Все они погибают от мечей, страдают сверх всякой меры и на глазах у всех участвуют в ужасающих трапезах¹⁸. Но еще не явился на свет столь дерзкий и бесстыдный сочинитель, который представил бы участников хора, закальваемых на глазах у зрителей» (*Элиан. Пестр. ист.*, II, 14).

172. Философ Антисфен, один из последователей Сократа, на чей-то вопрос, какой венюк он считает самым красивым и почетным, ответил: «Тот, который мы получаем в результате воспитания и образования» (*Стобей. Антолог.*, II, 31, 33).

178В. Он же [Антисфен], наслушавшись похвал от дурных людей, сказал: «Меня тревожит мысль, не совершил ли я какой-нибудь дурной поступок, ибо я им понравился» (*Ватикан. гномолог.*, 9).

192. Рассказывают, что и Антисфен любил одного юношу. Какне-то люди, желая завлечь молодого человека на пир, поставили на стол блюда с вкусной рыбой. Потом кто-то сказал Антисфену: «Даже у счастливых есть соперники в любви». — «Конечно, — ответил философ. — Я ведь не владыка морской. Если кто-нибудь чего-то домогается, я от этого отказываюсь» (*Собрание папирусов*, II, 113. — *Компаратти—Вителли*, кол. II, 26).

194. Хрия... опровергающая. Книжеческий философ Антисфен мыл какие-то овощи. Заметив киренского философа Аристиппа¹⁹, входящего вместе с сицилийским тираном Дионисием, сказал: «Аристипп, если бы ты довольствовался такой пищей, как я, то тебе не пришлось бы следовать по пятам за тираном». На что Аристипп возразил: «А если бы ты мог запросто беседовать с тираном, то не довольствовался бы такой пищей» (*Латинская грамматика*, VI (О Хрии). — Кейль, 1879, с. 273, 15).

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ

ФРАГМЕНТЫ ДИАТРИБ

1. Всякие несчастья, когда их ожидают, всегда кажутся страшнее, чем огорчения, испытываемые от их действительного прихода. Страх столь велик, что многие спешат навстречу тому, чего боятся. Так, застигнутые бурей, не дожи-

даются, пока корабль пойдет ко дну, а еще до этого кончают жизнь самоубийством (*Стобей. Антолог., VIII, 15*).

2. Итак, справедливость дает душе несравненный покой. Жить, никого не боясь, никого не стыдясь, — это доставляет радость и делает жизнь полной. Тот, у кого справедливость в душе, не только многим приносит пользу, но больше всего самому себе, ибо не сделает даже попытки нанести себе хоть какое-нибудь оскорбление. Он не причинит себе ни горя, ни болезни, но, считая природные органы чувств божественными, будет пользоваться ими разумно, ничего не делая сверх своих сил, оберегать их и благодаря этому получать удовольствия и пользу. Кто разумно станет обходиться сам с собой, тот будет черпать удовольствия и в слухе, и в зрении, и в пище, и в любви. А тому, кто перазумно пользуется собой, грозят опасности, связанные с вещами более значительными и крайне необходимыми. Разве ты не видел людей, у которых душа не знает покоя ни днем, ни ночью, из-за чего они, словно безумные, бросаются в море и реки? (Там же, IX, 49).

3. Люди, незнакомые со вкусом поитийского меда, стремятся его попробовать, но стоит им лишь взять немного на язык, как они тотчас же выплевывают его, к своему огорчению найдя мед горьким и невкусным. Так некоторые из любопытства хотели поближе познакомиться с Диогеном, но, когда он начинал их обличать, они сразу же обращались в бегство. Они радовались, когда он бранил других, но сами боялись этого и убегались подальше. Когда Диоген по своему обыкновению шутил и высмеивал других, они забавлялись сверх всякой меры, но его свободную речь, полную серьезного смысла и угроз, не выносили (Там же, XIII, 18).

4. Сравнивая Антисфена с его речами, он иногда упрекал его самого за излишнюю мягкость и, бранясь, называл трубой, потому что она, хотя и очень громко играет, но себя не слышит. Антисфен же в свою защиту говорил, что похож не на трубу, а на осу, которая жужжит крылышками негромко, зато жалит очень чувствительно. Его восхищала свобода речи Диогена (Там же, 19; ср. выше: Антисфен, фрм. 80).

5. Счастливым людям жизнь кажется лучше и потому смерть — тягостней, а те, кто живет в беде, жизнь переносят тяжелее, зато смерть принимают легче. А для тиранов и жизнь, и смерть тяжелее, чем для остальных, потому что

живут они гораздо хуже тех, кто страстно стремится умереть, а смерти боятся так, как те, кто живет самой приятной жизнью (*Стобей. Антолог., XIX, 27*).

ГНОМЫ И АПОФТЕГМЫ, СОБРАННЫЕ ИЗ РАЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ

6. Когда его кто-то спросил, каким образом человек может стать самостоятельным, он ответил: «Если он прежде всего станет упрекать себя в том, в чем порицает других» (*Стобей. Антолог., I, 32*).

7. Кто-то его бранил за то, что он посещает подозрительные места. На это он заметил: «И солнце туда заглядывает, но не оскверняется» (*Антоний и Максим. Рассужд. о жизненных добродетелях и пороках, с. 35*).

8. Однажды среди дня он зажег фонарь и стал бродить повсюду. Его спрашивали, зачем. Он ответил: «Человека ищущу» (*Антоний и Максим. Рассужд. о том, что хитрить нетрудно, с. 39*).

9. Однажды Диоген поучал какого-то злодея. Спрошенный кем-то, зачем он это делает, Диоген ответил: «Пытаюсь отмыть эфиопа, чтобы сделать его белым» (*Антоний и Максим. Рассужд. о дурных людях, с. 64*).

10. Врачи смягчают горечь прописанных ими лекарств медом, а мудрые люди общение с угрюмцами — веселой шуткой (Там же).

11. Какой-то человек назвал Диогена безумцем. Тогда он сказал: «Я не сумасшедший, но ум у меня не такой, как у вас» (*Стобей. Антолог., III, 62*).

12. Диоген был выставлен на продажу в Коринфе, а глашатай спросил его, что он умеет делать. Последовал ответ: «Править людьми». Глашатай засмеялся: «Продаю очень полезную для жизни вещь, если хочет кто купить себе господина» (Там же, 63; ср.: *Диог. Лаэрт., VI, 29*).

13. Когда он гулял по портику не в том направлении, как все, это вызвало кое у кого смех. «Не стыдно вам, — сказал он, — идти вспять по жизненному пути и в то же время порицать меня за выбранное направление во время прогулки?» (*Стобей. Антолог., IV, 84*).

14. Диоген говорил, что люди добывают необходимое им для жизни, а то, что нужно для счастливой жизни, не припасают (Там же, 86).

15. Диоген говорил, что знает многих, которые состязаются между собой в борьбе и беге, но никогда не видел, чтобы состязались в добродетели (Там же, 112; *Диог. Лаэрт.*, VI, 70).

16. Удивительное дело, говорил Диоген, атлеты и кифареды умеют управлять своим желудком и страстями: первые — ради тела, вторые — ради голоса, а ради воздержанности никто не станет ими пренебрегать (*Столбей.* Антолог., V, 41).

17. Диоген говорил, что многие заживо гниют, вымокают в банях и истребляя себя в любовных утехах, а умирая, они велят бальзамировать свое тело или же положить его в мед, чтобы задержать гниение (Там же, VI, 3).

18. Диоген говорил, что в домах, где много еды, много мышей и других грызунов. Так и тела, потребляющие много пищи, навлекают на себя много болезней (Там же, 4).

19. Диоген обратился к юноше, который прихорашивался сверх всякой меры: «Если для мужчин — напрасно, если ради женщин — бесчестно» (Там же, 5; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 54).

20. Диоген осмеивал тех, кто запирает кладовые засовами, ключами и запечатывает печатями, а в теле своем оставляют открытыми многочисленные язвы и дверцы — уста, половые органы, уши и глаза (*Столбей.* Антолог., VI, 33).

21. Диоген говорил, что люди просят у богов послать им здоровье, но большинство делает все, что для них противопоказано (*Столбей.* Антолог., VI, 38).

22. Диоген утверждал, что нет ничего дешевле развратника, растрачивающего душу на товар, которому грош цела (Там же, 52; ср. выше: Антисфен, фргм. 94).

23. Диоген говорил, что люди едят ради удовольствия и из-за этого не хотят остановиться (*Столбей.* Антолог., VI, 53).

24. Получив белый хлеб, Диоген выбросил из своей котомки черный хлеб со словами: «О, чужестранец, уступи дорогу тиранам!» (Там же, XVII, 16; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 55).

25. Диоген, видя, как мегарцы строят длинные стены, сказал: «Несчастливые, вам следует заботиться не о величине стен, а о силе тех, кто будет на них стоять» (*Столбей.* Антолог., VII, 47).

26. Диоген утверждал, что упражнения, целью которых является физическая сила, а не величие и сила души, не могут быть благом (Там же, 18).

27. Диоген сравнивал стяжателей с больными водянкой. Первые, говорил он, хотя у них полным-полно денег, хотят еще больше. Вторых же все время мучает жажда. И тем и другим желание идет на гибель, ибо страсти тем сильнее, чем больше они удовлетворяются (Там же, X, 46).

28. Киник Диоген, наблюдая однажды, как какой-то юноша притворяется влюбленным в богатую старуху, заметил: «Он положил на нее не глаз, а зуб» (Там же, 61).

29. Тех, кто получает много и часто, Диоген называл самыми большими нищими (Там же, 63).

30. На вопрос, какие звери самые страшные, Диоген ответил: «В горах — медведи и львы, в городах — сборщики налогов и сикофанты» (*Антоний и Максим*. Рассужд. о страсти к наживе, с. 226; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 51).

31. Кинического философа Диогена некто спросил, почему у золота бледный вид. Он ответил: «Потому, что против него многие замышляют преступления» (*Антоний*. Рассужд. о скупости, с. 127).

32. Порицание Диоген называл благом, исходящим от других (allogtrion) (*Антоний и Максим*, с. 250).

33. Диоген говорил, что все остальные собаки кусают врагов, а он кусает друзей для их же спасения (Там же).

34. Диоген спросил Платона, является ли он автором «Закопов». Тот ответил утвердительно. «А „Государство“ ты написал?» — «Конечно!» — «Значит твое государство не имело законов?» — «Имело». — «Тогда зачем же тебе понадобилось снова писать „Законы“?» (Там же).

35. Верно ли высказался Диоген о Платоне: «Что нам пользы от человека, который, уже давно занимаясь философией, никому не доставил беспокойства?» Пусть об этом судят другие. Возможно, он считал, что речь философа, жалищая и ранящая слушателей, должна смягчаться чем-то приятным (Там же, с. 251; ср.: *Фемистий*. О душе, с. 13).

36. Лечить мертвеца и поучать старца — одно и то же (*Антоний и Максим*. Рассужд. о наставлениях, с. 254).

37. В ответ на брань лысого человека Диоген заметил: «Над тобой я смеяться не стану, а вот волосы твои хвалю за то, что они сбежали с такой дурной башки» (*Антоний и Максим*. Рассужд. о брани и клевете, с. 260).

38. Когда какой-то предатель бранил Диогена, он ему ответил: «Я рад, что стал твоим врагом: ты причиняешь зло не только врагам, но и друзьям» (Там же).

39. На чью-то брань Диоген заметил: «Ведь никто мне не поверит, когда я похваляю тебя, да и тебе, когда ты поносишь меня» (*Антоний и Максим. О ругателях, с. 262*).

40. Диоген просил у гуляки мину. Тогда тот задал вопрос: «Почему у остальных ты просишь три обола, а у меня целую мину?» — «Потому, — ответил Диоген, — что у других я падеюсь еще раз что-нибудь получить, а от тебя больше никогда» (*Стобей. Антолог., XV, 9; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 67*).

41. Однажды царь Александр приказал наполнить блюдо костями и послать кинику Диогену. Получив посылку, он сказал: «Еда-то для псов, да дар не царев» (*Антоний и Максим. О благотворительности, с. 277*).

42. Он говорил: «И то и другое ошибка — давать тем, кто не достоин, и не давать тем, кто достоин» (Там же).

43. Спрошенный кем-то, почему люди подают попрошайкам, а философам — никогда, Диоген ответил: «Потому что предполагают, что хромыми и слепыми они еще могут стать, а философами — никогда» (Там же; ср.: *Диог. Лаэрт., VI, 56*).

44. Когда на каком-то пиру Диогену налили много вина, он вылил его. Тогда его стали бранить, на что он ответил: «Если я его выпью, то погибнет не только оно, но вместе с ним погибну и я» (*Антоний и Максим. Рассужд. о пьянстве, с. 302*).

45. Диоген говорил, что некоторые люди произносят нужные речи, но сами себя не слышат. Так и прекрасно звучащие лиры не воспринимают своих собственных звуков (*Стобей. Антолог., XXIII, 10*).

46. На вопрос, кто живет спокойно, Сократ ответил: «Кто не знает за собой никаких проступков» (Там же, XXIV, 13. Слова Сократа, но, вероятно, их следует отнести к Диогену, так как они согласуются со следующей приведенной у Стобея сентенцией).

47. Кто не испытывает ни перед чем страха и больше всего уверен в себе, как не тот, кто не знает за собой ничего дурного? (Там же, 14. Слова Диогена).

48. Диоген говорил, что Медея была мудрой женщиной, а не волшебницей. Ведь она брала людей изпеженных, с те-

лами, расслабленными в наслаждениях, и так заставляла их упражняться и исходить потом в парильнях, что возвращала им юношескую силу и свежесть. Поэтому о ней пошла слава, что она варила человеческое мясо и создавала юношей (Там же, XXIX, 92).

49. Человеку, который утверждал, что он философ, но пускался в препирательства, Диоген сказал: «Несчастный! Оскверняя своими спорами самое лучшее, что есть в жизни философа, ты утверждаешь, что занимаешься философией?!» (Там же, XXXIII, 14).

50. Когда на вопрос Диогена один из окружающих его юношей не ответил, философ сказал: «Не думаешь ли ты, что одно и то же — знать, что нужно говорить и когда и о чем нужно умолчать и перед кем?» (Там же, XXXIV, 16).

51. Однажды Диоген попросил Платона дать ему из своего сада три фиги. Когда тот прислал ему целый медимн, он заметил: «Так на один вопрос ты отвечаешь сто раз» (Там же, XXXVI, 21; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 26).

52. Красивых гетер Диоген называл царицами, потому что многие делают все, что они приказывают (*Стобей. Антолог.*, XV, 15).

53. Диоген увидел мальчика, которого любили за красоту, и сказал: «Отрок, старайся, чтобы те, кто любит красоту твоего тела, полюбили красоту твоей души» (*Антоний и Максим. Рассужд. о красоте*, с. 566; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 58).

54. О людях красивых, но невежественных он говорил, что они похожи на алебастровые сосуды с уксусом (*Антоний и Максим. Рассужд. о красоте*, с. 566).

55. Когда у Диогена убежал раб, он остался к этому совершенно равнодушен. «Было бы нелепым, — говорил он, — чтобы Диоген не мог жить без раба, а раб без Диогена — обходился» (*Стобей. Антолог.*, XII, 42; *Диог. Лаэрт.*, VI, 55; *Элиан. Пестр. ист.*, XIII, 28).

56. Увидев судачивших женщин, Диоген сказал: «Одна гадюка у другой берет яд взаймы» (*Антоний и Максим. Рассужд. о злых женщинах*, с. 609).

57. Завидна у того судьба, кто счастье в детях
находил

И горя в жизни сильного не знал.

(*Стобей*. Антолог., XXV, 10. Слова Диогена. Эти стихи приписываются также Диогену-трагику и Еврипиду (Вагнер, Наук)).

58. Диоген на вопрос, как должны относиться друг к другу отцы и дети, ответил: «Они не должны дожидаться, когда один попросит другого, а заранее выполнять просьбу каждого. Если же отец, который уже раньше был благодетелем сына, в ответ не получил того же, он справедливо впадает в гнев. Поведение же сына нагло, и он не достоин о чем-нибудь просить отца» (*Стобей*. Антолог., XXXIII, 23).

59. На вопрос, какой самый тяжкий груз несет на себе земля, Диоген ответил: «Невежду» (*Антоний и Максим*. О воспитании и философии, с. 706).

60. Когда какой-то астролог на площади показывал нарисованные на доске звезды и объяснял: «Вот эти движутся в пространстве», — Диоген прислушался и сказал: «Не ври, приятель. Не звезды движутся, а вот они», — и показал на сидящих вокруг (*Стобей*. Антолог., XXX, 6).

61. Спрошенный, какие люди самые благородные, Диоген ответил: «Презирающие богатство, славу, удовольствия, жизнь, но почитающие все противоположное — бедность, безвестность, труд, смерть» (Там же, XXXVI, 19).

62. Диоген, увидев, как рабы Анаксимена носили многочисленные пожитки, спросил, кому они принадлежат. Когда ему ответили, что Анаксимену, он возмутился: «И не стыдно ему, владея таким имуществом, не владеть самим собой?» (*Максим*. Рассужд. о богатстве и бедности, с. 758).

63. Диоген говорил, что ни в богатом государстве, ни в богатом доме не может жить добродетель (*Стобей*. Антолог., XCIII, 35).

64. Диоген говорил, что бедность сама пролагает путь к философии. То, в чем философия пытается убедить на словах, бедность вынуждает осуществлять на деле (Там же, XCV, 11).

65. Когда какой-то дурной человек стал упрекать Диогена за его бедность, он сказал: «Я еще никогда никого не видал испорченного бедностью, а порочностью — многих» (Там же, XCV, 12).

66. Бедность Диоген называл самоучкой добродетели (*Стобей*. Антолог., XCV, 19).

67. Когда один человек стал упрекать Диогена в бедности, он сказал: «Несчастный, я никогда еще не видел,

чтобы из-за бедности кто-нибудь стал тираном, а все становятся тиранами только из-за богатства» (Там же, ХСVII, 26).

68. О, смертных и несчастных человекoв род,
Лишь тени мы — и больше ничего,
Без пользы только землю тяготим.

(*Антоний и Максим*. Рассужд. о несходстве жижней, с. 807).

69. На вопрос, кого можно считать счастливым человеком, Сократ ответил: «Того, у кого честный образ мыслей и острый ум» (*Стобей*. Антолог., СIII, 19. Этот афоризм Стобей относит к Сократу, но следующая сентенция, отнесенная к Диогену, совершенно очевидно связана с приведенной).

70. Счастье состоит единственно в том, чтобы постоянно пребывать в радостном состоянии духа и никогда не горевать, где бы и в какое бы время мы ни оказались (Там же, 20).

71. Мы утверждаем, что истинное счастье состоит в том, чтобы разум и душа всегда пребывали в покое и веселье (Там же, 21).

72. Когда Диогена снова постигла какая-то беда, он воскликнул: «Спасибо тебе, судьба, что ты так мужественно защищаешь меня». В подобных случаях Диоген еще довольно громко напевал (Там же, CVIII, 71).

73. Увидев прихорашивающуюся старуху, Диоген сказал: «Если для живых, то напрасно, если же для мертвых, то не мешкай» (*Антоний*. О стариках бесчестных и неблагоразумных, с. 875).

74. Когда какой-то человек пожаловался, что умрет на чужбине, киник Диоген сказал: «Не печалься, глупец. Дорога в Аид отовсюду одна и та же» (*Антоний и Максим*. Рассужд. о смерти, с. 878).

75. Когда кто-то сказал, что тяжела жизнь, Диоген возразил: «Не просто жизнь, а дурная жизнь» (*Стобей*. Антолог., СXXI, 26).

76. Диоген говорил, что если его труп растерзают псы, то погребение состоится на гирканский¹ манер, если же сожрут коршуны, то на индийский. Если никто не притронется к телу, то самое прекрасное погребение совершит время при помощи замечательных вещей — солнца и дождей» (*Стобей*. Антолог., СXXIII, 11).

77. Риторы, говорил Диоген, стараются рассуждать о справедливости, но никогда в согласии с ней не поступают (*Антоний и Диоген. Рассужд. об учении и письменности, с. 933*).

78. Диоген говорил, что ему представилось, будто Судьба повстречалась с ним и сказала: «Эту бешеную собаку я сломить не в состоянии» (*Стобей. Эклоги, II, 7, 21; ср.: Илиада, VIII, 299: «Только сего не дается свирепого пса мне уметить!» — Пер. Н. Гнедича*).

79. К своим современникам он относился с большим высокомерием. Школу Евклида, например, называл школой Желчида, Платоновы беседы — пустым бредом, состязания на Дионисиях — большими иллюзионными представлениями для дураков, демагогов — прислужниками черни (*Диог. Лазрт., VI, 24*).

80. Он говорил также, что когда в жизни встречает кормчих, врачей и философов, то думает, что среди живых существ нет никого умнее человека. Но, видя толкователей снов, прорицателей и тех, кто им верит, или людей, надутых от сознания своей славы или богатства, считает, что нет никого глупее человека (Там же).

81. Однажды на пышном пиру, заметив, что Платон ест простые оливки, Диоген воскликнул: «Как же так получается! Знаменитый философ предпринимал путешествия на Сицилию специально ради изысканных яств, а теперь отказывается от того, что лежит под носом?» На это Платон отвечал: «Но, клянусь богами, Диоген, я и там по большей части питался оливками и тому подобным». — «Тогда зачем пужно было плыть в Сиракузы? Разве в то время в Аттике был неурожай на оливки?» (Там же, 25).

82. Однажды Платон пригласил в гости друзей, прибывших от Дионисия. Пришел и Диоген и стал топтать ковры хозяина со словами: «Попираю тщеславие Платона». На что Платон заметил: «Какое же тебя самого распирает тщеславие, хотя ты и делаешь вид, будто вовсе не тщеславен». По другим сведениям Диоген сказал: «Попираю гордыню Платона». — «Другой гордыней», — ответил Платон (Там же, 26).

83. Когда спросили, где в Греции он видел добродетельных мужей, он ответил: «Мужей — нигде, детей — в Лакедемоне» (Там же, 27).

84. Однажды он рассуждал о чем-то весьма серьезном, но никто не обращал на него внимания. Тогда он начал верещать по-птичьи. Собрались люди. Диоген стал стыдить их, что они поспешили слушать чепуху, а к серьезным речам отнеслись пренебрежительно (Там же).

85. Он говорил, что люди состязаются в рытье ям и подножках, а в добродетели — никто (Там же).

86. Он удивлялся грамматикам, которые выискивают грехи у Одиссея, а своих собственных не видят; музыканты же умеют настраивать струны на лире, а собственный прав настроить никак не могут. Астрономы наблюдают за солнцем и луной, а то, что под ногами, не замечают. Риторы охотно говорят о справедливости, но поступки их никогда ей не соответствуют. Скупцы носят деньги, а сами любят их больше всего на свете (Там же, 27—28; ср.: *Сенека*. Письма к Луцилию, LXXXVI).

87. Он презирал тех, кто восхищается честными людьми за то, что они выше денег, а сами завидуют богачам (*Диог. Лаэрт.*, VI, 28).

88. Его возмущало, что люди приносят жертвы богам ради своего здоровья, а сами во время жертвоприношений обжираются, нанося вред здоровью. Он удивлялся, как это рабы, видя обжорство господ, не расхищают их пищу (Там же).

89. Он хвалил тех, кто собирался жениться и не жеплся, кто хотел отправиться в путешествие и не отправлялся, кто собирался посвятить себя государственной деятельности и не посвящал, кто намеревался воспитывать детей и не делал этого, а также тех, кто был готов пойти в услужение к вельможам, но избегал даже общения с ними (Там же, 29).

90. Он говорил, что к друзьям нужно идти с раскрытыми руками, а не сжимать их в кулак (Там же).

91. Купившему его Ксениаду он говорил, что тот должен ему повиноваться, хотя он и раб. Ведь если кормчий или врач — рабы, их все равно слушаются. Эвбул в сочинении «Продажа Диогена» рассказывает, что философ, воспитывая сыновей Ксениада, среди прочих наук учил их верховой езде, стрельбе из лука, умению обращаться с пращей, искусству метания копья. Когда они занимались на палестре, он не позволял тренеру делать из них атлетов, а заботился лишь о том, чтобы лица юношей покрывал румя-

нец и были крепкими их тела. Мальчики также учили наизусть много отрывков из поэтов и писателей, в том числе и из сочинений самого Диогена, причем весь учебный материал для скорейшего усвоения он излагал кратко. Он учил их дома самим себя обслуживать, есть простую пищу и пить воду, носить короткую стрижку, обходиться без украшений, не надевать ни хитонов, ни обуви и ходить по улицам молча, потупив взор. Он устраивал для них и псовую охоту. Они же, со своей стороны, проявляли заботу о Диогене и выступали его защитниками перед родителями. Тот же Эвбул сообщает, что Диоген состарился в доме Ксениада, там умер и был похоронен его сыновьями. Когда Ксениад спросил Диогена, как его похоронить, тот ответил: «Вниз лицом». На вопрос «зачем?» он ответил: «Ведь скоро все, что было внизу, окажется паверху». Эти слова были связаны с тем, что македоняне к этому времени уже захватили власть и из подчиненных стали властителями (Там же, 30; 31; 32).

92. По его словам, он удивлялся тому, что, покупая кувшин или таз, мы их тщательно проверяем, а при покупке человека довольствуемся лишь беглым осмотром (Там же, 30).

93. Как-то раз он закричал: «Эй, вы, люди!» Сбежался народ. Он набросился на них с палкой со словами: «Я звал людей, а не дерьмо» (Там же, 32).

94. Однажды какой-то человек привел его в богатый дом и запретил плевать, тогда он сначала отхаркнулся, а потом плюнул ему в лицо, прибавив, что более грязного места не нашел. Другие приписывают эти слова Аристиппу (Там же).

95. Калеками он считал не тех, кто глух и слеп, а тех, у кого нет котомки (Там же, 33. Здесь игра слов: *anapégous* может быть переведено, как «калека» и как «без котомки», «без нищенской сумы» — *aneu pégas*).

96. Однажды Диоген пришел к юношам на пир с наполювицу остриженной головой, за что был побит. Тогда он написал на белой табличке имена своих обидчиков, повесил ее себе на шею и так стал ходить по городу, пока все не начали над ними издеваться, презирать их и бранить (Там же; ср.: *Псевдо-Диоген. Письмо к Мелесиппу*).

97. Он говорил о себе, что он — одна из тех собак, которую все хвалят, но ни один из хвалителей не решится взять

с собой на охоту (*Диог. Лаэрт.*, VI, 33. Имеется в виду охота за добродетелью и справедливостью. Ср.: *Аристотель* у Афиняя, XV, 695а, а также: *Лукиан*. Продажа жизней, 8).

98. Когда кто-то расхвастался: «На Пифийских играх я побеждаю мужей», — Диоген ему возразил: «Это я побеждаю мужей, а ты — рабов» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 33; ср.: Там же, 43, а также: *Дион. Хрис.*, XI).

99. Тем, кто говорил ему: «Ты уже старик, отдохни наконец», он отвечал: «Как же так? Если бы я бежал на состязаниях и был бы уже близок к фишишу, разве мне следовало расслабиться, а не напрячь все силы?» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 34).

100. Однажды он застал оратора Демосфена завтракающим в трактире. Тот скрылся во внутреннее помещение, на что Диоген заметил: «Так ты еще больше окажешься в харчевне» (Там же; ср.: *Элиан*. Пестр. ист., IX, 19).

101. Когда какие-то иностранцы хотели повидать Демосфена, Диоген выставил средний палец и сказал: «Вот вам афинский демагог»² (*Диог. Лаэрт.*, VI, 34).

102. Кто-то обропил кусок хлеба и постеснялся его подпять. Тогда Диоген, желая преподать ему урок, привязал к горлу кувшина веревку и поволок его так через весь Керамик (Там же, 35).

103. Он говорил, что подражает хормейстерам, которые дают хористам более высокую ноту с тем, чтобы те придерживались нужного тона (Там же).

104. Большинство людей, говорил он, отделяет от безумия лишь один только палец; ведь если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на все средним пальцем, то подумают, что он сошел с ума, а если указательным, то нет» (Там же).

105. Он говорил, что ценные вещи продаются за бесценок и наоборот. Так, например, статуя стоит три тысячи драхм, а хеник муки — два медяка (Там же).

106. Купившему его Ксениаду Диоген сказал: «Ну, теперь исполняй мои приказания!» Когда же тот воскликнул: «Вспять потекли источники рек!» — ответил: «Если бы ты заболел и купил себе врача, разве ты не подчинялся бы ему, а лишь декламировал: „Вспять потекли источники рек!“» (Там же, 36. «Вспять потекли и т. д.» — стих 411 из «Медеи» Еврипида, ставший впоследствии пословицей).

107. Один человек хотел обучаться у него философии. Диоген дал ему селедку и приказал следовать за ним. Когда же тот, застеснявшись, бросил ее и ушел, философ, встретив его спустя некоторое время, со смехом сказал: «Нашу дружбу порушила селедка». Диокл рассказывает об этом иначе: кто-то предложил: «Приказывай нам, Диоген». Тогда Диоген отвел просителя в сторону и дал кусок сыру, стоивший всего пол-обола, и велел ходить с ним. Человек отказался. Тогда Диоген заметил: «Нашу дружбу разорвал кусочек сыру» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 36).

108. Увидев однажды мальчишку, который пил воду из ладошки, он выбросил из своей котомки кружку и сказал: «Мальчик превзошел меня в скромности жизни». Он выбросил и тарелку, когда увидел, как мальчик, разбив случайно миску, ел свою чечевичную похлебку из углубления, сделанного в хлебном мякише (*Диог. Лаэрт.*, VI, 37; ср.: *Сенека*, пис. 90; *Иероним*. Против Иовиана, II; Эпиграмма Антифила в «Антологии», кн. V; *Авзоний*. Эпиграмма 53).

109. Он рассуждал так: «Все принадлежит богам. Мудрецы — друзья богов, а у друзей все общее. Значит, все принадлежит мудрецам» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 37).

110. Увидев однажды женщину, припавшую к статуям богов в непристойной позе, и желая освободить ее от суеверия, он, как рассказывает Зоил из Перги, подошел к ней и сказал: «Женщина, а не боишься ли ты, что бог стоит как раз позади тебя, — ведь все преисполнено им, — и ты оскорбляешь его своим неприличным видом?» (Там же).

111. Он привел в храм Асклепия в качестве подарка кулачного бойца, чтобы тот подбегал и бил каждого, кто падает ниц (Там же, 38).

112. Он любил говорить, что над ним сбылись трагические проклятия, ибо он:

Безродный изгнанник, лишенный отчизны,
Бродяга и нищий, без крова и пищи.

(Там же; ср.: *Элиан*. Пестр. ист., III, 29).

113. Он говорил, что судьбе противопоставляет отвагу, закону — природу, страстям — разум (*Диог. Лаэрт.*, VI, 38).

114. В Крапии Диоген грелся на солнышке. Подошел Александр и сказал: «Проси у меня чего хочешь». Диоген ответил: «Только не загораживай мне солнца» (Там же; ср.: *Плутарх*. Александр, 14; *Симпликий* к Эпиктету, 21. —

Сальма, с. 123; *Валерий Максим*, IV, 3; *Цицерон*. Тускуланы, V, 32).

115. Кто-то громко и долго читал, тогда Диоген показал на чистое место в конце свитка и сказал: «Мужайтесь, люди, — вижу землю» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 38).

116. Когда какой-то человек стал доказывать, что у Диогена есть рога, тот потрогал свой лоб и сказал: «А я их не чувствую». В том же духе он стал действовать, когда кто-то утверждал, что движения не существует, — поднялся с места и начал прохаживаться взад и вперед»³ (Там же, 39. Речь идет о софизме, известном под названием «рогатый» и приведенном у Иеронима, см.: *Письма*, 83. Относительно второго ср.: *Секст Эмпирик*. Против физиков, II, 68—69; *Пиррон*. Положения, II, 244).

117. Разглагольствующего об астрономических явлениях он спросил: «Давно ли ты спустился с небес?» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 39).

118. Когда какой-то порочный евнух написал на дверях своего дома: «Пусть не войдет сюда никакое зло!», — Диоген спросил: «А как же теперь войдет сюда хозяин дома?» (Там же. О том же рассказывают *Климент Алекс.* (Стром, VII, 713) и *Феодорет* (О провидении. — Сирмонд, т. 4, с. 357)).

119. Умастив поги благовонной мазью, он рассуждал: «Благовоние распространяется от головы в воздух, а от ног оно поднимается к поздюрам» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 39; ср.: *Лукиан*. Нигрин, 32).

120. Афиняне уговаривали его принять посвящение в святыне таинства, уверяя, что в Аиде посвященные пользуются преимуществами. «Смешно, — отвечал философ, — когда Агесилай и Эпаминонд будут барахтаться в нечистотах, а никчемные людишки только за то, что они приняты посвящение, обитать на Островах блаженных» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 39; ср.: *Плутарх*. О том, как воспринимать поэтов. (Гуттен, т. 7, с. 80); *Платон*. Федон, 69 С).

121. Мыши карабкались на стол с едой. Диоген заметил и сказал: «Теперь даже у меня есть нахлебники» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 40).

122. Когда Платон назвал его собакой, он сказал: «Правильно. Ведь я вернулся назад к продавшему меня» (Там же. Иначе рассказывается у Элиана. См.: *Пестр. ист.*, XIV, 33).

123. Диоген выходил из бани. Его спросили, много ли

там моется людей, он ответил, что нет. Когда же его спросил кто-то, много ли там народа, он сказал «да» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 40).

124. Когда Платон выступил с определением: «Человек есть животное с двумя ногами и без перьев» — и заслужил всеобщее одобрение, Диоген ощипал петуха и принес его в платоновскую школу со словами: «Вот человек Платона». Тот прибавил к своему определению: «и, кроме того, с плоскими ногтями» (Там же).

125. Обратившемуся к нему с вопросом, в какое время следует завтракать, Диоген ответил: «Если ты богат, когда хочешь; если беден, когда можешь» (Там же).

126. У мегарцев он видел овец, покрытых кожаными накидками, а дети их ходили голыми. В связи с этим он заметил: «У мегарца выгоднее быть бараном, чем сыном» (Там же, 41); ср.: *Элиан. Пестр. ист.*, XII, 56; *Плутарх. О страсти к наживе*, 7).

127. Кто-то сначала задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!» Диоген засмеялся: «Ты что, снова собираешься меня ударить?» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 41; ср.: Там же, 66).

128. Он говорил, что демагоги — лакеи черни, а венки — сынь славы (Там же, 41).

129. Средь бела дня с зажженным фонарем в руках бродил он повсюду и говорил: «Человека ищу» (Там же. Этот поступок еще значительно раньше совершил Эзоп, если верить Федру, III, 19).

130. Однажды он стоял, весь промокший до нитки. Собрались люди и стали жалеть его. Проходивший мимо Платон обратился к ним: «Если вам действительно жаль его, ступайте своей дорогой» (этим он намекал на его тщеславие) (*Диог. Лаэрт.*, VI, 41).

131. Когда кто-то нанес ему удар по голове кулаком, Диоген вскричал: «Как же, о Геракл, я забыл надеть шлем, выходя на улицу?!» (Там же).

132. Когда Мидий ударил его и добавил: «Вот три тысячи драхм у тебя на столе», — на следующий день он обмотал себе руки ремнями и отдубасил Мидия, приговаривая: «Вот тебе три тысячи на стол!» (Там же, 42).

133. Продавец лекарств Лисий спросил его, верит ли он в богов. Диоген ответил: «Как же мне не верить, когда я вижу такого богомерзкого подонка» (Там же: ср.: *Эпиктет. Беседы*, III, 22).

134. Увидев какого-то человека, совершавшего омовение, он обратился к нему: «Бедняжка, как же ты не понимаешь, что омовением не исправишь ни грамматических, ни жизненных ошибок» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 42).

135. Он упрекал людей в том, что, молясь, они просят богов не об истинном благе, а лишь о том, что им кажется таковым (Там же).

136. Тем, кто пугался снов, он говорил, что они не обращают внимания на то, что делают наяву, а о том, что им приснится почью, заботятся (Там же, 43).

137. Однажды в Олимпии глашатай провозгласил: «Диосипп победил мужей». Диоген запротестовал: «Это я побеждаю мужей, а он — рабов» (Там же; ср. выше: Диоген Синопский, фргм. 98).

138. После битвы при Херонее он был взят в плен и доставлен к Филиппу. Когда тот спросил его, кто он такой, Диоген ответил: «Я соглядатай твоей несытности». В изумлении царь велел его отпустить (*Диог. Лаэрт.*, VI, 43. Несколько иначе рассказано у Плутарха; см.: О различии между льстецом и другом. — Гуттен, т. 7, с. 226; ср.: *Эпиктет. Беседы*, III, 22).

139. Однажды Александр послал письмо Антипатру в Афины через некоего Афлия. Диоген присутствовал при этом и сказал: Несчастный от несчастного через несчастного несчастному⁴ (*Диог. Лаэрт.*, VI, 44).

140. Когда Пердикка под угрозой смертной казни приказал Диогену явиться к нему, философ заметил: «Подумаешь, чем грозитя. На это же способны скорпионы и фалапги. Только бы он не грозился, что и без меня может жить счастливо» (Там же).

141. Он часто громко заявлял, что богами людям дана легкая жизнь, а они забыли о ней, гонясь за лакомствами, благовониями и тому подобным (Там же).

142. Человеку, которому раб надевал сандалии, он сказал: «Ты был бы совсем счастлив, если бы он еще и сморкался за тебя» (Там же).

143. Однажды он увидел, как жрецы вели воришку, стащившего чашу из сокровищницы храма, и сказал: «Крупные воры погоняют мелкого» (Там же, 45).

144. Увидев мальчишку, швыряющего камнями в крест, сказал: «Давай! Бей! Ты достигнешь своей цели»⁵ (Там же).

145. Мальчишкам, которые обступили его и кричали:

«Не покусай нас!», — он отвечал: «Смелее, братцы. Эта собака не ест свеклу» (Там же; ср. VI, 61).

146. Некто надел на себя львиную шкуру и ходил с гордым видом. Диоген обратился к нему: «Не позорь одеяния доблести» (Там же).

147. Человеку, который превозносил Каллисфена и восхищался роскошной жизнью, которую тот вел в свите Александра, Диоген сказал: «Несчастен тот, кто завтракает и обедает, когда захочется Александру» (Там же. Согласно Плутарху (Об изгнании, 12), эти слова Диогена относились к Филиппу и Аристотелю).

148. Мальчику, который в бабе играл в котбав, он сказал: «Чем больше тебе везет, тем хуже» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 46. Смысл: чем ты искуснее в этой игре, тем ты хуже как человек).

149. Нуждаясь в деньгах, он утверждал, что не просит у друзей подаяния, а лишь требует возвратить долг (Там же).

150. Риторов и всех тех, кто красноречиво говорил из тщеславия, он называл «трижды человеки», т. е. «трижды несчастные» (Там же, 47).

151. Невежественного богача он называл золотым бараном (Там же. Другими этот афоризм передается иначе. См.: *Феон. Прогимназмы; Максим. Сентенции*).

152. Увидев на доме гуляки надпись: «Продается», — он воскликнул, обращаясь к дому: «Я был уверен, что, живя в таком пьяном угаре, ты легко вместе с блевотиной освободишься и от своего хозяина» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 47).

153. Увидев грязную баню, спросил: «Где же моются те, кто здесь вымылся?» (Там же).

154. Только он один хвалил толстяка-кифареда, которого все бранили. Его спросили, почему. Последовал ответ: «Скажите спасибо, что при таком аппетите он все еще играет на кифаре, а не грабит» (Там же).

155. Одного кифареда, от игры которого всегда разбежались слушатели, Диоген приветствовал словами: «Привет, петух!» — «Почему ты так меня называешь?» — спросил кифаред. «Потому что ты заставляешь всех вставать», — последовал ответ (Там же, 48).

156. Какой-то юноша выступал с речью. Диоген, наложив за пазуху волчьих бобов, встал напротив и начал их жевать. Когда люди уставились на него, он сказал, что

крайне удивлен тем, что все забыли об ораторе и смотрят на него (Там же).

157. Какой-то очень суеверный человек пригрозил ему: «Одним ударом я раскрою тебе череп!» — А я, — ответил Диоген, — чихну слева и брошу тебя в дрожь» (Там же. Об этом суеверии см.: *Плутарх*. Фемистокл, 13; *Ксенофонт*. Анабасис, III, 2, 5; *Феоокрит*, VIII, 96, а также: *Плутарх*. О гении Сократа, XI. — Гуттен, т. 10, с. 315).

158. Гегесий попросил Диогена дать ему что-нибудь почитать из его сочинений. «Чудак ты, Гегесий, — сказал Диоген. — Когда речь идет о фигах, ты выбираешь не нарисованные, а настоящие. А теперь проходишь мимо возможности по-настоящему потренироваться в добродетели и предпочитаешь написанные наставления» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 48).

159. Когда какой-то человек попрекнул его изгнанием, он возразил: «Но ведь именно благодаря ему, бедняга, я и стал философом» (Там же, 49).

160. Когда же снова кто-то ему сказал: «Граждане Синопцы приговорили тебя к изгнанию». — «А я их — оставаться на месте», — последовал ответ (Там же. То же рассказывает Плутарх (Об изгнании, 7 — Гуттен, т. 10, с. 372)).

161. Однажды он увидел олимпийского чемпиона пасущим овец и сказал: «Однако быстро же ты, любезнейший, перешел от Олимпийских игр к Немейским⁶» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 49).

162. На вопрос, почему атлеты так глупы, он ответил: «Потому что они сделаны из мяса свиней и быков» (Там же).

163. Однажды он просил милостыню у статуи. Спрошенный, почему он так поступает, ответил: «Так я привыкаю к отказам». (Там же. То же рассказывает Плутарх. См.: О порочном стыде, 7. — Гуттен, т. 10, с. 171).

164. Когда Диоген просил милостыню (а впервые он это сделал, находясь в крайней нужде), он обратился к прохожему с такими словами: «Если ты подал другому, то дай и мне. А если еще не подал, то начни с меня» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 49).

165. Когда тиран спросил его, какая медь лучше всего пригодна для статуй, он ответил: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристокитон» (Там же, 50. Плутарх эту апофтегму приписывает Антифону. См.: О льстеце и друге, 40).

166. На вопрос, как обходится Дионисий с друзьями, Диоген ответил: «Как с мешками: пока они полны, хравит; когда они пусты, выбрасывает» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 50).

167. Когда какой-то новобрачный сделал на своем доме надпись:

Геракл, Зевса сын, прославленный повсюду, здесь
живет.

Пусть никакое зло в дом этот не войдет!

Диоген добавил: «После войны мирный договор» (Там же).

168. Сребролюбие он называл средоточием всех пороков (Там же). Эту сентенцию Стобей приписывает Биону (Антолог., I, 38). Она упомянута у Иоанна Хрисостома (Беседы, 64).

169. Увидев однажды в трактире гуляку, который ел оливки, он сказал: «Если бы ты так завтракал, то так не обедал бы» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 50).

170. Людей добродетельных он считал подобиями богов, любовь — делом для тех, кому делать нечего (Там же. Ср. сходную сентенцию Теофраста у Стобея, Антолог., XIV, 29).

171. Спрошенный, что он считает самым большим несчастьем в жизни, ответил: «Нищую старость» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 51).

172. Увидев однажды двух скверно намалеванных кептавров, спросил: «Какой из них Хирон?»⁷ (Там же).

173. Льстивые речи он называл медовой петлей, желудок — Харибдой жизни (Там же).

174. Когда флейтист Дидимон был уличен в прелюбодеянии, Диоген заметил: «Он заслуживает быть повешенным за свое имя»⁸ (Там же. Софист Элий Феон в «Прогимнастах» рассказывает это как факт).

175. Увидев женщину на носилках, он сказал: «Этому зверю нужна не такая клетка» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 51).

176. Увидев однажды беглого раба, сидящего у колодца, он сказал: «Смотри, молодец, не угоди туда» (Там же, 52. Афиняне называли словом *phgear* и колодец, и тюрьму. См.: *Поллукс. Ономастикон*, VIII, 10).

177. Заприметив в бане ворышку, охотившегося за платьем моющихся, Диоген спросил его: «Для чего гащишь — для притирания или для одевания?» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 52).

178. Увидев однажды женщин, повесившихся на олив-

ковом дереве, он воскликнул: «Вот если бы на всех деревьях висели такие плоды!» (Там же).

179. Заметив человека, крадущего одежду, спросил:

Что ты здесь ищешь, храбрец?

Хочешь ты мертвых ограбить, polegших на поле?

(Там же; ср.: *Гомер*. Илиада, X, 343).

180. Спрошенный, есть ли у него раб или рабыня, ответил, что нет. Кто-то спросил: «А когда умрешь, кто вынесет твой труп?» — «Тот, кому понадобится мое жилище» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 52).

181. Человеку, делавшему обильные закупки для пира, он сказал:

Скоро умрешь ты, мой сын, — вот ведь ты что покупаешь (Там же; ср.: *Гомер*. Илиада, XVIII, 95).

182. Когда Платон философствовал по поводу идей и употреблял такие слова, как «стольность» и «чашность», Диоген возразил: «Что касается меня, то стол и чашу, Платон, я вижу, а вот стольность и чашность — нет». На что Платон ответил: «Здесь нет ничего мудреного. У тебя есть глаза, которыми ты можешь увидеть и стол, и чашу, а вот ума, чтобы увидеть стольность и чашность, не хватает» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 53. Другие приписывают эти слова Апписфену. См.: *Аммоний*. Комментар. к «Введению в „Категории“ Аристотеля» Порфирия: «Общие понятия и идеи — голые выдумки», — говорил Апписфен, добавляя, что лошадь он видит, а лошадности не видит. См. также выше: *Антисфен*, фргм. 44).

183. Спрошенный кем-то, что, по его мнению, за человек Диоген, Платон ответил: «Спятивший Сократ» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 54; ср.: *Элиан*. Пестр. ист., XIV, 33).

184. На вопрос, когда следует жепшться, Диоген ответил: «В юности еще рано, в старости уже поздно» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 54. Примерно так же рассуждал Фалес).

185. Его спросили: «Что нужно делать, когда тебя бьют?» — «Надеть шлем», — последовал ответ (Там же).

186. Увидев однажды, как зарделся юноша, он обратился к нему: «Не робей, мой милый. Это краска добродетели» (Там же).

187. Услышав спор двух законников, он обругал обоих: «Один из вас у другого украл, а тот ничего не потерял» (Там же).

188. На вопрос, какое вино он пьет всего охотнее, ответил: «Чужое» (Там же).

189. На упрек: «Многие потешаются над тобой», — он ответил: «А я все не потешаюсь» (Там же; ср.: *Плутарх*. Фабий Максим, 10).

190. На вопрос, он собака какой породы, ответил: «Когда голоден, — мальтийская, когда сыт, — молосская, т. е. из той породы, которую большинство хвалит, но из боязни быть покусанными идти с ней на охоту не отваживаются. Так и со мной вы не можете жить, опасаясь укусов совести» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 55; ср. выше, фрагм. 97).

191. Его спросили, едят ли мудрецы пироги. Он ответил: «Они едят все то же, что и остальные люди» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 56; ср.: *Лукиан*. Жизнь Демонакта).

192. Однажды он попросил подавание у скупца. Тот замешкался. «Человече, — сказал Диоген, — я прошу у тебя на пропитание, а не на погребение» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 56).

193. Однажды его упрекнули за участие в подделке монет, на что он ответил: «В то время я был таким, как ты сейчас, но таким, как я сейчас, ты никогда не будешь». На подобный же упрек в другой раз он заметил: «Раньше я и мочился быстро, а теперь нет» (Там же).

194. Придя в небольшой городок Минд и увидев там огромные городские ворота, он обратился к жителям: «Граждане города Минда, закройте ворота, чтобы город ваш не сбежал» (Там же, 57).

195. Увидев однажды вора, пойманного на краже пурпура, он сказал:

Очи смежила пурпурная Смерть и могучая Участь
(Там же. Стих из «Илиады», V, 83).

196. Когда Кратер пригласил Диогена к себе, тот отказался и сказал, что предпочитает скорее лизать соль в Афинах, чем вкушать изысканные яства у Кратера (*Диог. Лаэрт.*, VI, 57. Кратер — один из полководцев Александра. О нем см.: *Арриан*, VII, 12, 3; *Курций Руф*, VI, 6, 33; *Плиний*, XXXV, 13).

197. Толстяку-ритору Анаксимену он сказал: «Дай и нам, нищим, кусок своего брюха. И тебе будет полегче, и

нам поможешь» (*Диог. Лаэрт.*, XI, 57. Подразумевается ритор из Лампсака Анаксимен, которому обычно приписывается «Риторика к Александру», относящаяся к аристотелевскому кругу. Анаксимен был учеником киника Диогена).

198. Однажды, когда этот же ритор о чем-то витийствовал, Диоген стал размахивать селедкой, чем отвлек слушателей. Анаксимен возмущился. Тогда Диоген сказал: «Несчастливая селедка ценой в один обол положила конец всем рассуждениям Анаксимена» (Там же).

199. На упрек в том, что он ел на агоре, Диоген ответил: «Но ведь на агоре я и голодал» (Там же, 58).

200. Платон, увидев Диогена, моющего овощи, подошел к нему и тихо сказал: «Служил бы ты Дионисию, не мыл бы себе овощей». А тот так же тихонько ему ответил: «И ты, если бы мыл себе овощи, не служил бы своему Дионисию» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 58. Ср.: Там же, II, 68). Другие приписывают эти слова Аристиппу.

201. На упрек: «Многие смеются над тобой», — он ответил: «А над ними, может быть, потешаются ослы, но, как им наплевать на ослов, так и мне наплевать на пих» (Там же, VI, 58).

202. При виде юноши, увлекавшегося философией, он сказал: «Прекрасно. Теперь тех, кто любит твое прекрасное тело, ты заставишь любить красоту твоей души» (Там же).

203. Когда какой-то человек удивлялся обилию даров в Самофракии, он заметил: «Их было бы куда больше, если бы их приносили и те, кому не удалось спастись» (Там же, 59. На о-ве Самофракия была пещера, посвященная Гекате, по имени Зеринф. Туда направлялись жаждущие спасти свою жизнь и совершали жертвоприношения Гекате и корибантам).

204. Красивому мальчику, собравшемуся на пирушку, он сказал: «Домой ты вернешься худшим, чем ушел». Вернувшись, мальчик сказал: «Вот я вернулся и хуже не стал». — «Хироном, правда, ты не стал, но стал Эвритионом»^{8a} (Там же. Эвритион — также кентавр. О нем см.: «Одиссея», XXI, 295, сл. Здесь игра слов).

205. Как-то он просил милостыню у ворчливого и угрюмого человека. «Если ты меня убедишь, то подам», — сказал тот. «Да если бы я мог тебя убедить, то давно бы заставил повеситься» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 59).

206. Однажды он возвращался из Лакедемона в Афины. «Ты откуда и куда», — спросили его. «Из мужской половины в женскую», — последовал ответ (Там же. Ср. выше: *Антисфен*, фрмг. 127).

207. Когда Антипатр в письме, адресованном Диогену, много слов посвятил своей матери, он ответил: «Антипатр, одна материнская слеза смывает позор многих клеветнических писем» (Мюнхен. антол., 157. — В кн.: *Стобей*. Антолог. — Майнеке, с. 279).

208. Когда Фрина поставила в качестве посвящения в Дельфах золотую статую Афродиты, Диоген, говорят, сделал на ней надпись: «От эллинской распущенности» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 60. Другие приписывают этот поступок Кратету: *Плутарх*. О счастье Александра Вел., II, 3; *Афиней*, XIII, р. 591В).

209. Однажды около него остановился Александр и сказал: «Я — Александр, великий царь». — «А я, Диоген, собака», — представился философ (*Диог. Лаэрт.*, VI, 60).

210. Спрошенный, почему его зовут собакой, ответил: «Потому что тем, кто мне подает, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а порочных — кусаю» (Там же).

211. Однажды он срывал плоды со смоковницы, и сторож ему сказал: «Недавно на этом дереве повесился человек». — «Отлично, — ответил Диоген. — Теперь я его очищу» (Там же, 61).

212. Увидев победителя Олимпийских игр, то и дело бросавшего вожделенные взгляды на гетеру, он сказал: «Смотрите, как этому бодливому барану свернула шею первая встречная потаскуха» (Там же. Нечто похожее рассказывает Плутарх («О любопытстве», 12); ср.: *Элиан*. Пестр. ист., XII, 58).

213. Красивых гетер он сравнивал с медовыми возлияниями мертвым (*Диог. Лаэрт.*, VI, 61).

214. Когда он завтракал на агоре, толпа окружила его, и из нее то и дело раздавались крики «собака». Диоген огрызнулся: «Это вы собаки. Окружили меня, когда я ем» (Там же).

215. Спрошенный об одном порочном мальчишке, откуда тот взялся, он ответил: «Из Тегеи» (Там же. Игра слов: *Tegeathēs* образован от *tegos*, что значит «бордель»).

216. Увидев бездарного борца, занявшегося врачебной практикой, он спросил: «Это зачем? Не для того ли, чтобы

отомстить тем, кто тебя в свое время одолел?» (Там же, 62).

217. Увидев однажды сына гетеры, который швырялся камнями в прохожих, он крикнул: «Смотри, не угоди в своего отца» (Там же).

218. Когда мальчик показал ему кинжал, подаренный любовником, он сказал: «Кинжал действительно хорош, да рукоятка у него паршивая» (Там же. Игра слов: *labē* означает одновременно «рукоятка» и «повод»).

219. Когда какие-то люди стали хвалить человека, который дал ему милостыню, он сказал: «Но вы не хвалите меня, заслужившего ее» (Там же).

220. Когда какой-то человек стал у него требовать назад свой плащ, он ответил: «Если ты подарил мне его, то он мой. Если же ты мне его одолжил, то он мне еще нужен» (Там же).

221. Какой-то подкидыш сказал ему, что в его плаще спрятано золото. «Теперь я понял, почему ты спишь, подкинув его под себя», — заметил Диоген⁹ (Там же).

222. На вопрос, откуда он явился, ответил: «Я — гражданин мира» (Там же, 63).

223. Какие-то родители приносили жертву богам, моля послать им сына. Диоген сказал: «А что из него выйдет, для вас безразлично?» (Там же).

224. Однажды устраивали пир в складчину, и организатор попросил у него долю. Диоген отвечал:

Грабь ты других, обирай, но от Гектора руки подальше!¹⁰ (Диог. Лаэрт., VI, 63).

225. Когда афиняне присвоили Александру имя Диониса, он попросил: «А меня сделайте Сараписом» (Диог. Лаэрт., VI, 63; ср.: Элиан. Пестр. ист., II, 19).

226. Он обедал в храме и, когда принесли загрязненный хлеб, схватил его и бросил со словами: «В храм не дозволено войти ничему нечистому» (Диог. Лаэрт., VI, 64).

227. Кто-то сказал ему: «Ты неуч, а еще философствуешь». На это он ответил: «Даже подделываться под мудрость — уже философия» (Там же).

228. Некто привел к нему своего сына и сказал, что он очень способный мальчик и в высшей степени добродетелен. «Тогда зачем же я ему нужен?» — спросил Диоген (Там же; ср.: Эпиктет. Беседы, II, 3).

229. Увидев однажды женственного юношу, он сказал: «Не стыдно ли тебе поступать с собой хуже, чем это было задумано природой? Она создала тебя мужчиной, а ты заставляешь себя быть женщиной» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 65. Сюда, вероятно, относится место у Афиня, XIII, 656).

230. Увидев, как глупец настраивал струнный инструмент, он сказал: «Не стыдно тебе приводить струны в созвучие с деревяшкой, а душу не приводить в гармонию с жизнью?» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 65).

231. Человеку, сказавшему: «Я не гожусь для философии», — он заметил: «Для чего же ты живешь, если тебя не заботит жизнь в добродетели?» (Там же).

232. Тому, кто презирал своего отца, он сказал: «Не стыдно тебе презирать того, благодаря которому ты можешь проявлять свою гордыню?» (Там же; Стобей (Аптолог., XXIX, 43) приписывает эти слова Платону).

233. Увидев приличного юношу, неприлично бранившегося, он сказал: «И тебе не стыдно из дорогих вещей вытаскивать дрянной свинцовый меч?» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 65).

234. Когда его упрекнули за то, что он пьет в трактире, он ответил: «А стригусь я в цирюльне» (Там же, 66).

235. Его упрекнули за то, что он принял в подарок плащ от Антипатра. Он ответил:

Нет, ни один не порочен из светлых даров нам
бессмертных

(*Диог. Лаэрт.*, VI, 66; ср.: Гомер. Илиада, III, 65).

236. Один человек приставал к гетере с известными просьбам. Диоген обратился к нему: «Зачем ты, несчастный, хочешь получить то, от чего лучше отказаться?» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 66).

237. Человеку, сильно пахнувшему благовониями, он сказал: «Смотри, чтобы твои благовонные волосы не провоняли всю твою жизнь» (Там же).

238. Он говорил, что рабы служат своим господам, а дурные люди — страстям (Там же).

239. Спрошенный, почему раб получил название «муженогий», Диоген ответил: «Потому, что ноги у него, как у мужей, а душа — подобна твоей, мой любознательный» (Там же, 67. Иное объяснение дает Евстафий в схолиях к «Одиссее», I, р. 1416: «Рабы называются „муженогими“, потому что они подчинены господам и находятся у них

как бы на положении ног». Ср. его же комментарии к «Илиаде», VII, 475).

240. Когда его стыдили за то, что он просит милостыню, а Платон не просит, он сказал, что и тот просит, но

Голову лишь приклонив, чтобы его не слышали другие (Диог. Лаэрт., VI, 67; ср.: Гомер. Одиссея, I, 157).

241. Увидев неумелого лучника, он сел рядом с мишенью, приговаривая: «Это для того, чтобы он не угодил в меня» (Диог. Лаэрт., VI, 67).

242. Влюбленные, говорил он, ради удовольствия готовы испытать все несчастья (Там же).

243. Спрошенный, является ли смерть злом, ответил: «Какое же это зло, если его присутствия мы не чувствуем?» (Там же, 68).

244. Когда Александр подошел к Диогену и спросил: «Ты меня не боишься?» — философ спросил, в свою очередь: «А ты — зло или добро?» Царь ответил: «Добро». — «Кто же боится добра?» — удивился Диоген (Там же).

245. Он говорил, что образование дает юношам благоразумие, старикам — утешение, беднякам — богатство, богачам — украшение (Там же).

246. Увидев однажды, как распутный Дидимон взялся лечить глаз у одной девицы, он сказал: «Смотри, как бы, исцеляя у девушки глаз, ты не повредил ей чего-нибудь другого» (Там же).

247. Когда кто-то пожаловался, что друзья строят против него козни, он посетовал: «Что же делать, если с друзьями придется обходиться, как с врагами?» (Там же).

248. Спрошенный, что самое прекрасное у людей, ответил: «Свобода слова» (Там же, 69).

249. Зайдя в школу и увидев там много статуй, изображавших Муз, и мало учеников, сказал: «С божьей помощью, учитель, у тебя полно учащихся» (Там же; ср.: Афинея, VIII, р. 348).

250. Свою продажу в рабство он перенес с большим достоинством. Во время плаванья на Эгипу он был захвачен пиратами, во главе которых стоял Скирпал, увезен на Крит и там продан в рабство. На вопрос глашатая, что он умсет делать, Диоген ответил: «Править людьми». При этом он показал на одного богато одетого коринфянина (это был упомянутый уже Ксениад) и добавил: «Продай меня этому

человеку. Он нуждается в господине». Так Ксениад купил его, отвез в Коринф и приставил к своим детям и вообще поручил ему управление всем домом. А Диоген так хорошо справлялся со всеми своими обязанностями, что Ксениад повсюду ходил и говорил: «В моем доме поселился добрый гений». Клеомен в сочинении под названием «Педагогик» рассказывает, что друзья Диогена хотели выкупить его из рабства, а тот назвал их глупцами, добавив, что не львы являются рабами тех, кто их кормит, а наоборот. Ведь это рабу свойствен страх, а дикие звери впускают страх людям (*Диог. Лазрт.*, VI, 74—75).

251. Увидев человека с бритым лицом, Диоген обратился к нему: «Не собираешься ли ты привлекать к ответу природу за то, что она сотворила тебя мужчиной, а не женщиной?» Когда же он увидел подобного субъекта верхом на лошади, надушенного и в соответствующем платье, то сказал: «Раньше я все спрашивал себя, что это такое „б... на лошади“, гиппопор, а теперь, наконец, увидел» (*Афиней*, XIII, 656 с).

252. Тем, кто бранил его за то, что он занимается рукоблудием, Диоген отвечал: «Если бы только я мог, потирая живот, избавиться от голода и нужды!» Диоген в своем «Государстве» предлагает заменить монеты игральными бабками (Там же, IV, 158g; 159с).

253. Философ Диоген на вопрос, как стать знаменитым, ответил: «Совсем не думать о славе» (*Феон Софист. Прогимнасы*, V, О нужде).

254. Македонский царь Александр остановился около спящего Диогена и спросил:

Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета?

На что Диоген ответил:

Кому вверено столько народа и столько заботы (*Феон Софист. Прогимнасы*, V, О нужде; ср.: *Эпиктет. Беседы*, III, 22, 92. Стихи из «Илиады», II, 24, 25 / Пер. Н. Гнедича).

255. Мальчишка расшалился, а дядька-педагог его ударил. Диоген увидел это и сказал: «И это называется воспитанием?» (*Феон Софист. Извлечения.* — Базиль, с. 121).

256. Диоген говорит, что смерть не является злом и не заключает в себе ничего безобразного. Далее он утверждает,

что слава — это только пустая болтовня безумцев. Быть голым, говорит он, лучше всяких одежд, окаймленных пурпуром. Спать на голой земле, все равно что на мягчайших подушках. Человек, учил он, проявляется в его дерзаниях, спокойствии духа, свободе, в чистоте и подобранности его тела (*Эпиктет*. Беседы, I, 24, 6—8).

257. Диоген указал на какого-то софиста средним пальцем. Тот вышел из себя. Тогда Диоген сказал: «Это и есть он. Таким я его вам и представил» (Там же, III, 2, 11).

258. Диоген где-то говорит, что есть единственное средство сохранить свободу — спокойно умереть, и пишет македонскому царю, что тот не в силах поработить государство афинян — не более чем рыб. «Как же так? — отвечал царь. — Разве они мне не попадутся на удочку?» — «Даже если попадутся, тотчас же сорвутся с крючка и уйдут прочь, как рыбы. А если и поймаешь какую-нибудь, она сразу же умрет. Если же покорежные они умрут, какая тебе польза от всех твоих военных приготовлений?» (Там же, IV, 1, 30—31).

259. Диоген говорил: «Тому, кто пуждается в спасении, нужно искать или верного друга, или заклятого врага, чтобы, получив наставления или указание на ошибку, избежать порока (*Плутарх*. Об успехе в добродетели. — Гуттен, т. 7, с. 259; ср.: *Он же*. О различии между льстецом и другом, 51).

260. Увидев в Коринфе сына Дионисия, ставшего из тирана простым человеком, Диоген сказал: «Какую недостойную жизнь ты ведешь, Дионисий. Ведь тебе не следовало жить здесь вместе с нами в свободе и спокойствии, а там, на родине, запертым во дворце тирана, как отец, влачить свою жизнь до самой старости» (*Плутарх*. Следует ли старику управлять государством, I. — Гуттен, т. 12, с. 100; ср.: *Плутарх*. Тимолеонт, 15).

261. На вопрос, как отомстить врагу, Диоген сказал: «Стать добрым и честным» (*Плутарх*. О том, как слушать поэтов. — Гуттен, т. 12, с. 80).

262. Рассказывают, что это было в начале философского пути Диогена Синопского. У афинян был праздник, повсюду пышные пиры, зрелища, дружеские встречи и гулянья на всю ночь. А Диоген, свернувшись калачиком в каком-то углу на площади, собрался спать, но в голову пришли мысли, которые заставили его волноваться и прогнали сон.

Он думал, что без всякой необходимости ведет жизнь, полную трудов и отличную от других, и сидит в одиночестве, лишенный всяких жизненных благ. Но тут, говорят, он заметил мышь, которая суежилась около крошек от его скромной лепешки. Тогда он снова воспрянул духом и стал себя ругать и срамить: «Как ты смеешь так думать, Диоген?! Мышь радуется остаткам от твоей трапезы, а ты, благородный человек, плачешься и горюешь, что не валяешься пьяным там, на мягких пестрых коврах?» (*Плутарх*. Об успехе в добродетели. — Гуттен, т. 7, с. 248; ср.: *Элиан*. Пестр. ист., XIII, 26. См. выше, фргм. 121).

263. Диоген говорил, что даже Сократ жил в роскоши, потому что заботился о своем маленьком доме, ложе и даже о своих сандалиях, которые иногда надевал (*Элиан*. Пестр. ист., IV, 11).

264. Получив от Диотима из Кариста немного денег, Диоген сказал:

О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с избытком в доме.

Ясно, какова была нравственность Диотима (Там же, 27. К развратному Диотиму Диоген обратился со словами, которыми Одиссей приветствовал дочь Алкиноя Навсикаю. См.: *Одиссея*, IV, 180—181).

265. В присутствии Диогена спартаец хвалил афоризм Гесиода: «Если бы не был сосед твой дурец, то и бык не погиб бы». Диоген возразил на это: «Но мессенцы погибли вместе со своими быками, а вы их соседи» (*Элиан*. Пестр. ист., IX, 28. Стих принадлежит Гесиоду, см.: *Труды и дни*, 348).

266. Диоген пришел к Олимпию. Там, среди праздничной толпы он заметил нарядно одетых юношей с Родоса, рассмеялся и сказал: «Все это гордыня». Потом он повстречал молодых людей из Спарты, одетых в грубые и грязные плащи. «И это гордыня, — сказал он, — только на другой мапер» (*Элиан*. Пестр. ист., IV, 34).

267. У Диогена болело плечо — может быть, от раны или по какой другой причине. Когда стало видно, что его особенно мучает боль, один из его недоброжелателей с издевкой сказал: «Не умереть ли тебе, Диоген, и тем избавить себя от несчастий?» На это последовал ответ: «Тем, кто знает, что следует делать и говорить в жизни, нужно жить»

(а к таким он причислял и себя), а тебе, не знающему, что нужно говорить и делать, лучше всего умереть. Мне же, знающему все это, надлежит жить» (Там же, X, 11).

268. Кинический философ Диоген имел такой возвышенный и величественный образ мыслей, что, захваченный в плен разбойниками, которые кормили его самой скудной и скверной пищей, не был сломлен обрушившейся на него судьбой и не устрасился жестокости грабителей. «Чудное дело, — сказал он. — Собираясь продавать поросят или баранов, их усиленно кормят, чтобы они нагуляли мясо, а человека, самое превосходное из всех животных, продают по самым низким ценам и истощенным недоеданием». После этого он получил вполне достаточно пищи. Вместе с другими он был выставлен на продажу, сидел впереди и что-то ел с совершенно независимым видом, уделяя от своей еды другим. Один, как он заметил, сидел, не только пригорюцившись, но совсем нав духом. «Не печалься, — сказал он ему. — Пользуйся тем, что есть».

Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
Матерь, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.

Когда кто-то из покупателей, забавляясь, спросил: «Эй, ты, какое ремесло знаешь?» — он ответил: «Править людьми», — и голос его, как казалось, выражал свободу духа, благородство и природную царственность. Во время отдыха он обычно шутил, когда другие, погруженные в свои думы, совсем приходили в отчаяние. Рассказывают, например, что, заметив одного покупателя, страдавшего женской болезнью, да и с лицом, не похожим на мужское, он подошел к нему и сказал: «Купи меня. Кажется, тебе нужен мужчина?» Тот пришел в страшное смущение, так как хорошо знал свой недостаток, и поспешил скрыться, а остальные испугались его разящей дерзости (*Филон Александр.* О том, что каждый мудрец свободен. — Франкоф, с. 883. Стихи из «Илиады», XXIV, 602—604/Пер. Н. Гнедича).

269. Увидев, как один из тех, кого называют вольноотпущенниками, важничал, а многие его приветствовали, был удивлен их неразумием и опрометчивостью и сказал. «Это похоже на то, как если бы кто-нибудь вдруг объявил, как глашатай, что один из его рабов с сегодняшнего дня будет грамматиком, или геометром, или музыкантом, хотя ни об

одной из этих наук тот даже слыхом не слыхал. Но, как крик глашатая никого не может сделать специалистом, так он не может сотворить свободных (хотя это было бы прекрасно), а только — рабов» (*Филон Александр*. О том, что каждый мудрец свободен, с. 888).

270. Диоген, сознавая, что философствовать ему предписано пифийским Аполлоном, считал, что все следует доказывать делами, а не пробавляться чужими мнениями, может быть истинными, а может быть ложными (*Юлиан*. Речи, VI. — Липс, т. 1, с. 191).

271. Когда в присутствии Диогена какой-то юноша в толпе выпустил ветры из живота, философ поколотил его палкой, приговаривая: «Ах, дрянь, ты еще ничего не сделал, чтобы сместь так поступать при народе, а уже начинаешь презирать наше мнение?» (Там же, с. 197).

272. Голод прекращает любовь, а если не можешь голодать, то надень веревку на шею (Там же, с. 198).

273. Тираны, говорил Диоген, не из тех, кто ест простую пищу, а из тех, кто роскошно обедает (Там же. Полнее этот афоризм приведен у *Порфирия*. О воздержании, I, 47): «Воры и врачи, — говорил Диоген, — не из тех, кто ест простую кашу. Сикофапты же и тираны едят мясо»).

274. Увидев безумного мальчика, Диоген сказал: «Дитя, тебя породил пьяница» (*Плутарх*. О воспитании детей, 3. — Гуттен, т. 7, с. 4).

275. Царь Александр, увидев спящего в бочке Диогена, сказал: «О бочка, исполненная мудрости!» Философ встал и произнес: «Великий государь,

Мне б капель счастья лучше быть, чем бочкой разума».

Ему возразил один из благожелателей в свите царя:

За каплю разума готов все счастье мира я отдать.

Нет разума — увы, несчастен человек

(*Антоний и Максим*. Рассужд. о судьбе благоприятной и враждебной).

276. Диоген говорил, что истинное наслаждение заключается в том, чтобы душа была спокойной и веселой. Без этого все золото Мидаса и Креза не принесет никакой пользы. Когда человек печалится о малом или о большом, его уже нельзя считать счастливым, он несчастен (Избр. изре-

чения Демокрита, Эпикура и других философов из «Лионского кодекса», № 168, с. 26).

277. Те, кто многим нравится, скорее могут быть названы свнухамп, чем философами (Письма киников, Диоген, XI).

278. Должно исследовать,

Что у тебя и худого и доброго дома случилось
(*Диог. Лаэрт.*, VI, 103).

279. Человеку, показавшему ему часы, Диоген сказал: «Да, полезная штука, чтобы не опаздывать на обед» (Там же, 104).

280. Тому, кто хочет обучать его музыке, он сказал:

Умом людей разумных процветают город, дом,
А не бряцаьем лир и флейт игрой

(Там же).

281. Диоген любил говорить, что только боги ни в чем не нуждаются, а богоподобные люди нуждаются в малом (Там же).

282. Неплохо сказал Диоген человеку, который удивился, увидев змею, обвиняющуюся вокруг пестика. «Не удивляйся. Было бы гораздо чудеснее, если бы ты увидел пестик, обвинившийся вокруг прямой змеи» (*Климент Алекс. Стромат.*, VII, 712).

283. Он смеялся над теми, кого мучила жажда, но кто проходил мимо источников и искал, где бы купить хиосского или лесбосского вина. Они, говорил Диоген, гораздо глупее пасущегося скота, который никогда не пройдет мимо источников или чистого ручья, когда хочет пить, а когда хочет есть, с удовольствием поедает нежные побеги и траву (*Дион Хрис. Речи*, VI. — Рейске, с. 202).

284. Ноги он никогда не обувал, потому что, как говорил, они не нежнее глаз или лица. Последние, очень чувствительные по природе, легко выносят холод благодаря постоянной закалке. Не может быть, чтобы люди ходили с глазами обутыми, как ноги (Там же, с. 203).

285. Он говорил, что богачи похожи на новорожденных, так как всегда нуждаются в пеленках (Там же).

286. Он говорил, что люди из-за своей изнеженности живут несчастнее животных, которые пьют воду и питаются растениями; большинство из них в течение всего года ходят

голыми, они не заходят ни в один дом, не нуждаются в огне и живут столько, сколько им установила природа, если правда, их никто не убьет. Они все в одинаковой степени сильны и здоровы, не нуждаются ни во врачах, ни в лекарствах. Люди же, так сильно привязанные к жизни, придумавшие столько средств, чтобы отдалить смерть, в большинстве случаев не достигают глубокой старости, а страдают многочисленными болезнями, которые-то и назвать нелегко, а для лечения им уже недостаточно лекарств, предоставляемых им землей: они еще нуждаются в железе и огне. Ни один врач — ни Хирон, ни Асклепий, ни его сыновья не могут облегчить их участь из-за их невоздержанности и порочности. Им не помогут ни прорицатели с их прорицаниями, ни жрецы с их очистительными жертвами (Там же, с. 205).

287. Он говорил, что люди собираются в города, чтобы обороняться от внешних врагов, но при этом делают самые неслыханные вещи, будто именно ради них они и собрались в одно место. Как ему казалось, смысл сказания о Прометее заключается в том, что Зевс наказывает его за изобретение и передачу огня людям, что было началом и первым шагом к изнеживанию и роскоши. Что же касается Зевса, то он вовсе не ненавидит людей и не завидует их благу (Там же).

288. Некоторые говорили, что человек не может жить так же, как другие животные, потому что тело у него нежное, к тому же он наг, не покрыт шерстью, как большинство животных, нет у него ни перьев на теле, ни толстой кожи. На это Диоген отвечал: «Люди так изнежены только из-за своего образа жизни, потому что большей частью избегают как жару, так и мороз. Отсутствие растительности на теле здесь не помеха. Он приводит в качестве примера лягушек и много других животных, гораздо нежнее человека и с еще меньшей растительностью, но которые не только выдерживают колебания температуры, но даже зимой могут жить в ледяной воде. Да и у самих людей, говорил он, глаза и лицо не нуждаются ни в каких укрытиях.

Вообще нет ни одного живого существа, которое бы не могло жить там, где оно родилось. В противном случае, как могли уцелеть первые люди на земле, когда не было ни огня, ни жилищ, ни платья и никакой другой пищи, кроме той, что росла сама собой? Последующим поколениям не принесли пользы для жизни ни их хитроумие, ни многочисленные изобретения, ни их машины. Ведь люди использо-

нали свой ум не для мужества и справедливости, а для удовольствий. Постоянно охотясь только за удовольствиями, они делали свою жизнь все более безотрадной и трудной. Когда им казалось, что они больше всего заботятся о себе, в это самое время дела у них шли все хуже именно по той причине, что они очень заботились и пеклись о своем благополучии. Поэтому справедливо, как гласит легенда, Прометей был прикован к скале, а коршун терзал его печень...» (Там же).

289. Когда Диоген Синопский был изгнан из родного города, он прибыл в Элладу и жил то в Коринфе, то в Афинах. Он говорил, что подражает образу жизни персидского царя, который зимой жил в Вавилоне и Сузах, иногда в Бактрах, т. е. самых теплых местах Азии. Лето же проводил в Экбатанах Мидийских, где воздух всегда веет прохладой, и лето похоже на вавилонскую зиму. Так и он меняет свои резиденции в соответствии с временами года (Там же, с. 197).

290. Диоген говорил, что мудрый человек должен быть похож на хорошего врача, который спешит с помощью туда, где больше всего больных. Так и место мудреца там, где больше всего людей перазумных, и он должен изобличать и порицать их перазумие (*Дион Хрис.*, VIII, 5. — Рейске, с. 276).

291. Он давал возможность встретиться с собой всякому, кто этого хотел, и говорил, что его удивляет следующее обстоятельство: если бы он заявил, что лечит зубы, то к нему собрались бы все, кому нужно выдрать зуб, а если бы он пообещал исцелять глаза, то, клянусь Зевсом, к нему бросились бы все показывать свои гноящиеся глаза. То же самое произошло, если бы он объявил, что знает лекарство от болезни селезенки, подагры или насморка. Когда же он обещает исцелить всех, кто его послушается, от невежества, пороков и распущенности, никто к нему не является и не просит лекарства, если бы даже вдобавок получил еще личную сумму денег (Там же, 7—8. — с. 277).

292. Он говорил, что похож на лаконских собак. Когда их выставляют на продажу, многие подходят, глядят и ласкают, но никто их не покупает, так как не знают, что с ними делать (Там же, с. 279).

293. Он говорил в шутку, что его правильно бранят «собакой» (так пазывали его из-за свирепости и ворчливости)

и добавлял, что собаки нередко сопровождают своих хозяев на празднества, но никого там не трогают, а лают и набрасываются лишь на воров и мошенников. А если кто напьется и заснет, то псы не спят и охраняют его (*Дион Хрис.*, IX, 3. — Рейске, с. 288).

294. Но, когда он увенчал себя сосновым венком, коринфяне послали служителей и приказали снять венок и впредь не делать ничего противозаконного. Он спросил их, что противозаконного в том, что он падел на себя сосновый венок. Другие делают то же самое. Почему же их не обвиняют в противозаконных действиях? Кто-то из посланцев сказал ему: «Но ведь ты, Диоген, никого не победил». — «Напротив. Я одержал победу над многими очень сильными противниками — не чета тем рабам, которые здесь борются, метают диск, соревнуются в беге. Мои противники посерьезнее — бедность, изгнание, забвение, а также гнев и печаль, страсть и страх и самое непобедимое или, скорее, трудно победимое чудовище, коварное и растлевающее, — наслаждение» (Там же, 11—12. — с. 291).

295. Он учил, что упражнения бывают двух видов: одни касаются души, другие — тела. При постоянном упражнении духа создаются представления, облегчающие совершение добродетельных поступков. Один вид упражнений без другого недостаточен, причем хорошее здоровье и сила имеют для них большое значение, так как относятся и к душе, и к телу. Он приводил также примеры того, как легко благодаря упражнениям совершается переход к добродетели. Можно заметить, что как в простых ремеслах, так и в других искусствах специалисты, упражняясь, достигают удивительного совершенства и ловкости. Так, например, флейтисты и атлеты, чем больше упражняются каждый в своем деле, тем большего добиваются успеха. Если бы они перенесли свои упражнения также и на душу, то эти усилия не остались бы без пользы и результата (*Диог. Лаэрт.*, VI, 70).

296. Он утверждал, таким образом, что в жизни невозможно достичь никакого блага без упражнений и что благодаря им можно все одолеть. Бесплезным трудам следует предпочесть труды в согласии с природой, и жить счастливо; люди несчастны только из-за собственного неразумия. И когда мы привыкнем, то презрение к наслаждению само по себе будет доставлять высочайшее удовольствие. И как те,

кто привык жить, испытывая наслаждения, с отвращением относятся к неудовольствиям, так приучившие себя к последним извлекают радости из презрения к самим удовольствиям. Так он учил и поступал в соответствии со своим учением. Это и впрямь было «перечекалкой монеты», так как он меньше всего считался с законами государства, предпочитая им законы природы. Он утверждал, что ведет такой же образ жизни, как и Геракл, всему предпочитая свободу (Там же, 71).

297. Без закона, говорил он, невозможна жизнь в государстве, так как вне государства нельзя извлечь никакой пользы от цивилизации, а государство — плод цивилизации. Вне государства нет никакой пользы от закона, следовательно, и закон есть плод цивилизации. Высокое происхождение, славу и тому подобное он высмеивал, называя их украшениями испорченности. Пример единственно совершенного государственного устройства он находил только во Вселенной (Там же, 72; ср. выше, фргм. 222).

298. Он учил также, что женщины должны быть общими, брак не ставил ни во что, кроме союза, основанного на взаимном согласии. Поэтому и дети должны быть общими (*Диог. Лаэрт.*, VI, 72).

299. Он не видел ничего ужасного в краже из храма или в употреблении в пищу мяса любого животного. Причем, говорил он, нет ничего нечестивого и в том, чтобы питаться даже человеческим мясом, как это видно из быта других народов. Более того, согласно здравым рассуждениям, все элементы содержатся во всем и во все проникают. Так, например, в хлебе заключено мясо, а хлеб — в овощах; и во всем находятся частицы других веществ, проникающие через невидимые поры в виде испарений (Там же, 73).

300. Музыкой, геометрией, астрологией и тому подобными дисциплинами можно, считал он, не заниматься как бесполезными и ненужными (Там же).

301. Уже смертельно больной, Диоген Синопский, с трудом передвигаясь, дотащился до какого-то мостика вблизи гимнасия, там упал и попросил сторожа палестры бросить его тело в Илосс, когда заметит, что он уже больше не дышит. Так мало заботили Диогена и его собственная смерть, и погребение (*Эман. Пестр. ист.*, VIII, 14). Диоген Лаэртский (VI, 79) так описывает смерть философа: «Некоторые авторы сообщают, что, будучи при смерти, он оста-

вил наказ, чтобы его не погребали, а бросили на съедение диким зверям или кинули в ров, покрыв тело только тонким слоем пыли. По другим свидетельствам, он просил сбросить его в реку Илосс, чтобы принести пользу своим [меньшим] собратьям¹¹.

КРАТЕТ ФИВАНСКИЙ

ИЗ СТИХОТВОРНЫХ СОЧИНЕНИЙ

1. Любовь проходит с голодом, а если нет, — со
временем.

Но если и от этого не догорит огонь,
Один тогда бедняжке путь — скорее в петлю лезь
(Антолог, Плануда, I, 37. — Этьен, с. 38; *Стобей*. Антолог. XLI; у Диогена Лаэртского (VI, 86) читаем:

Любовь проходит с голодом, а если нет, — со
временем.

А если так не справишься, петля тогда — спасение.
(Почти те же стихи у Суды (под словом «Кратет»); ср.: *Климент Алекс.* Стромат., II, 493; *Юлиан*, VI, 198 и др.).

2. Остров есть Пёра среди виноцветного моря порока.
Дивен и тучен сей остров. Владений окрест не имеет.
Дурень набитый и трутень, как и развратник
негодный,
Жадный до толстого зада, в пределы его не допущен.
Смоквы, чеснок и тимьян в изобилье тот остров
рождает.

Граждане войн не ведут и не спорят по поводам
жалким,

Денег и славы не ищут, оружием к ним путь пробивая
(*Диог. Лаэрт.*, VI, 85. Здесь Кратет подражает Гомеру (Одиссея, XIX, 172—173); ср.: *Апулей*. О магии, 26; *Деметрий Фалерский*. О стиле, 259. «Пёра» — нищенская котомка киника).

3. Дай десять мин ты повару и драхму лишь — врачу,
Тому, кто льстит, — талантов пять и шиш — советчику.

А девке дать не жаль талант, философу ж — обол
(*Диог. Лаэрт.*, VI, 86. Иронические советы от имени проживающего жизнь богача).

4. Здравствуй, богиня моя, мужей добродетельных

радость.

Скромность имя тебе, Мудрости славной дитя.

Благость твою почитает, кто справедливости предан
(Антолог. Плануда, 1, 12; *Юлиан*, VI, 199. Фрагмент представляет собой начало гимна Скромности).

5. То, что узнал и продумал, что мудрые Музы

внушили, —

Это богатство мое; все прочее — дым и ничтожность

(*Диог. Лаэрт.*, VI, 86; ср.: *Плутарх*. Как можно себя хватить... 17. — Гуттен, т. 10, с. 209).

6. Славные дочери Зевса-владыки и Мнемосины,

Музы Пиярии, к вам слово молитвы моей.

Пищу пошлите вы мне — не могу голодать постоянно.

Только без рабства: оно делает жалкою жизнь

Буду полезен друзьям, льстить только им не учите.

Деньги же грех собирать, копить скарабею богатство.

Быть не хочу муравьем — только себе и себе.

Хочется праведным стать и такое добыть мне

богатство,

Чтобы к добру привело, делая лучше людей.

Этого только б достичь, Гермесу и Музам пречистым

Жертв дорогих не свершу, делом святым отплачу

(*Юлиан*, VI, 199с; ср.: Там же, VII, 213b). Весь отрывок — пародия на элегию Солона, приведенную Стобесом (Антолог., IX, 25). Слова «буду полезен друзьям...» направлены против паразитов, которые стремились не столько приносить пользу, сколько говорить приятное. Последний стих фрагмента перекликается с мыслями Диогена у Юлиана, VI, 199).

7. В котомке, что за сила, знать не можешь ты.

Бобов не знаешь сладости и жизни без забот

(*Стобей*. Антолог., XCVII, 31; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 86).

8. Идешь далече, милый мой горбун.

Согбенный старостью, в Аид свой держишь путь

(*Диог. Лаэрт.*, VI, 92).

9. Когда Александр спросил его, хочет ли он, чтобы его родной город был восстановлен, он ответил: «Зачем? При-

дет, пожалуй, новый Александр и снова разрушит его». Он говорил, что его родина — безвестность и бедность, неподвластная даже судьбе, и что его соотечественник — Диоген, человек, недоступный зависти (Там же, 93). Муллах предполагает, что за словами «... разрушит его» должны следовать стихи, и пытается восстановить их; однако в рукописях в этом месте стихов нет; ср.: *Элиан*, Пестр. ист., III, 6; *Филострат*. Жизнь Аполлония Тианского, VII, 1).

10. Все побеждай, не сдавайся, гордая духом и силой.
 Золоту ты неподвластна и все сжигающей страсти.
 Правда, большая любовь не может быть спутницей
 подлых.

И все включают строчки:

Те, кто не сломлен вконец жалким рабством
 у радостей жизни,
 Чтут лишь царство одно — бессмертное царство
 свободы

(*Климент Алекс.* Стромат., II. — Поттер, с. 492).

11. Меня согнуло время, мудрый чародей.
 Болезни шлет оно, всех делает слабей

(*Стобей*. Аполог., CXVI, 31).

12. Стильпона там я узрел, казнимого страшною казнью.
 В городе, где, повествуют, лежбище было Тифона.
 Споры он в Мэгарах вел с неисчетными окрест
 друзьями,

Спорили долго они, добродетели имя пороча

(*Диог. Лаэрт.*, II, 118).

13. Видел я Асклениада, того, что жил во Флиупте,
 Рядом стоял Менедем, на быка, как две капли,
 похожий

(*Диог. Лаэрт.*, II, 126).

14. Видел потом я Микилла, живущего в тяжких
 страданиях,
 Шерсть он усердно чесал, и жена ему в том
 помогала.

В битве жестокой за жизнь голода так избегали

(*Плутарх*. Как избегать долгов, 7. — Гуттен, т. 12, с. 214).

15. Бобы собирай и моллюсков. . .
(*Стобей. Антолог., V, 67*).

16. Бранил, я слышал, старость ты: «Большое зло!»
Какое ж зло? Замена ей одна лишь смерть.
Мы все стремимся к старости. Когда ж придет,
Печалимся. Природы мы не ценим дар.
Ведь никогда так не желанна жизнь, как в
старости

(*Стобей. Антолог., CXV, 9. Возможно, эти стихи взяты из какой-то комедии Антифана, где выведен Кратет, рассуждающий о старости*).

17. Отечество мое — не только дом родимый,
Но всей земли селенья, хижина любая,
Готовые принять меня в свои объятия
(*Диог. Лаэрт., VI, 98*).

ГНОМЫ И АПОФТЕГМЫ

18. Бедность — не порок, сказал бы Эпиктет, но и Кратету Фиванскому она не казалась злом, когда он пожертвовал родному городу все свое состояние, сказав при этом:

— Кратет Кратета сам имущества лишил.

Только тогда лишь он почувствовал себя свободным и падел венок, будто в знак обретенной свободы, потому что сменил богатство на бедность (*Симпликий. Комментарий к «Эпихейридиону» Эпиктета, X. — Швейг, с. 107; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 87; Элиан. Пестр. ист., III, 6; Плутарх. Как избегать долгов, 8; ср. также: Диог. Лаэрт., VI, 88; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, I, 10*).

19. Брак, который влечет за собой разврат и прелюбодеяния, говорил он, трагичен, ибо его следствием являются изгнание и убийства, а браки тех, кто вступает в связь с гетерами, дают сюжет для комедий, так как распутство и пьянство приводят лишь к безумию (*Диог. Лаэрт., VI, 89*).

20. Вступившись однажды за кого-то, Кратет стал упрекивать гимнасиарха, коснувшись рукой его бедер. Когда тот пришел в ярость, он сказал: «Разве твои ляжки чем-то отличаются от колен?» (Там же).

21. Он говорил, что невозможно найти человека, который никогда не совершал бы ошибок, подобно тому как

в гранате среди зерен всегда найдется хоть одно, да гнилое (Там же, 89).

22. Раздразнив однажды кифареда Никодрома, он получил от него здоровенную затрещину, оставившую след на лице. Тогда он прилепил на лоб записку: «Сделано Никодромом» (Там же: ср. выше: Диоген Синопский, фргм. 96).

23. Деметрия Фалерского, приславшего ему хлеба и вина, он попрекал словами: «О, если бы источники приносили и хлеб!» Из этого ясно, что пил он только воду (*Диог. Лаэрт.*, VI, 90; ср.: *Афиней*, X, 422С).

24. Когда Кратет получил замечание от афинских астиномов за то, что надел кисейное покрывало, он сказал: «Я докажу вам, что и Феофраст ходит в кисее». Когда они не поверили ему, он повел их в цирюльню и показал на Феофраста, которого в то время брили (*Диог. Лаэрт.*, VI, 90).

25. В Фивах он был избит гимнасиархом, и, когда его волокли за ноги, он, не теряя присутствия духа, декламировал:

Влек он, за ногу схватив, и пизвергнул с небесного прага

(*Диог. Лаэрт.*, VI, 90. Стих из Илиады, I, 591).

26. Зенон Китийский в своих «Хриях» рассказывает, что Кратет был настолько ко всему безразличен, что даже пришил к своему плащу заплату из кусочка овечьей шкуры (*Диог. Лаэрт.*, VI, 91).

27. Лицом он был безобразен, и, когда занимался гимнастическими упражнениями, над ним смеялись. Поднимая руки, он обычно говорил: «Будь уверен в своих глазах и теле, Кратет. Придет время, и ты увидишь, как эти насмешники, уже давно измученные болезнями, почтут тебя счастливым, а себя самих будут бранить и поносить за свою лень» (Там же).

28. Он любил говорить, что философией нужно заниматься до тех пор, пока военачальников не станут считать простыми погонщиками ослов (Там же, 92. Философия, говорил он, состоит в презрении ко всем привычным человеческим ценностям. Занимаясь ею, человек достигает такой высоты духа, что ни во что не ставит ни воинские, ни какие-либо другие почести и награды).

29. Те, кто живет среди льстецов, говорил он, так же беспомощны, как телята в стаде волков. Ни тем, ни этим нельзя помочь — кругом одни враги (Там же).

30. Кратет говорил, что неразумные люди похожи на коловорот: без нажима и принуждения они ничего не хотят делать из того, что положено (*Стобей. Антолог., IV, 52*).

31. Кратет пришел на рыночную площадь и, видя, как одни продают, а другие покупают, сказал: «Вот люди! Делают прямо противоположное и считают себя счастливыми. А мое счастье состоит в том, что я свободен и от того и от другого — не продаю и не покупаю» (Там же, V, 52).

32. Кратет называл льстецов «чего изволите-с», обедающими вместе (Там же, XIV, 16).

33. Богатому юноше, окруженному толпой прихлебатель, Кратет сказал: «Молодой человек, как жаль мне, что ты так одинок!» (Там же, 20).

34. Рассказывают, что Кратет Фиванский приходил в дома, раздираемые ссорами, и словами о мире разрешал споры (*Антоний. Рассужд. о согласии и мире*).

35. Не от всякого можно принимать подарки. Непозволительно, чтобы добродетель кормилась пороком (*Антоний и Максим. Рассужд. о благодеянии и милости*).

36. Увидев молодого атлета, который обильными возлияниями, мясной пищей и тренировками пагонял себе мускулатуру, Кратет сказал: «Безумец! Перестань строить для самого себя тюрьму» (*Антоний и Максим. Рассужд. о воздержанности и несытности*).

37. Украшением можно считать то, что украшает, говорил Кратет. А украшает то, что делает женщину более скромной. Ее не делает такой ни золото, ни смарагды, ни румяна, а то, что преисполняет серьезностью, сдержанностью и стыдливостью (*Плутарх. Супружеские наставления. — Гуттен, т. 7, с. 419; Стобей. Антолог., LXXIV, 48*).

38. Кратет говорил, что снискал себе известность и славу не богатством, а бедностью (*Стобей. Антолог., XCVII, 27*).

39. Знаменитый философ древности Кратет любил повторять: «Если бы можно было подняться на самое высокое место в городе и закричать оттуда громким голосом: „Эй, вы, люди! Куда вы стремитесь? Зачем столько тратите сил, чтобы приобрести себе богатства, а о детях, которым вы все это оставите, почти не заботитесь?“» (*Плутарх. О воспитании детей, 7. — Гуттен, т. 7, с. 16*).

40. Кратет, у которого только и было, что нищенская сума да плащ, всю жизнь прожил, шутя и смеясь, как на празднике (*Плутарх*. О спокойствии духа, 4. — Гуттен, т. 10, с. 6).

41. Когда Кратет заходил в любой дом, его там принимали с почетом и радушием. Поэтому он получил прозвище «Всех-дверей-открыватель» (*Плутарх*. Пиршественные беседы, II, 1, 1. — Гуттен, т. 10, с. 65. Об этом же свидетельствует *Диог. Лаэрт.*, VI, 86; ср. выше фргм. 17).

42. Кратет Фиванский так говорил:

Миску большую не ставь перед нами,

Лучше похлебки налей. Восставать нас иначе заставишь

(*Афиней*, IV, 158b. Эти же слова сохранены Плутархом (см.: О сохранении здоровья, 7. — Гуттен, т. 7, с. 380): «Кратет считал, что из-за роскоши и расточительности в государствах нередко вспыхивают мятежи и устанавливаются тирании. Поэтому он, шутя, наставлял: „Миску большую не ставь“ и т. д., т. е. не следует предпочитать бедной еде роскошные блюда, которые являются поводом для переворотов).

43. Кратет отдал свое имущество народу. Телесное уродство заставило его смеяться над своей хромопогодью и горбом. Он приходил в дома друзей, званый и незваный, примиря близких друг с другом, когда замечал, что они в ссоре. Он упрекал, не причиняя боли, а тактично. Он не хотел, чтобы казалось, что он льстит тем, кого исправляет, а хотел приносить пользу как им, так и тем, кто его слушал (*Юлиан*, VI, 201).

44. Увидев золотую статую гетеры Фрины, установленную в Дельфах, Кратет воскликнул: «Вот трофей распущенности эллинов!» (*Стобей*. Антолог., VI, 39. То же рассказывает *Плутарх* (О счастье Александра Вел., II, 3. — Гуттен, т. 9, с. 58), а также *Афиней* (XIII, 591b) и *Элиан* (*Пестр. ист.*, IX, 27)).

45. Согласно Кратету, умеренность, которая вводит наслаждение в определенные границы, спасает семьи, спасает и государства (*Стобей*. Антолог., V, 63).

46. Кратет говорил, что деньги богатых распутников похожи на смоковницы, растущие над пропастью. Человек не может ничего от них получить, там могут поживиться лишь коршуны и вороны. Так и у этих богачей — только гетеры и льстецы (Там же, XV, 10).

47. Зенон рассказывает, что Кратет, сидя в сапожной мастерской, читал «Протрептик» Аристотеля, адресованный кипрскому царю Фемисону. Стагирит писал, что ни у кого нет лучших условий для занятий философией. Он обладает таким большим богатством, что даже может позволить себе делать траты на философию. К тому же у него есть еще и слава. Когда он все это читал, повествует далее Зенон, сапожник слушал его и делал свое дело. Тогда Кратет сказал: «Я решил написать „Протрептик“ и посвятить его тебе, Филиск. Я вижу, что у тебя больше возможностей для философии, чем у того, кому написал свое сочинение Аристотель» (Там же, ХСV, 21).

48. Поэтому Кратет так ответил человеку, спросившему его, какую пользу получит он от изучения философии: «Сумеешь легко развязать кошелек и, запустив туда руки, щедро давать другим, а не так, как теперь, терзаясь, медля и дрожа, будто у тебя руки отнимаются. Ты будешь так же поступать, когда у тебя кошелек полон, а если опустошится, не станешь горевать. Если решишься потратить деньги, легко сумеешь это сделать; ни имея гроша за душой, не будешь желать ничего большего, но станешь жить, довольствуясь тем, что есть, не стремясь к тому, чего нет, вполне удовлетворенный действительностью» (Там же, ХСVII, 31).

49. Поэтому, если хочешь избавить своего сына от нужды и бедности, не посылай его к Птолемею зарабатывать деньги. Если пошлешь, он уйдет, приобретя лишь наглость, но ничего не добившись. Пошли его лучше в Академию к Кратету, которому удавалось людей несытных и распущенных превращать в свободных и скромных. Известный всем Метрокл рассказывал, что когда обучался у Феофраста и Ксенократа, хотя из дому он получал богатые посылки, однако боялся умереть с голоду и всегда терпел недостаток и нужду. Потом, перейдя к Кратету, он мог бы еще и другого прокормить, хотя больше ему ничего не присылали. Ведь прежде ему надо было иметь обувь, и притом особенную, без подошвы и гвоздей, затем одежду из самой тонкой и мягкой шерсти, свиту рабов, дом, достаточно вместительный для устройства приемов, белый хлеб, изысканную пищу, дорогое вино, роскошные угощения. Ведь такой образ жизни считался достойным свободного человека.

Тому же, кто переходил в школу Кратета, все это было не нужно. Став скромнее, он довольствовался грубым пла-

щом, кашей и самыми простыми овощами и даже не вспоминал о прошлом образе жизни, радуясь настоящему. От холода мы ищем поплотнее гиматий, а он, сложив вдвое свой старый плащ, бродил повсюду, будто у него был не один, а два гиматия. Если он хотел умастить тело, то шел в баню и натирался там оскребками. Иногда он подходил к печке, ставил на нее медную сковородку с рыбешками, слегка поливал маслом и там же, присев, закусывал. Летом спал в храмах, зимой — в банях, ни в чем, как бывало прежде, не пуждаясь, не испытывая недостатка, но довольствуясь тем, что есть. Не желая иметь слуг, он повторял: «Было бы удивительным, если бы Манес без Диогена смог жить, а Диоген без Манеса — нет» (Там же, 31).

50. Если бы о счастливой жизни нужно было бы судить по обилию удовольствий в ней, то никто, по мнению Кратета, не мог бы считаться счастливым. Если бы кто-нибудь захотел обдумать все периоды целой человеческой жизни, то нашел бы в ней значительно больше горестей, чем радостей. Во-первых, та половина жизни, когда мы спим, безразлична. Затем, первые шаги воспитания полны трудностей. Ребенок голоден — кормилица укладывает его спать; хочет пить — она его купает. Хочет спать — гремит погремушкой. Когда сходит с рук кормилицы, попадает в руки дядьки-педагога, педотриба, учителя грамматики, музыки, рисования. Подрастет, прибавляются новые заботы — арифметика, геометрия, верховая езда (а все учителя секут, поднимают чуть свет, а отдыха никакого).

Достигает ребенок юношеского возраста, эфебии, — снова страх перед слугой-косметом, перед преподавателем военного дела, начальником гимназия. И все его секут, держат под наблюдением, хватают за горло. Когда он уже выходит из возраста эфеба, ему двадцать лет, но и тут он боится и следит то за командиром отряда, то за военачальником. Где нужно караулить, они караулят; где нужно нести охраны или бодрствовать, они охраняют; сесть на корабли — они садятся. Становится мужчиной в полном расцвете сил — воюет, участвует в посольствах, занимается политикой, набирает на свой счет хор, устраивает состязания и благословляет время, когда был ребенком. Но проходит и пора зрелости, наступает старость. Снова с ним обходятся, как с ребенком, и он жаждет юности: «О, милая мне юность! Ах, старость тяжелее Этны!» И не понимаю, каким образом

хоть один человек мог бы прожить счастливую жизнь, если бы о ней судили только по обилию радостей и удовольствий (Там же, ХСVIII, 72) ¹.

МОНИМ СИРАКУЗСКИЙ

АПОФТЕГМЫ

1. Он говорил, что богатство — это блевотина судьбы (*Стобей. Антолог., ХСIII, 36*).

2. Кипический философ Мони́м утверждал, что лучше быть слепым, чем невежественным. Слепой может угодить в яму, псевжда — в пропасть преступлений (Извлечен. из Флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина у *Стобея. Антолог.* — Майпеке, т. 4, с. 201; ср.: *Иоанн Дамаскин, 2, 88*).

ТЕЛЕТ

ДИАТРИБЫ

I. О явлении и сущности ¹

Говорят, что казаться справедливым лучше, чем быть им. Тогда, значит, лучше казаться хорошим, чем быть им?

— Конечно.

— Разве хорошие актеры искусно играют потому, что кажутся хорошими актерами, а не потому, что в самом деле такие?

— Благодаря тому, что они действительно такие.

— А кифареды хорошо играют на кифаре потому, что так только кажется, или потому, что так оно и есть?

— Благодаря тому, что они в самом деле хорошие музыканты.

— И в остальном люди совершают добрые поступки потому, что считаются добрыми, или потому, что они действительно таковы?

— Потому что они действительно такие. Свойства, благодаря которым люди хорошо живут, более ценны, чем те, из-за которых они не в состоянии хорошо жить. Таким образом, пожалуй, лучше оказаться в действительности хо-

рошим, чем только казаться; лучше также быть справедливым, чем казаться, ибо только тот действительно хорош, кто справедлив, а не только кажется справедливым.

— Ну, а как обстоит дело с остальными благами, которые кажутся людям таковыми? Ты предпочитал бы обладать ими или воображать, что обладаешь? Владеть или казаться владельцем? Далее, ты предпочел бы действительно видеть или только казаться зрячим? Быть в действительности здоровым или только казаться им?² Быть в самом деле сильным или казаться? Быть богатым и окруженным друзьями или казаться таким? А в отношении душевных качеств? Что лучше — быть разумным или казаться? Обладать душевным спокойствием или казаться спокойным? Быть по-настоящему отважным, бесстрашным, мужественным или только казаться? Быть или казаться справедливым?

— Но я скорее предпочел бы казаться храбрым, чем быть им.

— Разве храбрый человек не бесстрашен и спокоен, если только он действительно храбрец? Почему же ты все-таки хочешь только казаться отважным, а не быть им?

— Тогда меня будут уважать.

— Да, тебя поставят впереди всех и потребуют, чтобы ты участвовал в поединке, станут хитрить, подстраивая, чтобы жребий пал именно на тебя, а когда он выпадет, будут радоваться, как в случае с Аяксом³. В каком же положении ты, будучи трусом, окажешься, когда столкнешься с опасностью? А когда попадешь в плен и тебя примут за храбреца, на твои руки и ноги наденут тяжелые цепи и пытать тебя будут в оковах. Ты будешь говорить правду, но никто тебе не поверит. Будут думать, что ты насмехаешься, потому что притворяешься стойким и негибаемым. Вот смотри, что тебе придется претерпеть, если ты только станешь делать вид, будто храбр и вынослив, ибо одно ты выдвигаешь на передний план, а другое скрываешь, подобно тому как это делают риторы.

II. Об автаркии⁴

Как хорошему актеру надлежит искусно играть ту роль, которую ему поручает в своей пьесе драматург, так и хорошему человеку следует уметь сыграть роль, назначенную

ему судьбой. Ведь и она, утверждает Бион, как некий поэт: одному дает роль протагониста, другому — девтерогониста, одному — роль царя, другому — бродяги-нищего. Будучи на вторых ролях, не стремись играть героев. В противном случае ты совершишь неленый поступок⁵. Ты умеешь хорошо приказывать, я — повиноваться, — продолжает он. Ты хорошо воспитываешь многих, а я — одного лишь вот этого мальчугана. Ты богат и щедр, я же смело беру у тебя, не раболепствуя, не пресмыкаясь, не жалуясь на свою судьбу. Ты разумно пользуешься своим большим достоянием, а я — малым.

Ведь, говорит Бион, не только большое богатство нас кормит и не только им можно благоразумно пользоваться, а малый и скромный достаток будто бы уж нельзя использовать целесообразно и непритязательно. Поэтому, продолжает он, если бы вещи, как мы, люди, обладали даром речи и могли зашипцаться, разве не заговорили бы они, подобно рабу, который, найдя убежище в храме, оправдывается перед господином: «За что ты преследуешь меня? Разве я у тебя что-нибудь украл или не выполнял всех твоих приказаний? Может быть, я не приношу тебе назначенный оброк?»

Так и Бедность, пожалуй, ответит на упреки, адресованные ей: «Что ты против меня имеешь? Разве из-за меня ты лишился чего-нибудь хорошего? Благоразумия, справедливости, мужества? Может быть, ты нуждаешься в чем-нибудь необходимом? Разве, куда ни пойдешь, не полным-полно всякой зелени или в источниках иссякла вода? Разве в моем обществе нельзя испытывать радости? Разве ты не наблюдал, как мурлычит старушка, грызя свою корочку? Когда ты испытываешь голод, не я ли даю тебе дешевую и простую пищу? Разве голодный человек не получает наслаждения от еды и не менее всего пуждается в приправах? А тот, кто испытывает жажду, не пьет в сладость и лишь томится в ожидании редких папйтков? Может быть, голоден тот, кто хочет съесть пирожное, или жажда томит того, кто выпил бы дорогого хиосского вина?»⁶ Разве ко всему этому стремятся люди не из-за распушенности? Разве я, Бедность, не представляю тебе бесплатное жилье: зимой — бани, летом — храмы? Где еще найдешь такую полную воз духом и великолепную летнюю резиденцию, как я здесь, в Парфеноне? — спрашивает Диоген»⁷.

Если бы такую речь произнесла Бедность, что бы ты мог на это возразить? Я бы, по крайней мере, онемел. Но мы скорее склонны считать виновными всех и вся — старость, бедность, первого встречного, день, час, место, но только не собственное упрямство и глупость. Поэтому, говорит Диоген, он слышал, как Порок обращался сам к себе с упрямством:

В этом никто не виновец, — лишь я во всем виноватый⁸.

Но большинство слепо обвиняют не самих себя, а обстоятельства. Бион же говорит: «Так случается, когда имешь дело с тварями: неловко дотронешься — последует укус; если змею схватить посредане, она тебя укусит, если же ухватиться за шею, то ничего не будет». Так, говорит он, и с обстоятельствами: если па них напасть, исход будет печальным, а если ты ухватишься за них, как Сократ⁹, то ничего дурного не случится. В противном случае тебе придется плохо, и вовсе не из-за обстоятельств, а вследствие твоего собственного характера и твоих ложных взглядов.

Поэтому не следует пытаться изменить обстоятельства, а лучше самому подготовить себя к любому обороту событий, как это делают моряки. Ведь они не прилагают усилия к тому, чтобы изменить ветры или состояние морей, но готовятся к тому, чтобы примениться к ним. Море спокойно — налегают на весла. Ветер по курсу — поднимают паруса. Подул противный ветер — паруса свертываются. Так и ты. Прииспосаблявайся к обстоятельствам. Постарел — не строй из себя мальчика. Слаб — не старайся казаться сильным, но поступай по примеру Диогена. Когда однажды он себя неважно чувствовал, а какой-то человек толкнул его и хотел сбить с ног, он все же не упал и, указав на колонну, сказал: «Милейший, вот припимайся за нее и сваливай!»

Ты беден — не старайся жить, как богач, а поступай так, как при изменении погоды: попутный ветер — поднимай паруса, враждебный — опускай. Так же действуй в соответствии с обстоятельствами: богат — распускай паруса; беден — сворачивай. Но, к сожалению, мы не умеем довольствоваться наличным, пока для нас так много значат жизненные удобства, работу же мы считаем позором, а смерть — худшим из зол. Если же достичь того, чтобы и удовольствия презирать, и к трудам не относиться с предубеждением, быть равнодушным к славе и бесславию и смерти не бо-

яться, тогда можно поступать как угодно и не причинить себе боли.

Поэтому, как уже говорилось, я не понимаю, каким образом в самих обстоятельствах может заключаться что-нибудь неприятное — в старости, бедности, изгнании. Хорошо говорит Ксенофонт: «Если я покажу тебе двух братьев, nasledовавших равное состояние, но одного живущего в нищете, а другого — в довольстве, не ясно ли станет, что здесь виной вовсе не деньги, а нечто совсем другое?»¹⁰ Поэтому, если я покажу тебе двух стариков, двух бедняков, двух изгнанников, но один из них живет в полном спокойствии и благополучии, а другой — в постоянной тревоге, не ясно ли, что тут виной не старость, не бедность, не изгнание, а нечто совсем иное?

А вот как обошелся Диоген с человеком, который жаловался на дороговизну в Афинах. Он взял и повел его в парфюмерную лавку и спросил, сколько стоит флакончик кипрского масла. «Мину», — ответил хозяин. «Да, дорогой город Афины!» — воскликнул Диоген. Тогда он повел этого человека в харчевню и спросил, сколько стоит тарелка супа. «Три драхмы». — «Что и говорить, дорогой город», — возмутился Диоген. Потом он справился о цене тонкой шерсти и стоимости овцы. «Мина», — ответили ему. «Дорогой город! — снова воскликнул он. — Теперь посмотрим, что тут», — и подвел его к продавцу бобов. «Почем мера?» — «Грош», — ответил торговец. «Дешевый город!» — заметил Диоген. Подошел к продавцу смокв. «Два гроша». — «Ну, а миртовые ягоды?» — «Два гроша». — «Поистине дешевый город Афины!» Следовательно, не город дорог или дешев, а он кажется дорогим или дешевым в зависимости от образа жизни. В одном случае — дешевым, в другом — дорогим. Точно так и в остальном. Поступаешь разумно, все кажется простым и легким, неразумно — все кажется тяжелым.

— Но все же, сдается мне, в бедности есть нечто тяжкое и обременительное, и скорее, пожалуй, пужно больше уважать того, кто спокойно переносит бедную старость, чем старость в богатстве. — Но что плохого и обременительного в бедности? Разве Кратет и Диоген не были бедняками? Разве бедность была им тяжелой, когда они избавились от тщеславия и научились питаться дешевой пищей и просить подаяния? Тебя постигла беда, и ты кругом в долгах. «Бобы

собирай и моллюсков. . .» — советует Кратет. Поступай так и легко одержишь победу над бедностью.

Почему, скажи мне, нужно больше ценить того, кто спокойно проводит старость в бедности, чем богатого старика? Ведь не так легко узнать, что собственно такое богатство и бедность. Много стариков достаточно богаты, а все педовольны. Есть, впрочем, и бедняки недостойные, жалкие и ничтожные. Одному нелегко пользоваться богатством и в то же время оставаться свободным и независимым, а другому — быть бедным и благородным. Перед каждым из них стоит одна и та же задача: кто умеет разумно пользоваться многим, тот сумеет справиться и с малым. И если это удастся бедным, то нужно продолжать жить, если же нет, то легко уйти из жизни, как уходят с праздника.

Бион говорит: «Подобно тому как мы покидаем квартиру, когда хозяин, сдавший нам ее, не получает своевременно плату и отнимает ключи от дверей, забирает посуду и не дает пользоваться колодцем, так же мы покидаем наше бренное тело, когда природа, сдавшая нам его в аренду, отнимает зрение, слух, руки, ноги. В этом случае я не собираюсь задерживаться в мире и уйду, словно с пира, ничуть не расстраиваясь, из жизни, когда пробьет мой час, и мне скажут: „Взойди на корабль!“ Подобно тому как опытный актер мастерски играет и в начале пьесы, и в середине, и в самом конце, так и мудрый человек хорошо проживает начало своей жизни, середину и достойно встретит свой конец. Когда мой плащ превращается в лохмотья, я бросаю его и больше не надеваю.

Так и жизнь, когда она уже ничего не стоит, я не влачу ее и не цепляюсь за нее, но покидаю ее, если уж не в силах быть в ней счастливым. Так поступил и Сократ. Ведь он вполне мог, если бы захотел, убежать из тюрьмы, но, когда судьи предложили ему заплатить денежный штраф, он не обратил на это предложение никакого внимания, а захотел, чтобы его почтили бесплатным кормлением в Пританее¹¹. Из трех отпущенных ему на приготовление к смерти дней он в первый же день выпил яд, не дожидаясь последнего часа третьего дня и захода солнца. В первый же день совершенно спокойно, как рассказывает Платон¹², без содрогания, не изменившись ничуть в лице, не побледнев, но даже весело и мужественно взял чашу и выпил одним глотком весь яд. Выплеснув остаток, как при игре в коттаб, он

протянул чашу и сказал: «За твое здоровье, мой Алкивиад!»¹³

... Сократ спокойно переносил также дурной нрав своей жены и не раздражался, когда она громко бранилась. Когда же Критобул спросил его: «Как ты только терпишь такую сожительницу?» Он, в свою очередь, спросил его: «А как ты — своих гусей?» — «Какое мне дело до гусей?» — удивился Критобул. «Так вот и я обращаю на нее не больше внимания, чем на гусыню!»¹⁴ Когда в другой раз Сократ пригласил Алкивиада на завтрак, а Ксантиппа, проходя мимо, в сердцах перевернула стол, он не огорчился и не закричал: «Что за безобразия!» — чтобы своими сетованиями устыдить ее, а просто собрал все упавшее со стола и попросил Алкивиада снова поставить на место. Тот сделал вид, что не слышит, и сидел смущенный, отвернувшись от стыда. Тогда Сократ сказал: «Выйдем на улицу. Кажется, Ксантиппа сегодня вымещает на нас свое дурное настроение».

Несколько дней спустя он сам завтракал у Алкивиада, как вдруг палетела огромная птица и перевернула блюдо с едой. Сократ отвернулся, как бы испытывая стыд, и перестал есть. Тогда Алкивиад засмеялся и спросил: не потому ли он не завтракает, что пролетела птица и все свалила. Он ответил: «Конечно. Ведь накануне, когда Ксантиппа перевернула стол, ты не захотел есть, так теперь, думаешь, я стану есть, когда птица перевернула блюдо? Может быть, ты полагаешь, что она чем-нибудь отличается от глухой птицы? Если бы свинья перевернула стол, ты не стал бы сердиться, — продолжал он. — А если бы это сделала жена с правом свиньи, то не потерял бы?»

III. Об изгнании¹⁵

Человеку, думающему, что изгнание отрицательно влияет на умственные способности, было бы, как мне кажется, полезным привести сравнение из области искусств.

В самом деле, во время пребывания на чужбине человек не пачинает хуже играть на флейте и не разучивается исполнять свою роль в театре. Так же обстоит дело и со способностью принимать правильные решения. А тому, кто считает изгнание вредным по какой-либо другой причине, пужно только напомнить слова Стильпона¹⁶, о которых я уже раньше вспоминал: «Каких, по твоему мнению,

благ лишает человека изгнание — духовных, телесных или внешних? Может быть, оно лишает его благоразумия, способности правильно мыслить или делать добрые дела?» — «Конечно, нет». — «Тогда, возможно, оно отнимает у него мужество, чувство справедливости или еще какую-нибудь добродетель?» — «Нет», — «Может быть, что-нибудь из телесных благ? Но разве на чужбине нельзя быть таким же здоровым и сильным, обладать таким же острым зрением и слухом (а иногда даже более острым), как на родине?» — «Конечно, можно». — «Не внешних ли благ лишаются люди в изгнании? Но разве мы не наблюдали, что у многих, после того как они становились изгнанниками, дела в создавшихся обстоятельствах складывались гораздо лучше? Разве Феникс, изгнанный Амиптором из Долопни, не бежал в Фессалию?»

И пришел я во Фтию, овец холмистую мать,
 Прямо к Пелею-царю. И меня он, припяв благосклонно,
 Так полюбил, как любит родитель единого сына,
 Поздно рожденного старцу, наследника благ его многих.
 Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил ¹⁷.

И всем известный Фемистокл сказал: «Дети, мы погибли бы, если бы не погибли» ¹⁸. Подобных примеров сколько угодно. Каких же благ лишает человека изгнание, причиной каких несчастий оно является? Что касается меня, я этого не знаю. Это мы сами часто себя закапываем, независимо от того, находимся ли мы в изгнании или на родине.

— Тебя не поставят у власти, ты не будешь пользоваться доверием и свободой слова.

— Но некоторые изгнанники становятся начальниками городской охраны на службе у царей и даже правителями целых народов, получая богатые подарки и доходы. Разве изгнанный из Италии известный Ликин не был у нас губернатором и не стал доверенным лицом Антигопа, а мы, находясь у себя дома, не подчинялись ли приказам Ликина? Ну а Гиппомедон из Лакедемона ¹⁹, которого поставил ныне правителем Фракии Птолемей, или афиныне Хремонид и Главкон ²⁰, разве они не его ближайшие помощники и советники? Это тебе не какие-нибудь примеры из древней истории, а наша действительность. И разве в конце концов его не поставили во главе огромного флота и не доверили

громадную сумму денег, которой он мог распоряжаться по собственному усмотрению?

— Но в своей собственной стране изгнанники не могут стоять у власти.

— Да, но этого не могут делать и женщины, которые сидят дома, и дети, и вот эти мальчики, и глубокие старики. Но разве они от этого страдают? Может быть, они огорчаются из-за того, что они не свухи и поэтому не участвуют в свите матери богов Кибелы? Не все ли равно — быть правителем или жить как частный человек? Ты правишь многими (или пемногими) взрослыми, а я руковожу несколькими детьми и в конце концов просто осуществляю власть над самим собой. Ведь одним и тем же опытом овладевают как многие, так и каждый в отдельности: и государственный деятель, и тот, кто берется построить дом, и на чужбине, и дома. Одна и та же рассудительность нужна как правителю государства, так и частному лицу.

— Что будет, коли я не стану править, а буду жить частной жизнью?

— Но ты не сумеешь вести частную жизнь.

— А я и сейчас не могу, папример, участвовать в празднике Фесмофорий, как женщины — в празднествах Эниалия, никто также не может войти в святилище храма, но если кто-нибудь станет печалиться по этому поводу, разве это не было бы ребячеством? Подчас я не могу попасть в гимнасий, но, придя в баню, я намазываюсь тем же самым маслом для борцов, как и раньше в гимнасии. Так и в данном случае. Понимая, что здесь мне недоступна частная жизнь, я переселяюсь и живу в другом месте. Подобно тому как, перейдя с одного корабля на другой, можно и на нем совершить удачное путешествие, так, сменив один город на другой, я могу и там быть счастливым. Таким образом, для меня не такое уж большое несчастье или позор не жить среди дурных людей. Разве это мой позор, а не тех, кто изгнал меня, хотя я честен и справедлив?

Неплохо эта мысль выражена Филемоном. Однажды он поставил на сцене свою пьесу и возвращался домой. Некоторые из встречных вежливо говорили ему: «Какой хороший день был у тебя сегодня, Филемон». На что он отвечал: «Вы говорите так, потому что только сейчас увидели мою комедию. Но я всегда пишу хорошие пьесы».

— Разве это не позор, когда тебя изгоняют дурные люди?

— Что же, ты бы предпочел быть изгнанным достойными людьми? Или не таков смысл твоего вопроса? Ведь добропорядочные люди никого не изгоняют бессмысленно и несправедливо. В противном случае они не были бы добропорядочными. — Тогда не позорно ли, что такие люди открыто или тайно голосуют против тебя? — Это не твой позор, а тех, кто устраивает по такому поводу открытое или тайное голосование. Если бы, например, отпустив прекрасного врача, они выбрали на его место аптекаря и поручили бы ему дело государственной важности, то, как ты думаешь, это было бы позором и бедой врача или тех, кто участвовал в выборах?

— Но как не считать несчастьем по крайней мере то, что человек, так много сделавший для родины, вынужден видеть в ней только дурное и бранить за неблагодарность? — Но как же можно назвать несчастьем, когда человек узнает правду, которой он прежде не знал? Может быть, даже скорее это счастье, если позволено так сказать? Ты, пожалуй, будешь благодарен, узнав, что твоя жена негодяйка и злоумышленница, о чем раньше ты и не догадывался, а раб, сбежавший от хозяина, к тому же еще и вор, ибо впредь сможешь их опасаться. Поэтому, узнав, что родина несправедлива к тебе и неблагодарна, разве ты будешь считать себя несчастным, а не станешь испытывать благодарность?

— Все же, несмотря на сказанное, мне кажется чем-то прекрасным жить там, где родился и вырос.

— Даже если дом, в котором ты родился и вскормлен, прогнил, протекает и обветшал? Разве ты не пересел бы с корабля, на котором родился и плавал с детства, если бы он был только утлым суденышком и тебе приходилось бы буквально разорваться, работая веслами, на другой — двадцативесельный, более надежный и удобный? Над тобой смеются — ты с Киферы, ты с Микония, а ты вот с Бельбины²¹! И тем не менее продолжают твердить: великое дело — жить там, где родился и вырос, хоть большинство городов почти полностью уничтожены, а жители — нечестивцы.

— Прекрасна и мила родина уже сама по себе.

— Но многие бранят тебя за то, что ты метэк:

Ты здесь родился, вырос, но не раб ли ты?

Ты восхищаешься основателем Фив Кадмом²², а меня, если я не имею прав гражданства, презираешь? Восхваляя Геракла как величайшего героя, разве мы считаем позором то, что он метэк, ибо, изгнанный из Аргоса, жил в Фивах как чужеземец. Спартанцы не считают это позором, и человека, участвующего в походе и честно выполняющего свой долг, будь он чужеземец или илот, почитают наравне с лучшими, а труса, пусть он будет даже из царского рода, причисляют к илотам и не допускают к управлению государством.

— А не позорно ли быть погребенным не на родине?

— Но как может быть позором то, что часто случается даже с самыми доблестными мужами? И разве можно назвать почетной привилегией то, что легко достается самым дурным из людей? Сократа хвалят, когда, порицая афинян, он иронизирует: «Стратеги, которыми они так гордятся, покоятся в чужой земле, а позор демократии — на государственном кладбище»²³. И несмотря на это, быть похороненным вдали от родины позорно, а на государственном кладбище почетно? Метко ответил один аттический изгнанник, когда кто-то корил его: «Тебя похоронят вдали от родины, как нечестивых афинян в Мегарах». — «Нет, как благочестивых мегарцев в Мегарах», — возразил он. И вообще, какая тут разница?! Разве, как говорит Аристипп, путь в Аид не повсюду один и тот же?²⁴ Даже если тебя совсем не похоронят, что тебе до того? Борьба за погребение, напоминает Бион, породила много трагедий. Так, Полиник просит:

Меня земле предайте, мать и ты, сестра,
В отчизне милой. Гражданин убедить должны
Мне разрешить покоиться в родной земле,
Хоть возмутил я всех и многих погубил²⁵.

Но если тебя не схоронят в земле отцов, а могила твоя останется в чужой стране, что за беда? Разве лодка Харона перевозит в Аид только из Фив?

Покой найти в земле родной — нет выше благ²⁶.

Ну, а если не найдешь покой, а останешься без погребения, что тебе до того? Какая разница — сожгут ли тебя на

костре или собаки сожрут, станешь пищей для воронья на земле или для червей в земле?

Закрой глаза мои своей рукой,
о мать моя! ²⁷

А если не закроет тебе глаза и ты умрешь с открытыми глазами и разинутым ртом, что в том страшного? Разве тем, кто умирает в море или на полях сражений, кто-нибудь закрывает глаза? Мне, по крайней мере, все это кажется какой-то игрой... Мы боимся смотреть на труп и прикасаться к нему, [египтяне же] бальзамируют его и хранят дома как нечто прекрасное и даже берут трупы в залог ²⁸. Так их обычаи отличаются от наших.

IV А. О бедности и богатстве ²⁹

— Обладание богатством, как мне кажется, избавляет людей от недостатка и нужды.

— Каким это образом? Разве ты не видишь, что некоторые люди, владеющие, как кажется, немалым богатством, не пользуются им из-за грязной жадности и уподобляются Приаму, который не захотел сидеть в кресле, хоть

много их в комнате было ³⁰,

и сел на землю,

катаясь в пыли ³¹.

Есть такие люди, которые, несмотря на то что у них много всякого добра, по скупости ни к чему не прикасаются, а мыши и муравьи у них больше изгрызают, чем они потребляют сами. Так и Лаэрт, один со старой служанкой удалившись в деревню, мучается и чахнет, в то время как женихи истребляют его добро ³². Так и Тантал, как рассказывает поэт ³³, стоит в озере, а над головой у него висят плоды, но, как только

воды захлебнуть порывался

или сорвать плоды, озеро высыхало и

разом все ветви деревьев к облакам подымались темным.

Так скупость и безнадежность у некоторых людей вырывает и вино, и хлеб, и фрукты и забрасывает, правда, не «к облакам потемневшим», а часть — на рынок, часть — в лавки, люди же, хоть и испытывают сильную жажду и

голод, ни к чему не прикасаются. Но, если такого скрягу кто-нибудь пригласит, тут-то он угостится на славу; из своих богатств другому он ничего не уделит, да и сам, как бы ни томился, мучит себя воздержанием. Человека, который попытался бы лишить его имущества, он сочтет своим злейшим врагом. Себя же самого не считает своим врагом, хотя и лишает себя всего.

По-моему, древние³⁴ удачно высказывались по этому поводу: то, что не освобождает человека от ненасытности, скупости и чванства, то не может освободить его от пужды и недостатка, которые сами по себе не освобождают от ненасытности, скупости и чванства, ибо не могут изменить характер человека. Во всяком случае, характер благоразумных людей не меняется под влиянием бедности, когда из богатых они становятся бедными. Скорее, как мне кажется, можно сказать, что приобретение богатства изменяет цвет кожи, рост или взгляд, чем характер. До тех пор пока человек будет не насытен, жаден, кичлив и труслив, до той поры он будет испытывать нужду и недостаток.

— Но как люди могут испытывать недостаток в том, чем они владеют?

— А как менялы пуждаются в деньгах, хотя у них есть они? — спрашивает Бион. Потому, что то, чем они распоряжаются, им не принадлежит. Так и эти люди не властны над тем, что имеют. Если тебе дадут что-нибудь на минутку, и ты не можешь им воспользоваться, это ведь то же самое, что и совсем не иметь. Какая разница — вовсе не иметь или иметь так, как форкиды, у которых, согласно легенде, глаз был на спине, и поэтому они натыкались на заборы или падали в канавы и грязь, потому что они не могли ничего видеть перед собой, а Персей похитил у них и этот глаз?³⁵ Какая разница — не иметь пищи или иметь такую, которой нельзя воспользоваться [так, например, сирийцу нельзя есть] рыбу³⁶ или голубей, в Египте не станут есть собаку, у греков — человеческую голову. Ведь все равно будет нуждаться в пище и тот, кто имеет подобную еду, и тот, кто не имеет ее вовсе. Тогда что за толк в таком обладании?

Скажем, у тебя есть деньги, по ты ими не пользуешься из-за грязной и трусливой скупости. В этой связи неплохо говорили древние; у одних есть средства, а у других — имущество³⁷, ибо одни ими пользуются, а другие только имеют, но и сами к ним не прикасаются, и с другими не делятся³⁸.

И как нельзя касаться имущества, когда царь или правитель опечатывает его, так скупость и безнадежность опечатывают имущество таких людей и не дают к нему прикоснуться. Так они и живут в нужде и недостатке, стремясь обладать многим, но пользоваться им не в состоянии. Поэтому Кратет [Сократ?] на вопрос одного человека: «Какую пользу я получу от занятий философией?» — ответил: «Сумеешь легко развязать свой кошелек и дать другому все, что захватит там рука, а не так, как теперь, вертя его в руках, дрожа и медля, будто тебя паралич схватил. Полон твой кошелек или пуст, тебе будет безразлично, и ты не станешь страдать из-за этого. Захочешь потратить деньги, то сделаешь это с легким сердцем. Ничего не имея, не станешь желать большего, а будешь жить, довольствуясь тем, что есть (*arsoimēnos tois parousi*), не стремясь к тому, чего нет, не огорчаясь из-за сложившихся обстоятельств».

Если кто-нибудь хочет сам освободиться от нужды и недостатка или другого освободить, пусть не гонится за богатством ни для себя, ни для другого. Потому что это было бы похоже на то, говорит Бион, как если бы кто-нибудь, желая избавить от болезни страдающего водяшкой, не стал бы его лечить, а предоставил бы в его распоряжение источники и реки. Больной скорее будет пить, пока не лопнет, чем избавится от жажды, а тому все будет мало, пока он не освободится от ненасытности, тщеславия и суеверий. Поэтому если ты хочешь избавить своего сына от нужды и бедности, то не посылай его к Птолемию³⁹ зарабатывать деньги. От него он вернется к тебе, прихватив с собой еще и чванство, и ты ничего не добьешься. Пошли его лучше к Кратету⁴⁰, ибо из ненасытных и расточительных он умеет делать свободных и скромных людей.

Известный Метрокл утверждает: обучаясь у Феофраста и Ксенократа⁴¹, он боялся умереть с голоду и всегда испытывал нужду и недостаток, хотя из дому ему очень много присылали. Когда же в дальнейшем он перешел к Кратету, а из дому ему уже больше ничего не присылали, он мог содержать не только самого себя, но еще одного товарища. Ведь раньше он был вынужден носить обувь, да к тому же не на гвоздях, изящную одежду, содержать целую свиту слуг, большой дом для дружеских пирушек, покупать только белый хлеб, изысканную пищу, тонкие вина, соответствующие угощения и тому подобные предметы роскоши.

В его прежнем окружении только такой образ жизни считался достойным свободного человека. Когда же он перешел к Кратету, ничего такого не требовалось.

Характер его изменился — он стал нетребовательным и довольствовался одним плащом, ячменными лепешками и овощами, не сожалея о прошлом образе жизни, довольствуясь настоящим. Во время холодов мы выбираем себе одежду потеплее, а Кратет складывал свой плащ вдвое и ходил в нем повсюду, имея таким-то удивительным образом два плаща. Когда у него появлялась потребность умаститися, он отправлялся в баню и намазывался там уже использованным однажды маслом. Иногда он подходил к печам кузнецов и жарил там селедку, слегка поливая ее маслом, присаживался и таким образом устраивал себе завтрак.

Летом он спал в храмах, зимой — в банях. Так и Метрокл научился ни в чем не нуждаться, как прежде, и всего у него было в достатке. Жил он, довольствуясь тем, что есть, не испытывая потребности в слугах. Ведь было бы удивительным, говаривал Диоген, чтобы Манес мог жить без Диогена, а Диоген без Манеса не мог бы сохрпать даже присутствия духа⁴². Если сделать из человека хвастуна, мота, суеверного, тщеславного и жадного, а потом дать ему еще много денег, ничего хорошего из этого не получится. Неплохо сказано у Филемона:

Богатство ты добудешь, честность — никогда⁴³.

Когда же оно не увеличивается, люди недовольны, им не хватает того, что есть, а хотят еще и того, и другого, и такого, и этакого, поэтому при таких запросах они всегда будут испытывать нужду и недостаток. Плохие люди всегда ненасытны⁴⁴.

Мальчик хочет стать поскорее юношей: превратившись в юношу, стремится снять с себя хламиду эфэбов; перейдя в возраст зрелого мужчины, торопится к старости. А теперь, говорит он, мне жизнь не в жизнь: походы, литургии, политика. Так и отдохнуть некогда. Стал стариком — мечтаешь, чтобы вернулась молодость:

Юность мила мне всегда, а старость
Этны тяжеле⁴⁵.

А там, глядишь, и жизнь ребенка считаешь счастливой. Ты раб, поэтому жаждешь поскорее освободиться. «Когда

я добьюсь свободы, больше мне ничего не надо», — говорит он. Стал свободным. Сейчас же сам стремится обзавестись рабом. Появился раб. Захотел еще одного. Объясняет: «Одна ласточка не делает весны». Стал хозяином двух рабов — захотелось купить имение, потом получить афинское гражданство, потом стать начальником, потом царем, потом, как Александр, бессмертным. Только если он и этого добьется, то, я думаю, в конце концов у него появится желание стать самим Зевсом. Как же такой человек сможет быть когда-нибудь довольным? Чем еще ему пужно владеть, чтобы избавиться от подобных желаний?

Даже цари, которым подчиняется столько земель и которые получают огромные доходы, тем не менее испытывают нужду. Иначе зачем бы им грабить могилы и храмы, сгонять, попирая справедливость, людей с насиженных мест? Только вступив на престол, они уже выдумывают себе много новых потребностей и не могут потом ни отказаться от власти, ни жить поскромнее. Так они вынуждены пользоваться многими даже против собственной воли. Если же кому-нибудь из них посчастливится стать выше всего этого, то он превращается в человека в высшей степени воздержанного и лишенного потребностей и желаний.

Мудро сказал Кратет:

В котомке что за сила, звать не можешь ты.
Бобов не знаешь сладости и жизни без забот.

И в самом деле, как велика и удивительна сила котомки, бобов, овощей, воды! Благодаря им люди могут ни о чем не заботиться и жить свободными от заискиваний и лести.

IV В. О бедности и богатстве⁴⁶

— Бедность препятствует занятиям философией, для них необходимо богатство.

— Нет, с этим нельзя согласиться. Как ты думаешь, сколько людей не имеют условий для этих занятий по вине богатства и сколько — из-за бедности? Разве не видишь, что философией увлекаются главным образом люди несостоятельные, а богачи именно по вине этого своего богатства постоянно пребывают в заботах и тревогах? Хорошо сказал Феогид:

Больше людей погубило, чем голод, богатство и пресыщение⁴⁷.

Может быть, ты мне показал бы тех, кому нужна помешала философствовать, как другим — богатство? Разве ты не замечал, что нужда помогает беднякам укреплять свой дух и тело (carterein), а богатство ведет к противоположному результату? Мне думается, когда человеку легко достается все, чего бы он ни пожелал, он больше не чувствует необходимости трудиться и стремиться к чему-нибудь. Имея помощником своих недостатков богатство, он уже не может отказаться ни от каких удовольствий. Не видишь ли ты также, что богатым из-за их постоянной запытости своими делами некогда запыться ничем иным, а бедные, не имея подобных дел, обращаются к философии?

Зенон рассказывает, что Кратет, сидя однажды в сапожной мастерской, вслух читал «Протретику» Аристотеля, адресованный кипрскому царю Фемисону, где утверждается, что ни у кого нет более благоприятных условий для занятий философией, чем у него, ибо у царя достаточно средств для таких занятий, да к тому же они еще принесут ему славу. Пока Кратет читал все это, сапожник занимался своим делом и внимательно слушал. Тогда Кратет обратился к нему: «Послушай, Филиск. Кажется, я напишу „Протретику“ специально для тебя, ибо, как я вижу, у тебя больше возможностей для занятий философией, чем у царя, которому посвятил свой труд Аристотель». Не видишь ли ты и того, что рабы не только себя кормят, но и платят оброк своим господам, а свободный и себя-то прокормить не умеет? Неимущий, как мне кажется, и от таких забот избавлен и, ничем не владея, имеет значительно больше свободного времени [чем богач]. Так, например, в происходящей сейчас войне⁴⁸ бедняк заботится только о себе самом, а богатый — и о других. Софокл вложил в уста Эдипа прекрасные слова:

У вас печаль лишь о самих себе,
Не более — а я душой болею
За город мой, за вас и за себя⁴⁹.

Но хотя люди знают, что все так оно и есть, однако считают себя самыми несчастными, когда они бедны. Говорят, правда, и то, что в городах богатые пользуются большим почетом, чем бедные. Тот, кто так думает, по моему мнению, никогда не слышал об Аристиде, который был беднейшим из афинян, но пользовался огромным уважением,

и когда они хотели установить дань (форос) для городов, то назначили для этого Аристида, считая, что никто другой не установит ее более справедливо.

Не слышал он и о том, что Каллий, самый богатый из афинян, старался всем продемонстрировать, что он близок с Аристидом, а не Аристид — что он близок с Каллием, и что Аристид гораздо больше сожалел о богатстве Каллия, чем Каллий — о бедности Аристида. Пользовался ли кто-нибудь большим почетом, чем Лисандр Спартапский, получил кто-нибудь другой больше наград, чем он? Но у него не было даже приданого для дочерей. Можно было привести еще немало примеров, когда люди, жившие в бедности, удостаивались больших почестей, чем богачи. Мне кажется, Еврипид правильно восхвалял Этеокла, говоря, что в молодости он испытывал нужду, но

Никто другой чета в Аргосе не знал,
как он ⁵⁰.

V. О том, что удовольствие не является целью жизни ⁵¹

Если бы счастье в жизни следовало определять по общему в ней удовольствию, тогда, как утверждает Кратет, вообще не было бы счастливых. Напротив, если рассматривать всю жизнь по возрастным периодам, то обнаружится значительно больше в них неприятностей, [чем удовольствий]. Во-первых, половина жизни [для людей] безразлична: ее проводят во сне. Далее, уже в детском возрасте жизнь полна огорчений. Ребенок голоден, а кормилица укладывает его спать; он хочет пить, а она его купает; ребенок поспал бы, а она гремит погремушкой. Выходит он из-под опеки няньки и попадает в руки дядьки-педагога, учителя гимнастики — педотриба, затем учителей грамоты, музыки, рисования. Становится старше — прибавляются новые учителя: арифметики, геометрии, верховой езды. [И все его бьют]. Мальчика будят еще на рассвете и не оставляют ему ни минуты свободного времени.

Наконец, он становится эфебом. И опять он должен бояться надзирателя, учителей гимнастики, военного дела, начальника гимнасии. Все его колотят, все за ним следят, все его хватают за горло. Но кончаются и годы эфебии, и вот ему уже двадцать. Он опять должен бояться и находиться

под наблюдением гимнастического начальства и командира-стратега. Собирается лечь спать — они тут как тут. Должен стоять на посту и бодрствовать — и они не спят. Ему надлежит подняться на борт корабля — и они за ним. Человек становится мужчиной и находится в расцвете сил — теперь он должен отправиться в поход, выполнять по поручению государства обязанности посла, становиться стратегом, хорегом, устройтелем состязаний. Теперь он считает счастливыми те дни, когда был ребенком. Проходит расцвет, и наступает старость. Тут с тобой снова обращаются как с дитятей, а ты вспоминаешь о юности:

Юность мила мне всегда, а старость
Этны тяжеле ⁵².

Поэтому я не понимаю, как можно прожить счастливую жизнь, если считать счастьем одни удовольствия ⁵³.

VI. О превратностях судьбы ⁵⁴

Тиха, судьба, похожа на драматического поэта, ибо создает много образов действующих лиц — потерпевшего кораблекрушение и нищего, изгнанника, человека знаменитого и неизвестного. Разумный человек должен хорошо играть любую роль, которую она ему предназначит. Потерпел кораблекрушение — будь на высоте в роли потерпевшего. Из богача превратился в бедняка — хорошо играй роль бедняка:

Смертный, велик ты иль мал, ко всему готовым быть должен ⁵⁵.

Будь доволен своей одеждой, образом жизни, который ведешь, и своими слугами, как Лаэрт, который

... беды терпя, обитает далеко

В поле со старой служанкой, которая кормит и поит... ⁵⁶

Он и спал прямо на земле, на подстилке из соломы или

Кучу листьев опавших себе нагребет для постели,

Там и лежит ⁵⁷.

Если только не стремиться к роскоши, то всего этого достаточно как для удобств, так и для здоровья.

Не в угожденье чреву счастье⁵⁸, не в изящной одежде, не в пуховой постели. Правильно говорит Еврипид:

... распушенность
толкает нас к еде изысканной⁵⁹.

Но не только к пище, а и к тому, что ласкает наше обоняние и слух.

Когда обстоятельства не позволяют, нечего стремиться к роскоши, но надобно, по примеру моряков, следить за направлением ветров и обстановкой. Благоприятствуют — пользуйся. Не благоприятствуют — жди. И подобно тому как на войне, тот, у кого есть конь, сражается как всадник, а другой — в полном вооружении, как гоплит, а третий, у которого ничего нет, как легковооруженный, и когда враг наступает и стреляет, он держится поближе к тяжеловооруженному, так следует поступать и в жизни. Приходится тебе переживать войну, нужду, болезнь — питайся раз в день, обслуживай сам себя, надевай плащ философа, в крайнем же случае ступай в царство Анда.

VII. Об апатии⁶⁰

Не подобно ли тому, как нельзя говорить о гранате без зерен или о людях без шеи или хребта, также не может быть речи о людях, не испытавших печали или страха? Или (если пользоваться этим же сравнением) не то же ли самое говорить о людях, никогда не совершавших ошибки и не испытавших зависти, что и о гранате без зерен или о людях без хребта или шеи? Но как в том случае, когда говорят, что человек бесхребетный, это не значит, что у него совсем нет хребта, а просто потому, что у него нет именно такого хребта, так обстоит дело и тогда, когда мы говорим о людях безумных или неразумных, не потому, что они вообще лишены ума и разума, а потому, что у них нет вот *такого* ума и *такого* разума. И когда мы говорим о человеке без хребта, мы понимаем, что хребет у него есть, но он куда не годен. Так и у неразумного человека есть разум, но дурной; даже безумный имеет ум, но больной. Не так ли? Но, может быть, такое представление просто смешно?

Разве безгрешный человек это не тот, кто совсем не допускает ошибок, а независтливый и честный не тот, кто

никогда не завидует и всегда честен, а человек простой и безупречный — не бесхитростен и не лишен недостатков? А не знающий печали и страха, разве подвержен печали и страху? Так и счастлив только тот, кто не знает страстей и тревог. Но как может быть счастлив человек и как может ему нравиться жизнь, когда он живет, испытывая боль, печаль или страх? Если он подвержен печали, не значит ли это, что ему не чужды также страх, боязнь, гнев и сострадание? Испытывая все эти чувства, люди огорчаются. Даже ожидание их заставляет пребывать в страхе и тревоге, а тех, кого, как им кажется, незаслуженно постигают эти неприятности, они жалеют, против виновников же направляют свой гнев, негодование и презрение.

Видя ненавистных им людей процветающими, они огорчаются и завидуют, а узнав, что они попали в беду, злорадствуют. Итак, если человек способен испытывать печаль, как он избавится от других чувств? Как можно быть бесчувственным, если ты не свободен от всяких чувств? Тот должен быть счастлив, кто не станет горевать из-за кончины друга или даже ребенка, тем более из-за собственной смерти.

Разве не кажутся тебе малодушными люди, которые ожидают свою смерть, лишившись покоя и самообладания? Разве стойкому и мужественному человеку не следует собственную смерть встретить так же бестрепетно, как Сократ — без волнения и трусости? Может быть, чужую смерть пужно считать чем-то более тягостным, чем свою собственную? Разве не подобным же образом любят и цепят себя? Разве друга или ребенка любят больше, чем самого себя? Достояна похвалы дочь, просящая мать:

... родная, давшая мне жизнь,
не проливай потоки слез по мне ⁶¹.

А если мать выполнит просьбу, то ее сочтут черствой. Между тем все хвалят спартанских женщин за их мужественный характер. Когда одна из них услышала, что ее сын, спасая свою жизнь, убежал от врагов, она написала ему: «Плохие слухи о тебе здесь ходят. Или сделай так, чтобы они прекратились, или не показывайся мне на глаза!» Это было равнозначно — «Повесься!». Она не написала так, как это сделала бы в подобных обстоятельствах женщина из Атики: «Как хорошо, мой сын, что ты сохранил себя для

мея». Когда же другой спартанке вестник сообщил, что ее сын пал на поле брани, она только спросила: «Как он сражался?» И когда последовал ответ: «Как отважный воин, мать», — она промолвила: «Как славно, дитя. Ради того я тебя и родила, чтобы ты был полезным и храбрым защитником своей родной Спарты».

Она не стала рыдать и горько оплакивать сына, но, услыхав, что он смело сражался, только хвалила его. И в другой раз эта же спартанка повела себя в высшей степени благородно. Когда ее сыновья бежали с поля боя и явились к ней, она сказала: «Вы явились сюда как беглецы? — и, задрав подол, прибавила: Чего же вы стоите? Полезайте обратно туда, откуда вылезли!» Какая из наших женщин поступила бы таким же образом? Разве она не обрадовалась бы, увидев спасшихся сыновей? А те женщины поступают иначе. Они радуются, услышав о мужественной смерти своих детей... Известны слова одной спартанской эпитафии:

Жизнь сама по себе, как и смерть, ни дурна, ни прекрасна.

Жизнь прекрасно прожить и умереть ты сумеешь⁶².

Как же после всего сказанного не считать пеленым и безрассудным сидеть после смерти друга и изводить себя плачем и сетованиями? Тогда следовало бы скорее, чтобы прослыть у слабоумных философом, начать горевать и оплакивать друга еще задолго до его кончины, размышляя над тем, что он явился на свет как смертный человек. «Глупо, — говорит Стильпон⁶³, — из-за мертвых пренебрегать живыми. Крестьянин поступает иначе. Когда какая-то часть дерева засыхает, он не срубает и все остальное, а заботливо выхаживает дерево, стараясь возместить ущерб. Да и мы поступаем так же, когда дело касается нас самих. Было бы смешно, потеряв один глаз, выколоть другой или искалечить вторую ногу, если захромает одна, или, наконец, когда заболит один зуб, выдрать и все остальные. Если бы кто-нибудь в подобных обстоятельствах так рассуждал, он был бы круглым дураком. Если у тебя умрет сын или жена, разве было бы естественным закопать самого себя при жизни, а все оставшееся имущество уничтожить? А если умрет сын или жена кого-нибудь из твоих знакомых, ты станешь, пожалуй, его утешать, несмотря на свое убеждение, что несчастье пужно переносить мужест-

венно, твердо и не слишком принимать к сердцу. Когда же такая беда постигнет тебя самого, ты думаешь, что должен страдать, а не спокойно нести свое горе. Если же дело касается другого, то его ты станешь убеждать проявлять выдержку как в несчастье, так и в бедности, не выходить из себя и не считать жизнь невыносимой. Явному злу ты противопоставишь явное зло и станешь доказывать: раз друг родился, значит он должен и умереть. Ты считаешь, что его смерть тебя обездолила, но забываешь, что его жизнь тебя обогащала. Ты считаешь себя несчастным, потому что, умерев, он больше не будет приносить тебе пользы, но забываешь, что был счастливым, когда живой он помогал тебе.

— Нет, почему же? Но ведь его больше не будет среди нас.

— Его не было и тысячу лет тому назад, не было и во время Троянской войны, не было и тогда, когда жили твои предки. Правда, это тебя не огорчает, а вот из-за того, что его не будет, ты расстраиваешься.

— Но ведь я многого лишился.

— Но вместе с тем ты лишился также многих неприятностей и расходов, которые нес, помогая и ребенку, и другу при жизни⁶⁴.

[...] Ты также не получишь от друга никакой пользы, когда он уедет на чужбину или уйдет на войну за родину, когда где-нибудь станет исполнять обязанности посла, жреца, заболит, или, наконец, просто превратится в слабого старца. Но если ты будешь горевать по каждому такому поводу, то что же останется делать старухам? Это же совершеннейший вздор — считать, что друг должен отправиться в поход или на чужбину, а если он избегнет этого и не уедет, то упрекать его за ошибочное поведение и в то же время быть недовольным, если он все-таки уедет в дальние края или отправится на войну. Как не похвалить моряка, воскликнувшего: «Привет, Посейдон! Иду ко дну»⁶⁵. Пусть и мужественный человек, обращаясь к Судьбе, скажет: „Привет, Тиха! Перед тобой настоящий мужчина, а не рохля“».

ФЕНИКС ИЗ КОЛОФОНА

ХОЛИЯМБЫ

1. Ямбы Феникса

Многим из смертных, Посидипп¹, богатства
 Не приносят пользы; им следует лишь таким
 имуществом

Владеть, которым они могут разумно распорядиться.
 А ныне многие из окружающих нас честных и
 достойных

⁵ Людей вынуждены подыхать с голоду,
 А те, кто, как говорится, гроша ломаного не стоит,
 купаются в богатстве. Но на что нужно тратить свои
 богатства,

А это самое главное, они не знают.

Дома же из драгоценных [камней] смарагдов,
¹⁰ (Если бы только это было выполнимо),
 С портиками и четырехколонными залами,
 Которые стоят много талантов, они готовы купить.
 Тем же, что необходимо для воспитания духа, они
 пренебрегают,

Всему предпочитая самое ничтожное в жизни —
¹⁵ Презренную выгоду и богатство.
 Они не прислушиваются к разумным речам, которые
 Сделали бы их души мудрее и научили распознавать
 добро

И справедливость. Разве, Посидипп, таким людям
²⁰ Не удастся владеть великолепными и дорогостоящими
 дворцами,

Тогда как сами они ни копейки не стоят?
 И если хорошенько вдуматься, то очень справедливо
 сказать:

В голове у них одни только деревяшки да камни.

2. О Нине²

Как я слышал, некогда на земле жил человек
 По имени Нин, ассириец, у которого было целое море
 золота,
 Да и всего остального — гораздо больше, чем песка
 в Каспии.

За звездами он не наблюдал, а если и смотрел [на небо], то просто так.

⁵ И у магов он не возжигал священного огня,
Как требует того обычай, прутьями касаясь бога ³.
Он не витийствовал и не судил людей,
Не умел он ни собрать народ, ни устроить смотр войску.

Но зато умел всласть поесть, выпить, любить.

¹⁰ Все остальное он столкнул в пропасть.
Но вот умер человек и обратился ко всем с такими словами:

[Там сейчас город Нин и гробница поет]
Послушай, кто бы ты ни был, — ассириец или мидянин,

Коракс или с дальних северных болот

¹⁵ Длинноволосый синд ⁴, — вот что я тебе скажу:
«Я, кто некогда был живым дыханием и носил имя Нина,

Ныне уже ничто и превратился в прах.

[Мне принадлежит ровно столько, сколько Съел, сколько спал, сколько любил...] ⁵.

²⁰ А мои богатства терзают нахлынувшие отовсюду враги,

Словно вакханки, рвущие на части живого козленка.

[Я же, уходя в Аид, не взял с собой ни золота,

Ни коня, ни серебряной колесницы.

И хотя послал митру, теперь лежу здесь кучкой пепла]» ⁶.

3. Еще о Нине ⁷

Для Нина бочка для купания — меч его, а кубок — копье,

Кудрей кошна — лук со стрелами, чаши — врагов ряды,

А неразбавленное вино — кони горячие, вместо боевого клича —

«Окроите меня духами».

4. Песенка вороны ⁸

Люди добрые, подайте вороне, дитятке аполлоновой,

Горсть ячменя или пшеницы миску,

Кусочек хлебushка иль просто грошик — кто чего хочет.

- Подайте, люди добрые, вороне чего-нибудь
 5 Из того, что у каждого под рукой. Она и горстку соли
 Возьмет. Ворона очень соль любит.
 Кто даст сегодня соли горсть, тот завтра кусок отломит
 сот медовых,
 Послушай, мальчик, отвори нам дверь! — Вот Плутос
 нас уже услышал,
 И девушка песет вороне смокв груду.
 10 О боги, дайте ей всяких благ вдосталь.
 Пошлите, боги, ей богатого и знатного мужа,
 И пусть старик-отец понячнит на руках внука,
 А мать положит на колени внучку,

 Жена пусть отпрысков растит для братьев.
 15 А я, куда меня ни понесли бы ноги,
 Все гляжу неотрывно на Муз, и песенки свои пою
 у дверей,
 И желаю добра каждому, кто дает, да и тому, кто
 не дает⁹.

 Люди добрые, подайте, чем богат ваш дом,
 И ты, хозяин, и ты, молодая хозяйка, давай, не жалей.
 20 Таков уж обычай — дать, когда ворона просит.
 Вот какая у меня песенка. Подай же что-нибудь. Ну,
 вот довольно, хватит!

5. Портрет скупца¹⁰

И из разбитой чаши кислым вином
 Он совершает возлияние, держа ее в скрюченных
 пальцах,
 Дрожа, как беззубый старик при порывах северного
 ветра.

АНОНИМНЫЕ ХОЛИЯМБИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ
ПРОТИВ СТЯЖАТЕЛЬНОСТИ

Фрагмент 1 (Лондонский папирус № 155 V)

... Нет никого, кто, изучая повадки наших
Современников, не взглянул бы на них без проклятий
и ненависти.

Я расскажу тебе о них, Парн, со всей прямою,
Поскольку поэзия не напрасно должна коснуться твоих
ушей.

Я покажу тебе, Парн, что людей покинула
Совесть, и они, как Гарпии с крючковатыми пальцами,
Готовы из каждого камня выдавить прибыль,

¹⁰ Каждый ищет, где бы пограбить,
И бросается стремглав в воду и плывет
К своей добыче, готовый утопить
На своем пути друга, брата, жену,
Лишь бы спасти свою трижды жалкую шкуру.
Для этих людей нет ничего святого —
Они не задумаются превратить море в сушу, а сушу —
в море.

Все они всегда и везде поучают:
«Наживайся, приятель, и летом, и зимой,
Везде ищи только выгоду, никого и ничего не стыдись.
Пусть все бранят тебя. Тебе-то что?!

²⁰ Тяни свою руку туда, где можно что-нибудь хапнуть,
Где ж падо дать, лучше б руки отсохли»¹.
Многие скажут: «Поздравь себя,
Если ты хоть чем-нибудь богат. Тогда кругом тебя
друзья.

Богатого тебя и боги полюбят.
Если же ты беден, то и мать-родительница
возненавидит тебя.

Нищий, не будешь нужен и родственникам».
Потому-то, друг мой, я проклинаяю
Нынешнюю жизнь и всех людей,
Живущих такой жизнью, ненавижу и еще больше
буду несправедлив.

³⁰ Потому что они, эти люди, перевернули нашу жизнь.
Ведь некогда священная и еще до сих пор почитаемая

Справедливость ушла и никогда больше не вернется.
 Процветает неверие, а вера покинула землю.
 Бесстыдство стало сильнее Зевса.
 Святость клятва умерла, и боги терпят все это.
 Низость буйствует повсюду среди людей,
 Которые соленой слюной плюют на благородство.
 Никто не возьмет в супруги даже Геру,
 Будь она нищая...

- 40 Скорее введут в дом женой последнюю лидийскую
 шлюху,
 Лишь бы только она принесла с собой денег...²

Фрагмент 2 (Гейдельбергский папирус № 310)

... Ведь они тащат, откуда только могут,
 И нет для них ни близкого, ни дальнего.
 Они предпочитают голодать, только бы накопить
 побольше.

- 70 Закон их не страшит, они забыли о богине
 справедливости

Дике и потешаются над ней.
 Я же поражаюсь: как люди могут жить среди
 Таких зверей, когда жить среди них невозможно.
 Никто никому не верит,
 Кругом одна лесть и медоточивые речи.
 Клянусь богами, я знаю только одну правду:
 Не быть рабом удовольствий и желудка,
 А довольствоваться лишь необходимым.

80 Все же стараются урвать себе побольше,
 Словно увидели, так сказать, сладкий пирог.
 Что толку набивать себе брюхо?
 То, что кладешь себе в рот, остается там
 Только на время еды. Сколько ни ешь,
 Все отправляется в живую пучину.
 Ешь поэтому столько, сколько я, и не больше,
 Иначе запутаешься, как птица в силках...
 Я же, Парц, не гоняюсь за всеми такими

удовольствиями,

- А держу себя, как коня, в узде и,
 90 Умеряя призывы своего желудка,
 Приучаюсь к скромному образу жизни.
 Когда я бываю вынужден сделать себе приятное,

Это доставляет мне страдание, ибо кусочек соли
 Для меня уже удовольствие. Мне ничто не доставляет
 Большой радости, чем сделать что-нибудь полезное и
 Справедливое, а многие люди наживаются
 Самыми позорными путями, потеряв всякий стыд и
 совесть.

100
 Ведь есть, есть же такое божество, которое
 Наблюдает за всем этим и не допустит, чтобы
 Оскорблялись божьи законы без конца,
 И каждому пазначит заслуженную участь.
 Итак, Парц, я предпочитал бы иметь только
 Самое необходимое и считаться честным человеком,
 А не зарабатывать кучу денег, чтобы мои враги
 Могли однажды сказать:
 «Груз соли вернулся туда, откуда прибыл»³.

КЕРКИД ИЗ МЕГАЛОПОЛЯ

МЕЛИЯМБЫ

Фрагмент 1

Существовал также рассказ, что Диоген умер, задержав дыхание. Об этом свидетельствует Керкид из Мегалополя [или с Крита] в своих «Мелиямбах»:

... Не такой уж, как прежде, этот знаменитый синопец,
 Который ходил с посохом, складывал вдвое плащ,
 Жил под открытым небом.
 Он поднялся на небо, крепко прижав зубы к зубам,
 Чтобы остановить дыхание.
 Этот человек был в полном смысле Диоген,
 Зевсом рожденный, небесный киник-собака.

Фрагмент 2

... Разум зрит и разум слышит...¹
 Но как могут увидеть и узнать
 Мудрость, даже рядом с пими стоящую, люди,
 Душа которых полна грязи
 И несмывасными пятнами дешевого кислого вина?!²

Если кто-нибудь ее об этом спросит? Ведь богу легко
Выполнить все, что только ему взбредет в голову.
Почему же она не отберет у грязного мошенника и
ростовщика,

Готового задушиться за грош, или у
Расточителя, не устающего проматывать свое состояние,
У этого губителя денег, их свинского богатства
И не даст хотя бы самых ничтожных средств на
Существование бедняку, который питается лишь самым
10 необходимым и не имеет даже своей собственной посуды.

Неужели Дика слепа, как крот, а Фаэтон
Смотрит одним только глазом, у богини же справедливости
Фемиды ясные очи затуманились? Тогда что же это
за боги,

15 У которых нет ни слуха, ни зрения? А еще этот
величественный метатель молний, восседающий в центре
Олимпа...

Ровно и крепко держит он в руках весы [Судьбы], и
не одна

Чаша не дрогнет. Так говорит Гомер в «Илиаде»:

20 «Чаша весов упадет, когда день роковой для доблестных
Мужей наступит»⁶. Тогда почему же этот справедливый
всоздатель никогда не склонит чаши весов в мою пользу?

Что же
Касается самых ничтожных из варваров-мисийцев⁷, то
[страшно сказать!] для них Зевс готов склонить весы.
К каким же владыкам земным или небесным нужно
обратиться

25 За справедливостью, когда сам Кронид, который зачал и
Породил всех нас, для одних отчим, для других отец
Родной? Лучше оставим этот вопрос для тех, кто гадают
по

Звездам. Надеюсь, он не окажется для них слишком
трудным

А мы лучше позаботимся о Пэане и Доброй Метадос⁸,
30 Ведь богиня она и, совсем как Немезида, только живет
на

Земле. Итак, пока бог посылает нам попутные ветры,
читите
Эту богиню, легко живущие мужи...⁹ Налетит
враждебный

35 Ветер и погубит ваше ненавистное богатство, дарованное

Судьбой. Вот тогда придется вам извергнуть обратно из
Самого нутра все, что сожрали, до последнего
кусочка...¹⁰

Фрагмент 6

^a Кто-то сказал нам, Дамоном, что лазеревокрылый
Сын Афродиты из щек своих выпускает два разных
дуновения.

Ты достаточно образован, чтобы это знать.
На кого из смертных он дунет нежно и дружелюбно

⁵ Из правой щеки, тот спокойно правит кораблем любви
С помощью мудрого кормила убежденья.

На кого же он дунет из левой щеки, те оказываются
Среди бурь и страшных вихрей любовных желаний,
Их ожидает повсюду плавание по бурному морю
[страстей].

¹⁰ Хорошо об этом сказал Еврипид¹¹. Поэтому из этих
Дуновений лучше выбирать то, которое сулит нам
Спокойное плавание, и, разумно пользуясь кормилом
Убеждения, плыть напрямик, ибо Киприда ведет
Наш корабль вперед по волнам...¹²

^b ... Ведь вся эта бешеная злоба и безумное
Стремление соития с женщинами влекут за собой
Гибель и конечное раскаяние. Но есть еще продажная
Любовь, Афродита с площади. Когда тебя охватит
Желание и ты захочешь ее, с ней никаких хлопот,
Ни страха, ни беспокойств. Всего за один обол

¹⁵ Ты уложишь красотку к себе в кровать и можешь
Считать, что стал зятем самого Тиндарея...¹³

«ПИСЬМА АНАХАРСИСА»

1

АНАХАРСИС — АФИНЯНАМ

Вы смеетесь над моим языком, который нечетко выговаривает звуки греческой речи. Анахарсис плохо говорит¹ по-гречески, афиныяне — по-скифски. Когда идет

- речь о ценности людей, не в языке дело, а в их взглядах, которыми отличаются и грек от грека. Спартанцы не говорят чисто по-аттически, но благодаря своим подвигам повсюду прославились и вызывают всеобщее восхищение. Скифы не порицают речей, в которых говорится о необходимом, но не одобряют пустых речей. Даже вы делаете много полезного, не обращая внимания на четкость артикуляции. Вы ввозите к себе врачей из Египта, кормчих — из Финикии, делаете покупки на рынке, не давая за них больше того, что они стоят, лишь потому только, что продавцы хорошо болтают по-гречески.
- ¹⁰ Вы покупаете, не задумываясь, у варваров, лишь бы они продавали по справедливой цене. Когда персидские цари и их вельможи в своей гордыне желают говорить с греческими послами только по-гречески, но говорят на ломаном языке, вы тем не менее не порицаете ни их желания, ни их дела. Слова не становятся дурными, когда за ними кроются добрые помыслы и следуют
- ¹⁵ добрые дела. Скифы считают речь плохой только тогда, когда она вызывает дурные мысли. Много пройдет мимо вас, если вы будете придираться к чужой речи, не желая понять сказанного. Так вы многих заставите помедлить с привозом необходимых для вас товаров. Почему вы так высоко цените варварские ткани, а язык варваров презираете?
- ²⁰ Вы требуете, чтобы игра флейтистов и голоса певцов гармонично сливались, но браните поэтов, если свои стихи они не наполняют эллинскими звуками. Обращайте внимание на смысл слов: только так вы извлечете пользу. Если вы хотите прислушаться к совету варвара, то пусть жены и дети слушают вас, даже когда вы говорите с ошибками. Лучшее слушаться людей, говорящих на плохом языке, но благоразумных, чем следовать за теми, кто прекрасно говорит по-аттически, но
- ²⁵ приносит большой вред. Иначе, афиняне, поступают люди невежественные и грубые, ибо ни один здравомыслящий не станет придерживаться другого взгляда.

2

АНАХАРСИС — СОЛОНУ

Эллины — мудрый народ, но ни в каком отношении не мудрее варваров, у которых боги не отняли способности познавать прекрасное. Можно даже испытать и узнать, правильно ли мыслим, соответствуют ли у нас дела словам и берем ли мы пример с тех, кто правильно живет. Пусть ни памятники, ни украшения тела не препятствуют правильному решению. Ведь, следуя обычаям отцов, все по-разному украшают себя. Признаки глупости, как и признаки разума, у варваров и греков одни и те же. Только потому, что Анахарсис пришел к тебе и хотел стать твоим гостем, ты отказал ему и ответил, что должен в своей стране искать себе друга.

⁵ Пусть ни памятники, ни украшения тела не препятствуют правильному решению. Ведь, следуя обычаям отцов, все по-разному украшают себя. Признаки глупости, как и признаки разума, у варваров и греков одни и те же. Только потому, что Анахарсис пришел к тебе и хотел стать твоим гостем, ты отказал ему и ответил, что должен в своей стране искать себе друга.

¹⁰ Если кто-нибудь захотел подарить тебе спартанскую собаку, ты не стал бы просить его отвезти ее сначала в Спарту, чтобы там отдать ее тебе. Когда же мы подружимся, если каждый станет так говорить? Все это кажется мне неправильным, Солоп, мудрец афинский. Я чувствую настойчивую потребность вновь постучаться в твою дверь, но не затем, чтобы просить того же, что и раньше, а чтобы узнать, как все это согласуется с твоими речами о гостеприимстве.

3

АНАХАРСИС — ТИРАНУ ГИППАРХУ ²

Большое количество несмешанного вина мешает [человеку] выполнять свой долг, ибо оно повреждает душу, в которой заключена способность людей к здравомыслию. Тому, кто стремится к великим делам, нелегко с успехом выполнить свои замыслы, если он не будет вести разумную и полную забот жизнь. Поэтому оставь игральные кости и пьянство, обратись к делам, благодаря которым ты будешь у власти, — делай добро друзьям и просителям, как это делал твой отец. В противном случае твои пороки поставят под удар самое твою жизнь. Тогда твои друзья вспомнят о скифе Анахарсисе.

4

АНАХАРСИС — МЕДОНУ ³

Зависть и страсть — верные признаки дурной души. Зависть заставляет горько переживать, когда друзья и сограждане благоденствуют, а страсть вызывает надежду, основанную только на пустых словах. Скифы не любят подобных людей, и радуются, когда другим хорошо, и стремятся только к тому, что кажется им разумным. Ненависть, злобу и любую страсть, вызывающую недовольство, они всегда решительно отвергают как вредящие душе.

5

АНАХАРСИС — ГАННОНУ ⁴

Одеждой мне служит скифская хлена, обувью — подошва собственных ног, постелью — вся земля, моя лучшая еда — молоко, сыр, мясо. Все лакомства — голод. Я свободен от всего того, из-за чего большинство людей постоянно в трудах. Поэтому приходи ко мне, если я тебе нужен. В ответ на подарки, на которые вы так щедры, я посылаю тебе свои. Ты же можешь передать их карфагенянам или посвятить богам ради собственного благополучия.

6

АНАХАРСИС — ЦАРСКОМУ СЫНУ

У тебя флейты и полный кошелек, у меня стрелы да лук. Поэтому ты раб, а я свободный. У тебя много врагов, а у меня их нет вовсе. Если же ты захочешь выбросить деньги, взяться за лук и колчан и жить вместе со скифами, то и у тебя появятся все наши блага.

7

АНАХАРСИС — ТЕРЕЮ,
ЖЕСТОКОМУ ПРАВИТЕЛЮ ФРАЦИИ ⁵

Ни один разумный правитель не убивает своих подданных, как и хороший пастух, который никогда не издевается над овцами. Твоя же страна вся обезлюдела и плохо управляется твоими наместниками. Каждый дом доведен до такого бедственного состояния, что не может быть полезен твоим планам.

⁶ Было бы лучше, если бы ты щадил тех, кем правишь. Если ты не будешь пользоваться своей властью только для личного обогащения, то твое царство еще продержится. Теперь тебе не хватает людей для ведения войны, но ты продолжаешь швырять деньги, необходимые для содержания твоих солдат и тех, кто поставлен охранять только одну жизнь [— твою]. Если ты не будешь их досыта кормить, они взбунтуются, убегут в пустынные, покрытые лесом горы, поселятся там и станут трудиться, как пчелы.

8

АНАХАРСИС — ФРАЗИЛОХУ *

Собака обладает одним прекрасным душевным качеством — она помнит добро. Она охраняет дом своих благодетелей до самой смерти. Ты же лишен добродетелей собаки, ум которой можно сравнить с человеческим. Я спрашиваю себя, к кому ты можешь быть справедливым в таком состоянии духа, когда даже своих благодетелей встречаешь враждебно, как лев. Попытайся сохранить то расположение, которое я к тебе питал, ибо такой человек может еще внушать добрые надежды.

9

АНАХАРСИС — КРЕЗУ ⁷

В своих творениях греческие поэты делят мир между сыновьями-братьями Кропа: одному они приписали власть над небом, другому — над морем, третьему — над подземным мраком ⁸. Такое разделение говорит об эллинском своекорыстии. Не признавая никакого совместного пользования имуществом, свой порок приписали они богам. Правда, землю они в виде исключения предоставили в общее пользование. Поэты хотели, чтобы все люди чтили богов и считали их подателями благ и отвратителями зла. Земля — общее достояние богов, и в давние времена она была такой и для людей, которые со временем преступили закон и посвятили общее для всех достояние отдельным богам, выделив каждому ¹⁰ из них особый удел. Взамен боги дали людям соответствующие дары — раздоры, наслаждение и малодушие, низменный образ мыслей. Их смешение и разделение

породили все зло и все беды для человечества: пахоту и сев, работу в недрах земли и войны.

¹⁵ Посеяв много, пожинают мало. Занимаются разными ремеслами, а на жизнь себе не зарабатывают⁹. Они с усердием добывают пестрые сокровища земли, вызывая лишь одно удивление. Первого, кто изобрел это жалкое искусство, считают трижды блаженным, но не знают, что при этом, как дети, себя обманывают; сначала не ставя ни во что то, что давалось с трудом, ²⁰ потом они приходят в восторг от самого труда. Как я слышал от многих людей, это горе постигло и тебя, а от него и все остальные беды. Ведь ни большое богатство, ни огромные владения не помогают приобрести мудрости. Правильно говорят, что тела людей, сильно перегруженные разным ненужным балластом, страдают от различных болезней. Поэтому тем, кто хочет быть здоров, советуют побыстрее избавиться от всего лишнего. Но если для тел, страдающих от неумеренных наслаждений, у вас есть врачи, то целителей душ у вас нет.

²⁵ Было бы мудро избавиться от удовольствий. Когда к тебе текут реки золота и приходит слава богача, то вслед за ними являются зависть и желание отнять у тебя это золото. Если бы ты очистился от этой скверны, то был бы здоров и мог говорить и править свободно. Это и есть здоровье царя. Если бы эти качества стали твоим внутренним свойством, то никто не ³⁰ удивился бы, что и все остальное в тебе прекрасно. Но, захватив тебя не знающим меры, болезнь из свободного превратила тебя в раба. Но не падай духом и бери в пример вспыхнувший в лесу огонь, который превращает в пепел все охваченное им, но питается тем, что еще не успело сгореть. Так и твои прежние пороки перешли на тех, в чьей власти находишься ты сейчас вместе со своими владениями¹⁰. Будь уверен, что потом и на них перейдут твои муки. Теперь послушай небольшую историю, свидетелем которой я сам был.

³⁵ Большая река протекает по скифской земле. Ее называют Истром. Однажды, плывя по ней, купцы посадили свой корабль на мель. Не в состоянии ничего предпринять, с жалобами и плачем они оставили его. Ничего не ведая о причине несчастья, пираты подошли на пенагруженном судне к потерпевшему кораблю

- и перетащили весь его груз без остатка на свой корабль.
- 40 Но вместе с грузом незаметно для себя они перенесли и несчастье. Купеческий корабль, лишившись груза, стал легким и всплыл, а пиратский, приняв чужой груз, быстро пошел ко дну вместе с награбленным чужим добром. Такое всегда может приключиться с богачами. Скифы же свободны от подобных бед. Вся земля у нас принадлежит всем. Все, что она приносит сама по себе, мы принимаем, а к тому, что скрывает, мы не стремимся. Оберегая наш скот от диких зверей, взамен мы получаем молоко и сыр. Оружием мы пользуемся не для того, чтобы нападать на других, но в случае необходимости для обороны. Правда, такого еще не случилось. Для тех, кто хотел бы на нас напасть, мы и воины, и награда, но эта награда не многих привлекает.
- 50 Я советую тебе то же самое, что и афинянин Солон, — иметь в виду только конец. Важно не то, что тебе в данный момент удалось, а то, что принесет тебе славную кончину. Правда, он не сказал этого открыто, так как не был скифом. Ты же, если согласен со мной, передай мой совет Киру и всем тиранам, ибо он принесет больше пользы тем, кто еще стоит у власти, чем тем, кто ее уже утратил.

10¹¹

АНАХАРСИС — КРЕЗУ

Царь Лидии! Я направился в страну эллинов, чтобы изучить их нравы и образ жизни. В золоте я не нуждаюсь, для меня важнее вернуться в Скифию более совершенным человеком. Теперь я прибыл в Сарды, считая крайне необходимым добиться твоего расположения.

ПИСЬМА СОКРАТИКОВ

8

АНТИСФЕН — АРИСТИППУ

Не к лицу истинному философу жить у тиранов и принимать участие в пресловутых сицилийских пиррах¹. Он должен оставаться на родине и довольствоваться тем, что имеет. Ты же полагаешь, что разумный

человек должен уметь сколотить состояние и приобрести друзей среди самых влиятельных лиц. Но богатство не относится к числу необходимых вещей, а если бы оно и было необходимым, то, добытое таким путем, оно отнюдь не является благом. Что же касается друзей, то этот сброд невежд и тиранов никогда не может стать друзьями. Поэтому я посоветовал бы тебе покинуть Сиракузы и Сицилию.

Если же ты, как утверждают люди, пристрастился к наслаждениям и привязан к тому, что философам не приличествует, тогда отправляйся-ка в Антикиру² — там тебе поможет отвар из чемерицы. Он гораздо полезнее вина, которым тебя поит Дионисий. Вино ведет к безумию, а чемерица излечивает его. Насколько здоровье и благоразумие отличаются от болезни и глупости, настолько и ты станешь лучше по сравнению с тем, каков ты сейчас. Будь здоров.

12

СИМОН — АРИСТИППУ³

Я слышал, что потешаешься над нашей философией в обществе Дионисия. Не отрицаю — я сапожник. Таково мое ремесло, но, если нужно, охотно соглашусь нарезать ремни для вразумления глупцов, которые к тому же еще полагают, что живут в роскоши согласно учению Сократа. Аптисфен вас еще покажет за все ваши дурацкие шутки, ведь в своих письмах к нему ты высмеиваешь мои запятая. Но, божественный разум, хватит мне смеяться над тобой. Помни всегда о голоде и жажде, ибо они много значат для тех, кто стремится к мудрости.

ПИСЬМА КИНИКОВ

ДИОГЕН

1

ЖИТЕЛЯМ СИНОПЫ

Вы приговорили меня к изгнанию, а я вас — оставаться дома¹. Вы будете жить в Синопе, а я — в Афинах, вы — вместе с торгашами, а я — с освободителями Эллады от персов, вы будете иметь дело с гениохами и ахейцами², ненавистным для всех греков родом людей, а я — с дельфийцами и элейцами, с которыми и боги общаются. О, если бы это решение вы² приняли не только теперь, а еще раньше, при жизни моего отца Гикета. Сейчас же я опасаясь только одного, — чтобы из-за моей родины не перестали верить в мою скромность. Ваш приговор о моем изгнании говорит только в мою пользу: он, как я думаю, заставит в меня поверить больше, чем что-либо другое. Насколько лучше услышать от вас брань, чем похвалу! Я боюсь, что дурная слава моей родины повредит мне, об остальном я не забочусь. Лучше жить, где придется, чем с людьми, которые со мной так поступили.

2

АНТИСФЕНУ

Я шел из Пирея в город, когда навстречу мне попались какие-то спесивые сопляки, возвращавшиеся с пирушки. Когда я оказался рядом с ними, кто-то сказал: «Пошли прочь от этой собаки!» Услышав эти слова, я заметил: «Не робейте! Эта собака не жрет свеклы»³. После моих слов они перестали беспокоиться, сорвали и выбросили венки, которые носили на голове и шее, оправили на себе плащи и уже молча сопровождали меня до самого города, прислушиваясь к речам, которые я вел сам с собой.

3

ГИППАРХИИ

Я восхищен, женщина, твоей страстью к философии и тем, что ты примкнула к нашей школе, суровость которой даже многих мужчин отпугнула. По-

старайся же и копец сделать достойным начала. Я уверен, что так оно и будет, если не отстанешь от своего супруга Кратета и нам, учителям философии, будешь почаще писать. Ведь и письма могут принести много пользы — не меньше, чем личные беседы.

4

АНТИПАТРУ ⁴

Не брани меня за то, что я не принял твоего приглашения и не поехал в Македонию и соль в Афинах предпочел твоим пиром. Я это сделал вовсе не из выскомерия и не из стремления прославиться, которыми руководились бы другие, желая таким образом продемонстрировать величие своего духа, раз уж они могут противоречить царям. Нет, дело в том, что соль в Афинах мне дороже пиров в Македонии. Я отказался из желания сохранить свое имущество, а вовсе не из гордыни. Извини уж меня. Был бы я бараном, ты бы меня простил, если бы я тебе не повиновался: у царя и баранов разная пища. Поэтому, милый ты мой, позволь каждому жить, как он хочет. Вот это действительно по-царски.

5

ПЕРДИККЕ ⁵

Если ты уж начал вести войну с человеческими заблуждениями, которые, как я думаю, очень серьезные враги и приносят тебе больше вреда, чем фракийцы и пэоны ⁶, то, собираясь подчинить себе человеческие страсти, посылай за мной. Я-то умею с ними воевать как рядовой и как полководец. Если же тебя еще соблазняют суетные заботы, а об этой войне ты и не думаешь, тогда оставь меня сидеть в Афинах и приглашай лучше воинов Александра, с помощью которых он покорил иллирийцев и скифов.

6

КРАТЕТУ

Когда ты направился в Фивы, я покинул Пирей. Было около полудня, и меня стала томить страшная жажда. Тогда я поспешил к Панопову источнику.

Пока я доставал из котомки кружку, подбежал какой-то батрак из работавших неподалеку в поле, сложил ладони ковшиком и стал черпать и пить из источника воду пригоршнями. Мне показалось это разумнее, чем пить воду из кружки, и я без опасений воспользовался примером этого прекрасного наставника ⁷.

² Итак, я выбросил свою кружку и, отыскав людей, отправлявшихся в Фивы, послал тебе письмо об этой мудрой выдумке, желая поделиться с тобой всем, что служит добру. Вот и ты всегда ходи на рынок, где проводят время множество людей, и у нас появится возможность узнать от других еще много полезного. Как могущественна природа, которой мы, служа спасению людей, снова возвращаем ее значение, хотя люди, исходя из своих ложных убеждений, выбрасывают ее воп из жизни.

7

ГИКЕТУ ⁸

Не огорчайся, отец, из-за того, что меня называют собакой и я ношу на плечах сдвоенный плащ и котомку, а в руках держу посох. Не стоит из-за этого расстраиваться, нужно скорее радоваться, что твой сын довольствуется малым и свободен от заблуждений, которыми служат все — как эллипы, так и варвары. Ведь имя, за исключением того случая, когда оно срослось с самими вещами, является своего рода символом чего-то общеизвестного. Меня пазывают небесной собакой ⁹, а не земной, потому что, живя не по ложным мнениям людей, а согласно природе, я похож на нее. Помимо того, я взваливаю груз добродетели на свои плечи, а не на плечи другого.

² А такую одежду, как я, носил, по свидетельству Гомера, и Одиссей, мудрейший из эллинов, когда по велению Афины возвращался домой из-под Илиона. Эта одежда так прекрасна, что нужно признать: она изобретена не людьми, а богами:

Плечи оделись тряпницей — в лохмотье разорванным, старым
Рубищем грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,

Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке...¹⁰

Поэтому будь спокоен, отец. И имя, которым называют меня, и одежда, которую я ношу, — все от богов, а платье — даже изобретение богини.

8

ЕВГНЕСИЮ

Я пришел из Мегар в Коринф. Миновав агору, оказался у какой-то школы для мальчиков. Услыхав, как они плохо декламируют стихи, спросил, кто их учитель. Они ответили: «Дионисий, тиран сиракузский». Тогда я решил, что они падо мной подшучивают и сказали неправду. Подойдя к скамье, я сел и стал ждать — говорили, что он пошел на рынок. Спустя немного времени Дионисий возвратился. Я встал и обратился к нему: «Как плохо, Дионисий, что ты учишь».
² А он, решив, что я сожалею об утраченной им власти и образе жизни, который он вел, будучи тираном, сказал: «Ты прав, сострадая моей судьбе». Тогда я возмутился: «Это верно, что я сказал „плохо“, но опечален я вовсе не тем, что ты лишился власти тирана, а тем, что ты живешь теперь свободно в Элладе и вышел невредимым из переделки в Сицилии, хотя следовало ответить жизнью за все содеянное тобой зло, как на суше, так и на море»¹¹.

9

КРАТЕТУ

До меня дошел слух, что все свое имущество ты принес в Народное собрание и передал родине и, стоя среди народа, возвестил: «Кратет, Кратета раб, Кратета отпускает на волю». Тогда все граждане выразили свою радость по поводу твоего дара и свое восхищение мной, воспитавшим такого человека, а также захотели пригласить меня к себе из Афин, но ты, зная мое мнение, воспротивился этому. Я хвалю твой ум и восхищаюсь твоим даром, ибо ты раньше, чем я ожидал, преодолел человеческие предубеждения. Возвра-

щайся поскорей, тебе еще предстоит упражняться во многом другом, а находиться слишком долго в обществе, где нет тебе подобных, небезопасно.

10
МЕТРОКЛУ

Проявляй мужество не только тогда, когда носишь одежду, имея и ведешь жизнь киника, не бойся также просить у людей на пропитание. Это не позор. Ведь даже цари и властители просят у своих подданных денег, воинов, кораблей, продовольствие, а большие у врачей — лекарств не только против горячки, но и против озноба и чумы, а влюбленные выпрашивают у мальчиков поцелуи и ласки. Брать у людей нужно не без отдачи и взамен давать не что-нибудь худшее, а просить для всеобщего блага, притом лишь то, что соответствует природе. Следует поступать так, как сын Зевса Геракл, и взамен возвращать значительно² больше. Так тебе придется воевать не с истиной, а с предубеждениями, а с ними ты повсюду ведешь сражение, даже когда тебя к этому ничто не принуждает. Такая война — прекрасный обычай. Сократ говорил, что мудрецы не просят (*aitein*), а требуют лишь вернуть назад (*araitein*), ибо им, как богам, принадлежит все. Он доказывал это на основании следующего умозаключения: богам принадлежит все, а у друзей все общее, мудрец же — друг богов. Следовательно, ты будешь просить свое¹².

11
КРАТЕТУ

Подходи и проси хлеба даже у статуй на агоре. Это прекрасное, клянусь, испытание, так как ты встретишь на своем пути людей еще более бесчувственных, чем статуи. И если евнухам и кинедам дают охотнее, чем тебе, не удивляйся: каждый чувствует симпатию к тому, кто ему ближе по духу, а не к тому, кто от него дале. Большинство предпочитает иметь дело с евнухами, а не с философами¹³.

12

КРАТЕТУ

Большинство, проведая о кратком пути, ведущем к счастью, стремится к нему, как мы к философии. Когда же, встав на этот путь, они сталкиваются с трудностями, то, сойдя с него из-за своего безволия и немощи, бранят потом не свою слабость, а нашу твердость. Поэтому пусть они, как хотят, почивают вместе со своими наслаждениями. Тогда их встретят не те естественные трудности, из-за которых они нас бранят, а гораздо более мучительные, которые заставят их при любых обстоятельствах влачить жалкое рабство. Ты же продолжай упражняться, как начал, и старайся противостоять и наслаждениям, и тяготам жизни, ибо они в равной степени враждебны и больше всего мешают нам, ибо наслаждения толкают нас к постыдным делам, а тяготы отпугивают от прекрасных деяний.

13

АПОЛЕКСИДУ

Много из того, что отягощало мою котомку, я выбросил, узнав, что ладонь вполне может служить тарелкой для хлеба, а чашей — сложенные в горсть руки. Даже учителю не стыдно сказать: «До сих пор я был еще ребенком. Полезные вещи нужно усваивать в любом возрасте и не пренебрегать ими».

14

АНТИПАТРУ

Ты осуждаешь мою жизнь за то, что она полна трудов и лишений и никого не привлекает. Я избрал ее добровольно, чтобы все подражающие мне знали, что совсем не должны быть избалованными.

15

АНТИПАТРУ

Я узнал, что, по твоим словам, нет ничего удивительного в том, что я пошу сдвоенный плащ и котомку. Я и сам говорю, что в этом нет ничего особенного.

То и другое прекрасно, если идет от души, потому что не только тело должно жить в простоте, но и душа. Не следует также обещать многого и не делать даже необходимого. Дела должны отвечать словам. Так я стараюсь поступать и получать подтверждение этому. Может быть, ты предполагаешь, что я имею в виду народ Афин и Коринфа, этих лжесвидетелей? Нет, я подразумеваю свою собственную душу, от которой не скроешь своих прегрешений.

16

АПОЛЕКСИДУ

Я попросил найти мне пристанище. Спасибо тебе за хлопоты, но, увидев улитку, я нашел прекрасное, защищенное от ветра жилище — пифос в Метрооне¹⁴. Поэтому оставь без последствий мою просьбу и поздравь меня с находкой естественного убежища.

17

АНТАЛКИДУ

Я узнал, что ты пишешь для меня о добродетели и обещаешь знакомым с помощью этого сочинения убедить меня думать о тебе лучше. Я не хвалю даже дочь Тиндарея, бросившую в вино утоляющее страдания снадобье¹⁵ (его можно было бы предложить и без вина), а тебя тем более — даже в моем присутствии ты не проявил ничего, достойного похвалы, а в письменной форме ты полагаешь меня убедить, что, пожалуй, стоит сохранять память о мертвых, а обнаруживать добродетель отсутствующих живых не стоит. Я написал тебе об этом, чтобы ты обратился ко мне не посредством бездушного сочинения, а явился сам.

18

АПОЛЕКСИДУ

Юноши из Мегар попросили меня рекомендовать тебе философа Менодора — очень смешная рекомендация. То, что он человек, можно узнать по портретам,

а философ ли он — по его жизни и высказываниям. По моему мнению, мудрец не нуждается в рекомендациях, он сам себе лучшая рекомендация.

19

АНАКСИЛАЮ

Пифагор говорил, что был однажды Эвфорбом, сыном Панфа, а я недавно узнал в себе Агамемнона. Мой посох — скипетр, сдвоенный плащ — царская мантия, а котомка, если только сделать ее кожаной, — щит. Правда, у меня нет длинных волос на голове, но тут ничего не поделаешь. Когда Агамемнон был молод [его голову покрывали кудри], состарившись, он облысел. Примерно так нужно рассуждать и говорить тому, кто любит ссылаться [на авторитет]: «Сам сказал!»

20

МЕЛЕСИППУ

Я узнал, что ты очень огорчился из-за того, что подвыпившие афинские юнцы избili меня и мудрости было нанесено пяпчужками оскорбление. Знай же, что от ударов пьяниц пострадало лишь тело Диогена, а добродетель не была опозорена, ибо порочные люди не могут ни украсить ее, ни осквернить. Не Диоген был опозорен, пострадал афинский народ, в среде которого нашлись желающие поиздеваться над добродетелью. Так, по милости одного неразумного гибнут целые народы, когда замышляют недостойные дела и ведут войну там, где нужно сохранять мир. Если бы они задушили безумие в самом зародыше, то до такого бы не дошли.

21

АМИНАНДРУ

Родители не заслуживают благодарности ни за то, что они нас породили, ибо все сущее произошло от природы, ни за то, какими мы родились, так как причина этого заключается в смешении элементов. Не стоит благодарить родителей и за то, что люди появляются на свет по их выбору или намерению. Ведь

роды — следствие половых сношений, в которые вступают ради удовольствия, а не с целью рождения детей. Я, провозвестник невозмутимости духа, поднимаю свой голос против жпзненных заблуждений. Кому-нибудь эти речи могут показаться слишком грубыми, но сама природа и истина их подтверждают, как и жизнь людей, живущих не в чаду заблуждений, а в согласии с добродетелью.

22
АГЕСИЛАЮ

Жизнь моя столь непрочна, что я не знаю, останусь ли в живых, пока пишу тебе это письмо. В котомке достаточно пищи для жизни, хотя для тех, кого считают богами, требуется больше, чем для людей. Только одно я знаю твердо: после рождения наступает смерть. Созная это, я и сам гоню от себя летающие вокруг этого жалкого тела пустые надежды, и тебе советую не мечтать о большем, чем положено человеку.

23
ЛАКИДУ

Ты сообщаешь мне радостную весть, что македонский царь очень хочет взглянуть на меня. Ты правильно сделал, рассказав обо мне македонскому царю. Ты ведь знаешь, что я неподвластен никаким царям. А посмотреть, сколь у меня необычный вид, пусть никому не приходит в голову. Если же Александр стремится перенять мой образ жизни и слушать мои беседы, то скажи ему, что из Афин в Македонию такой же путь, как из Македонии в Афины.

24
АЛЕКСАНДРУ

Если хочешь стать во всех отношениях совершенным человеком, сорви с головы своей тряпку и приезжай ко мне. Но поступить так ты не в силах: тебя держат ляжки Гефестиона¹⁶.

25

ГИППОНУ

Ты просишь написать тебе о том, что я думаю о смерти и погребении, будто бы ты не станешь настоящим философом, если не узнаешь от меня, что ожидает нас после смерти. Я считаю достаточным жить в соответствии с добродетелью и природой, что зависит от нас самих. Как то, что было до нашего рождения, зависит от природы, так и то, что будет после смерти, находится в ее власти. Как она породила, так она и умертвит. Однако не опасайся, что когда-нибудь ощущения покинут меня. Я решил: пусть рядом со мной после моей смерти положат палку, чтобы я смог отгонять всех животных, желающих осквернить мою могилу.

26

ГИППОНУ

Помни, что я преподал тебе начала бедности в жизни. Старайся сам ее не утратить и не дай другому отнять ее у тебя. Ведь ясно, что фиванцы будут вновь приставать к тебе, считая несчастным. Но ты сам считай свой потертый плащ львиной шкурой, а палку — жезлом, котомку — землей и морем, кормящими тебя. Тогда в тебя вселится мужество Геракла, которое сильнее всякой судьбы. Если у тебя есть лишние бобы и сушеные фиги, пришли мне.

27

АННИКЕРИДУ

Лакедемоняне приняли решение не пускать меня в Спарту. Но ты ни о чем не беспокойся, раз уж носишь имя киника. Конечно, достойно сожаления, что люди, полагающие, что они упражняются, не понимают, что только я могу их направить. Не знаю, вели ли кто-нибудь более простую жизнь, чем я. Кто может похвалиться в присутствии Диогена, что он превзошел его в перенесении бедствий? А с этим связано и другое: решив, что благодаря их отваге Спарта находится в безопасности, они оставляют душу незащищенной от

страстей и не выставляют против них никакой охраны. Внутренний страх соседям, они подвергаются нападению со стороны внутренних болезней. Они изгнали добродетель, благодаря которой они могли быть сильными духом и свободными от своих недугов.

28

[ЭЛЛИНАМ]

Диоген-собака так называемым эллинам желает погибели¹⁷.

Впрочем, вы и так гиблый парод, если даже и не буду желать вам погибели. Ведь вы только по образу своему люди, а души у вас обезьяньи — ничего не зная, вы делаете вид, будто все знаете. Потому-то и наказывает вас природа. Придумав для самих себя законы, вы обрели только величайшую спесь и получили свидетельство о внедрившейся в вас порочности. Вы состарились, проведя всю свою жизнь в войнах и никогда не вкушая мира, порочные сообщники порока. Вы завидуете друг другу, едва заметив у другого чуть подороже платье, чуть побольше денег, приметив, что другой чуть ловчее в речах и цемного пообразованнее.

2 Вы ничего не в состоянии правильно оценить, скатываясь только к приблизительному правдоподобию. Вы всех обвиняете, по ничего не знаете, ни вы сами, ни ваши родители, и по заслугам мучаетесь, осмеянные невежеством и безумием. Вас пенавидит не только киник-собака, но и сама природа. У вас мало радостей и много горестей как до брака, так и после него, ибо женившись, вы окончательно гибнете и вечно брюзжите. Сколько и каких мужей вы уничтожили, одних победив на войне, других осудив во время так называемого мира!

3 Разве мало у вас распятых на крестах и замученных палачом? Разве не по вашему приговору выпивают яд и погибают на колесе только потому, что показались вам виновными? О, безумные головы, что выгоднее — учить или убить? Ведь от мертвецов нет никакой пользы, если только мы не собираемся поедать трупы как жертвенное мясо, а в честных людях

всегда есть нужда, дурные вы головы! Неграмотных и непросвещенных вы обучаете так называемым изящным искусствам, чтобы у вас, когда понадобятся, под руками были образованные люди. Почему же вы не перевоспитываете дурных, чтобы потом воспользоваться ими, когда появится нужда в честных людях, так же как вы нуждаетесь в головорезах, захватывая чужой город или лагерь?

4 Это еще не самое большое зло. Если вы добро делаете насильно, то чего можно ожидать, когда совершается грабёж?! С кем бы вы, безумные головы, ни соприкасались, всем вы причипяете несправедливость, хотя, может быть, сами они заслуживают еще большего наказания. В гимназиях, когда наступают так называемые Гермеи¹⁸, или Панафинейские празднества, в центре города вы обжираетесь и опиваетесь, пьянствуете, развратничаете, играя роль женщин. Вы еще больше кощунствуете, совершая все это как тайно, так и явно. Книшник ничего этого не ведаёт, а для вас в этом смысл жизни.

5 Если вы книшкам мешаете вести естественную и справедливую жизнь, как же вам по отношению к самим себе не допускать ошибок? Там, где я, книшник, вас обличаю словами, там природа всех вас наказывает делом, ибо всем вам одинаково угрожает смерть, которой вы так боитесь. Я часто видел бедняков, пуждающихся, по здоровых, и богачей, страдающих от перенасыщенности своего несчастного брюха и члена. Короткое время вы испытываете приятные ощущения от доставляемых ими удовольствий, но потом они приносят вам многочисленные и тяжкие страдания.

6 И ничто не спасет вас — ни дом, ни красивые капитали колонн, стоящих в нем. Лежа в своих золотых и серебряных кроватях, вы поделом мучаетесь и не можете выздороветь, пожирая вместе с лекарствами остатки своего добра, порочные сообщники порока. Если бы у вас был разум в такой же мере, в какой его у вас нет, вы все, достигшие зрелого возраста, собрались бы на общий совет и научились благоразумию или покончили с собой. В жизни нельзя поступить иначе, если вы не хотите, чтобы с вами было так, как на пиру, когда вы паьтетесь и пьяны сверх

меры: голова кружится, и в желудке боль, и вас ведут другие, а сами себе вы не в силах помочь.

⁷ Пока вы утопаете в роскоши и подсчитываете, как велики ваши богатства, приходят ваши общие палачи, которых вы почему-то называете врачами, и говорят, и делают все, что им взбредет на желудок. Они вас режут, жгут, сковывают по рукам и ногам и пичкают лекарствами, как внутренними, так и наружными. И если вы все-таки выздоравливаете, то благодарите не так называемых врачей, а восклицаете, что нужно возблагодарить богов. Если же вам плохо, то обвиняете врачей. А я могу скорее радоваться, чем горевать, и больше знать, чем не знать.

⁸ Этого я достиг, общаясь с мудрым Антисфеном, который вел беседы только со знакомыми, а от тех, кто был незнаком с природой, разумом и истиной, он держался подальше, совсем не обращая внимания на неразумных животных, не понимающих, как сказано в письме, речей киника-собаки. Вы варвары, и я желаю вам погибели, до тех пор пока вы, научившись говорить по-гречески, станете истинными эллинами. А теперь так называемые варвары для меня гораздо привлекательнее и местом, где они живут, и нравами; так называемые эллины ведут войну против варваров, а варвары считают своим долгом защищать родную землю, довольствуясь лишь тем, что имеют. Вам же всего мало. Вы все жаждете славы, неразумны и плохо воспитаны.

29

ДИОНИСИЮ

Так как ты решил подумать о самом себе, то я пошлю тебе человека, ничем не похожего, клянусь Зевсом, на Аристиппа или Платона, а одного из имеющих у меня в Афинах педагогов — с поразительно острым зрением, очень быстро шагающего, с больно секущей плетью. Он, клянусь Зевсом, научит тебя отдыхать вовремя и вставать поутру, освободит от владеющих тобой страхов и ужасов, от которых ты надеешься скорее избавиться при помощи телохранителей и крепких стен своего акрополя, но именно по их вине эти страхи всегда с тобой. Чем больше и чаще

ты ими занимаешься, тем больше и чаще твою душу охватывают беспокойство и робость.

² Итак, он освободит тебя от них, вселит отвагу, избавит от малодушия. Что пользы от несвободного человека? А это и есть рабство — жить в страхе. До тех пор пока у тебя такое окружение, ты не избавишься ни от одного из этих зол. Когда ты получишь, наконец, того работника, который очистит твои бока, и удержит от поварских излишеств, и заставит тебя вести образ жизни, приятный им самим, тогда ты, несчастный, будешь спасен.

³ А теперь ты отыскал себе таких приятелей, которые, пожалуй, скорее тебя погубят и развратят, ибо они даже не пытаются научить тебя добру, а только смотрят, как бы пожрать на твой счет и чем-нибудь поживиться. Они освобождают тебя не от твоих пороков, а от твоих добродетелей. Ты же так глуп, что даже не слышишь того, что говорят повсюду в самом центре Эллады:

Знай же, что только от добрых можешь добру научиться, Свяжешься лишь с подлецом, сгубишь последний свой ум ¹⁹.

Для тебя, несчастный, нет ничего опаснее отцовского и тиранического нрава, и нет ничего иного, что бы тебя больше губило.

⁴ И нельзя найти человека, который отвратит тебя как от тирании, так и от так называемой священной болезни, ибо во всем поступаешь как безумный. Только покончив с ней, ты мог бы спастись. Ни твое окружение, ни ты сам не замечаете своих недостатков. Так давно и так сильно тобой завладела болезнь. Ты нуждаешься в плети и в господине, а не в том, кто будет тобой восхищаться и льстить тебе. Как можно получить от такого человека хоть какую-нибудь помощь и как он сам может кому-нибудь принести пользу? Разве только он не станет наказывать тебя, как лошадь или быка, и вместе с тем будет наставлять на путь истинный и думать о должном.

⁵ А ты так далеко зашел в своей испорченности, что уже появилась необходимость в оперативном вмешательстве — резать, жечь, вводить лекарства. Ты же, словно ребенок, окружил себя дядьками и пнянками,

которые упрашивают тебя: «Ну, возьми, дитяtko, ну, попей, ну, съешь еще один маленький кусочек, если любишь меня». Если бы они все собрались и прокляли тебя, то не причинили бы большего вреда твоему здоровью. Впрочем, зачем я все это говорю? Ведь ты все равно не захочешь питаться фиговыми листьями, а, словно баран, потянешься к спелым плодам. Поэтому я не пожелаю тебе, милоч, на прощание ни «Радуйся!», ни «Будь здоров».

30

ГИКЕТУ

Отец, когда я прибыл в Афины, то услышал, что ученик Сократа рассуждает о сущности счастья, и решил пойти к нему. Он в то время говорил о дорогах к счастью. Таких дорог всего две, а не множество, утверждал он, причем одна из них короткая, другая — длинная. Каждый может вступить, па какую хочет. В тот день, когда он рассказывал об этом, я слушал и молчал, а на следующий день, когда мы снова пришли к нему, я попросил рассказать о тех дорогах подробнес. Тогда он тотчас поднялся со скамьи и повел нас в город, прямо к акрополю.

2 И когда мы оказались почти рядом с ним, он показал на две дороги, ведущие на акрополь. Одна из них была короткой, но крутой и трудной, другая — ровной и легкой. При этом он заметил: «Эти дороги ведут на акрополь, а те, о которых я говорил, — к счастью. Пусть каждый выберет себе дорогу по вкусу, я буду проводником». Тогда большинство, испуганные трудностью и крутизной короткой дороги, совсем оробели и попросили повести их длинной, но легкой дорогой, а я, преодолев страх перед трудностями, выбрал короткий и трудный путь, ибо тот, кто стремится к счастью, должен идти к нему даже сквозь огонь и мечи.

3 После того как я выбрал этот путь, он отобрал у меня хитон и гиматий и надел на меня сдвоенный плащ, на плечи повесил котомку, положив туда хлеба, пирог, кружку и миску, а снаружи прикрепил к ней леккиф для масла и скребок; он дал мне и палку. По-

лучив все это снаряжение, я спросил, зачем он надел на меня сдвоенный плащ. «Чтобы приучить тебя и к летней жаре, и к зимней стуже», — ответил он. Тогда я снова спросил: «А простой плащ для этого не годится?» — «Нет, — сказал он, — нисколько. Летом в нем хорошо, а зимой переносить непогоду выше человеческих сил». — «А для чего ты повесил на меня котомку?» — «Чтобы повсюду у тебя был свой дом», — последовал ответ. «Зачем положил в нее кружку и миску?» — «Для того, — ответил он, — чтобы ты пил и ел, мог воспользоваться любой пищей, когда нет кардамона»²⁰. — «Для чего дал мне лекиф и скребок?» — «Один от усталости, другой от грязи». — «А посох зачем?» — «Для защиты», — ответил он. — «О какой защите ты говоришь?» — «О той, в которой нуждались и боги, — от поэтов».

31

ФЕНИЛУ

Я пришел в Олимпию после окончания игр. На следующий день на улице мне встретился панкратиаст Кикерм в победном олимпийском венке. Его сопровождала домой целая толпа друзей. Когда он поравнялся со мной, я взял его за руку и сказал: «Несчастный, брось дурью мучиться и уйми свое тщеславие, которое погнало тебя в Олимпию и возвращает таким, что даже собственные родители тебя не узнают. Скажи, — продолжал я, — какая гордыня заставила тебя надеть на голову венок, нести в руках пальмовую ветвь и тащить за собой весь этот сброд?»

² — «Я всех панкратиастов победил в Олимпии», — ответил он. «Удивительные вещи ты говоришь! — воскликнул я. — Значит ты победил и самого Зевса, и его сына?» — «Нет, конечно», — ответил он. «Ты всех вызывал поодиночке и победил?» — «Нет», — сказал он. «Значит, одних ты вызывал, а с другими состязался по указанию жребия?» — «Именно так». — «Тогда как же ты смеешь утверждать, что победил и тех, кого одолели другие? Скажи, в Олимпийских состязаниях панкратиастов участвовали только взрослые?» — «Нет, и дети», — ответил он. «Выступая среди мужчин, ты и над ними одержал победу?» — «Нет, — сказал он. —

Они выступали по другой категории». — «Ну, а в своей группе ты над всеми одержал победу?» — «Разумеется». — «Скажи мне, — продолжал я свои вопросы, — не в твою ли категорию входили взрослые мужчины?» — «В мою». — «А Кикерм по какой категории выступал?» — «Если ты имеешь в виду меня, то по категории мужчин», — ответил он. «А Кикерма ты победил?» — «Увы, нет», — ответил он.

³ «Как же ты можешь утверждать, что всех одолел, когда не победил ни детей, ни всех взрослых? Кто были твоими соперниками?» — продолжал я. «Знаменитые мужи Эллады и Азии». — «Они были сильнее тебя, равны тебе по силе или слабее?» — «Сильнее». — «Значит, ты утверждаешь, что победил тех, кто сильнее тебя?» — «Нет, равных мне», — сказал он. «Но как же ты мог победить равных, если они ни в чем не оказались слабее тебя?» — «Слабейших», — сказал он. «И ты все еще будешь гордиться своими победами над более слабыми? Разве только ты способен на такие победы и никто другой? Разве вообще никто не одолевает силой более слабого, чем он?»

⁴ Поэтому, Кикерм, оставь все это и не состязайся в панкратии с людьми, слабее которых ты станешь вскоре, когда состаришься. Обратись к истинно прекрасному и учись выносливости не под ударами людей, а под ударами судьбы, поражающими душу. Пусть будут твоими наставниками не гиманты²¹, не кулаки, а бедность, скромность, низкое общественное положение, изгнание. Научившись презирать все это, ты будешь жить счастливо и умрешь спокойно. Если же будешь стремиться к другому, не жди в жизни счастья». Когда я так с ним поговорил, Кикерм бросил наземь пальмовую ветвь, сорвал с головы венки и тут же уступил мне дорогу.

Я узнал, что ты злословишь меня и у своего тирана постоянно поносишь мою бедность, вспоминая, как застал меня однажды, когда я обмывал в источнике цикорий, приправу к хлебу. Я, милейший, див-

люсь, как можешь ты осуждать бедность честного человека, пройдя обучение у Сократа, который зимой и летом в любую погоду носил один и тот же старый плащ и даже при женщинах не надевал другого, а лакомые кусочки находил не в садах, или в харчевнях, а в гимнасиях. Но, кажется, обо всем этом ты забыл в угаре сицилийских пиршеств.

² Я не собираюсь тебе напоминать, чего стóбит бедность, особенно в Афинах, и не стану защищать ее перед тобой (я не считаю, что мое счастье зависит от тебя, подобно твоему, которое зависит от других; достаточно мне одному знать об этом), но напомним тебе все-таки о Дионисии и блаженных часах, проведенных вместе с ним, которые доставляют тебе такую радость. Я буду напоминать тебе об этом всякий раз, когда ты ешь и пьешь на пышных пирах то, что мне и не снится, и в то же время видишь, как избивают людей плетьюми, сажают на кол, гонят в каменоломни; у одних вырывают из объятий жен, у других — детей, отнимают рабов, чтобы надругаться над всеми. И эти бесчинства творит не один лишь тиран, но множество окружающих его подлецов.

³ А ты и пьешь против воли, живешь среди них и совершаешь прогулки, не в силах убежать от всего этого, скованный золотыми цепями. Обо всем этом я говорю тебе, вспомнив о твоих оскорблениях. Я с моим умением обмывать цикорий и неумением прислуживаться при дворе у Дионисия живу счастливее вас, советчиков Дионисия и правителей всей Сицилии. Пусть все, чем ты так нагло порочишь меня, заставит тебя задуматься, и пусть разум не вступает в противоречие с чувствами. На словах все прекрасно у Дионисия, но свобода, которой пользовались во времена Крона, и... [дальнейший текст испорчен].

33

ФАНОМАХУ

Я сидел в театре и склеивал книжные листы, когда подошел Александр, сын Филиппа, и, остановившись рядом со мной, загородил мне солнце. Не в состоянии разглядеть разрывы, я поднял глаза и тотчас узнал

пришельца. Заметив мой взгляд, он сам заговорил со мной и подал руку. Тогда и я приветствовал его и так сказал: «Ты действительно непобедим, юноша, ибо обладаешь прямо-таки божественным могуществом. То, что делает, говорят, луна с солнцем, когда встает прямо напротив него, то же самое сделал и ты, придя сюда и встав рядом со мной».

2 — «Ты все шутишь, Диоген», — сказал Александр. «Почему? — возразил я. — Разве ты не заметил, что я бросил свою работу, потому что мне ничего не видно, будто ночью? И хотя мне сейчас с тобой разговаривать нет никакой охоты, тем не менее я говорю с тобой». — «Нет никакой охоты поговорить с царем Александром?» — удивился он. «Совсем никакой, — ответил я. — Ведь он не покушается на мое добро и не идет на меня войной, не грабит, как это делает с македонцами, лакедемонянами или с кем-нибудь другим, кто представляет для него интерес». — «А я интересуюсь твоей бедностью», — сказал он. «Какой бедностью?» — удивился я. «Твоей бедностью, из-за которой ты нищенствуешь, нуждаясь во всем», — сказал он.

3 «Не иметь денег не значит быть бедным, и попросайничать — не порок, а хотеть всем обладать и насильничать, как это свойственно тебе, — вот это порок. Поэтому моей бедности помогают источники и земля, пещеры и шкуры; из-за них никто со мной не воюет ни на суше, ни на море. Знай, что я продолжаю жить так, как появился на свет. А для таких людей, как ты, нет спасения ни на земле, ни на море. Но о них я уже не говорю, вы покушаетесь даже на небо и пренебрегаете советом Гомера, который, описав горькую судьбу Алоадов²², учил не стремиться к этому».

Когда я ему все это твердо и решительно высказал, Александра охватил стыд и, наклонившись к одному из спутников, он сказал: «Если бы я уже не был Александром, то стал бы Диогеном». Потом он помог мне подняться, повел с собой и стал приглашать сопровождать его в походах. С трудом мне удалось избавиться от него²³.

34

ОЛИМПИАДЕ

Не огорчайся, Олимпиада, из-за того, что я ношу потертый плащ и, завидев хлеб, прошу у людей. Это не позор и не должно вызывать подозрение у свободных, как думаешь ты, но прекрасно и вооружает против предрассудков, враждебных человеческой природе.

² Эту истину я познал прежде всего не у Антифена, но от богов и героев, а также от тех, кто обратил Элладу к мудрости, — от Гомера и трагиков, которые говорят, что Гера, супруга Зевса, приняв облик жрицы, стала вести такой образ жизни и «Нимфам, живущим в источниках, добрым и славным богиням, Инаха дочерям, бога аргосской реки, собирала» милостыню²⁴, а Телеф, сын Геракла, явился в Аргос в гораздо худшем виде, чем я: «в лохмотья тело завернув, как нищий, от мороза прячась»²⁵. Одиссей же Лаэртид возвращался домой в разодранном, измазанном в павозе и черном от копоти плаще²⁶. Неужели после всего этого мой вид и мое нищенство тебе все еще кажутся позорными? Разве они не прекрасны и не вызывают восхищения царей и не подобают каждому, кто разумен и стремится к простоте?

³ Телеф принял такой вид, чтобы вернуть себе здоровье; Одиссей, чтобы истребить жепихов, так долго бесчинствовавших в его доме. А я, чтобы обрести счастье, являющееся лишь малой частицей блага, к которому стремился Телеф. Моя цель — повергнуть в прах ложные ценности, из-за которых мы терпим над собой так много господ, избежать болезней и базарных сикофантов, бродить по всей земле под открытым небом свободным человеком, не боясь никаких, даже самых могущественных властелинов. Итак, мать, если я могу успокоить тебя, рассказав, что даже те, кто выше меня, носили жалкие плащи и котомки и просили хлеба у тех, кто ниже их, я благодарен богам. Если же нет, все равно напрасны твои огорчения.

35
СОПОЛИДУ

Я пришел в Милет, что в Ионии, и, минуя агору, услышал плохо читавших стихи мальчиков. Подойдя к учителю, спросил: «Почему ты не учишь их играть на кифаре?» — «Я и сам не умею», — ответил учитель. — «Как же так получается, — сказал я. — Тому, что не знаешь, ты не учишь, а грамоте обучаешь, хотя сам еще ей не научился?» Я прошел еще немного и оказался у гимнасия для юношей. Там, в атрии, я увидел юношу, который никак не мог справиться с мячом, и, подойдя к надсмотрщику палестры, спросил: «Какой штраф установлен для тех, кто умастился, но в мяч не играет?» — «Обол», — ответил надсмотрщик. «Вот тот юноша, — сказал я, указав на него, — хотя ему не угрожает никакое наказание, играет без всякой охоты».

² Потом, сняв с себя плащ и взяв скребок, я вышел на середину и намазался маслом. Вскоре прямо ко мне по местному обычаю подошел юноша с очень красивым лицом и еще без бороды. Он протянул мне руку, пробуя, насколько я опытен в борьбе. А я, вроде бы застеснявшись, стал притворяться, будто совсем ничего не умею. Но как только мне стало угрожать поражение, я схватился с ним по всем правилам искусства. Вдруг у меня совсем неожиданно «встал копь» (других слов я не рискую употребить, опасаясь оскорбить почтенное общество), мой партнер смутился и убежал, а я, стоя, довел дело до конца, обойдясь своими средствами.

³ Это заметил надсмотрщик, подбежал и стал бранить меня. «Послушай, — обратился я к нему, — после того как ты разрешил мне бороться по всем правилам, теперь ты нападаешь на меня? Если бы существовал обычай после умащения нюхать чихательный порошок, ты бы возмущался, когда кто-нибудь из умастившихся чихнул в гимнасии? А теперь ты негодуешь, когда у человека, обнявшегося при борьбе с красивым мальчиком, невольно поднялся член.

⁴ Не полагаешь ли ты, что наш нос целиком зависит от природы, а вот он всецело находится в нашей вла-

сти? Перестань бросаться на входящих! Если хочешь, чтобы ничего подобного не случилось в гимнасии, убирай отсюда мальчиков. Ты уверен, что твои инструкции в состоянии надеть колодки и оковы на то, что от природы рвется в бой, когда сплетаются в борьбе мужчины с юношами?» Я все это высказал надсмотрщику, и он удалился, а я, подняв свой плащ и котомку, направился к морю.

36

ТИМОМАХУ

Я пришел в Кизик и, проходя по улице, увидел на двери одного дома надпись: «Геракл, Зевса сын, победоносец, здесь живет. Пусть никогда беда в дом этот не войдет»²⁷. Я остановился, прочел, потом спросил прохожего: «Кто здесь живет и откуда он?» Решив, что я расспрашиваю с памерсением попросить хлеба он ответил: «Негодный человечешко. Уходи лучше отсюда, Диоген». Тогда, обращаясь к самому себе, я заметил: «Кажется, хозяин из-за этой своей надписи захлопнул перед собой двери собственного дома». Иду я дальше и снова вижу другую дверь точно с такой же ямбической надписью.

² «А здесь кто живет?» — спросил я. «Грязный мытарь», — последовал ответ. «Только у подлецов на дверях такая надпись или у честных людей тоже?» — поинтересовался я. «Нет, у всех», — ответил прохожий. «Тогда почему, — спросил я, — если это вам приносит пользу, вы не напишите то же самое на городских воротах, а пишете лишь на домах, в которые Геракл не смог бы даже войти? Может быть, городу вы желаете зла, а отдельным домам нет? Или общественные беды вас не касаются, а только собственные?» — «Я ничего не могу на это тебе ответить, Диоген», — промолвил он. «А что вы, граждане Кизика, считаете бедой?» — «Болезнь, смерть, бедность и тому подобное», — ответил он.

³ «Значит, вы полагаете, что если все это войдет в ваш дом, оно повредит вам, а если не войдет, не повредит?» — «Безусловно», — сказал он. «Хорошо, — продолжал я. — Если эти беды не касаются людей, они

вредны?» — «Нет, если только затрагивают их», — ответил он. «Итак, когда они входят в дом, то затрагивают, а если застигают на агоре, то не затрагивают? Возможно, есть некто, кто запрещает трогать вас на агоре, а разрешает наступать только в домах?», — спросил я. «И на это я не могу тебе ничего ответить» — сказал он. А я продолжал спрашивать: «Скажи мне, все это причиняет вам неприятности, когда проникает в дом или поражая вас самих?» — «Когда поражает нас самих», — ответил он.

4 «Тогда почему эти стихи вы пишете на дверях, а не на самих себе? И каким это образом Геракл, единственный на свете, может одновременно жить в таком количестве домов? Кажется, и это говорит о безумии, которыми одержим ваш город», — заметил я. «Тогда скажи мне, Диоген, какую бы ты придумал надпись?» — промолвил он. «Стало быть, нужно непременно писать на дверях?» — спросил я. «Разумеется», — сказал он. «Тогда слушай: „Живет здесь Бедность, пусть беда в сей дом не вступит никогда!“» — «Заткнись, человек! Бедность и есть беда!» — воскликнул он. «Это по-вашему беда, а не по-моему, если хочешь знать...» — сказал я. «Скажи мне, ради богов, разве бедность не беда?» — удивился он. «Что же она приносит дурного?» — спросил я в свою очередь. «Голод, холод, презрение», — ответил он.

5 «Ничего такого не приносит бедность — даже голода. На земле много всего произрастает, что не дает умереть ни от голода, ни от холода. Возьми животных, они, хоть не имеют одежды, а холода не чувствуют». — «Но животных такими создала природа», — возразил он. «А людей такими делает разум, по многие только по своему малодушию и изнеженности притворяются неразумными, но даже и в этом случае есть выход — шкуры животных и шерсть овец, стены пещер и домов. И в презрении не виновата бедность. Ведь Аристид, установившего размер подати для союзников²⁸, никто не презирал за бедность, как и Сократа, сына Софрониска. Не бедность приносит вред, а погрязлость».

6 Как же не считать благом бедность и не призывать ее, если она избавила вас от многих пороков и несча-

стей?» — «Что ты имеешь в виду?» — спросил он. «Зависть, ненависть, клевету, грабежи, несварение желудка, колики и другие тяжелые болезни. Поэтому напишите, что у вас в домах живет бедность, а не Геракл. Вы же не боитесь чудовищ, которых уничтожал Геракл, — гидр, быков, львов, керберов, а на некоторых даже сами охотитесь. А те несчастья, от которых избавляет бедность, действительно ужасны. Бедность не требует больших затрат, и вы вскармливаете себе защитника, а на Геракла тратите много». — «Но бедность пользуется худой славой, а Геракл — великой», — заметил он. «Если для тебя позорна бедность, то для Авгия, Диомеда-фракийца и других был не менее позорен Геракл». — «Диоген, ты все равно не уговоришь меня призвать бедность.

7 Придумай что-нибудь получше, чтобы заставить уничтожить на дверях имя Геракла», — сказал он. «Я уже придумал. Слушай. „Здесь Праведность живет, так пусть беда в сей дом не вступит никогда“». — «Это мне нравится, но и имя Геракла не сотру, просто прибавлю: и „справедливость“». — «Хорошо, — сказал я. — Так и сделай, а после этого ложись и спи, как Одиссей, и больше ничего не бойся». — «Так я и сделаю, а тебе, Диоген, буду благодарен и ныне и во веки веков, потому что ты уберег нас от бед». Вот, дорогой Тимомах, какими наставлениями занимался я в Кизике.

37

МОНИМУ

Когда ты покинул Эфес, я отплыл на Родос, собираясь посмотреть состязания в честь бога Солнца. Сойдя с корабля, я поднялся в город и направился к своему гостеприимцу Лакиду. Узнав о моем приезде, он, может быть, намеренно обошел стороной агору. Я же исходил весь город, но нигде его не встретил, хотя мне сказали, что он где-то в городе. Тогда я с радостью обратился к гостеприимству богов и нашел у них приют. На третий или, кажется, на четвертый день он встретился мне на дороге, ведущей в лагерь, приветствовал меня и пригласил к себе по закону гостеприимства.

Тогда я, ничуть не сердясь на него за то, что он так долго не мог меня пайти, сказал: «Не подобает покидать богов, припявших меня, тогда как ты отказал мне в гостеприимстве, когда я прибыл сюда. Но так как они не могут гневаться по такому пустячному поводу, а я по своей слабости могу, то пойдем. Только прежде, если ты не против, зайдем в лагерь и поупражняемся в гимнастике. Я думаю, не следует, собираясь сегодня привести у тебя время, покинув более высоких гостеприимцев, пренебрегать заботами о теле». — «Ты прав, Диоген, и я не заставлю тебя покинуть богов», — сказал он.

3 Поднявшись в лагерь, я там побродил и затем спустился в дом Лакида. У него было все приготовлено, но не так, как того требует наша природа, а в соответствии с ложными взглядами, которых придерживаются другие. Там были постелены роскошные ложа, против которых стояли столы: одни из [...], другие из клена, они были заставлены серебряными вазами. Подле столов выстроились слуги. Одни держали сосуды для мытья рук, другие — еще что-то. Завидя всю эту роскошь, я воскликнул: «Лакид, я пришел к тебе в гости, чтобы воспользоваться твоим дружелюбием, а ты приготовился встретить меня как врага.

4 Поэтому прикажи все это унести отсюда, а для меня вели постелить ложе подобное тем, которые Гомер стелил для героев в „Илиаде“, — „на коже вола степового“²⁹ или на простой подстилке из соломы, как принято у спартанцев, и пусть тело мое отдыхает на привычном ложе. Слуги нам вовсе не потребуются. Мы обойдемся своими руками — для того они и даны нам природой. Сосуды для питья пусть будут из глины и дешевы, а питьем — родниковая вода, пищей — хлеб, приправой — соль или кардамон. Так есть и пить я научился у Антисфена и не потому только, что такая еда и питье дешевы, но потому, что они полезнее и чаще встречаются на пути к счастью, которое следует предпочесть всему остальному... Этот единственный путь проходит по местности укрепленной и обрывистой, он крутой и тяжелый.

5 По этому пути из-за его недоступности не всякий может пройти даже нагим, не говоря уж о том, что на

нем не удержится тот, кто обременен какой-нибудь ношей, страданиями и оковами предрассудков, но не взял с собой ничего действительно необходимого. На этом пути пищей должны служить трава и кардамон, питьем — любая вода; особенно там, где необходимо очень быстро идти, следует привыкать питаться кардамоном, пить воду, носить легкий плащ, спать на земле, и пусть стоящий на пригорке Гермес сбивает с дороги путников, чтобы они возвращались домой без позорщай их ноши.

6 Научившись у Антисфена прежде всего так есть и пить, я поспешил вступить на этот путь к счастью и, не переводя дыхания, дошел туда, где обитает счастье, и сказал: „Ради тебя, о счастье, и ради высшего блага я все претерпел — пил простую воду, питался кардамоном и спал на голой земле“. И счастье мне ответило: „Я сделаю так, чтобы все это не причиняло тебе мучений и стало приятнее, чем блага, доставляемые богатством, которое люди предпочитают мне, и не понимают, что для самих себя вскармливают тирана“. С тех пор как счастье поговорило со мной, я все это ел и пил уже не для тренировки, а с удовольствием. К такому образу жизни у меня уже выработалась привычка. Нарушать ее вредно всякому.

7 Поэтому и ты готовь для меня такого рода пиры, подражая прекраснейшему в мире — счастью, а привычки богачей оставь тем, кто покидает этот путь. Если ты с этим согласен, — прибавил я, — то знай, что такие пиры доставляют мне удовольствие, и в будущем приглашай на них друзей. Тогда ты никогда не будешь скрываться от них, а станешь сам разыскивать, если кто-нибудь задержится». Так, после моего появления на Родосе я беседовал с Лакидом, моим гостеприимцем.

38

МОНИМУ

После того как состязания были отложены, ты покинул Олимпию, а я, большой любитель зрелищ, остался, чтобы посмотреть заключительную часть праздника. Я проводил время на площади, где было много народа. Там я прохаживался взад и вперед, наблюдал и при-

слушивался, что говорят купцы, рапсоды, философы, прорицатели. Один из них рассуждал о природе и могуществе солнца, пытаясь всех убедить своими речами. Тогда я вышел вперед и спросил: «Скажи мне, философ, давно ли ты спустился с неба?» Он мне не смог ответить. Когда окружавшая его группа рассеялась, он стал прятать небесную карту в шкатулку.

² Потом я подошел к прорицателю. Он сидел на видном месте в венке, более пышном, чем у Аполлона, который считается изобретателем искусства гадания. Подойдя поближе, я спросил: «Ты хороший прорицатель, или плохой?». Он ответил, что превосходный. Тогда я поднял свою палку и снова спросил: «Отвечай, что я собираюсь делать? Поколотить тебя или нет?» Он подумал немного и изрек: «Нет». Тогда я рассмеялся и ударил его. Окружавшие нас закричали. «Чего вы орете? — возмутился я. — Он оказался плохим прорицателем и понес достойное наказание».

³ Тогда стоявшие вокруг покинули и его, а люди, находившиеся на агоре, узнав о случившемся, пошли за мной и потом часто сопровождали меня и внимательно слушали мои речи о выносливости, нередко они были также свидетелями моей выдержки и скромной трапезы. Многие предлагали мне деньги, другие то, что стоило денег, а многие звали к себе на обед. У людей честных я брал самое необходимое на жизнь, а у непорядочных не брал. У тех, кто был мне благодарен за то, что я взял у них однажды, я брал вторично, а у благодарных больше не брал.

⁴ Я ценил тех, кто хотел подарить мне хлеба, и брал у тех, кто сам пользовался помощью, а у остальных я отказывался что-нибудь принять, считая неприличным брать у того, кто сам ничего не берет. И обедал я не у всех, а только у нуждавшихся в духовном лечении. Это были люди, старавшиеся подражать персидским царям. Однажды я зашел к одному очень богатому юноше. Я возлежал в мужской половине дома, обильно украшенной картинами и золотом.

⁵ Человеку здесь буквально не было куда плюнуть. В горле у меня скопилось мокрота, я откашлялся и стал искать глазами, куда бы сплюнуть, но, не найдя подходящего места, плюнул на самого юнца³⁰. Когда

он возмутился, я сказал: «Послушай (при этом назвал его имя), ты бранишь меня за случившееся, а следовало бы себя, который разукрасил стены и полы в мужской половине и лишь одного себя оставил неразукрашенным. Не для того ли, чтобы осталось местечко, куда можно плюнуть?» — «Твои слова явно направлены против моей певоспитанности, по тебе не придется больше так говорить — теперь-то я от тебя не отстану ни на шаг».

На следующий день после этого происшествия он роздал свое имущество близким, взял котомку, сложил вдвое плащ и последовал за мной. Вот что я делал в Олимпии после твоего ухода.

39 МОНИМУ

Готовься к переселению в мир иной. Ты станешь готовиться, если будешь думать о смерти, т. е. к отделению души от тела, пока ты еще жив. По моему мнению, это называли смертью и ученики Сократа. Такая подготовка очень легка. Философствуй и размышляй, каково, с твоей точки зрения, значение смерти и что происходит в согласии с природой, а что — в соответствии с законом. Только во время смерти душа отделяется от тела, а в остальных случаях — никогда. Пока она видит, слышит, воспринимает запах и вкус, она соединена с самим телом и будто привязана к одной с ним вершине. Когда мы не готовимся к смерти, нам остается лишь ждать тяжелого конца. Ведь душа страдает, словно лишается каких-то своих забав, и покидает тело с большой печалью. Когда же в это время она еще встречает душу философов, то страдает и в пути.

² Оставшись без провожатого, она несется куда попало, натываясь на обрывы, пропасти, потоки, пока не достигнет крайних пределов, ибо ее избегают, предполагая, что в жизни она совершила много преступлений, подчинившись худшей участи, из-за которой была вынуждена совершать множество бесчестных поступков, словно во власти пегодаев. Когда же мы научимся над смертью заранее и разумно задумываться, то и жизнь

окажется приятной, и конец нестрашным, да и путь легким. Ведь тогда душа философа, встретив такую разумную душу, выведет ее на легкую дорогу и, словно с прекрасной добычей, открыто направится к подземным судьям прекрасных подвигов, а душа, словно привыкшая жить в одиночестве, не будет страдать, оставив тело.

³ Поэтому в Аиде такие души пользуются большим почетом, ибо при жизни не были привязаны к телу. Существует мнение, что души, привязанные к телу, низки и несвободны, а не привязанные к телу — благородны и горды, ибо живут, управляя всеми и величественно приказывая. Они воспринимают только то, что справедливо, а из противоположного — ничего такого, чем окруженное со всех сторон удовольствием тело принуждает душу радоваться по примеру рыб или другого неразумного животного, рожденного для подчинения худшему началу.

⁴ Такие мысли должны прийти к тебе в голову, когда ты станешь размышлять над смертью перед тем, как переселиться в мир иной. Прежде всего жизнь покажется приятной. Ты будешь жить свободно, как господин, а не подчиненный, лишь на короткое время и в небольшой степени зависишь от тела, в гармонии с целым, молча царствуя и наблюдая, что боги уготовили честным людям, воздерживающимся от дикостей жизни, в которой царят грабеж и взаимные убийства, вызванные не чем-нибудь великим или божественным, а ничтожным и пошлым. Грабят и убивают тут не только людей, но и неразумных животных, ибо в отношении стяжательства, еды, питья и любви они все ненасытны и уподобляются животным.

40

ДИОГЕН-СОБАКА — АЛЕКСАНДРУ

Я уже осуждал за это Дионисия и Пердикку, а теперь и тебе говорю, что вы неразумно считаете, будто иметь власть — это значит воевать с людьми. В этом утверждении нет ни капли истины. Война — это безумие, а править — значит уметь обращаться с людьми и трудиться для всеобщего блага. Теперь вместо того,

чтобы действовать, находясь в полном неведении, подумай о том, как вручить себя человеку, который, излечив тебя, как больного врач, освободит от множества твоих теперешних недостойных заблуждений. Ты же все ищешь, как причинить кому-нибудь зло, и, если даже хочешь, не можешь никому сделать добро.

2 Быть правителем и держать в своей власти человека вовсе не значит якшаться с подонками и нападать на первого встречного. Этого не делают даже худшие из зверей. Даже волки, коварнее и злее которых нет животных. А ты, как мне кажется, превзошел даже их в свирепости. Им достаточно быть только злыми, а ты, мало того, берешь в наемники худших из людей и еще предоставляешь им возможность творить зло и сам соперничаешь с ними в злодеяниях и даже стараешься их превзойти.

3 Задумайся над всем этим, дорогой, и поскорее приходи в себя. В какой земле ты находишься? Что для тебя значат все эти приготовления и зачем тебе вся эта спешка? Ты, конечно, не думаешь, что такие поступки делают тебя лучше других. А если ты не лучше их и не стараешься стать лучше, то, как полагаешь, что тебя ждет, кроме несчастий, страхов и больших опасностей? Впрочем, я не знаю, можно ли быть еще более несчастным, чем ты теперь, ибо какой несправедливый человек не несчастен? Какой злодей и насильник не страдает и имеет хоть какую-нибудь отраду в жизни? И такая жизнь в твоих глазах чего-нибудь стоит? И ради нее тебе не жаль подвергать себя смертельной опасности?

4 Как ты не замечаешь, что окружающие тебя люди вероломно замышляют против тебя заговоры, в то время как большинство совершают преступления? Пока ты таков, как есть, ты не в состоянии показать, как нужно обращаться с честным человеком. Ты близок к тем, от которых ты первым претерпел много зла, и сейчас от них ничего хорошего не видишь; тебе не помогут и стены, потому что пороки их легко перепрыгивают и через них проникают. Подумай и над тем, как творят свое черное дело болезни. Лихорадку даже стены не удержат, а насморк — целое наемное войско. Поэтому ни один тиран не хочет оказаться в затруднительном положении. Не ради ли охраны здоровья ты

выставил гарнизоны или заслон против невежества? Чтобы они получше его охраняли, а ты находился бы среди множества бед и опасностей?

- 5 Может быть, ты думаешь, что несчастья у людей простекают по какой-либо другой причине, кроме той, что они не знают, что им следует делать? Вот почему, мне кажется, и ты принадлежишь к числу тиранов: у них не больше ума, чем у детей. Одумайся, милейший! И если хочешь быть хорошим человеком, заботься, чтобы выполнить хоть частицу своего долга. А этого ты никогда не сможешь сделать без наставлений. Хочешь, я пришлю к тебе кого-нибудь из афинских судей? Ведь они ежедневно только тем и занимаются, что исправляют преступников, а о себе думают как о великих людях, способных заставить остальных не причинять никому зла. Я не могу в заключение написать тебе: «Будь здоров!» или «Радуйся!», пока ты таков, как есть, и живешь в окружении себе подобных.

41

МЕЛЕСИППУ

Я не думаю, что каждый способен быть добродетельным в согласии с нашим учением, ибо у многих характер для этого неподходящий. Ведь и сын Мелета³¹, назвав Зевса отцом богов и людей, не возвеличил его, а унизил, ибо трудно поверить, что те, от кого родители отказываются из-за их порочности, являются детьми Зевса. Только собака-кишник сможет преуспеть в делах добродетели.

42

МУДРОЙ МЕЛЕСИППЕ

Рука моя еще до твоего прибытия успела пропеть гимней, ибо она сумела найти более легкий способ для удовлетворения любовного желания, чем насытить желудок. Как ты знаешь, кинизм — это исследование природы. Если некоторые бранят наше учение, то я, хваля его, достоин большего доверия.

43

ГРАЖДДАНАМ МАРОНЕИ

Вы правильно поступили, переименовав свой город и назвав его вместо Маронеи Гиппархией. Лучше ему называться по имени Гиппархии, которая хоть и женщина, но философ, чем по имени Марона, виноторговца, хоть он и был мужчиной³².

44

МЕТРОКЛУ

Не только хлеб, вода, соломенная подстилка и старый плащ учат благоразумию и терпеливости, но, если можно так выразиться, и пастушеская рука. О, если бы раньше я знал, какой она отличный волопас! Позабиться о ней во всех своих предприятиях: она очень пужна при нашем образе жизни. Разнузданным отношениям с женщинами, которые требуют так много праздного времени, скажи «прощай». [...] Не обращай внимания, если кто-нибудь из-за такого образа жизни назовет тебя собакой или еще как-нибудь похлепце.

45

ПЕРДИККЕ

Не стыдишься ли ты своих угроз, направленных против меня в посланном тобой письме? Ты угрожаешь только потому, что я не соглашаюсь предстать перед тобой хуже Эрифилы и продаться с позором за золото³³. Ведь ты этого просишь и не перестаешь преследовать, грозя убить меня, как жука, и не знаешь, что, сделав так, заплатишься. Есть некто, кто обо мне заботится и потребует полной мерой ответа с исполнителей этих бесчестных преступлений: живых он просто накажет, а мертвых — вдвойне. Я написал тебе об этом, не потому что испугался твоих угроз. Я просто не хочу, чтобы из-за меня ты совершил преступление.

46

МУДРОМУ ПЛАТОНУ

Ты осуждаешь мой потертый плащ и котомку, как тяжкую и обременительную ношу, которая для жизни не приносит никакой пользы. Для тебя это, действительно, тяжкая и обременительная ноша, ибо ты, участвуя в трапезах у тиранов, привык чрезмерно насыщаться и гордиться не духовными добродетелями, а желудком барана. Что же касается меня, то я соединил свою ношу с добродетелью. Какое еще более убедительное доказательство этого я мог бы привести, кроме того, что не оказался во власти удобств и удовольствий?

² Я считаю важным приносить человеческому роду пользу больше всех других людей не только тем, что у меня есть, но и самой своей личностью. Какой враг станет вести войну против такого нетребовательного и скромного человека, как я? Против какого царя или народа стали бы воевать люди, довольствующиеся плащом и котомкой? Душа у таких людей беспорочна, далека от тщеславия и неумеренных страстей и в то же время правдива и враждебна всякой лжи. Если тебя это не убеждает, продолжай предаваться наслаждениям и смейся надо мной, как над слабоумным.

47

ЗЕНОНУ

Не следует ни жениться, ни воспитывать детей, так как род людской немощен, а брак и дети обременяют человеческую слабость всякими огорчениями. Те, кто вступил в брак и, готовя себе помощников, принялся растить детей, но, почувствовав, с каким множеством беспокойств это связано, раскаивается, могли бы первоначально всего этого избежать. А человек, лишенный страстей, считающий достаточным для перенесения любых лишений владеть тем, что имеет, избегает заводить семью и производить на свет детей. Но так у людей не будет наследников, скажешь ты, откуда же появятся потомки?

² Если бы из нашей жизни была изъята глупость, все стал бы мудрецами. А ныне, может быть, один, пове-

рив мне, не обзаведется детьми, а все остальные, мной не убежденные, будут рожать детей. Если и исчезнет род человеческий, то не стоит ли сокрушаться по этому поводу ровно столько же, сколько при прекращении появления потомства у мух или ос? Так рассуждают те, кто не исследует природу вещей.

48

РЕЗУ

Фрипих из Ларисы, мой слушатель, страстно желает повидать богатый конскими пастбищами Аргос³⁴. Будучи философом, он попросит у тебя немного.

49

[АРУЭКЕ]

Киник-собака желает Аруэке познать самого себя (тогда ты действительно будешь благоденствовать). Но если у тебя страдает душа, к примеру, безумием, то приглашай соответствующего врача и молись богам, чтобы [здесь текст испорчен, перевод по смыслу] он тебе помог и не пришлось приглашать другого. Не откладывай лечения на долгое время. Вино может храниться долго с пользой для него, а дереву этим только повредишь. Если так поступишь, то будешь не только мне, но и всем остальным дорогим другом. Будь здоров и радуйся! Этого я пожелал тебе в письме, если ты его внимательно прочел.

50

ХАРМИДУ³⁵

Твой знакомый Эвримон предложил мне ряд очень тонких софизмов и загадок. Я же предпочитаю гордиться умением не в подобных делах, похожих на пустые шкатулки с трудно отпирающимися замысловатыми запорами, а добродетельной жизнью, которая должна быть перед всеми открыта. Уже после своих трудных и весьма ученых исследований благородный и мудрый Эвримон вступил в борьбу с собственным отцом, вовсе не без надежды, за материнское наследство.

Эту битву мудреца некоторые из случайно находившихся при сем неотесанных лиц постарались прекратить.

А если бы он в самом деле был воспитан в добродетели, ему следовало бы отвыкнуть от страсти к деньгам, являющимся причиной всех зол, или держаться подальше от святой философии, свободной от всех страстей. Афиныяне, познавшие нашу философию, похожи на тех, кто обещает вылечить других от болезней, от которых сами страдают и не могут исцелиться.

51

ЭПИМЕНИДУ

Эпимениду [...], может быть, ты останешься дома, ублажая свое чрево и украшая тело. Я слышал, что ты обещаешь научить добродетели. Я несколько этому не удивился: быть благоразумным, говорит Симонид, трудно, обещать — легко.

КРАТЕТ

1

ГИППАРХИИ

Приезжай скорее. Может быть, ты еще застанешь Диогена в живых (конец его близок — вчера он едва не умер) и сумеешь отдать ему последний долг. Ты увидишь, на что способна философия даже в таких исключительных обстоятельствах.

2

УЧЕНИКАМ

Не у всех просите на жизнь и не от всякого принимайте подарки, ибо не следует добродетели существовать за счет зла. Просить и принимать можно только у посвященных в философию. Тогда вы сможете потребовать назад свое и не будет казаться, что вы просите чужое.

3

УЧЕНИКАМ

Постоянно заботьтесь о душе, о теле — лишь по необходимости, а всему внешнему вообще не придавайте значения. Ведь счастье заключается не в удовольствиях, для которых нужны внешние условия. Добродетель совершенна сама по себе и не нуждается в помощи извне.

4

ГЕРМАИСКУ

Желателен ли труд или не желателен, трудись, чтобы не испытывать неудобств в жизни. Уклоняясь от труда, ты все равно не избежишь его. Когда же ты стремишься к нему, он бежит от тебя.

5

УЧЕНИКАМ

Хорошая вещь закон, но не лучше философии. Закон принуждает не совершать преступлений, философия учит этому. Насколько хуже делать что-нибудь по принуждению, чем добровольно, настолько закон хуже философии. Поэтому занимайтесь философией, а не политикой. Лучше, когда люди учатся поступать по справедливости, чем принуждаются не совершать преступлений.

6

УЧЕНИКАМ

Философия важнее дыхания, ибо гораздо важнее хорошо жить, чему учит философия, чем просто жить, что зависит от дыхания. Но философствовать должно не так, как другие, а следовать тому, чему положил начало Антисфен и что завершил Диоген. Пусть эта философия нелегка, зато немногословна. К счастью, учил Диоген, нужно идти даже сквозь огонь.

7

БОГАЧАМ

Будьте вы прокляты за то, что, имея бобы, сушеные фиги, воду и мегарские хитоны, вы все-таки отправляетесь в дальние плавания, возделываете поля,

занимаетесь предательствами, убийствами, тиранствуете и т. п., тогда как следует жить несуетливо. Освобожденные Диогеном, мы живем в полном спокойствии, далекие от всякого зла. У нас все есть, хотя мы ничего не имеем, а вы, обладая всем, вечно нуждаетесь, терзаемые соперничеством, завистью, страхом и стремлением к пустой славе.

8
ДИОГЕНУ

От богатства я уже освободился, но жажда славы даже и теперь держит меня в рабстве, хотя, клянусь Гераклом, я все делаю, чтобы от нее избавиться. Впрочем, я освобожусь и от этой хозяйки и отправлюсь на корабле в Афины, захватив для тебя подарок в благодарность за свободу, к которой ты призывал. Важнее ее для меня ничего нет.

9
МНАСО

Не бойся самых красивых украшений, украшайся ими каждый день, чтобы отличаться от других. Но самое прекрасное украшение то, которое лучше всего украшает, а лучше всего украшает то, что делает женщину наиболее скромной³⁶, а скромной делает скромность, которая, как мне кажется, украшала Пенелопу и Алкестиду, да еще и теперь восхваляется как одно из проявлений добродетели. Итак, чтобы сравняться с ними, усердно следуй нашим советам.

10
ЛИСИДУ

Я слышал, Лисид, что со времени Эретрийской битвы ты постоянно пьянствуешь. Если это правда, не сочти достойными презрения слова мудрого Гомера: «Еврйтион, многославный кентавр, и тот был вином обезумлен»³⁷, как и Киклоп, превосходивший людей и величиной, и силой. Если оно так губительно действует на тех, кто сильнее и больше нас, как же, по твоему, оно должно действовать на нас? Я, по крайней

мере, думаю, что скверно. Поэтому, чтобы не случилось большой беды, прошу тебя, не пей сверх меры.

² Нелепо думать, что нельзя подвергаться удару палки, хотя тот, кто его получает, не лишается рассудка и не становится безумцем, в то же время поддаваться вину и упражняться в его употреблении (ударов же избегать). Старайся общаться с людьми разумными и учишь пить умеренно, чтобы дар бога не ударил тебе в голову, когда ты к нему непочтителен, и чтобы он приносил тебе радости, приятные и не вызывающие раскаяния, когда ты относишься к нему с почтением.

³ Всякая жизнь, прожитая в воздержании, заставляет и тебя жить достойно и справедливо, не позволяет совершать дурные и позорные поступки, но, напротив, побуждает говорить и поступать справедливо. Говорят, благодаря этому люди становятся трижды счастливы, ибо обладают в жизни тремя благами. И в самом деле, разве не трижды счастливы те, у кого душа сильна, тело здорово, а сами они довольствуются тем, что имеют? Если и ты хочешь обладать этими благами, советую не пренебрегать моими наставлениями.

11

УЧЕНИКАМ

Приучайтесь обходиться малым (это сближает нас с богом, противное же удаляет), и вам, занимающим среднее место между богами и неразумными животными, станет возможным уподобиться высшему роду, а не низшему.

12

ОРИОНУ

Не деревня сама по себе делает человека нравственным, а город — безнравственным, а те, с кем он общается, — хорошие или дурные люди. Поэтому, если хочешь вырастить детей хорошими, а не дурными, посылай их не в деревню, а в философскую школу, куда ходил и я и учился добру. Добродетель достигается упражнением и сама собой не пропикает в душу, как порок.

13

ЭВМОЛПУ

Незавидная у Диогена одежка, но прочная, и тот, кто ее носит, верит в ее надежность больше, чем щеголяющие в карфагенских одеждах. У Диогена бедная жизнь, но здоровее персидской, она полна трудов (επιρροπος), но свободнее, чем у Сарданапала. Итак, платье его прочнее карфагенского, здоровье крепче, чем у живущего в роскоши, он свободнее того, кто ведет постыдный образ жизни, поэтому та философия, которая сумела все это свершить, наилучшая из всех. Эту философию разработал не кто иной, как Диоген, который нашел краткий путь к счастью.

14

МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

Привыкайте есть простой хлеб и пить воду, а к рыбе и вину даже не прикасайтесь. Такая пища, словно волшебное снадобье Кирки, стариков превращает в животных, а юношей — в женщин.

15

УЧЕНИКАМ

Избегайте не только наихудших из пороков — несправедливости и распутства, но и наслаждений, из которых они рождаются, ибо вы будете предаваться им и ничему другому. Стремитесь не только к высшим из благ — воздержанности и твердости, но и к тому, что их порождает, — к трудам и не избегайте их только потому, что они тяжелы. Прилагая большие усилия, не ожидайте получить еще большие доходы, но, как медь помогает добыть золото, так труды — достичь добродетели.

16

УЧЕНИКАМ

Киническая философия — детище Диогена, а собака-киник — ее последователь. Философствовать кинически (συνίζειῖν) — значит философствовать

кратко. Поэтому не бойтесь ее, не избегайте носить потертый плащ — трибон и котомку — перу, — оружие богов. Их охотно носят люди, чей нрав достоин всяческой похвалы. Если вы преисполнены добродетелей, вы не станете негодовать, когда вас назовут негодаями.

Поэтому не стоит обижаться, когда вместо «философствовать кратко» говорят «философствовать по-кинически», а последователя такой философии называют собакой-киниксом, самое же философию — кинической. Все это одни слова. А быть рабом условностей и к тому же еще придавать значение словам, которые, как говорят, — лишь тень вещей, ведь это хуже всего. Учитесь презирать подобные вещи.

17

УЧЕНИКАМ

Врачи описали одну болезнь желудка, которая, как они говорят, заключается в несварении, а Диоген — другую, которая, как говорил он, связана с голодом. Но если просить лекарство у врачей от несварения не считается неприличным, то нельзя считать неприличным и лечиться от голода. Поэтому презирайте тех, кто утверждает, что все это постыдно и неприлично, и просите без стеснения как хлеба, так и пилюли. Не просите зазорно, а оказаться недостойным подающим. Неудобнее просить лекарство от несварения, чем от голода. Несварение — следствие беспутного обжорства, голод — пужды и бедности.

18

МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

Приучайтесь мыться холодной водой, пить воду и есть только после работы до пота, носить старый плащ, спать на земле. Тогда для вас повсюду будут открыты бани; виноградники не перестанут приносить урожай, а овцы — приплод; рыбки всегда будут изобиловать всякой снетью и кроватями, словно для тех, кто привык мыться в теплой воде, пить вино, есть, не потрудившись, ходить в пурпуре и вкушать сон на кровати.

Не называй Одиссея, который был изнеженнее всех своих товарищей и выше всего ценил удовольствия, отцом кинической философии только лишь потому, что он похож на киника³⁸. Не внешние приметы делают человека киником, а киник сам присваивает их себе. Одиссей всегда любил поспать, поесть, хвалил приятную жизнь, никогда ничего не делал без помощи бога или судьбы, просил у всех, даже у неблагодарных, и брал все, что дают. Считаю отцом кинизма Диогена, который не пускал пыль в глаза, а всю жизнь трудился и преодолевал тягу к удовольствиям, ничего не требовал от бедняков, пренебрегая даже самым необходимым, и полагался только на самого себя.

- ² Он никогда не вымаливал себе почестей из сострадания, а завоевывал их своей непреклонностью, полагаясь на разум, а не на хитрость или оружие. Он не только проявил твердость духа перед лицом смерти, но и вел себя мужественно в течение всей своей добродетельной жизни. Поэтому подражай не Одиссею, а Диогену, который и при жизни, и после смерти, оставив нам в наследство свои речи, многих отвратил от порока и направил на путь добродетели.

После того как ты уехал от нас к себе домой, я отправился на юношескую палестру и, умастившись, принялся бегать. Юноши увидели меня и начали надо мной смеяться. Я же, чтобы не окончить упражнения раньше срока, стал подбадривать себя такими словами: «Кратет, у тебя болят глаза, у тебя болит голова, у тебя болят уши, у тебя болят ноги». Они прислушались и перестали смеяться, потом принялись за дело и начали сами бегать, натирались маслом и делали гимнастические упражнения.

- ² Все это помогло им окрепнуть, и они испытывали ко мне благодарность за то, что я сделал их здоровыми. Больше они меня уже не оставляли, а постоянно со-

проводжали, куда бы я ни шел. Они внимательно слушали меня и старались подражать моим словам и поступкам. Я рассказал тебе об этом для того, чтобы и ты не бегал в одиночку, а шел туда, где собирается молодежь, ибо пример обучает выносливости намного быстрее, чем слова. Делу же учит только философия Диогена.

21

МЕТРОКЛУ-СОБАКЕ

До тех пор пока ты будешь бояться прозвища собаки, я буду к тебе обращаться только так, а ты, кажется, все еще боишься его. Впрочем, посылая мне письма, ты адресовал их собаке. Поэтому и в остальном научись поступать, как следует, если привыкнешь не только рассуждать, но и не бояться. Долог путь к счастью через поучения и короток через упорные труды и упражнения. Большинство преследует ту же цель, что и собаки-киники, но, когда замечают тяжесть короткого пути, бегут от тех, кто зовет их вступить на него. Не следует готовить киников таким путем, они должны рождаться, ибо благодаря природе упражнение приведет к цели скорее, чем этот путь.

22

МЕТРОКЛУ

Проси не у всех, а только у достойных. Бери у всех по-разному: у людей бережливых — три обولا, а у расточителей — мину, ибо у тех, кто так проматывает свое состояние, вторично ты уже ничего не получишь, как у благоразумных⁴⁰.

23

Г А Н И М Е Д У

До тех пор пока ты будешь бояться трибона, котомки, посоха и длинных волос, а любить — пурпур и роскошь, за тобой не перестанут таскаться поклонники, как за Пепелопой женихи. Поэтому, если тебе не надоели эти типы, продолжай жить, как жил. Если же они, как я думаю, тебе в тягость, оставь всех прочих советчиков, с помощью которых ты не раз пы-

тался их прогнать, но так и не смог. Надень доспехи Диогена, благодаря которым он обратил в бегство своих врагов, и будь уверен, что ни один из поклонников больше к тебе не приблизится. Эти доспехи прекрасно помогают разбить таких врагов и скрыть не желающего с ними открыто вступать в схватку подобно тому, как шлем Лида делает невидимым того, кто его надевает.

24

ФЕССАЛИЙЦАМ

Люди появились на свет не для коней, а кони — для людей, поэтому обращайтесь больше внимания на себя, чем на лошадей. Пока вы убеждены, что в мире нет ничего более ценного, чем кони, сами вы почти ничего не стоите.

25

АФИНЯНАМ

Мне стало известно, что вы нуждаетесь в деньгах. Продайте коней, и все образуется. Когда же появится нужда в конях, примите решение, чтобы ослов называть конями⁴¹. Вам это не в диковишку. Разве вы назначаете того, кто может принести пользу делу, а не тех, кто пройдет большинством голосов? Если в более важных делах такой порядок не приносит вам вреда, то нечего ожидать, что он повредит в менее важных. Поэтому послушайте меня и, если вы действительно нуждаетесь в деньгах и нет другого выхода, продайте коней, а ослов, в случае необходимости, поднятием руки назначьте конями.

26

АФИНЯНАМ

Не удивляйтесь, что Диоген, утверждавший, что все принадлежит мудрецу, не просил у вас подаяния, а требовал свое. Ведь вы соглашаетесь, что все принадлежит богу, и это вас несколько не удивляет, а если кто-нибудь, приснившийся вам, прикажет совершить жертвоприношение, вы делаете это во имя бога и не говорите, что Гелиос «просит», но что он «требует» свое.

Заявляя, что все принадлежит богу, вы не приходите в негодование, когда он чего-нибудь от вас требует. То же самое касается и мудреца. Вы же согласны, что все принадлежит богу и у друзей все общее, но только мудрец является другом бога. Когда же у одного из вас он попросит обол, вы причитаете, будто расстаетесь со своим добром.

27

АФИНИЯНАМ

Диоген-собака утверждал, что все принадлежит богу, а у друзей все общее, поэтому все принадлежит мудрецу⁴². Если кто-нибудь из этого умозаключения выбросит хоть одну посылку, он нарушит договор не между ахейцами и троянцами, но с самой жизнью. Поэтому, соглашаясь с этим утверждением, не сердитесь, когда мудрецы просят у вас три обода. Вы даете не свое, а только возвращаете принадлежащее им.

28

ГИППАРХИИ

Природа не создала женщин более слабыми, чем мужчины⁴³. Так, амазонки, совершив столько подвигов, ни в чем не уступали мужчинам. Помни об этом и придержишься такого мнения. Ведь тебе не убедить меня, что дома ты не живешь в роскоши. До сих пор вместе со мной ты следовала киническому учению и пользовалась уважением благодаря нашему супружеству и бедности, а теперь тебе не стыдно изменить своим убеждениям и повернуть с середины пути назад?

29

ГИППАРХИИ

Нашу философию назвали кинической не потому, что мы ко всему безразличны, но потому, что мы стойко переносим все, что другим представляется невыносимым из-за собственной изнеженности или приверженности к чужому мнению. Нас пазывали собаками по второй, а не по первой причине. Итак, оставайся со мной и продолжай разделять со мной

кинические взгляды (ведь от природы ты ничуть не хуже меня, подобно тому как суки не слабее кобелей), чтобы с помощью природы стать свободной, в то время как все находятся в рабстве у закона или пороков.

30

ГИППАРХИИ

Я отослал тебе назад плащ, который ты соткала и прислала мне, ибо запрещено носить такую одежду человеку, воспитывающему в себе стойкость и выносливость. Кроме того, я хочу отвлечь тебя от забот, которыми ты так увлеклась, чтобы показать свою любовь к мужу. Если бы я взял тебя в жены с такой целью, тогда ты правильно делаешь и своим поступком доказываешь свою любовь. Если же целью нашего брака была философия, к которой ты и сама стремишься, то брось свои теперешние заботы и лучше старайся приносить пользу в улучшении человеческой жизни. Именно этому ты училась у меня и у Диогена.

31

ГИППАРХИИ

Разум, управляющий душой, — прекрасная вещь и высшее благо для людей. Поэтому думай над тем, как его приобрести. Взамен получишь счастье и опору в жизни. Ищи мудрых людей, если для этого придется отправиться даже на край света.

32

ГИППАРХИИ

Приехали какие-то люди и привезли новый плащ, который, как они рассказывали, ты сама сшила для меня на зиму. За то, что ты заботаешься обо мне, спасибо, но я очень недоволен, что ты все еще занимаешься домашними делами, а не философией, которой я учил тебя. Займись, наконец, хоть сейчас философией, если в самом деле интересуешься ею, а не притворяешься, и старайся делать то, ради чего ты стре-

милась за меня замуж, а все эти пустяковые заботы с прядением шерсти оставь другим женщинам, чьи интересы очень далеки от твоих.

33

ГИППАРХИИ

Я узнал, что ты родила и притом легко, а мне ничего не сообщила. Благодарю бога и тебя. Ну вот, ты убедилась, что трудности нужно переносить ради того, чтобы не испытывать их. Ведь ты не родила бы с такой легкостью, если бы во время беременности не трудилась, как атлеты, а большинство женщин, забеременев, ведут праздный образ жизни. Если им посчастливилось остаться в живых при родах, то они рожают слабых детей. Ты же доказала, что случилось то, что должно было случиться. Теперь заботься о нашем щеночке. Я уверен, ты будешь хорошо о нем заботиться, когда придешь в себя.

- 2 Купай его в холодной воде, колыбель устрой из старого плаща, молоком корми досыта. Ты будешь убаюкивать его в панцире черепахи — это, говорят, отвращает от детских болезней. Когда он начнет говорить и ходить, дай ему не меч, как Этра⁴⁴ Тезею, а посох, трибон и суму, которые лучше оберегают человека, чем мечи, и пошли его в Афины. Об остальном позабочусь я сам, чтобы до нашей старости воспитать аиста вместо собаки.

34

МЕТРОКЛУ

Знай, что я очень опсчалился, узнав, что Диоген был захвачен в плен пиратами. Если бы один из пленников не был выкуплен и не вернулся в Афины, я и сейчас пребывал бы все в том же состоянии. А теперь этот вырвавшийся из плена человек утешил меня своим рассказом. «Диоген, — говорил он, — стойко перенес несчастье. Однажды, когда разбойники совсем забросили нас, он обратился к ним с такими словами: „Эй, вы! Что собираетесь с нами дальше делать? Если бы везли свиней на рынок, то, пожалуй, стали забо-

титься о них, чтобы выручить побольше денег при продаже, а нас, собираясь продавать, как свиней, вы оставляете совсем без внимания.

2 Не думаете ли вы, что мы принесем вам гораздо больший доход, если будем выглядеть достаточно упитанными, и меньший, если тощими? Когда люди ничего не едят, не кажется ли вам, что о них нужно беспокоиться? Имейте в виду, что все, кто покупает рабов, смотрят только на одно, упитаны ли их тела и насколько они рослы. Я объясню вам и причину этого: человека покупают, чтобы использовать его тело, а не душу". С того времени разбойники всегда о нас заботились, и за это мы были благодарны Диогену.

3 Однажды, прибыв в какой-то город, разбойники решили нас продать и вывели на рыночную площадь. Мы стояли там и рыдали, а он взял кусок хлеба, сам ел и нам предлагал, мы отказывались, а он продекламировал:

Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба ⁴⁵.

При этом он шутил и смеялся, затем прибавил: „Хватит вам притворяться и плакать только из-за того, что станете рабами, будто бы до того, как попасть в руки разбойникам, вы были свободными, а не рабами у самых отвратительных хозяев? А теперь, может быть, вам повезет получить хороших господ, которые изгонят из вас губительную слабость и приучат к стойкости и самообладанию, самым ценным из благ“.

4 Когда он так рассуждал, покупатели, окружившие нас, слушали и восхищались его хладнокровием, а некоторые стали спрашивать, что он умеет делать. Диоген ответил, что править людьми, и добавил: „Если кто-нибудь из вас нуждается в господине, пусть пойдет и договорится с моими владельцами“. Тогда они стали смеяться и допытываться: „Какой же свободный нуждается в господине?“ — „Все, — ответил он, — пегодые людишки, считающие наслаждение — самый большой соблазн, ведущий к пороку, и презирающие труд“.

5 Тут поднялся целый спор из-за Диогена, и пираты решили его не продавать, сняли его с камня и увели к себе домой, обещая отпустить на волю, если он научит их чему-нибудь из того, что обещал при про-

даже. Вот почему, вернувшись домой, я не достал денег на его выкуп и тебе не писал об этом». Радуйся и ты, Метрокл, что даже в плену у пиратов он жив и невредим и что оказалось правдой то, чему не все верили ⁴⁶.

35

[.]

Многоуважаемый друг, древний оракул гласит: «Неизбежного не избежать». Лаконично и подходит к любым обстоятельствам. Тот, кто пытается избежать неизбежного, всегда несчастен, а тот, кто стремится к невозможному, обязательно потерпит неудачу. Возможно, я покажусь тебе слишком назойливым и педантичным. Не стану оправдываться. Можешь, если хочешь, осуждать меня, но прислушайся к древним. Что же касается меня, то по собственному опыту знаю, что люди тогда попадают в тяжелое положение, когда хотят вести безмятежную жизнь.

² Такое желание характерно для людей слабых и беспомощных, а жить неизбежно приходится в общении с людьми, и от тела с его потребностями никуда не скрыться. Большинство же жизненных невзгод происходит от безрассудства окружающих нас людей и от тела. Когда в тяжелом положении оказывается истинный мудрец, он спокоен и невозмутим. Это настоящее счастье. Если же человек не способен на это, он всегда будет тешить себя пустыми надеждами и привязываться к своим желаниям.

Поэтому, если тебе по душе жить, как все, то пользуйся наставлениями советчиков из такого рода людей: они более опытные в подобных делах. Если же тебе правится жизнь Сократа и Диогена, то, оставив другим трагический пафос, сам старайся быть похожим на них.

36

ДИНОМАХУ

Когда просили денег, Диоген называл это кипическим пищенством, когда же давали, — сострадательной мудростью. Зная об этом, не у всех проси, ибо не у всякого возьмешь, а только у благоразумного. Его-то мы и называем счастливым, а из прочих — никого.

МЕНИПП⁴⁷

МЕНИПП ИСТИННЫМ НОСИТЕЛЯМ КОТОМКИ

Вы правильно делаете, терпя голод, жажду и холод, почуя на голой земле, ибо так повелевает закон Диогена, написанный в духе Ликурга, спартанского законодателя. Кто ослушается его, тот попадет во власть болезни, зависти, печали и других бед подобного же сорта. На него обрушатся подагра, хрипота и громовые раскаты, испускаемые из чрева, так как он кощунственно оскорбил справедливый и божественный закон, провозглашенный уроженцем Синопы.

КИНИЗИРУЮЩАЯ ЭПИСТОЛОГРАФИЯ

VII ПИСЬМО ГЕРАКЛИТА ГЕРМОДОРУ

Часть первая

¹ Я слышал, что эфесцы собираются утвердить направленный против меня закон. Но против одного человека выносят не закон, а постановление. Эфесцы не знают, что существует разница между судьей и законодателем. Последний, свободный от всяческих страстей, работает на неизвестное ему будущее, поэтому он лучше судья, который, видя подсудимого, поддается настроениям. Люди знают, Гермодор, что я вместе с тобой трудился над составлением законов, и хотят изгнать меня, но они это сделают не раньше, чем признают несправедливость своего решения. Они хотят, чтобы по этому закону всякий, кто не смеется и ненавидит людей, до захода солнца был изгнан из города. Но ведь есть только один человек, Гермодор, который не смеется. Этот человек — Гераклит. Значит это меня изгоняют.

² О люди, а вы не хотите узнать, почему я пикогда не смеюсь? Не потому, что ненавижу людей, а потому, что ненавижу их пороки. Внесите уж лучше такой закон: «Кто ненавидит порок, пусть покинет город». Тогда я первым удалюсь в изгнание. Я с радостью покину не родной город, а порок. Итак, перепишите

заново свое постановление. Если вы соглашаетесь, что эфесцы порочны, тогда я их ненавижу. Разве я не более справедливый законодатель, если благодаря мне будут тысячу раз наказаны и приговорены к денежному штрафу те, кто изгнал из жизни Гераклита за то, что по вине порочных людей он никогда не смеется. А денежный штраф — для вас тяжелейшее наказание. Это ваше изгнание, это ваша смерть.

³ Вы нанесли мне обиду, лишив того, что дал бог, и к тому же еще незаконно изгопяете. Может быть, мне прежде всего следовало полюбить вас за то, что вы лишили меня возможности веселиться и не перестаете преследовать законами и изгнаниями? Впрочем, оставаясь в городе, разве я не пахохуюсь в ссылке? С кем вместе я развратничаю, в компании с кем убиваю, пьянствую, совершаю преступления? Я никого не развращаю, никого не обижаю. Я одинок в городе. В этом моем одиночестве виноваты ваши пороки. Может быть, рынок ваш делает Гераклита хорошим человеком? Нет, это Гераклит исправляет вас, город. Но вы не хотите никаких исправлений.

⁴ А я хочу быть и являюсь законом для других. Но один я не в состоянии обуздывать целый город. Вы удивляетесь, что до сих пор ни разу не видели, как я смеюсь, а я, со своей стороны, дивлюсь, глядя на людей, которые смеются и радуются, свершив беззакония. Между тем им, виновникам несправедливости, следовало быть печальными. Дайте мне возможность спокойно смеяться и не видеть, как вы отправляетесь в суд, словно на войну, держа язык паизготове, как оружие. Вы направляетесь туда, награбив предварительно денег, изнасиловав женщину, отравив друзей, совершив святотатство, пазанимавший в досталь сводничеством, обманув народ, избив [рабов], запятнав себя множеством преступлений.

⁵ Как могу я смеяться, видя, что люди делают все это, не обращая внимания на свою одежду, бороду и головные уборы. Разве я могу смеяться, видя, как жена отравителя держит в объятиях ребенка, как у детей отнимают их состояние, как муж лишается его в браке, как насилуют почью девушку, как гетера, еще не ставшая женщиной, отдается мужчине, как бесстыд-

ный мальчишка, один, становится любовником всего города, как сливки изводят на благовония, как для того, чтобы побольше нажраться на пирах, вставляют два пальца в рот. Могу ли я смеяться при виде безумных трат на чревоугодие или народа, решающего важнейшие вопросы на сцене театра? И сама добродетель наполнит мои глаза слезами, если ей предпочтут порок.

6 Может быть, мне смеяться, наблюдая ваши войны, когда вы, несчастные, под предлогом нанесенной вам обиды пятнаете себя убийствами, превращаясь из людей в диких зверей, становясь под музыку флейт и труб чуждыми любой музе. Железо, столь подходящее для плутов и других земледельческих орудий, вы превращаете в орудия убийства и насилия. Вы оскорбляете и богов — Афины-воительницу и Ареса, прозванного Энналием. Вы выстраиваете друг против друга фаланги и жаждете, чтобы человек убил человека, наказывая как дезертиров тех, кто не запятнал себя убийством, и превознося того, кто больше всего пролил крови.

7 Львы не вооружаются друг против друга, кони не хватаются за мечи. Нельзя увидеть орла, нацепившего доспехи для битвы с орлом. Никто из животных не имеет другого боевого оружия, кроме собственных членов. Для одних оружие — рога, для других — клюв, для третьих — крылья, для четвертых — скорость. Одним помогает большой рост, другим — малый, одним — толщина, другим — их умение плавать, многим — храбрость. Ни одно неразумное животное не испытывает удовольствия от оружия, сохраняя лишь то, что дано ему законом природы. Иначе у людей: чем больше они приобретают, тем больше чувства неуверенности у овладевших.

8 Для чего вам нужно прекращение войн? Может быть, так вы избавите меня от печали? Но каким образом? Разве это не вы грабите землю и город, издеваетесь над старостью, уводите женщин, вырываете детей из материнских объятий, оскорбляете супружеские узы, превращаете девушек в наложниц, мальчиков — в женщин, свободных заключаете в оковы, разрушаете храмы богов, уничтожаете памятники героям,

воспевае­те нечестивые дела и совершае­те благодар­ственные жертвоприношения богам за учипенные без­закония?

- Разве я могу смеяться, когда в мирное время вы сражаетесь словами, а во время войны решае­те споры оружием, мечами уничтожае­те справедливость. Гермодора изгоняют потому, что он пишет законы, Гераклита — за нечестие. Для толпы его одиночество — пред­лог для оскорблений. Городские стены стоят как сим­вол человеческой порочности, скрывая ваши беззакония, все заперты в домах. Есть еще стены заблужде­ний. Внутри — враги, хотя и сограждане, снаружи — враги-чужеземцы. Кругом враги, друзей — ни одного.
- ¹⁰ Могу ли я смеяться, когда столько врагов? Чужое имущество вы считае­те своим, чужих жен — своими, свободных порабо­щаете, живых пожирате, законы пре­ступаете, преступления освящае­те законами, отнимаете силой все, что вам не принадлежит. Законы, которым более всего пристало быть символом справедливости, становятся символом произвола. Если бы они не были такими, вас бы уже ничего не сдерживало в ваших злодеяниях, а сейчас они немного вас обуздывают. Только страх перед наказанием сдерживает вашу жажду преступлений.

Часть вторая¹

...Разве это не значит пмечь мозги набекрень?! Восхищаться пышностью театров и не почитать красоту светил. Ведь в театре, хоть и разукрашенном, нет души, а небо полно богов. Созерцайте же солнце, даю­щее жизнь душе. Пусть вся эта красота не пройдет мимо вас. Наблюдайте также за бегом светил. Вам говорят, что согласны с вами, — не спорьте. Вам го­ворят: «Совершенствуйтесь, не грешите. Закон угро­жает. Берегитесь наказания. Стремитесь к награде за добродетель и только в этом старайтесь одержать по­беду».

Львы не оскверняют себя убийством львов, волки не отравляют волков, кони не вступают в заговор про­тив коней, а слоны не захватывают крепостей, чтобы их разрушить. Звери, живя вместе с нами, становятся

ручными, а люди, обращаясь друг с другом, становятся дикими. Братья из мести убивают братьев, отцы подсыпают яд своим детям, законные сыновья отрубают головы своим родителям, а жены предают мужей [...] и [...] мужья, еще не остыв от любовных объятий, тайно убивают своих жен. Столь же распутные, сколь и печестные, они заставляют подозревать в преступлениях невинных, подобно тому как бесчестный человек делает вид, что поступает по справедливости. Всего этого нет у неразумных животных. Слоны несребробивы, львы не копят соковиц, быки не пекут пирогов или медовых пряников и не наряжаются в милетские ткани вола. У них нет национальных нарядов. Они не нуждаются в помощи, чтобы нести свой груз. Они не делают, по примеру людей, слугами себе подобных.

Одни из них живут в берлогах, другие — в пещерах, третьи — в чащах, четвертые — на равнинах, пятые — в воде, некоторые — в воздухе. Имея свое определенное место, никто не живет в чужой среде². Когда появляется необходимость, они обрастают густой шерстью и не страдают ни от холодов, ни от мороза. У них вырастает и панцирь для защиты.

Пастбища в горах и долинах, обильные источники и озера дают им пищу. Именно поэтому они живут, не злоумышляя друг против друга, не убивая, если только их не принуждает к этому человек.

Человек же, по природе существо мирное, ведет себя как свирепый зверь. Люди поднимают мечи на своих отцов, мечи на матерей, мечи на детей, братьев, друзей, сограждан, против одиночества и против толпы, против невинных животных и иноплеменников. Насытитесь наконец несправедливостью, чтобы я мог обуздать свой смех или перенес его на поэтов. Я их ненавижу, всех этих гомеров, гесиодов и архилохов. Гомер призывает Музу воспеть ему гнев Ахилла, будто богам интересно прославлять человеческие страсти. Он не постыдился просить деву за наложницу.

Мое целомудрие постыдилось бы этого, превосходя целомудрие Гомера. Он любил женщин и в соответствии с тем, что сам испытал, изукрасил своих героев поэтическим вымыслом, который, напротив, не укра-

сил их, а обезобразил. Из-за женщины убил он Аякса, из-за той же самой Кассандры он заставил убить Агамемнона в его собственном доме, а на Итаке — юношей из-за Пенелопы, в Илионе — из-за Елены. Женщины — всегда причина его надругательства над Элладой, а им, несмотря на промахи, еще восхищаются. Его «Илиада» и «Одиссея» — две великие поэмы — посвящены страстям двух женщин: одной, которая была увезена силой, другой, которая хотела бы этого. Та, которая была похищена, нашла, кажется, своего героя, а другая, если бы ее герой не должен был вот-вот возвратиться, в течение всех десяти лет была готова выйти замуж.

Тот, кто не очень хочет, быстро отказывается от задуманного. Отсрочка — всегда плод нерешительности, результат путаницы в голове. Десять лет Одиссей сражался в Илионе и столько же примерно времени он наслаждается близостью с женщинами в «Одиссее». У Калипсо проводит семь лет, у Кирки — один год. Наконец, когда он пресытился, его потянуло к Пенелопе. Арета была, конечно, мудрее его, так как он и у нее оставался. Я не считаю, что у Одиссея есть какая-нибудь другая мудрость, кроме той, что он любит поесть и поволочиться за женщинами. Во время своих странствий он не столько действует, сколько претерпевает. Во всех этих пакостях виновен, конечно, больше всего Гомер. Ведь это он сам и обманщик Одиссей, и пожиратель народов Агамемнон...

КИНИЧЕСКИЕ ДИАТРИБЫ

ИЗ БЕРЛИНСКОГО ПАПИРУСА № 1304¹

Кол.
II

«... Кому я прикажу судить, тот из вас и будет судьей. И если его решение окажется справедливым, он будет отпущен живым». Тогда один из гимнософистов спросил, смогут ли они добавить [к ответам] свои объяснения. Александр дал утвердительный ответ и спросил первого, как он думает, кого больше числом — живых или мертвых. Тогда [спрошенный] ответил, что живых. «Разве не верно, что число существующих

больше числа тех, кого уже нет совсем?» — добавил он. После него Александр спросил следующего, что [больше — земля или море.]². «Земля. Ведь и само море находится на земле». Третьего он спросил, какое животное, по его мнению, самое хитрое. Тот ответил: «То, которому пикто не может дать определения, — человек». Четвертого он спросил, почему тот посоветовал их вождю Савило [Самбу] воевать с ним. Тот ответил: «Чтобы он смог достойно жить или достойно умереть». Пятому он приказал ответить на вопрос, что раньше родилось — день или почь. Тот ответил: [«Ночь»]³, ибо она родилась одной ночью раньше, чем день». Когда же Александр выразил свое недоумение по поводу ответа, индус подумал и сказал, что мудреные вопросы порождают и мудреные ответы. Шестого он спросил, какой человек заслуживает любви у людей. Мудрец ответил: «Тот, кто, обладая могуществом, никому не внушает страх». Седьмого он спросил, что должен делать человек, чтобы стать богом. Тот ответил: «Такого человек сделать не может, даже если будет пытаться». Восьмого он спросил, что сильнее — смерть или жизнь. Тот ответил, что жизнь, ибо она из несуществующих делает существующих, а смерть — из существующих несуществующих. Последнему он повелел ответить, как долго, по его мнению, человек должен жить. Тот ответил, что до тех пор, пока [человек решит, что лучше умереть, чем жить]⁴. Когда остался последний [из тех, кто должен был оценить ответы]⁵, он спросил его, кто, как ему кажется, дал наихудший ответ, и предостерег: «Только смотри, не угождай никому». А тот, не желая, чтобы кто-нибудь погиб из-за него, ответил, что один отвечал хуже другого... «Тогда вы все умрете, — сказал Александр, — а ты первым, раз так рассудил». Тогда тот сказал: «Но царю не пристало обманывать. Ведь ты сказал: „Кому я прикажу [...]»⁶ [«Так как, по моему мнению, — сказал гимнософист, — ни один мудрец не ответил хуже всех, то никто не может быть казнен первым. Иными словами, никто из нас не должен умереть: я не могу умереть, ибо правильно рассудил, а остальных нельзя казнить вообще, раз никого из них нельзя казнить первым»]⁷.

Кол.
IIIКол.
IVКол.
V

Кол. VI [...] ⁸ «Это ты, а не мы, должен беспокоиться, чтобы нас не казнили несправедливо». Александр выслушал его и решил, что все они мудрые люди, и приказал дать им одежду и всех отпустить.

ИЗ ЖЕНЕВСКОГО ПАПИРУСА № 271 ⁹

Часть первая

Кол. I ... У нас с тобой, как и у всех, одна земля, нас окружают все те же люди. Даже если тебе будут принадлежать все реки, пить ты не больше, чем я. Но я не сражаюсь, не получаю ранений, не разрушаю городов. Одна у меня с тобой земля и вода, но у меня всего в достатке, и я ничего не хочу. Усвой у меня хоть это правило мудрости: ничего не желай, и все твое. Мать бедности — жадность исцеляется горьким лекарством страдания. Ты будешь богат, как я, если приобщись к моим благам. Бог мне друг, у меня с ним все общее ¹⁰. К дурным людям я не прислушиваюсь. Небо — мне крыша, вся земля — ложе, все реки к моим услугам, леса — мой стол. Я не ем мяса, как львы. Не становлюсь могилой для падаль, в моем чреве не разлагается живая плоть. Земля мне приносит свои плоды, как мать — молоко. Я не пил крови матери, не пожирал живых существ, а ел только то, что дает природа. Ты хочешь знать, какая мудрость мне ведома. Как видишь, я живу так, как родился, как был произведен на свет ¹¹. Я знаю, что делает бог. Вы же только дивитесь, когда начинаются ливни, морозная язва, гремит гром и полыхают молнии, разражаются войны, голод. Я же предвижу и знаю, как, откуда и почему все это происходит. И больше всего я радуюсь тому, что бог сделал меня соратником своих деяний [...]. ¹² Мы знаем, что, испугавшись, царь приходит ко мне как к другу. Помолившись богу, я прошу его о благах для дома. Не золото, царь [...]. ¹³, а эта моя речь принесет тебе пользу. Если же ты прикажешь меня убить, я не опечалюсь. Я отправлюсь к своему богу. Он справедлив, ничто не скроется от его взора. Ты победил всех и вся, но у тебя нет места,

куда бы ты мог убежать. Ведь бог сомкнул небо [над нами]. Ныне он запер нас в плоть, словно окружив стеной.

Кол.

II

Узнавая, как мы живем, спустившись от него, он потребует отчета, когда мы поднимемся к нему. Не уничтожай того, что сотворил бог, не проливай крови городов, не шагай по трупам народов. Думай о том, как самому жить, а не как убивать других. Зачем, обладая лишь одной душой, ты губишь такое множество душ? Зачем наполняешь мир горем? Зачем, когда другие плачут, ты смеешься? То, что ты вытерпел, то пережил с самим собой. Теперь ты не боишься и не причиняешь зла. Если и здесь ты ищешь мужество, ты найдешь его. Сбрось с себя эту баранью шерсть, не прячься под мертвый покров. Душа подвергается испытаниям и в уединении. Почему ты глядишь с таким отвращением на самого себя? На чужую шерсть ты смотришь с большим удовольствием, чем на собственное тело. Я знаю, тебе не избрать нашей жизни, ты не настолько счастлив. Македонцы с тобой, чтобы грабить города. Сегодня они горюют [узнав], что спасен народ. Они воины собственной ненасытности, а ты для них только предлог. Когда от богов ты получишь другую жизнь, чтобы пожить наконец на собственный счет? Теперь-то ты живешь за счет грабежей и убийств. Одно у тебя есть, будешь добиваться другого [...] ¹⁴. Каким я увижу тебя на небе? Я напому тебе о своих словах, когда тебя больше не будут сопровождать ни кони, ни дары. Ты будешь оплакивать свою жизнь, загубленную на убийства и страх. Ты обратишься ко мне, когда уже у тебя ничего не будет, кроме воспоминаний о содеянном зле. «Ты был добрым советчиком, Дандамис. Теперь я знаю, что ожидает людей у богов». Не сумев извлечь для себя никакой пользы и не почувствовав угрызений совести, Александр все это благосклонно выслушал и не рассердился. Была и в нем частица божественной пневмы, но по вине дурного эллинского племени он и ее обратил во зло. Он сказал: «Блаженный Дандамис, я знаю, что все сказанное тобой — истина. Но бог произвел тебя на свет там, где можно быть счастливым, никого не бояться и быть богатым. Я же живу в постоянном страхе и

Кол.

III

треволнениях. Я больше боюсь тех, кто меня охраняет, чем тех, кто со мной воюет. Мои друзья, ежедневно злоумышляющие против меня, хуже врагов. Я без них не могу жить, по и с ними не чувствую себя в безопасности. Они охраняют меня [...] ¹⁵. Ты доставил мне удовольствие своими словами и смягчил меня, [огрубевшего] от войн. Но ты не унизил меня. Более того, почитая мудрость, я получил от тебя добрую услугу». С этими словами он дал знак слугам. Они принесли к нему золото и в слитках, и в монетах и [...] ¹⁶ пироги [...] ¹⁷. «Я не принимаю ничего бесполезного или вредящего душе и теперь не собираюсь опутывать оковами свою свободную от забот душу. Я ничего не покупаю на рынке и живу в одиночестве. Все бог дает мне даром, ибо ничего не продает за деньги, желая добра, и когда думают, что он берет, дает. Я одет в тот самый плащ, который получил, когда меня мать рожала. Вскормленный под открытым небом, я с удовольствием смотрю на себя. Мое тело свободно от оков [одежды]. Жажда делает для меня речную воду слаще меда. Всевозрастающая со временем, она становится служанкой наслаждения. Если хлеб был кормильцем, зачем ты поджигал его? Объедки огня я не ем... пусть огонь, вкусив это, истребит до конца. Чтобы уважить человека, почитающего философию, я принимаю елей». [...] ¹⁸ возжегши огонь, он стал лить [на него] елей и петь благодарственный гимн богу, пока все не истратил. Увидев это, Александр в изумлении удалился, веля унести с собой припесенные дары. Дандамис сказал: «Все мы таковы. А Калан появился у нас и совсем недолго подражал нашему образу жизни, но не стал другом бога и сбежал к элинам и по обычаю индусов предал себя бессмертному огню [...] ¹⁹. Мы радуемся одиночеству, скрываясь в гуще деревьев. Наши мысли мы обращаем к богу, чтобы душа наша, общаясь с людьми, не отворачивала взгляда от бога. ... Блажен тот, кто ни в чем не нуждается. И тот, кто намерен удовлетворять [свои желания], — негодный раб. У единомышленников одинаковые взгляды. Мы не нуждаемся в государстве, которое представляет собой сборище злокозненных людей. Вместо домов бог создал для нас горы и леса...»

К.л.
IV

Кол.
V *Фрагмент А.* «...если вы хотите носить плащи, то нужно пользоваться разными — для пастуха, для ткача, для валяльщика». — «Об этом можешь мне не говорить. Я не ношу мягких плащей. Для индуса это то же самое, что рабство. Кто испытывает желание иметь хоть немного денег, захочет пограбить побольше».

Фрагмент В. «...Вы нищие и готовы восторгаться ничтожным. Вы убиваете живые существа, детей земли, рабов...»

Кол.
VI «...мы не пьем без желания выпить. Когда же появляется жажда, утоляем ее только водой из природных источников [...] ²⁰ Счастливей у вас безумцы. Они пьяны, даже не покупая вина. Вы колотите друг друга и судитесь... Мы слушали, что вы много едите, не решаясь бросить. То, что вы вместили в себя, извергаете, насилуя природу. Облегчившись, пьете снизу, испражняетесь сверху.

Кол.
VII Безумцы, вместо того чтобы ходить на ногах, вы ходите на голове. Зачем насильно насыщаете себя, чтобы так же насильно очиститься, приобретая сверх того грубость и болезнь? Позвольте природе кормить вас, чем она хочет, и она излечит вас. Своей цели вы достигаете, но без удовольствия, ибо конец не знающего меры насыщения мучителен. Вы заболеваете, болезни — ваше наказание. Если вы уж хвалитесь, что много имеете, то сделайте приятное и другим. Мы же слышали, что даже нищим, просящим хлеба, вы не подаете. Все свое состояние вы тратите на еду, поэтому множество врачей обирают вас своими ухищрениями или опустошают голодом. Тогда одни, выпив много вина [...] ²¹ только воды у нас столько, сколько хотим.

Кол.
VIII ...она, испытав [это], полна наглости. Этого брахманы не знают. Мы не ведем никаких войн [...] ²² брось все, наслаждайся одиночеством и ходи нагим, довольствуясь дарами бога [...] ²³

ДЕМОНАКТ

АПОФТЕГМЫ И ГНОМЫ

1. Мы настолько приближаемся к добродетели, насколько отходим от наслаждений (*Антоний и Максим*. Рассужд. о добродетели и пороке в жизни, с. 35).

2. Отвратительно в других одобрять добродетель, а самим погрязать в пороке (Там же).

3. Он бранил тех, кто заботился о своем теле, а своей душой пренебрегал. Это все равно, что следить за состоянием дома и не думать об его обитателях (Там же).

4. Учись на чужих ошибках, тогда ты будешь чужд злу (*Максим*. Рассужд. о благоразумии и рассудительности, с. 94).

5. Вы смертные. Чего вам думать о богах! (*Стобей*. Антолог., XXII, 16).

6. Когда какие-то люди рассуждали о том, одушевлен ли космос, а потом — шаровиден ли он, Демонакт обратился к ним: «Вот вы все хлопочете о космосе, а о том, что ведете порочную жизнь, даже не задумываетесь» (*Стобей*. Эклоги, II, 1, 11. — Геерен, с. 10. Ср.: *Антоний и Максим*. Рассужд. о любопытстве, с. 164).

7. Один софист, недоумевая, спросил его: «Почему ты бранишь меня?» Демонакт ответил: «Потому что к тому, кто тебя бранит, ты относишься с уважением» (*Антоний и Максим*. Рассужд. о порицании и лестн, с. 259).

8. На вопрос, когда он начал философствовать, Демонакт ответил: «Когда стал в себе самом обнаруживать недостатки» (*Стобей*. Антолог., XXI, 7).

9. Пользуйся чаще ушами, чем языком» (*Антоний и Максим*. Рассужд. о болтливости, с. 396).

10. Невежественные люди молчат, как рыбы, когда их вытаскивают из воды (*Антоний и Максим*. Рассужд. о науке и философии, с. 706; Извл. из Флорент. кодекса Иоанна Дамаск. у *Стобея*, Антолог., XIII, 53. — Майнке, т. 4, с. 196).

11. От врагов люди терпят меньше зла, чем от друзей, потому что, боясь врагов, их остерегаются, а перед друзьями у них душа нараспашку, и поэтому те могут их легко обмануть и причинить зло (*Антоний*. Рассужд. о недобрых друзьях, с. 724).

12. Узнав секрет от друга, не выдавай его, сделавшись врагом. Ты нанесешь удар не врагу, а дружбе (Там же).

13. Не делай другом того, кому не можешь полностью довериться (Там же).

14. Есть люди, которые не живут сегодняшним днем, а с таким усердием делают запасы, будто собираются прожить вторую жизнь, а не ту одну, которая им дана (*Антоний и Максим*. Рассужд. о богатстве, бедности и скупости, с. 760).

15. Отступление обнаруживает истинно мужественного человека, несчастье — разумного (*Антоний и Максим*. Рассужд. о счастье и несчастье, с. 820).

16. Город нужно украшать зданиями, душу — знаниями¹ (Извл. из Флорент. кодекса Иоанна Дамаск. у *Стобея*, Антолог., XIII, 53. — Майпеке, т. 4, с. 196).

17. Фаворин услышал от кого-то, что он [Демонакт] поднимает на смех его лекции и больше всего стихи, которыми он пересыпает свои выступления, находя их очень изнеженными, несерьезными, женственными и совсем не подходящими для философии. Тогда он подошел к Демонакту и спросил, кто он такой, чтобы насмеяться над ним. «Человек, — ответил тот, — у которого уши не так легко поддаются обману». Когда же Фаворин стал настаивать и спрашивать: «Чем ты запасся, Демонакт, чтобы перейти от шуток к философии?» — тот ответил: «Яичками» (*Лукиан*. Жизнь Демонакта, 12).

18. Как-то в другой раз Фаворин встретил Демонакта и спросил, какая из философских школ ему больше всего нравится. «Кто же тебе сказал, что я занимаюсь философией?» — ответил тот и, уже отходя от него, стал с явным удовольствием хохотать. Фаворин спросил, чего он смеется. «Мне показалось смешным, что ты, безбородый, хочешь узнавать философов по бороде» (Там же, с. 13).

19. Некогда известный в Афинах софист Сидоний выступил с похвальной речью самому себе, в которой упомянул, что причастен к любой философии. Однако неплохо привести эту часть его выступления дословно. «Если Аристотель позовет меня в Ликей, я пойду за ним. Если Платон — в Академию, приду. Если — Зенон, останусь в Пестрой Стое. Если призовет меня Пифагор, замолчу». Тогда из рядов слушателей поднялся Демонакт и сказал: «Послу-

шай, Сидоний (он назвал его по имени), Пифагор уже кличет тебя!» (Там же, 14).

20. Некий знатный и красивый юноша из Македонии по имени Пифон стал посмеиваться над Демонактом и, предложив ему какой-то софизм, потребовал назвать решение силлогизма. «Одно я знаю, дитя мое, — ты уже решился». Того разозлила двусмысленность шутки, и он с угрозой сказал: «Вот я тебе сейчас покажу мужа!» — «Так у тебя есть еще и муж?» — со смехом спросил Демонакт (Там же, с. 15).

21. Один атлет стал объектом его острот за то, что, будучи олимпийским чемпионом, он появился в пестрой одежде. Тогда тот ударил его по голове камнем, да так, что потекла кровь. Присутствовавшие при этом люди начали возмущаться, будто этот удар настиг каждого из них, и кричать, что надо идти к проконсулу. Демонакт обратился к ним: «Зачем, граждане, идти к проконсулу, когда надо спешить к врачу» (Там же, 16).

22. Однажды, гуляя по улице, он нашел на дороге золотое колечко и повесил на агоре записку с просьбой к хозяину потерянного колечка к нему прийти и, назвав вес перстня, камешь и рисунок на нем, получить потерю. Вскоре пришел какой-то смазливый мальчишка и заявил, что это он потерял кольцо, но ничего толком сказать не мог. «Иди домой, малыш, да береги свое колечко, а это не ты потерял» (Там же).

23. Какой-то римский сенатор, находясь в Афинах, привел к Демонакту своего сына, очень красивого, но женственного и изнеженного мальчика. «Вот мой сын, — сказал сенатор. — Он приветствует тебя». — «Красив мальчик — и тебя достоин, и на мать похож» (Там же, 18).

24. Киника Гонората, философствовавшего в медвежьей шкуре, он не хотел называть его настоящим именем, а звал Аркесилаем (Там же, 19).

25. На чей-то вопрос, как, по его мнению, можно определить счастье, Демонакт ответил: «Счастлив только свободный». Когда ему возразили, что свободных много, он сказал: «Но свободным я считаю того, кто ни на что не надеется и ничего не боится». — «Но таких людей нет. Ведь все мы, до единого, по большей части находимся в рабстве у надежды и страха». — «Но, — заметил Демонакт, — если ты поразмыслиаешь над делами человеческими, то, пожа-

луй, найдешь, что они не заслуживают ни надежды, ни страха. Ведь все вообще проходит — и печали, и радости» (Там же, 20).

26. Перегрип-Протей ругал его за то, что он часто смеется и издевается над людьми. «Демонакт, разве ты кирик?» — укорял он его. «Перегрип, разве ты человек?» — последовал вопрос (Там же, 21).

27. Какой-то естествоиспытатель разглагольствовал об антиподах. Философ остановил его, подвел к колодцу, показав на отражение в воде, спросил: «Это те самые антиподы, о которых ты говоришь?» (Там же, 22).

28. Один человек выдавал себя за мага и заявлял, что знает такие действительные заклинания, что им все повинуются и добывают все, что он захочет. «Вот чем удивил. Я и сам занимаюсь тем же. Если хочешь, пойдем к булочнице, и ты увидишь, как одним заклинанием и малой толикой зелья я заставлю ее дать мне хлеба». Этими словами он намекал на то, что деньги имеют такую же силу, как и заклинания (Там же, 23).

29. Герод очень горевал о безвременно умершем Полидевке и просил, чтобы ему запрягали колесницу и подавали лошадей, как живому, и готовили обед. К нему подошел Демонакт и сказал: «Я принес тебе письмо от Полидевка». Герод обрадовался, думая, что Демонакт вместе с другими разделяет его печаль, и спросил: «Чего же хочет Полидевк?» — «Он раздосадован, Герод, что ты все еще к нему не отправился» (Там же, 24).

30. В другой раз наш Демонакт зашел к человеку, который горько оплакивал сына и сидел в темноте, и выдал себя за мага, способного вызвать дух сына. При этом он сказал, что сможет это сделать, если только отец назовет ему имена трех людей, никогда не испытывших горя в жизни. Тот долго думал, вспоминал, но не мог никого вспомнить (впрочем, как я думаю, никто не мог бы назвать таких людей). «Эх, чудак, — тогда сказал Демонакт, ты думаешь, что только тебе одному выпало на долю терпеть невыносимые страдания. Разве не видишь, что в мире нет человека, которого бы не постигло несчастье?» (Там же, 25).

31. Он считал достойными осмеяния и тех, кто в беседах пользовался очень устарелыми и необычными словами. Когда однажды он задал одному человеку какой-то вопрос,

а тот ответил на изысканном аттическом диалекте, философ заметил: «Приятель, я-то тебя спрашиваю на сегодняшнем языке, а ты мне отвечаешь, будто живешь при Агамемноне» (Там же, 26).

32. Когда один из друзей сказал: «Пойдем, Демонакт, в храм Асклепия и помолимся за сына», — тот возразил: «Ты что же, считаешь Асклепия совсем глухим, раз он не может, как ты думаешь, отсюда услышать наши молитвы?» (Там же, 27).

33. Как-то раз он увидел двух философов, обнаруживших совершенную неосведомленность в предмете своего теоретического спора. Один ставил нелепые вопросы, другой не мог ничего ответить. Тогда Демонакт спросил: «Друзья, не кажется ли вам, что один из вас донт козла, а другой решето подставляет?» (Там же, 28).

34. Перипатетик Агафокл хвастался, что он единственный и первый из диалектиков. Демонакт обратился к нему: «Но если ты, Агафокл, первый, то не единственный, а если единственный, то не первый» (Там же, 29).

35. Когда бывший консул Цетег направлялся через Эладу в Азию, чтобы там помочь отцу в командовании войсками, на своем пути он многое говорил и делал такое, что вызывало насмешки. Один из товарищей, наблюдая все это, сказал ему, что он большая дрянь. «Клянусь Зевсом, — заметил Демонакт, — не такая уж большая» (Там же, 30).

36. Как-то он увидел философа Аполлония, едущего на копе в окружении своих многочисленных учеников (по приглашению императора он направлялся к нему в качестве наставника), и воскликнул: «Вот приближается Аполлоний со своими аргонавтами!» (Там же, 31).

37. Однажды его спросили, бессмертна ли, по его мнению, душа. «Бессмертна, но как всё вокруг», — ответил Демонакт (Там же, 32).

38. Относительно Герода Демонакт говорил, что он прав, утверждая, что Платон признает в нас существование нескольких душ. Ведь не может одна и та же душа угощать Региллу и Полидевка как живых и еще заботиться о подобных вещах (Там же, 33).

39. Однажды он осмелился спросить публично афинян, почему они запрещают варварам участвовать в мистериях, в то время как эти мистерии установлены для них фракийцем Эвмолпом, варваром (Там же, 34).

40. Однажды Демонакт собирался предпринять путешествие на корабле в зимнее ненастье. Один из друзей спросил его: «Не боишься ли ты, что судно перевернется и ты достанешься рыбам на обед?» — «Я оказался бы неблагодарным, если бы испугался отдать себя на съедение рыбам, когда сам столько их съел» (Там же, 35).

41. Одному ритору, который выступал с дрянными декламациями, Демонакт советовал упражняться и работать над собой. «Я всегда сначала выступаю перед собой», — возразил ритор. «Тогда ясно, почему у тебя такие речи. Твой слушатель — дурак» (Там же, 36).

42. Увидев однажды прорицателя, гадавшего за деньги при народе, он сказал: «Не понимаю, за что ты требуешь плату? Если ты можешь изменить что-нибудь в судьбе человека, то сколько бы ты ни спросил, все мало. А если все будет так, как решено богом, чего стоят тогда твои прорицания?» (Там же, 37).

43. Какой-то престарелый и толстый римлянин демострировал Демонакту в полном вооружении упражнение, состоящее в борьбе с деревянным чучелом, изображавшим неприятеля. Потом спросил: «Как, по-твоему, я сражался, Демонакт?» — «Прекрасно, — ответил философ. — Только бы твой противник всегда был из дерева» (Там же, 38).

44. Его никогда не мог застать врасплох самый затруднительный и неожиданный вопрос. Некто с издевательской целью спросил его: «Если я сожгу тысячу мид дров, сколько из них получится мид дыма, Демонакт?» — «Взвесь золу, — посоветовал он, — все остальное придется на дым» (Там же, 39).

45. Один человек, по имени Полибий, крайне невежественный и говоривший по-гречески совсем как варвар, похвастался: «Император оказал мне честь и сделал римским гражданином». — «Было бы лучше, если он сделал бы тебя эллином, а не римлянином», — заметил Демонакт (Там же, 40).

46. Увидев, как один человек, одетый в шерстяную тогу с пурпурной каймой, хвастался ее шириной, Демонакт наклонился к его уху, взялся за край одежды и сказал: «Вот это до тебя носил баран, да и сейчас посит» (Там же, 41).

47. В бане он стоял перед бассейном с очень горячей водой и не решался окунуться. Кто-то обвинил его в трусости. «Скажи, мой друг, — обратился к нему Демонакт, —

не для блага ли отчизны должно мне ошпариться?» (Там же, 42).

48. Пекто спросил его, что, по его мнению, происходит в Аиде. «Подожди, я оттуда пришлю тебе письмо», — ответил Демонакт (Там же, 43).

49. Адмет, один из бесталанных поэтов, сообщил, что сочинил надпись в один стих и завещает ее начертать на своем надгробном памятнике. Впрочем, вот она:

Тело приемли, земля.

Сам Адмет перед богом предстанет.

Философ не мог удержаться от смеха и проговорил: «До того изящна твоя эниграмма, Адмет, что я хотел бы увидеть ее уже начертанной на камне» (Там же, 44).

50. Кто-то, увидев на его ногах естественные для старости пятна, спросил: «Что это у тебя, Демонакт?» Мудрец улыбнулся и сказал: «Это следы от укусов Харона» (Там же, 45).

51. Демонакт увидел, как какой-то лакедемонянин плеткой бил своего раба. «Остановись! — закричал философ. — Не показывай свою рабскую душу» (Там же, 46).

52. Какая-то жепщина, носившая имя Данаи, вступила в тяжбу со своим братом. «Судись. Ведь ты не Дапая, дочь Акрисия», — съязвил Демонакт (Там же, 47).

53. Больше всего он воевал с теми, кто занимался философией не ради истины, а для видимости. Повстречав однажды кишика, в плаще, с котомкой и вместо посоха с дубиной в руках, который заявлял во всеуслышание, что он ревностный последователь Антисфена, Кратета и Диогена, Демонакт сказал ему: «Не ври, твой учитель — дубина» (Там же, 48).

54. Он обратил внимание на то, что многие атлеты плохо выступали в соревнованиях и, нарушая правила, вместо того чтобы бороться, кусали друг друга. На это он заметил: «Нет ничего удивительного, что пынешних атлетов болельщики называют львами» (Там же, 49).

55. Однажды Демонакт весьма тонко поддел проконсула, который был из тех, кто сводил смолой волосы на ногах и на всем теле. Какой-то киник взобрался на камень и стал за это его бранить и называть развратником. Проконсул вышел из себя и приказал стащить киника с камня, намереваясь забить его розгами или приговорить к изгна-

нию. Присутствовавший при этом Демонакт просил помиловать киника, который говорил так дерзко в соответствии с традиционной для киников свободой слова. Проконсул внял уговорам Демонакта: «Ладно. Сейчас я его отпущу. Но если он еще раз осмелится что-либо подобное сделать, что тогда?» — «Прикажи тогда выдрать у него все волосы», — посоветовал Демонакт (Там же, 50).

56. Другому человеку, которому император вверил власть над войском и многочисленным населением, Демонакт на его вопрос, как ему лучше всего править, ответил следующими словами: «Не поддавайся гневу, меньше болтай и больше слушай» (Там же, 51).

57. Некто спросил его, ест ли он медовые пряники. «Ты думаешь, что пчелы только для дураков наполняют свои соты», — ответил Демонакт (Там же, 52).

58. Увидев в Пестрой Стое статую с отбитой рукой, Демонакт заметил: «Поздноато афиняне поставили памятник в честь Кинегира» (Там же, 53; о Кинегире см.: *Геродот*, VI, 114).

59. Руфин Кипрский (я говорю о том хромоногом перипатетике) часто предавался философствованию во время прогулок. Демонакт это заметил и сказал: «Нет ничего противнее хромоногого на перипатетических прогулках» (*Лукиан*. Жизнь Демонакта, 54).

60. Как-то Эпиктет упрекал Демонакта и совещал ему взять себе жену и воспитывать детей, ибо согласно природе философу надлежит оставить вместо себя другого. Демонакт ответил ему очень язвительно: «Тогда выдай за меня одну из твоих дочерей» (Там же, 55).

61. Стоит упомянуть и замечание Демонакта в адрес Гермина, последователя Аристотеля. Зная его как человека в высшей степени дрянного и способного на тысячи подлостей, хотя всегда упоминавшего имя Аристотеля и его десять категорий, Демонакт обратился к нему: «Слушай, Гермин, ты в самом деле заслуживаешь десятка категорий»² (Там же, 56).

62. Когда афиняне, соперничая с коринфянами, решили вопрос об организации у себя гладиаторских боев, он явился к ним и сказал: «Афиняне, прежде чем вынести решение, снесите алтарь Милосердия» (Там же, 57).

63. Когда Демонакт однажды прибыл в Олимпию, элейцы решили поставить в его честь статую. Демонакт возразил:

«Граждане Элеи, ни в коем случае не делайте этого, чтобы не показалось, что вы попрекаете ваших предков за то, что они не поставили статуй ни Сократу, ни Диогену» (Там же, 58).

64. Однажды я слышал, как Демонакт разговаривал с одним законником о том, что законы, по его мнению, бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше (Там же, 59).

65. Из стихов Гомера он любил больше всего вот этот:

Все здесь равно,
умирает бездельный или сделавший много

(Там же, 60; см.: Илиада, IX, 320/ Пер. Н. Гнедича).

66. Он хвалил Ферсита как своеобразного киника, выступавшего перед народом (*Лукиан. Жизнь Демонакта*, 61).

67. Однажды на вопрос, кто из философов ему больше всего нравится, Демонакт ответил: «Все вызывают мое восхищение, но особенно я почитаю Сократа, восторгаюсь Диогеном и люблю Аристина» (Там же, 62).

ЭПОМАЙ ГАДАРСКИЙ

ИЗ СОЧИНЕНИЯ «ОБЛИЧЕНИЕ ОБМАНЩИКОВ»

(«ПРОТИВ ОРАКУЛОВ»)

1. ...Такого рода оракул приводится и вместе с тем очень остро и убедительно критикуется одним, жившим сравнительно недавно писателем в превосходном сочинении под названием «Обличение обманщиков». Теперь послушайте не мои слова, а его, примерно таким образом изобличающие прорицателя:

— Что? Разве не афиняне убили Андрогей и потом, пораженные за это чумой, не высказали раскаяния? Если бы этого не случилось, неужели тебе не следовало лучше сказать «покайтесь», чем дать такое предсказание:

Будет конец и чуме, и голоду злему тогда лишь,
Ежели, жребий метнув, через море святое пошлете
Юношей милых и дев за неправое дело в оплату
К Минусу, моря владыке. Тогда явит бог свою милость.

Я уже не говорю, что смерть одного Андрогоя в Афинах вызвала, боги, ваш гнев, а то, что там повсюду и ежедневно погибало столько людей, не потревожило ваш сон. В то время Минос властвовал на море, был могуч и богат; вся Эллада находилась у него в услужении, и поэтому его считали и «самым справедливым», «законодателем великим», а Гомер даже сделал его сотоварищем великого Зевса и определил после смерти судьей в Аиде.

Ты все это знал, Аполлон, и все же из-за него наложил на афинян такую кару. Но я пройду и мимо этого обстоятельства, как делаете вы, и мимо того, что, забыв об убийцах, вы посылаете на смерть совершенно невиновных, и все ради человека, которого вы решили объявить общим для всех судьей, хотя он не мог справедливо решить и своего дела. Скажите по справедливости, сколько еще афиняне должны послать на смерть молодых людей? Не столько ли, сколько вы уже нечестиво погубили в отместку за Андрогоя? (*Евсевий Памфил. Приготовление к Евангелию, V, 18—19. —* Виже, с. 209а).

2. Взяв для примера миф о Гераклидах¹, этот же самый писатель порицает Аполлона за двусмысленность его предсказаний, погубившую столько людей. Вот, что он говорит по этому поводу:

— Раз уж я коснулся этого вопроса, то послушайте, что я считаю нужным сказать в связи с историей Гераклидов. Попытавшись однажды через Истм вторгнуться в Пелопоннес, они потерпели неудачу. Аристомах, сын Аридея², после того как отец погиб во время этого вторжения, отправляется к тебе, чтобы получить оракул на дальнейший путь. Он был одержим тем же необоримым желанием, что и отец. Ты так ему ответил:

Трудный к победе и узкий путь тебе боги являют.

Он также вступил на путь через Истм и погиб в сражении. Его несчастный сын Темен, уже третье поколение несчастного рода, отправился туда же. Ты пообещал ему то же, что и отцу Аристомаху, но и этот, послушавшись тебя, как и отец, погиб во время вторжения. Тогда ты сказал: «Я имею в виду не трудный и узкий путь по суше, а по проливу морскому». Так как тебе трудно было сказать «по морю» (в этом случае он бы так и поступил), ты внушил ему мысль вести вторжение с суши.

Так он разбил лагерь между Навпактом и Рипеей. Там он поразил копьём всадника Карна, сына Филандра, из Этолии. И правильно, по-моему, сделал. Но когда его неожиданно постигла болезнь и он умер, Гераклиды снова начали отступать. Тут явился Темен и стал жаловаться на горькую судьбину, но услышал ответ, что они поплатились за убийство божественного вестника, и, кроме того, нарушили оракул, где говорилось в стихах о торжественном обете Аполлону Карнейскому:

Вестника нашего ты умертвил и попес наказанье.

«Что же, что делать? — спросит Темен. — Как мне умиловить вас?»

О, презренный и бесстыднейший из пророков! Разве ты не знал, что, услышав об этом узком проходе, он собьется с пути? Ты просто не знал ничего худшего, поэтому позволил сбиться ему с пути. Правда, двусмысленность названной тобой узкой тропы преследовала цель, чтобы в случае победы ты бы оказался ее вдохновителем, а в случае поражения остался бы в стороне и смог скрыться за «морями широкими». Но человек пришел и на «море широкое», но и тут ему не повезло. Находится новая увертка — убийство вестника Карна. Но почему, о могущественный из богов, заботясь так о Карне, ты велел ради других сделать его божественным, а ради него самого — нет? И хотя нужно было спасти одного лишь Карна, ты все же позволил ему умереть.

Из-за этой одной смерти ты напустил на целое войско тот описанный Гомером мор и лишь предлагал молиться о его прекращении. А если мольбы тут не помогли, то у тебя найдется способ применить твои софизмы, и никогда не наступит копец всему этому: они все будут спрашивать, а ты — хитрить, чтобы и в случае победы, и в случае поражения не открылся твой обман. Ведь в их страстях и желаниях было столько силы, что они стали доступны обману и не могли разувериться в тебе, даже если бы им пришлось тысячу раз умереть.

К этому стоит присоединить и потерю Креза. Он стал царем Лидии, добровольно приняв власть от самых далеких предков. Затем в надежде добиться еще большего процветания, чем его предки, он решил свято чтить богов. Познакомившись со многими, превыше всех он стал почитать

Аполлона Дельфийского. Храм этого бога он украшал золотыми чашами и кирпичами, осыпал множеством даров и вскоре сделал его самым богатым на всей земле. Его щедрость не обходила и жертвоприношения. Потратив столько богатств на храм Аполлона³, лидийский царь, не без основания положившись на столь очевидные свидетельства своего благочестия, задумал поход против Персии, надеясь с помощью бога расширить границы своего царства.

Что же сделал этот удивительный прорицатель? Тот самый, которого почитают в Дельфах, пифиец, бог — икровитель дружбы. Он не только не добыл ему, своему почитателю, своему благочестивому данпику, чужого царства, но и собственного лишил. Конечно, не намеренно, а просто по незнанию будущего (ведь знающий грядущее бог или даже не бог, а какая-нибудь сверхчеловеческая сила не дали бы такого хитроумного предсказания, чтобы его можно было бы толковать совсем по-разному). Вымолвив только одно:

Галис-реку перейдя, Крез разрушит великое царство⁴,

он до основания уничтожил столь великое и древнее Лидийское царство, перешедшее по наследству от дальних предков к благочестивому мужу, и такой неблагодарностью воздал за исключительное богопочитание и любовь к себе (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, V, 19—20).

3. Послушай, как справедливо пегодует по этому поводу наш писатель.

— Поистине, — говорит он, — тебе знакомы вещи, подобные песку, а о настоящем добре ты ничего не знаешь. Ведь зпать, чем пахнет вареная черепаха с прочным папцирем, стоит не больше горсти песка⁵. И хотя все подобные знания не содержат в себе ни грана истины, однако они очень правятся хвастливым и бесстыдным людям и тем, кого эти пустопорожние сведения заставляют высокомерно поднимать брови, а также тому, кто убеждает Креза, этого лидийского раба, не презирать его. Этот человек спустя некоторое время, чтобы проверить все на собственном опыте, хотел спросить тебя, начинать ли ему поход на Персию, и посоветоваться относительно одолевающих его страстей и желаний. Ты же, ничтоже сумняшеся, ответил ему:

Галис-реку перейдя, Крез разрушит великое царство.

Прелестно! Тебя нисколько не беспокоило, что человек, вдохповившись таким двусмысленным оракулом, отправится на завоевание чужого царства и при этом потерпит нечто неслыханное. Тебя не озадачило также, что эти жестокие и злонамеренные люди, которые должны были бы тебя хвалить за то, что свернул шею безумцу, еще упрекают тебя, что ты не дал такого двусмысленного оракула, чтобы лидийский царь призадумался и поразмыслил.

Но у эллинов слово «разрушить» воспринимается только в одном значении: не как утрата собственного царства, а как захват чужого. А Кир, этот полулидиец или полуперс, из рода тиранов с материнской стороны и простой человек со стороны отца, оказался полuosлом в решении этой загадки и обнаруживает не только напыщенность речи, но и пророческий дар, который ничего не предвидит, если только не знал прорицатель заранее, что он не поймет этой загадки.

Но если не от незнания, а от суетности и злонамеренности пророк решил так пошутить, то что за гадость эти божественные забавы! Если же не по этой причине, а просто потому, что так должно было случиться, то это самая подлая из хитростей. Но если и вправду так должно было случиться, то зачем же ты, несчастный, восседаешь в Дельфах и поешь свои ничтожные и пустые оракулы? Что нам за польза от тебя? Что за безумие охватывает всех нас, со всех концов земли устремляться к тебе? Зачем тебе весь этот чад от жертвоприношений? (*Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 20—21*).

4. Вот с какой смелой и свободной речью обращается к читателю Эномай в своем «Обличении обманщиков», пропитанном кинической язвительностью. Он хочет, чтобы у всего греческого народа не было оракулов, от каких бы божеств они ни исходили, а чтобы все уловки и хитрости, направленные на его обман, были раскрыты. Так как мы однажды уже их упомянули, то ничто не должно помешать нам услышать и дальнейшие разоблачения. И первый, о ком рассказывает Эномай, это он сам, обманутый Аполлоном Кларосским. Вот что он пишет:

— Нужно было и нам принять какое-нибудь участие в этой комедии и не чваниться, что нас не поразило всеобщее безумие, но расхваливать тот товар, который мы и сами привезли от тебя из Азии, клариец.

Есть далеко, где трахинян земля, сад Геракла чудесный.
Вечно цветет этот сад, здесь каждый плоды собирает.
Все же он иссякнуть не может — вода его щедро питает.

Услышав это, я, глупец, вдохновился и Гераклом, и Геракловым садом вечноцветущим. Размечтался я также из-за этого Трахина о каком-то гесиодовском трудовом поте и о легкой жизни, услышав о цветущем саде. Потом я спросил, помогут ли мне боги, и какой-то человек из толпы сказал, что готов поклясться, что сами боги ко мне благо-склонны, ибо он точно слышал, что ты предрек то же самое Каллистрату, некоему понтийскому купцу. Как только я это услышал, тотчас вскричал: «Как, значит ты думаешь, будто я вышел из себя потому, что по его милости лишился благодати?» И хотя я с недовольством смотрел на купца, но стал спрашивать себя, может быть и он обманут именем Геракла. Было ясно, что и он чем-то удручен и жаждет наживы и ожидает от нее счастливой жизни.

Когда стало очевидным, что бог приравнял купца ко мне, я больше не стал принимать близко к сердцу ни оракул, ни Геракла. Я считал недостойным разделять судьбу с тем, кто сегодня испытывает затруднения и ожидает благ от будущего. Данное мне пророчество можно было отнести к кому угодно — к разбойнику, воину, к любовнику и любовнице, к льстецу, ритору, сикофанту — иначе говоря, к тому, кого мучают желания, и к тому, кто считает, что его одолевают горести, а радости еще впереди (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, V, 21—22, p. 213b).

5. Изложив все это, он тотчас же добавляет, что, спросив второй и третий раз, понял, что удивительный пророк ничего не знает, скрывая свое незнание только темнотой своих неясных предсказаний. Эномай продолжает: «И когда я со своим товаром собрался в путь, я понял, что нуждаюсь в человеке, который бы повел меня как друга вместе с собой к мудрости, но такого не было. Тогда я попросил тебя указать мне нужного человека.

Все достоянье у легких людей и ахейцев положит.

То, что предсказано богом, отнюдь не окажется малым.

Что все это значит? Если бы я хотел стать скульптором или художником и искал себе учителя, то мне достаточно было услышать: „у легких людей“. Но не сказать ли

Что ж вы сидите, глупцы? Скорее бегите подальше!
Вам головы не снести, погибнет и все остальное —
Их уничтожат огонь и Арес на своей колеснице.
Крепости также падут крепкостенные (много их будет),
Храмы бессмертных богов огонь этот страшный достигнет.
Ныне стоят потрясенные страхом,
По́том они истекают.

Таков этот оракул. Но что же в нем пророческого? Разумеется, ты не верил в него, клянусь Зевсом, — скажет, пожалуй, кто-нибудь. Если бы ты присовокупил еще то, что он добавил к сказанному, когда они просили у него помощи, тогда все станет ясным. Поэтому послушай, что было дальше.

Зевса не может унять Паллада ни словом, ни лаской,
Просьбой его не сломить...
Снова тебе я скажу свое непреложное слово.
Плен стал уделом других...
Зевс громоносный дает Тритогее из дерева стену.
Только ее не разрушить: спасет и тебя, и потомков.
В бегство скорей обратись, не противясь ни копытом, ни псшим.
Скоро появится враг. Обращаю к тебе свое слово,
Остров божественный, мой Саламин. Детей ты погубишь,
В пору посева Деметры даров или жатвы то будет.

Зевеса достойный Зевес, о сын Зевса, и Афины достойная Афина, о брат Афины! Это борьба желаний и стремлений приличествует, конечно, отцу и дочери, особенно же богам. Этот твой олимпиец, который не в состоянии завоевать один лишь город, если не направит к нему из Суз несметные полчища врагов, безусловно, великий бог и всемогущий владыка, к тому же он заставляет перекочевывать из Азии в Европу столько народов, но в самой Европе не может уничтожить один-единственный город. И ты, отчаянно смелый, когда нет для этого причины, и всегда отважный, можешь удерживаться от рыданий? Так сказали бы люди, ради которых Паллада обращается к Зевсу Олимпийскому с мольбой, но не может его умилоствовать. Разве Зевс гневался не на людей, а на камни и дерево? И поэтому ты спасал людей, а он сам сжигал дома, наслав на них пожараща? Или молний ему было мало? И если бы мы сами не были такими уж храбрыми и отчаянными, как вы, то

не позволили бы вам болтать столько вздора. Скажи, о пророк, как ты мог знать, что божественный Саламин погубит потомство женщин, а будет ли то во время посева даров Деметры или во время жатвы, этого ты не знал?

Пожалуй, кто-нибудь, почувствовав подвох, спросит еще, как ты не знал, что потомство женщин может быть и у своих, родных тебе, и у врагов. Итак, нужно ждать, что произойдет. Ведь что-нибудь одно обязательно должно случиться. Этот твой божественный Саламин еще даже не собирался сдаваться, а ты к нему так обратился, чтобы вызвать заранее сострадание. Предстоящее морское сражение, которое разразится то ли в пору сева плодов Деметры, то ли сбора, прикрыто велеречием поэтических слов, чтобы за этими хитросплетениями речи не обнаружилась ложность оракула и не стало сразу же очевидным, что в зимнее время морские сражения не завязываются. Вот уж конец трагедии ясен, как и спор богов, один из которых умоляет, а другой остается непреклонным, но оба оракула сходятся для будущего, для любого исхода войны: один — для победителей, другой — для побежденных. Ведь если спасутся греки, значит подействовали мольбы Паллады и оказались способными смягчить гнев Зевса. Если же нет, то и в этом случае окажется прав пророк — не смогла Паллада умиловать Зевса.

К любому повороту судьбы подладил свой оракул великий специалист: и если Зевс выполнит свои угрозы, и если просьбы дочери не останутся без внимания. То, что погибнет много твердынь, если они вторгнутся с нартеком^{5а}, а не с огнем и мечом, скорее всего было бы ложью, хотя такие полчища, вооруженные даже только одним нартеком, могли бы натворить много бед. Но я, сказал он, предложил деревянную стену, и только ее одну невозможно одолеть. Это совет, Аполлон, а не прорицание, и похож он на такие слова:

Бегством спастись и не выстоять, сраму не знать — не позор ли?

Тот, кто раскрыл твою тайну, не хуже тебя мог заметить, что город афинян был для персов только предлогом и весь поход против этого города был направлен против его первенства и выдающейся роли. Поэтому и я сам, во все не собираясь предсказывать будущее, поняв это, посоветовал бы не только лидийскому царю, но и афинянину

повернуть спины и бежать. Перед тобой в конце концов появится враг, а с ним много конницы и пехоты. Поэтому надо бежать на кораблях, а не по суше. Было бы смешно, если бы люди, обладающие кораблями и привычкой к морю, не стали бы спасаться на них, погрузив туда все свое имущество и запасы пищи, и не оставили бы землю тем, кто так к ней стремится (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, V, 23—24).

7. Все это относится к афинянам. Ответ, данный спартанцам, еще более жалок и смешон. Весь город, сказал он, будет в осаде или оплачет гибель царя. Такое предсказание вообще было легко применить к любому обстоятельству — одно или другое обязательно сбудется. И конечно, не из-за незнания грядущего был таким двусмысленным божественный оракул, который должен был помочь и своевременно указать на спасителя эллинов и обеспечить победу своим близким друзьям — эллинам над врагами и варварами. Если же у него не хватало сил, чтобы добыть им победу, то нужно было бы хоть не допустить, чтобы они попали в плен. А он этого даже не знает, не говоря уже о том, что повлечет за собой для них поражение. В связи с этим послушай, что говорит наш обличитель:

— Но не следовало, скажешь ты, советовать лакедемонянам то же самое. Верно. Ты ведь не знал, софист, как обернутся дела для Спарты, точно так же как и для Атики.

Ты боялся посоветовать им бежать: вдруг они обратятся в бегство, а персы не станут наступать? Поэтому, когда пришлось хоть что-то сказать, ты так ответил спартанцам:

Жители Спарты великой, прославленный град ваш погибнет:
Полчища варваров-персов нагрянут на эллинов земли.
Если же выстоит город, придется оплакивать Спарте
Гибель царя спартиатов, потомка святого Геракла.

И снова сплетение слов, в которых ничего не предсказывается. Но оставим его, чтобы не показаться слишком докучливыми и даже глупыми, дважды обрушиваясь на одно и то же. Посмотрим, что было дальше.

В такой опасности для страны все взоры с надеждой обратились на тебя. Ты был для них и предсказателем будущего, и советчиком в делах. Они верили в тебя, а ты считал их за дураков. Особенно же в наступивший момент,

когда можно было заставить этих глупцов нестись не только в Дельфы и Додону, эти гнезда обманщиков, но и к гадалкам по полетам птиц и на муке, и к чрево вещателям. В такие времена верят не только в богов, но и в кошек, ворон и в пустые сны. Совершенно очевидно, что они не восприняли бы оба предсказания, а скорее одно, и не более тяжелое, а более легкое, а более легким было — пасть одному царю вместо всех. Ясно, что с падением города и царю не было бы спасения. А если он найдет какой-либо иной выход, то, может быть, произойдет что-нибудь неожиданное.

Таким образом, остается одна возможность для тех, кто так думал, — послать царя воевать, а самим остаться дома и вне опасности ждать исхода событий. Для царя, который вместе с непогими выдерживает натиск бесчисленных вражеских орд, гибель неминуема, а Спарта получает пережытку от страха и удивительные надежды. И в случае захвата города, и в случае его спасения хитрость тем не менее остается перазоблаченной. Каким же образом? Ибо, клянусь Зевсом, не было сказано пророком, погибнет ли царь, а город спасется или погибнет один он или весь город. Погибнет ли он один или не один, все равно никто не поставит это богу в вину. Вот он, плод невежества и безрассудства! (*Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 24—25, р. 218d сл.*).

8. Но об этом достаточно. Нельзя также пройти мимо прорицания, данного им жителям Книда, которые не раз молились богу и просили у него помощи. Книдяне попали в сходные с описанными выше условия, когда Гарпаг пошел на них походом. Пытаясь прорыть тамошний перешеек и превратить свой город в остров, жители Книда приступили к началу работ, но сразу же предприятие показалось им слишком тяжелым, и в отчаянии они обратились к оракулу. Ты им ответил:

Не стоит в крепость перешеек превращать,

Копать не надо ров и стены воздвигать.

Коль Зевс того б хотел, то остров был бы здесь.

И эти тупицы повиновались тебе. Отказавшись от намеченного плана, они отдали себя во власть Гарпага. Такова цена легкомыслия. Так как во время работы тем, кто копал, не было надежного убежища, то ты прекратил ее. Советуя не браться за работу, ты внушаешь им еще одну надежду

на спасение. Но ты им вовсе не давал лучшего выхода, когда они прекратят рытье, но только указал, что Зевсу не угодно, чтобы здесь был остров. Если бы ты их разубедил, то при любом исходе твой ответ был бы правилен, а если бы убедил, то могло показаться, что ты предсказал спасение. Поэтому безопасно было хитрецу отговаривать. Таким образом, ничего по существу не сказав людям, ради чего они пришли к тебе, ты отослал их, заставив подумать, что они услышали нечто важное (*Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 25—26, p. 220c*).

9. Я думаю, что все это достаточно изобличает глупость как тех, кто дает оракулы, так и тех, кто их спрашивает, и показывает, что в них нельзя найти ничего истинного или божественного. Ты, пожалуй, легко убедишься в бесстыдстве злых демонов или людей, притворяющихся пророками, если узнаешь, что те, кто должен быть вдохновителем мира и дружбы, очень часто натравливают друг на друга пришедших к ним за советом. То Аполлон Дельфийский своих милых спартанцев натравливает на мессенцев, то мессенцев — на спартанцев, только бы они снова и снова умиловливали демонов человеческими жертвоприношениями.

Теперь послушай и об этом. Все определяется так называемой мудростью, которая помогает прорицать и не позволяет болтать что попало; она сама взвешивает все обстоятельства и сама устанавливает цену всему. Она, конечно же, не разрешит Пифийцу из-за его беспомощности давать оракулы ни мессенцам, ни спартанцам о мессенцах и о земле, которой владели мессенцы, обманом победив спартанцев.

Битвой решать все дела не советует Феб светозарный,
Только обманом народ твой владеет мессенской землею.
Тот, кто обманет других, тот сам от обмана погибнет.

Он велит им помнить лучше о мире, о скромности и довольствоваться своей судьбой. Они же пришли к прорицателю вооруженные законами Ликурга, подхлестываемые ненасытностью и суетной жаждой славы, чтобы не казалось, будто они, воспитанные в законах стойкости, уступили военной силе мессенцев. Если бы они действительно были воспитаны в законах стойкости, то должны были бы довольствоваться малым и не нужно было бы им ни сражаться, ни нуждаться в оружии или в других средствах безумия.

Таков был твой ответ спартамцам против мессенцев. А мессенцам против спартамцев ты также ответил. Ведь ты обещаешь не только мессенцам против спартамцев, но и спартамцам против мессенцев.

Жребий велит вам пречистую деву из Эпита рода
В жертву подземным богам принести поскорей, не жалея.
Только лишь так вы спасете, пожалуй, родную Итому.

Я не принимаю отговорки, что жертва из рода Эпита была нечистой и потому для мессенцев бесполезной. Ты любого можешь заговорить (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию. V, 26—27, р. 220d сл.).

10. Таковы примеры из древней истории, по можно привести сотни других такого же рода из нашей действительности. По совету оракулов императоры часто начинают бесцельные войны. Их то обманывает неясность прорицания, то отклоняет от начатого обманчивость слов оракула. Что можно сказать, когда в тяжелейших условиях войны или смертельной болезни те, кого считают богами, не приносят никакой помощи или исцеления?! И всегда они получают такие ответы, о которых рассказывается в древней истории.

Среди прославленных у греков оракулов Пифийского Аполлона был особенно знаменит один, данный Ликургу. Пифия ему так ответила:

К храму пришел моему, повсюду известному в мире,
Зевсу любезный Ликург и всем, кто живет на Олимпе.
Трудно сказать о тебе — ты бог или из смертного рода.
Богом скорее сочту я тебя, о Ликург благородный.
Ищешь теперь у меня наилучших для граждан законов.
Дам тебе их...

и т. д. Давай же послушаем, что по этому поводу думает наш Эномай, известный обличитель оракулов. Он пишет следующее:

— Когда однажды к тебе пришел Ликург как вождь и разведчик, ты сказал, что он явился из ложиин Лакедемона, любезный Зевсу и остальным богам, обитающим на Олимпе, причем тебя даже охватило сомнение, богу или человеку предстоит давать прорицание. Ты даже присовокупил, что скорее всего это бог, раз он пришел к тебе с просьбой о благих законах. Но если это был бог, то как он мог не знать законов, если еще к тому же был любезен Зевсу и всем

олимпийцам? Но уж если без бога не могут открыться законы и они объявляются божественнейшему из людей голосом богини, то послушаем этот божественный голос и его ответ Ликургу:

Ищешь теперь у меня наилучших для граждан законов.
Дам тебе их...

— Ну, и дай, — сказал бы я. — Ведь никогда до этого ты никому еще не обещал такого дара.

Клятвы свои, обещания, данные волею бога,
Выполнить должно тебе, и царит пусть у вас справедливость.
Старость в почете держать — вот долг ваш святой, непорочный.
Чтите бессмертных мужей священной родины Спарты —
Род Тиндаридов, царя Менелая и прочих героев.
Будет тогда охранять землю вашу небесный владыка.

О, что за божественные поручения и советы, Аполлон!
Ради них не долог путь, не то что из Пелопоннеса в Дельфы,
но даже к самим гиперборейцам, откуда, как говорят, со-
гласно оракулу некоего пророка Астерия, прибыли

Жители острова Делоса вместе с жрецами святыми.

Этот Ликург, как мне кажется, и кормилицы не имел,
и в обществе старших никогда не вращался, от которых
мог он услышать нечто более прекрасное и мудрое, чем
изреченное богом. Если тебя настойчиво попросит Ликург,
вероятно, ты скажешь что-нибудь еще, но более определен-
ное. Если бы одни давали разумные советы, а другие их
принимали, то я попросил бы Ликурга не падать духом и,
если может, взять у тебя план государственного устройства
и уехать в свою Спарту.

Два есть пути, совершенно не сходных друг с другом у смертных.
Первый ведет ко дворцу, где прекрасной свободы палаты.
Путь же второй приведет к безрадостной хижине рабства.
Мужества требует первый, священного в людях согласия.
Этой дорогой надежды вести тебе к счастью народы.
Мрачный раздор и безумье идут рука об руку с рабством...

Вот этого, последнего, ты настойчиво велишь опасаться,
а больше всего советуешь нам быть мужественными. Такие
советы мы нередко выслушивали даже от трусов. «Надо
жить в согласии!» А это услышишь не только от добропо-

рядочных граждан, но и от самих мятежников. Вот почему это твое наставление мы прощаем тебе. Хоть ты и пророк, а не знаешь, что подобные речи мы часто слышим от многих, хотя они ни лаврами не питаются, ни воду не пьют из Кастальского источника и никогда не поднимают брови в знак особой мудрости. Итак, говори о мужестве, говори о свободе, говори о согласии и о том, как все это появляется в государстве, но не заставляй нас вести народы этим путем, а веди нас сам. Прекрасен этот путь, но недоступен нам и внушает страх. И продолжает:

— Ты готов говорить и о браке —

С пастбищ аргосских гнедая кобылка к тебе поспешает.

И о детях:

Чтить не хотят Эстиона, хоть он и самый почтенный.

Лабда, дитятей тяжелая, гору родит вам однажды.

И о колониях:

Шли к золотому народу побольше земли своей граждан.

Меди на плечи возьми, а в руки седое железо.

О тщете славы:

Лучше мира всего Пеласгов родимая почва,

Фракии быстрые кони и славные женщины Спарты,

Пьющие воду мужи из источника — дар Аретузы.

По моему мнению, ты вовсе не лучший из так называемых пророков, как и не лучший из прочей клики шарлатанов и софистов. Меня нисколько не удивляет, когда этот презренный род людей ради денег хватается за горло других, но я крайне удивлен, как ты, бог, и эти люди из-за денег душили друг друга. А известный всем Сократ, когда один человек спросил его, жениться ему или нет, ответил только одно — и в том, и в другом случае он будет раскаиваться. А тому, кто хотел иметь детей, он правильно отсоветовал это делать, ибо если тот, последуя его совету, решит завести детей, то нисколько не станет заботиться, чтобы хорошо их воспитывать, а будет думать только о том, как их породить.

Когда какой-то человек из-за того, что ему плохо жилось на родине, решил уехать на чужбину, он сказал, что тот принял неверное решение, ибо, покинув родную землю,

он вместе с собой увезет и собственную глупость, которая там, как и здесь, сделает его жизнь несносной. Сократ давал советы не только тогда, когда его спрашивали, но и по своей инициативе, идя на подобного рода встречи.

Двадцать пройдет еще дней до восхода звезды, жар несущей (Сириус имя ее), и потом еще снова дней двадцать...
Вахх пусть будет врачом в прохладе телистого дома.

Для афинян, страдающих от жары, эти слова не несли в себе ничего пророческого, а напоминали скорее медицинский совет.

Пресбониада Климена дитя — Эргин благородный,
Поздно сюда ты пришел в тоске о потомстве достойном.
К старому плугу все ж новую ручку возможно приделать.

Посоветовать старику, жаждущему детей, обзавестись молодой женой — для этого не нужно быть пророком, а просто человеком, хорошо знающим природу. Но страсть делает людей упорными, поэтому я настоятельно советую приготовить для них розгу покрепче, если тебе не удастся убедить их вместо такого рода паршивых вопросов спрашивать о чем-нибудь действительно достойном твоей божественной мудрости. Антиоху с Пароса, лишившемуся в политической возне всего своего состояния и в горе пришедшему к тебе, ты ответил:

Домом твоим будет Фасос — туда, Антиох, отправляйся!

Но, пожалуй, с большей пользой для себя он услышал бы такой ответ:

Разум скорей обрети, Антиох. Знай, что и бедность — не горе.

А что ты ответил посланцам с Крита?

Жители Феста, и Тарры, и морем омытого Дия,
Вас призываю: ведите жизнь без греха и порока.
Фебу Пифийскому жертву немедля свершите, о люди.
Счастье на Крите своем обретете, чтя Зевса-владыку.
Тут вам совсем не помогут древнейшие предков законы.

Они несравненно больше почерпнули бы для себя, если бы оракул гласил:

Жители Вздора и Страсти, кто полон тщеславья пустого,
Вас призываю: от собственной глупости будьте подальше.
К мудрости, жизнь без греха и позора ведя, обращайтесь,
К счастью ведут не древнейшие предков законы, но божий.

Чтобы не заниматься больше этими очистительными жертвами для Крита, ты выдумываешь какие-то еще Орфические или Эпименидские очищения.

Почему, мудрейший из богов, спартанские цари Харитай и Архелай,

Если добра половинную часть отдадут Аполлону,
Лучше им будет памного тогда?

Какого другого Аполлона ты имеешь в виду? Это ведь сказано, конечно, не тобой, бессовестный пророк; иначе тебя станут попрекать за то, что ты так постыдно делишь добычу вместе с разбойниками. Итак, об этом достаточно. (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, V, 27—32, р. 222b сл.).

11. А теперь расскажем о том, благодаря чему Аполлон снова и снова превозносит Архилоха, поэта, употребляющего в своих стихах в адрес женщин самую непристойную и постыдную брань, которую приличный человек даже слушать не стал бы. Как он восхваляет Еврипида, который отошел от образа жизни и философии Сократа, и трагедии которого еще и теперь играют на сцене! Гомера, которого благородный Платон изгоняет из своего идеального государства не только из-за его полной бесполезности, но и как сочинителя поэм, крайне вредных для воспитания молодежи. В связи с этим наш Эномай следующим образом высмеивает прорицателя-бога:

Будет твой сын, Телесикл, бессмертным среди рода людского,
Слава покроет его.

Этим сыном был Архилох.

Сын у тебя, Мнесархид, на радость появится людям,
Будут его почитать, он к славе поднимется быстро,
Первенства чудный венец в награду за труд получая.

А этим сыном был Еврипид. К Гомеру же он обратился так:

В жизни твоей две судьбы, две доли неравных смешались:
Зренья лишила одна, другая бессмертье дарует.
Будешь и мертвым живой.

По этой же причине он услышал:

Счастлига сын и несчастья, рожденный на то и другое.

Говорит же это не человек, а некто, утверждающий, что он бог, и поэтому ему, как

Богу не след заниматься судьбой горемычных людишек.

В таком случае, о боже, смотри не презирай и нас. Ведь все мы, если только в чем-нибудь не ошибаемся, добиваемся своей цели: одни из нас стремятся к высшим почестям, другие — к священным венкам, третьи — хотят быть богоравными, четвертые — к самому бессмертию. Итак, благодаря чему ты считал Архилоха достойным неба? Не завидуй, гуманнейший из богов, и другим людям в их пути вверх. Что ты нам советуешь делать? Очевидно то же самое, что и Архилоху, если мы хотим оказаться достойными твоего дома. Иначе говоря, поносить последними словами тех женщин, которые не хотят выходить за нас замуж, и нападать на развратников, ибо из всех подонков они, разумеется, самые отвратительные.

Все это, конечно, нужно делать в стихотворной форме, так как это язык богов и божественных мужей, таких, как Архилох. Здесь нет ничего удивительного: благодаря выдающимся достижениям в этом искусстве и дом в порядке, и частная жизнь в безопасности, и государства живут в согласии, и народы управляются справедливыми законами. Поэтому ты не без оснований считал его служителем Муз, а его убийцу, уничтожившего человека, чей голос звучит и сейчас, недостойным обратиться к вам, богам, и вашего гласа. Значит, справедливы были угрозы Архию⁶, и правильно поступила Пифия, которая, мстя за давнюю смерть Архилоха, изгнала из храма нечестивца, убившего служителя Муз. Даже мне показалось, что ты был справедлив, защищая поэта.

Тут я вспомнил о другом поэте и о его венках. Речь идет о Еврипиде. И хотя я сомневался, но хотел услышать

не о том, почему он был награжден венками, а почему эти венки названы священными, и не о том, что он достигнет славы, а почему она высшая. Ему аплодировала толпа. Я это знаю, но я знаю и то, что он нравился тиранам. Он так усердно занимался своим искусством, что им восхищались не только поклонники, но и все Афины, гордясь тем, что только они дали миру трагических поэтов.

Итак, если эти рукоплескания и стол, установленный на акрополе, годятся на роль судей в таком деле, то я больше ничего не скажу, видя, как на акрополе обедает Еврипид, а парод афинский вместе с македонянами единодушно выражают одобрение. Если же, кроме того, есть еще какое-то мнение богов, а оно, безусловно, заслуживает доверия и ничуть не легковеснее одобрения тиранов или толпы, то скажи пам, пожалуйста, на основании каких заслуг вы, боги, вынесли такое великолепное решение о Еврипиде. Нам это необходимо знать, чтобы постараться взойти на небо по следам ваших похвал. Ведь теперь нет больше ни сабеев, ни ликамбов, чтобы поражать их стрелами сатиры; нет пыне ни Фиеста, ни Эдипа, ни того злосчастного Фипея, судьба которых была бы созвучна трагической музы.

Я полагаю, что они не стали бы завидовать ни одному человеку, жаждущему дружбы богов, потому что, как мне кажется, если бы они знали, что некогда появится какой-то Еврипид, ставший другом богов благодаря описанию их деяний, то они позабыли бы о своих прегрешениях и не думали бы об их исправлении, а принялись бы за сочинение стихов. И если бы они слышали прославленные имена прошлых веков, то пользовались бы их примером, чтобы проложить себе путь на небо и там, на Олимпе, сидеть рядом с поэтами при дворе самого Зевса. Так говорит дельфийский поэт. Теперь послушаем, о чем спросил однажды бога счастливый поэт Гомер. В этом вопросе было что-то небесное и достойное обращения к богам, в ином случае бог так легко не назвал бы его счастливым и не обратился бы к этому счастливцу со словами:

Родину ищешь отцову, но будут то матери земли —
Те, что от Миноса дома не так далеки и не близки.
В этой земле материнской свой век многотрудный окончишь,
Юношей речи услышав, полные слов непонятных.

О мудрейший из людей, да нет, из богов, не удивительно ли, что этот счастливый человек не знает, в каком месте на земле он появился на свет из материнского лона и где будет покоиться, навеки сомкнув свои очи. По мне безразлично Гомер ли обращается с вопросом по такому поводу или жук-скарабей и дает ли бог ответ Гомеру, не знающему, где его родина, или скарабею. Ведь и жук какой-нибудь, который не жил до старости в той же самой навозной куче, где родился, а был подхвачен порывом бурного ветра и по воле злого скарабейского демона перенесен в другую страну и в другую навозную кучу, мог потом прилететь в Дельфы и спросить оракула, где его родная навозная куча и какая земля примет его, когда он подойдет.

Так Эномай рассуждал о поэтах. (*Евсей*. Приготовление к Евангелию, V, 32-33, p. 227d сл.).

12. В связи с тем что наш удивительный бог в своих оракулах причислил к сонму богов кулачных бойцов и атлетов, мне кажется вполне естественным, что Эномай направил стрелы своей критики и в эту сторону.

Тот, кто знает песчинок число и море измерил,
Мысль понимает немного и речь бессловесную слышит⁷.

О, если бы ты этого всего не ведал, а знал лишь одно — что искусство кулачного боя ничем не отличается от умения лягаться, тогда бы ты причислил к лику бессмертных и ослов, как ты сделал с Клеомедом, кулачным бойцом из Астипалеи⁸, о котором ты сказал:

Это последний герой — Клеомед из Астипалеи.
Жертвы ему приносите. Его уже нет среди смертных.

Почему ты, эллинов древний пророк, как называет тебя Платон⁹, обожествил этого человека? Не потому ли, что на Олимпийских играх одним ударом убил он своего противника, рассек ему грудь, и, запустив туда руку, вырвал легкие? Действительно, Аполлон, поступок, достойный бога. А может быть, на том основании, что, присужденный к штрафу в четыре таланта, он не захотел его платить и, охваченный досадой и злобой, сорвал свой гнев на детях, находившихся в школе, свалив там колонну, подпиравшую потолок?

Итак, делатель богов, именно по этим причинам ты считал Клеомеда достойным почитания? Или хочешь добавить

еще одно доказательство его мужества и приязни к нему со стороны богов? Не имеешь ли ты в виду, что он спрятался от преследователей в священный ларь, стоявший в храме, и, задвинув над собой крышку, стал для них неуязвим, когда они пытались его оттуда вытащить. О Клеомед, бессмертный герой, каких тяжелых трудов стоило тебе бессмертие! Боги сразу же узнали о твоих выдающихся подвигах и вознесли на небо, как некогда гомеровские боги Ганимеда, но последнего за красоту, а тебя за силу, притом исключительно удачно примененную во благо.

Итак, мой прорицатель, если бы ты, наплевав на песок и на море, познал вместо этого сущность кулачного боя, то стал бы считать богами и дерущихся ослов, а из богов самыми достойными — диких ослов-онагров. Тогда бы для мертвого онагра следовало бы скорее изречь, чем для твоего кулачного бойца Клеомеда:

Не Клеомед из бессмертных, а дикий осел самый лучший.
Жертвы ему приносите. Его уже нет среди смертных.

Так ты не удивляйся, если и онагр, в изобилие снаряженный всем божественным, станст претендовать на бессмертие, а услышав твой ответ, не удержится и будет угрожать, что забьет самого Клеомеда копытами, столкнет его в пропасть и не позволит взять на небо. Ведь он гораздо достойнее, чем Клеомед, этих божественных даров, ибо готов сражаться не только с ним одним, хотя тот и пользовался железными гимантами¹⁰, но и с кулачным бойцом с Фасоса, или даже с ними обоими (из-за статуи этого фасосца боги очень разгневались и сделали фасосскую землю бесплодной; мы верим в этот рассказ, потому что он исходил не от человека, а от самого бога).

Из всего этого я прекрасно понял, что искусство кулачного боя было своего рода божественным занятием, чего многие, считающие себя умными людьми, не постигли. Им бы бросить свою калокагатию и начать упражняться в кулачном бою по примеру того фасосца, которому боги не даровали бессмертия, как Клеомеду, но проявили к нему исключительную любовь. Так и его бронзовая статуя по сравнению с другими изваяниями людей обнаружила удивительные свойства, когда, как кажется, не без божественного вмешательства она ускользнула из-под ударов врага.

А эти фасосцы, потеряв разум и ничего не смысля в божественных делах, пришли в негодование, прокляли статую и подвергли ее наказанию, осмелившись сбросить в море. Но и фасосцы не избежали наказания. Боги показали, какую беду они на себя навлекли, наслав на них голод, спутника справедливого божественного гнева, хотя он и не вполне раскрыл им замыслы богов. Поэтому ты, человеколюбивейший из бессмертных, на свой лад оказал им помощь, произнеся:

Родину изгнанным снова верни — к изобилию вернешься.

Но эти несчастные решили, что им пужно призвать обратно на родину изгнанников. Ничего-то они не поняли! Разве таких бесчеловечных богов волновали судьбы изгнанных людей, а не возвращение на место статуй? Они так бы и не помогли освободиться этой земле от напастей, если бы один человек, мудрый и знающий, не понял божественного смысла пророчания, в котором под изгнанниками подразумевалась сброшенная в море статуя. Так это было. Статую водворили на место, и земля тотчас же расцвела, а жители Фасоса снова стали гордиться плодородием своего острова.

Разве все это не доказывает с полной очевидностью божественной сущности атлетики и того, что она достойна божеских почестей? И в другой раз, когда было совершено надругательство над статуей одного пятиборца, боги также разгневались, и локрийцы, так же как и жители Фасоса, пережили из-за этого голод, пока их не исцелило следующее изречение оракула:

Чти оскорбленного честь, и земля тебя щедро одарит.

Локрийцы тоже не поняли смысла божественного совета, прежде чем ты не разъяснил им его. Они бросили этого пятиборца по имени Эвтикл в тюрьму, обвинив в том, что он якобы принял дары от врагов своей родины. Но дело этим не кончилось. После его смерти локрийцы продолжали глумиться над его статуями до тех пор, пока боги не потеряли терпения и не наслали на них тягчайший голод. И они бы погибли от голода, если бы от тебя не подоспела помощь, гласящая, что им следует чтить тучных людей, которых боги любят не меньше, чем крестьяне быков, и благодаря

которым люди, принося их в жертву, иногда умилоствивляют вас.

Не меньше, а, может быть, даже больше тучных быков вам нравятся тучные люди, и притом так, что порой вы изливаете свой гнев на целый город и на весь народ, когда они поступают несправедливо с одним или двумя такими созданиями. О мой пророк, ты должен был вместо пророка родиться у нас учителем гимнастики с тем, чтобы Дельфийское прорицалище было одновременно и гимнасием. Ведь не был чужд пифийским играм пифийский гимнасий. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 34, р. 230 сл.)

13. К сказанному прибавлю и то, что говорит Эномай, разоблачая лесть богов, о которых раньше шла речь, в адрес тиранов.

Счастлив тот муж, что в мой дом поскорее войти поспешает, — Града Коринфа властитель Кипсел, потомок Эака ¹¹.

Таким образом, сами тираны, а не только враги тиранов провозглашаются вами счастливыми, в том числе Кипсел —

Тот, кто причиной Коринфу немалых несчастий и горя, — и Меланипп ¹², который добыл множество богатств для города Гелы.

Если Кипсел счастливец, то почему нельзя считать счастливым и похожего на него Фаларида? Поэтому вам надо было бы лучше провозгласить:

Счастлив ты, Фаларид, Меланипп был также счастливым.

Вы провозвестники споров богов среди смертных.

Я однажды слышал от тебя прорицание о Фалариде, где ты хвалил его и одобрил за то, что отпустил на волю схваченных и подвергнутых жесточайшим пыткам заговорщиков, увидев и поразившись, с какой стойкостью они выносят эти пытки. Локсий и Зевс-отец решили отсрочить смерть Фалариду за его мягкое обращение с Харитоном и Меланиппом.

Великолепно, хоть и с трудом, ты объяснил нам, как обстоит дело с жизнью и смертью и что в жизни есть нечто прекрасное. Свидетельством этого пусть послужит следующий твой ответ:

Будет значительно лучше всему населению Метимпы,

Если вы Вакха главе деревянной почет воздадите.

Города приносят жертвы и совершают посвящения в таинства не только перед деревянными головами Диониса, но и перед каменными, бронзовыми и железными и не только перед головами, но и перед самими Дионисами и еще перед многими другими гесиодовскими богами. И впрямь на землекормилице находится тридцать тысяч¹³ не бессмертных, а каменных и деревянных властителей рода человеческого. Если бы они наблюдали за справедливостью и ее нарушениями у людей, тогда дело не дошло бы до такой нелепости, когда зло проникает даже к вам, на самый Олимп, где, как говорят, «дом нетленный бессмертных».

Если он действительно «нетленный», то был бы недоступен для всякой ерунды, и никто бы из олимпийцев не докапался до такой глупости, чтобы объявить богом простой обрубок масличного дерева. Такой кусок, запутавшийся в певode, вытащили однажды рыбаки из Метимны, а потом это случилось дважды или, кажется, трижды и еще несколько раз на том же самом месте. Затем они вывезли этот обрубок в Ливийское море вместо того, чтобы выбросить его на берег — тогда, клянусь Дионисом, он не попался бы им снова в сети. Верхняя часть этой деревяшки была похожа на человеческую голову (поразительная, следует сказать, Аполлон, работа!).

Что с ней случилось там, в море? Трудно сказать. Наверное, клянусь Зевсом, болталась, пока безумные люди (не скажу — боги) не наткнулись на нее и не подумали, что это чудо, посланное им не Зевсом, а Посейдоном. Потом его увезли в город, как некое доброе предзнаменование, хотя в действительности оно было не добрым и не счастливым, а нечто вроде факела поджигателя. Им явно было мало той гибели, которая грозила их городу изнутри, ее дополнительно укрепило и увеличило, так сказать, приглашенное из Дельф и посланное богами всеобщее помешательство. Таковы слова Эномая. (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию, V, 34; 35; 36, p. 233 сл.).

14. Итак, послушай снова, с каким юпошеским задором и смелостью автор, озаглавивший свое сочинение «Обличение обманщиков», критикует заблуждения толпы и самого Аполлона. Вот дословно его рассуждения.

— Ты сидишь себе в Дельфах и, даже если бы хотел, не можешь молчать. Сейчас Аполлон, сын Зевса, хочет молчать не потому, что хочет, а потому, что вынужден необхо-

димостью. Хотя я пришел к этому, сам не знаю какими путями, мне все же кажется необходимым отбросить все остальное и заняться исследованием весьма своеобразной и достойной внимания проблемы. Из человеческой жизни исчезла, по крайней мере с точки зрения философов, исчезла, повторяю, совсем свобода распоряжаться своей жизнью (как бы эта свобода ни называлась — кормило, опора или основание), которую мы считаем верховной властительницей всех самых необходимых потребностей, а Демокрит¹⁴, старается объявить это высшее из благ рабством, а Хрисипп, если я не ошибаюсь, — полурабством. Доводы этих знаменитых философов могут повлиять на того, кто, будучи человеком, пускает в дело человеческое же оружие. Но если теперь против нас ополчатся еще и божественные силы, увы, что нам придется претерпеть! Было бы несправедливым и недостойным, если бы мы стали руководствоваться таким оракулом:

Враг ты соседним пародам, но друг небожителей верный.
Дротик оставь свой в покое, сиди под укрытием дома.

«Значит, — скажет аргивянин, — если бы я захотел, то мог по своему усмотрению сидеть дома и укрываться от опасностей?» — «Да, — скажешь ему, — тебе позволено так поступать. В ином случае как бы я тебе это предписал?»

Карист, потомок повсюду известного Хирона милый,
Пелий покинь и ступай на вершину Евбеи гористой,
Роком тебе суждено основать там священное царство.
Смело иди и не медли!

— Тогда, Аполлон, в самом деле что-то зависит от человека и даже я могу проявить желание покинуть Пелий? А я слушал от многих мудрых людей, что если мне уж суждено прийти на вершину Евбеи и там основать священное царство, то я приду туда и заложу новый город, скажешь ли ты об этом или нет, захочу я того или нет. Но если мне надлежит желать только то, что указано судьбой, и желать даже вопреки моему желанию, тогда ты, Аполлон, безусловно, достоин доверия. Поэтому, как мне кажется, я должен еще внимательнее к тебе прислушиваться.

Гражданам Пароса должно тебе, Телесикл, поведать:
Солнечный я приказал основать на Ээрии город.

— Клянусь Зевсом, я сообщу им об этом (скажет, пожалуй, какой-нибудь ослепленный тщеславием человек или твой недоброжелатель), даже если ты и не прикажешь. Ведь такова моя судьба. Ээрия — это остров Фасос, и туда придут паросцы, так как мой сын Архилох утверждает, что прежде этот остров назывался Ээрия. Ты же, будучи в силах жестоко карать, не станешь, я думаю, терпеть неблагодарность и наглость человека, который никогда ничего не сообщил бы против твоего желания, да и Архилох, его сын, не вывел бы колонию паросцев на чужбину, а паросцы не поселились бы на Фасосе. Впрочем, не знаю, скажешь ли ты так: ты ведь не отдаешь себе отчета в том, что говоришь. У нас, как мне кажется, сейчас вполне достаточно времени для подробного разговора, а разговор этот важный, потому, выбрав из многого лишь немного и самое главное, поговори со мной вот о чем.

Итак, мы с тобой что-нибудь собой представляем, я и ты? Вероятно, ты скажешь «да». Откуда нам это известно? Просто оттого, что мы это знаем? А может быть, только благодаря нашим чувствам и ощущениям? Далее. На основании чего мы решили, что являемся живыми существами? А из живых существ, как бы это мне сказать поточнее, — людьми, а один из людей — обманщиком, другой же — его обличителем, один — пророком, другой — клеветником. Пусть меня кто-нибудь опровергнет, в этом случае ты будешь прав.

Откуда нам известно, что мы сейчас говорим друг с другом? Что ты на это скажешь? Разве мы неправильно оценили наши ощущения в ходе этого процесса? Конечно, правильно. Значит, нет ничего, что было бы выше, значительнее или достойнее доверия, чем наши ощущения. В противном случае пусть к тебе, в Дельфы, не явится впоследствии некто по имени Алкмеон, убивший мать и изгнанный из родины, однако стремящийся вернуться домой. Ведь сам он не знает, представляет ли собой вообще какую-то целостность, изгоняют ли его из дома и стремится ли он туда снова.

Пусть Алкмеон лишился разума и думает о том, чего нет, но Пифиец-то ведь не сошел с ума. Тогда не говори так:

В землю родную вернуться стремишься, о сын Амфиарая,

ибо и ты не можешь знать, спрашивает ли тебя какой-то Амфиарай, да и ты сам, к кому обращены вопросы, не знаешь, что собой представляешь и в состоянии ли отвечать

на то, о чем тебя спрашивают. И пусть Хрисипп, введший понятие полурабства, хотя и не знает, что это такое, не является в Стою. Пусть не думает, что встретится там со слизняками, пришедшими послушать его, человека, который для нас ничто. И пусть он ни о чем не спорит ни с отсутствующим Эпикуром, ни с присутствующим Аркесилаем.

Ведь он не знает и знать не может, ни что такое Аркесилай, ни что такое Эпикур, что собой представляет Стоя, молодежь — никто, а прежде всего не знает, чем является сам. Ни вы, ни Демокрит не сможете ничего возразить на подобные речи, ибо нет более верного довода кроме того, о котором я говорю. А если кажется, что есть еще какие-то доводы, то по крайней мере с этим они сравниться не могут, а если и могут, то превосходить никак не могут. Потому, скажет, пожалуй, кто-нибудь, и ты, Демокрит, и ты, Хрисипп, и ты, пророк, негодуете, что хотят лишить вас ошущений или ваших многочисленных книг. Тогда давайте и мы будем возмущаться. В чем же, наконец, дело? Где что вам покажется, то и будет самым достоверным и главным. А там, где не покажется, там будет царствовать некая скрытая и, я бы сказал, неотвратимая необходимость, о которой думают по-разному.

Разве один не утверждает, что все зависит от бога, а другой — от тех маленьких телец, которые низвергаются вниз, потом подскакивают вверх, сплетаются и расходятся, отдаляются и снова по необходимости приближаются друг к другу¹⁵. Каким образом мы познаем самих себя, так же мы воспринимаем и происходящие в нас процессы, возникающие как сами по себе, так и под влиянием внешних сил. Ведь мы прекрасно знаем, что существует значительная разница между тем, когда мы сами ходим или нас ведут, между свободным выбором и принуждением.

С какой целью присовокупил я все эти рассуждения к уже сказанному? Потому что ты, пророк, не знаешь, над чем мы властны, и ты, всеведущий, не ведаешь того, к чему протянуты нити от наших желаний. Ясно, что этот принцип лежит в основе многих явлений и поступков. Тот, от которого скрыт этот принцип, являющийся причиной последующего, может ли знать, что вытекает из этого принципа? Было, конечно, постыдно предсказывать Лаю, что его убьет собственный сын, ибо если бы он мог быть хозяином

своих желаний, то ни Аполлон, ни какое-нибудь другое, еще более могущественное божество никак не могло бы постичь ни происходящего, ни необходимости его рождения.

Самое же смешное во всем этом заключается в соединении и смешении того, что зависит в какой-то степени от людей и наличия ряда объективных причин и следствий. Как говорят умники, здесь есть много сходного с повествованием Еврипида¹⁶. Лай захотел породить детей, что было в его власти, но это ускользнуло от проницательности Аполлона. После того же когда у Лая родился сын, вступила в силу неизбежная необходимость — погибнуть ему от руки сына. Таким образом, необходимость, диктующая неизбежность будущих событий, дала возможность пророку предвидеть то, что должно случиться. Но и сын был в какой-то степени хозяином своего желания, как и его родитель. Отец — породить или не породить, сын — убить или не убить.

Так обстоит дело со всеми вашими прорицаниями. И Аполлон у Еврипида действовал в том же духе, предсказывая:

Шагать по морю крови будет весь твой дом,

потому что и сын вырвет себе глаза своими собственными руками. На матери своей женится и царем станет, разгадав загадку Сфинкса, а потом начнется братоубийственная война, после того как один из братьев будет изгнан из родины, а другой — жаждать власти, а изгнанник женится в Аргосе, и состоится поход семи достойных осмеяния вождей, и, наконец, поединок. Когда все участники трагедии были разбросаны по разным царствам и землям, как ты мог все разузнать и каким образом могла соединиться причинная цепь?

Если бы Эдип был сам себе хозяином и не хотел получить царскую власть, а захотев и получив ее, не пожелал жениться на Иокасте или, жепившись, не обезумел от печали и горя, как могло бы произойти все последующее? Разве он вырвал бы себе глаза и проклял своих детей своими проклятиями и теми, которыми можно найти у Еврипида? Каким образом произошли бы дальнейшие события, если бы они не были обусловлены упомянутыми уже причинами, да и как бы ты сам мог в таком случае предсказывать будущее?

С другой стороны, если бы дети Эдипа царствовали вместе или договорились царствовать по очереди или изгнанный решил отправиться не в Аргос, а в Ливию или к перребам, или же, прибыв в Аргос, стал торговать селедками и женился бы не на богатой девушке, а на поденнице или на торговке, Адраст же не отдал бы за него свою дочь, изгнанник, в свою очередь, не захотел бы вернуться на родину, а если бы и захотел, то поборол бы свое желание; если бы Адраст отказался ему помочь, а за Адрастом не пошли бы ни Амфиарай, ни Тидей, ни другие вожди или если бы они согласились последовать за ним, а Полиник не стал бы сражаться с братом или захотел совместно с ним царствовать, когда же тот не захотел бы, ушел, прислушавшись к словам Еврипида:

Пришел ты к нам, незванный, родину сгубить,

а если бы не захотел уйти, то брат его Этеокл сложил бы с себя власть, попав под влияние других хитроумных речей Еврипида:

Как солнце, так и ночь на службе у людей,

А дома равного терпеть не можешь ты? —

как тогда стали бы они сражаться друг с другом и весь дом Лая утонул в крови?

Но ведь все так и произошло, возразишь ты. Да, произошло. Но ты-то благодаря чему сумел предвидеть эти события? Разве ты не наблюдаешь, как часто нарушает весь ход событий сила, заключенная в нас, участниках этих событий? Хочешь, я возьму любое событие, разорву эту вашу самую необходимую причинную связь и покажу ее несостоятельность. Ты утверждаешь, что тебе известен исход событий. Но все события возникают под влиянием силы, разрушающей необходимую причинную связь вещей.

Может, тебе не понятно, о чем я говорю? В любом событии, пророк, живые существа часто образуют в нем самом несколько или много элементарных исходных пунктов, которые всегда как бы пронизывают его и, в свою очередь, являются первопричиной других явлений. Этот процесс продолжается до тех пор, пока появившийся откуда-нибудь другой элементарный исходный пункт, другая первопричина не принудят соединиться не с предыдущим и не последующим, а с самим собой. Этим исходным пунктом

может быть и осел, и собака, и блоха. Ведь, клянусь Аполлоном, даже у блохи тебе не отнять ее свободы! Она может сама избрать себе любое направление, которое, иногда переплетаясь с человеческими действиями, образует исходный пункт какого-нибудь нового действия. Ты же, занимаясь прорицаниями, не замечаешь, что сам руководишься такого рода закономерностями.

Взял ты город Трахн, обитель святого Геракла,
Зевс уж тебя покарал и еще, локриец, накажет.

Что ты скажешь на это? Разве не вы решили, что Трахн будет взят? Разве в этом виноваты мы, а не ваша неизбежная необходимость? Ты поступаешь несправедливо, Аполлон, и твои угрозы мы не заслужили, ибо ни в чем не виноваты. А этот ваш Зевс, необходимость вашей необходимости, почему он нас наказывает (если это ему уж так необходимо), а не сам себя за то, что обнаружил существование такой необходимости? Почему он нам еще и угрожает? За что должны голодать, будто во всем виноваты мы? Будет ли восстановлен нами город или не будет, в обоих случаях решается судьбой.

Так оставь же свой гнев, Зевс, пасылающий голод! Ведь произойдет лишь то, чему суждено произойти, и это диктуется твоей необходимой причинной связью вещей. В сравнении с ней мы ничто. Поэтому и ты, Аполлон, прекрати свои бессмысленные пророчества: все равно произойдет то, что суждено, хоть ты и будешь молчать. Какого же мы заслуживаем наказания, Зевс и Аполлон, если совершенно непричастны к вашему законодательству, точнее говоря, к установленной вами необходимости? Что нам до ваших наказаний и гнева, которые по справедливости должны были бы пасть на ваши собственные головы за то, что вы нас принуждали совершать всякие преступления.

Жители области Эты, оставьте преступные мысли!

А мы их не питаем, Аполлон. Это вы нас к ним толкаете, и не из-за нашей преступности, а в силу вашей необходимости. Как ты, Аполлон, можешь хвалить того самого Ликурга, который не был хорошим человеком ни по своей воле, ни по своему характеру, а против своей воли? Если только кто-нибудь может стать хорошим против своей воли. То, что вы сейчас делаете, кажется похожим

на такое положение, когда кто-нибудь стал бы хвалить и награждать физически красивых людей, а безобразных — порицать и наказывать.

Дурные люди могли бы справедливо упрекнуть вас, боги, за то, что вы не потрудились сделать их добродетельными, а, напротив, заставили быть дурными. И когда по улицам горделиво прогуливаются высококонравственные люди, никто спокойно не сможет вытерпеть это зрелище, а скажут: «Хрисипп и Клеанф, и вы все, принадлежащие к этой компании (вас ведь заставили быть хорошими), мы хвалим добродетель, а не вас, добродетельных. Даже Эпикура, которого ты, Хрисипп, так часто поносил, мы от твоего имени объявляем свободным от всех обвинений. Ты часто бранил его за изнеженность и несправедливость, но он был таким не по своей вине. Какую же тогда должен он нести ответственность?»

Милость богов знает каждый, кто к праведной жизни стремится.

Боги от их благочестья святые дары принимают.

Мне кажется, что этого вы не сказали бы, если не были убеждены в том, что не против своего желания, а вполне добровольно идут они к тому, к чему идут. Все то, что они захотят сделать из предсказанного им, ни бог, ни софист какой-нибудь из смертных не осмелятся приписать необходимости. А если осмелится, то разговаривать с ним мы больше не стаем, а возьмем плетку покрепче, да и отдерем его посильнее, как непослушного мальчишку.

Таково содержание сочинения Эномая, в котором он обрушивается на прорицателя.

(*Евсевий*. Подготовка к Евангелию, VI, 6, 7, р. 277б сл.).

ДИОН ИЗ ПРУСЫ (ХРИСОСТОМ)

РЕЧИ

VI. Диоген, или О тирании

- ¹ Диоген Синопский, бежав из Синоп, прибыл в Элладу; там жил он то в Коринфе, то в Афинах, утверждая, что подражает в образе жизни самому персидскому царю, который проводил зиму в Вавилоне и Сузах, а иногда в Бактрах, т. е. в самых теплых

областях Азии. Летом же он жил в Экбатанах Мидийских¹, где стоит всегда прохладная погода, похожая² на зиму в районе Вавилона. Вот и Диоген менял свое местожительство в соответствии с временами года. В Аттике нет высоких гор и обильных водою рек, как на Пелопоннесе или в Фессалии. Земля там бедная, а климат сухой, так что даже когда выпадают редкие дожди, влага в почве долго не задерживается. Зато Аттика почти целиком окружена морем, благодаря чему и получила свое название, словно вся она представляет собой одно сплошное побережье².

³ Город Афины расположен в долине на юге Аттики. Доказательством служит то, что корабли, плывущие от Суниона в Пирей³, не могут достичь цели, если только не дует южный ветер; попятно, что зима там мягкая; Коринф, напротив, летом овеивают холодные ветры, всегда дуящие со стороны заливов⁴. Город лежит в тени Акрокоринфа, спускаясь по направлению к Лехею и простираясь на север⁵.

⁴ Эти два города (Афины и Коринф) намного красивее, чем Экбатаны и Вавилон; Коринфский Крабий, афинские Акрополь и Пропилеи значительно величественнее царских дворцов, которым они уступают только в размерах. Афины в окружности составляют двести стадиев⁶, если включить Пирей и стены, их соединяющие, так как не в столь уж отдаленные времена все это сплошь было обитаемо. Если говорить по правде, то Афины вдвое меньше Вавилона, но красотой своих гаваней, статуй и живописью, золотом, серебром, бронзой, порядками, утварью и меблировкой домов Афины намного превосходят все, что можно увидеть в Вавилоне. Впрочем, Диогена все это мало волновало.

⁶ «Персидский царь, чтобы сменить резиденцию, должен преодолеть весьма солидные расстояния: ему приходится проводить в дороге большую часть зимы и лета. Мне же,— говорил Диоген,— не составляет труда, остановившись на ночлег вблизи Мегар, на следующий день оказаться в Афинах. Если же нет, еще более близкий путь через Саламин. И не пужно преодолевать пустынные переходы. Тут у меня явное преимущество перед царем персов и больше удобств, по-

- ⁷ тому что я располагаю лучшими условиями». Вот таким образом любил шутить Диоген. Однако тем, кто восхищался богатствами персидского царя и его хваленным счастьем, он доказывал, что в жизни царя нет ничего из того, о чем они воображают. От одной части его имущества нет никакой пользы, а в остальном
- ⁸ он не отличается от самых жалких бедняков. Привсем том нельзя сказать, что Диоген не заботился о телесном здоровье и о самой жизни, как часто думали иные из глупцов, наблюдая, как он мерзнет, живя под открытым небом, и испытывает жажду; а он, снося все тяготы, был здоровее тех, кто всегда сыт, живет под крышей, никогда не мучается ни от холода, ни от жажды. Он испытывал даже больше удовольствия, чем они, греясь на солнышке и вкушая пищу.
- Особенно радовался он смене времен года: приходу лета, когда становилось теплее, по и не огорчался, когда оно кончалось, ибо вместе с тем прекращалась сильная жара. Так, следуя за сменой времен года и понемногу приравливаясь к ним, он легко
- ¹⁰ переносил крайности жары и холода. Диоген редко прибегал к помощи огня или тенистого укрытия, если не появлялась крайняя необходимость. Остальные же люди в любой момент могут разжечь огонь, имеют запас одежды, жилище и, едва ощутив холод, тотчас же скрываются внутрь домов, изнеживают свои тела, делая их неспособными переносить зимнюю стужу.
- ¹¹ Поскольку летом они когда угодно могут пользоваться тенью и пить вдосталь вина, то, лишённые солнца, проводят так все время и никогда не дождаются, пока появится естественная жажда. Подобно женщинам, большую часть времени они проводят дома, сидят без дела, не зная, что такое физический труд, с одурманенной от пьянства головой; чтобы помочь себе, они придумывают дешёвую пищу и отправляются в бани. На протяжении одного и того же дня они испытывают нужду и в свежем ветре, и в теплой одежде; им нужны одновременно и лед, и пламень, а что самое нелепое — при этом они желают еще испытывать голод и жажду.
- ¹² Будучи нетерпеливыми, они не получают удовольствия, даже занимаясь любовью, так как не дожда-

ются, пока появится естественное желание, поэтому они жаждут гнусных и безрадостных наслаждений.

Что касается Диогена, то он только тогда принимался за трапезу, когда его посещало чувство голода и жажды, считая, что именно это и есть самая лучшая и острая приправа к еде. Поэтому для него ячменная лепешка казалась вкуснее любого самого изысканного блюда, а проточную воду он пил с большим удоволь-
13 ствием, чем остальные фасосское вино. Диоген смеялся над теми, кто, испытывая жажду, проходил мимо источников и рыскал повсюду в поисках места, где можно было бы купить вино с Хиоса или Лесбоса. «Эти людишки глупее скота, — замечал он. — Любое животное, когда ему захочется пить, не пройдет мимо родника или ручья с чистой водой, а когда испытывает голод, не откажется от нежных побегов или травы, способных его насытить».

14 Для него в любом городе были открыты самые красивые и здоровые жилища — храмы и гимнасии. Летом и зимой он довольствовался единственным плащом, ибо легко переносил ставший для него привыч-
15 ным холод. Ноги его никогда не знали обуви и не требовали прикрытия, потому что, как он говорил, они не более изнежены, чем его глаза или лицо. Хотя глаза и лицо — от природы наиболее восприимчивые части тела, однако они прекрасно переносят холод благодаря тому, что постоянно открыты: невозможно людям ходить с завязанными глазами, словно они
16 ноги, которые обычно обувают. Диоген говорил, что богачи похожи на новорожденных, которые всегда нуждаются в пеленках. Вот о каких вещах больше всего заботятся люди, вот на что тратят больше всего денег, вот из-за чего разоряются многие города и многие народы погибают самым ужасным образом. А Диогену все это казалось не стоящим трудов и расходов. Ему не нужно было идти куда-нибудь для удовлетворения своих любовных желаний. Он говорил, шутя, что Афродита у него всегда под рукой и притом совершенно бесплатно.

17 Поэты, утверждал он, клеветуют на эту богиню, называя ее «золотой»⁷ из-за собственной распущенности. Но так как немало людей сомневались в правоте

его слов, то он занимался этим открыто, у всех на виду, и добавлял при этом: «О, если бы все поступали точно таким же образом, то Троя никогда не была бы взята, а Приам, царь фригийский, ведущий свой род от самого Зевса, никогда не был бы заколот у его алтаря». Ахейцы же были столь глупы, что верили, будто даже покойники нуждаются в любовных утехах с женщинами, и закололи Поликсену на могиле Ахилла⁸.

Диоген говорил, что в известном отношении рыбы умнее людей: когда к ним приходит желание выбросить сперму, они покидают свои убежища и трутся о что-нибудь жесткое. А люди, удивлялся он, не хотят за деньги потерять или ногу, или руку, или какую-нибудь другую часть тела, и даже самые богатые не заплатили бы за это ни одной драхмы, а вот за то, чтобы ублажить тот, всем известный единственный член, они не то что готовы потратить много талантов, но некоторые ради этого рискуют даже самой жизнью! «Тот способ удовлетворения любовного желания, которым пользуюсь я, — продолжал, шутя, Диоген, — изобрел Пан. Влюбившись в пимфу Эхо, он гонялся за ней, но не мог ее поймать, дни и ночи рыская по горам. Он скитался до тех пор, пока Гермес, отец его, не сострадал над ним и не научил его этому способу, а Пан, познав его, избавился от многих неприятностей и научил, в свою очередь, пастухов».

Таковыми вот приблизительно словами он порой высмеивал людей самонадеянных и глупых, но больше всего насмеялся над софистами, претендовавшими на особое уважение и уверенными в том, что они знают гораздо больше всех остальных ученых. Он утверждал, что из-за своей изнеженности люди ведут более жалкий образ жизни, чем звери. Питьем им служит вода, пищей — растения, большинство из них ходят голыми круглый год, никогда они не заглядывают в дома, не знают огня, живут так долго, как им предопределено природой, если только никто не лишит их преждевременно жизни. Они живут, сохраняя силу и здоровье, не нуждаясь во врачах и лекарствах.

- ²³ Что же касается людей, столь привязанных к жизни, придумавших столько средств, чтобы отдалить час смерти, то многие из них даже не доживают до старости, страдая множеством болезней, которые и перечислить-то трудно. Им уже мало земли для производства лекарств, теперь они нуждаются в железе и огне.
- ²⁴ Ни советы Хирона, ни учеников Асклепия, как и предсказания гадателей или очистительные обряды жрецов, не приносят им пользы. Причина тут одна — рас-
- ²⁵ пущенность и дурные нравы людей. Они собираются вместе в города, чтобы защитить себя от внешних врагов, но поступают так незаконно по отношению друг к другу и совершают столько тяжких преступлений, что можно подумать, будто они собирались туда именно ради этой цели. По мнению Диогена, в мифе потому и рассказывается, что Зевс наказал Прометея за изобретение огня и передачу его людям, ибо это послужило началом и первопричиной изнеженности, и распущенности людей. Ведь нельзя же сказать, что Зевс ненавидит людей и завидует их благам.
- ²⁶ Находились и такие, кто возражал Диогену, говоря, что нельзя человеку жить, подобно другим животным; у него плоть нежнее, и он незащищен: не имеет ни шкуры, ни перьев, как другие звери,
- ²⁷ и кожа у него тонкая. На это Диоген возражал: «Винной изнеженности людей — их образ жизни. Они избегают по большей части быть на солнце, скрываются от холода, и дело вовсе не в том, что тело их ничем не покрыто». Он указывал, что лягушки и немало других животных еще более не защищены, чем человек, но некоторые из них не только легко переносят холодный воздух, но могут даже зимой жить в еще
- ²⁸ более прохладной воде. Диоген неоднократно подчеркивал: глаза и лицо человека не нуждаются в защите, и вообще живое существо не зарождается в среде, где оно не могло бы существовать. Как бы в ином случае выжили первобытные люди, не имевшие ни огня, ни домов, ни одежды и никакой другой пищи, кроме той, что давала природа сама по себе? Не очень-то облегчили жизнь последующим поколениям всякого рода хитрости, изобретения и придумки, потому что люди

пользовались своими способностями не для доблести и справедливости, а ради наслаждения.

- 29 Преследуя во всем только собственные удовольствия, они постоянно живут жизнью более тягостной и трудной. Полагая, что они себя заранее всем обеспечивают и все предусматривают, в действительности же люди этой самой чрезмерной заботой и предусмотрительностью только губят себя наихудшим образом.
- 30 Поэтому справедливо, что Прометей, как рассказывают, был прикован к скале, а коршун клевал его пень.

Диоген отвергал все, что требовало больших расходов, забот и причиняло страдания, и показывал, какую опасность несут они тем, кто этим пользуется. Но он не отказывался от всего, что можно легко и без особых усилий добыть для насущных физических потребностей, против холода и голода и для удовлетворения других желаний. Он предпочитал здоровую местность гиблой и выбирал наиболее подходящую для каждого времени года. Заботился и о достатке в пище, и о скромной одежде, но чуждался общественной деятельности, судов, соперничества, войн, бунтов.

- 31 В образе жизни более всего он подражал богам. Только они, как утверждает Гомер, живут беззаботно⁹, в то время как человечество проводит дни в трудах и тягостях. Хорошие примеры, говорил он, можно найти и в мире животных. Так, аисты, избегая летнего зноя, прилетают в области с умеренным климатом; проведя там приятно время, они собираются вместе и улетают, чувствуя приближение зимы. Журавли, легко переносящие стужу, прилетают туда, где идет сев, и находят там себе пищу. Олени и зайцы с наступлением холодов спускаются с гор в долины и на равнины (в горах они скрывались от ветра в удобных пещерах), от жары же они укрываются в лесах и в самых северных краях.

- 34 Диоген, наблюдая жизнь людей, делал вывод, что дни свои они проводят в хлопотах, злоумышляют все против всех, беспрестанно находятся среди тысячи бед, не зная передышки хоть на миг, даже в праздники, в пору общегреческих игр и священного перемирия. Они готовы все свершить и все претерпеть ради един-

ственной цели — лишь бы выжить, но более всего они страшатся, что у них не хватит того, что они относят к самым необходимым жизненным благам; они думают и постоянно пекутся еще о том, чтобы оставить своим детям побольше богатств. Дногеп не переставал удивляться тому, что только он один не действует таким же образом, что лишь он один истинно свободен среди всех и по-настоящему счастлив, чего никто другой не понимает.

³⁵ Поэтому он даже не хотел сравнивать себя с персидским царем, ибо его можно считать самым несчастным из людей; купаясь в золоте, он боится нищеты; страшится болезней, хотя не может избавиться от того, что вызывает множество недугов; в ужасе от одной только мысли о смерти воображает, что все участвуют

³⁶ в заговоре против него, его детей и братьев. Он не получает удовольствия от еды, хотя ему подают изысканнейшие блюда, и даже драгоценное вино не в состоянии заглушить в нем тревогу. Нет дня, который бы он прожил беззаботно и не претерпевал бы величайшего страха. Когда он трезв, то мечтает папиться допьяна, чтобы забыться от всех тревожащих, но, напившись, считает себя копытым человеком, ибо ста-

³⁷ повится беззащитным. Еще не успев проснуться, уже мечтает о сне, чтобы забыться от своих страхов; лишь спизойдет на него сон, он тут же вскакивает, опасаясь умереть во сне. И нет ему никакой пользы от золотого платана¹⁰, дворцов Семирамиды и степ вавилонских.

³⁸ Неленее не придумать — боится безоружных, а вверяет себя в руки вооруженных до зубов телохранителей; заставляет обыскивать всех проходящих в поисках спрятанного кинжала, но живет в окружении воинов, опоясанных мечами. От безоружных бежит к вооруженным, от вооруженных — к безоружным. От народа его защищают телохранители, от телохранителей — евнухи. У него нет никого, кому бы он мог довериться, на земле нет места, куда бы он мог скрыться и прожить там один-единственный день, никого не боясь.

³⁹ Он не доверяет ни еде, ни питью, а содержит специально слуг, которые все это должны отведают до него, словно разведчики на пути, кишащем врагами.

Не доверяет он даже самым близким — ни детям, ни жене. И все же, живя в таких тягостных и невыносимых условиях, он не отказывается от царской власти, не хочет этого и не может.

- 40 Хотя людей со всех сторон окружают несчастья, однако у них есть утешение — рано или поздно им наступит конец. Заключение в оковы узник надеется когда-нибудь освободиться; изгнанник, покинувший родину, питает надежду на возвращение; больной вплоть до смертного часа уповает на исцеление. Тирани же невозможно уйти от своих напастей, ему остаются только молитвы, как и всем прочим. Каждому, кому приходилось пережить смерть одного из своих друзей, хорошо известно, что наступит время, когда скорбь пройдет. Что же касается тиранов, то у них, наоборот, несчастья со временем все нарастают. Легко тирану дожить до старости, а старость у тирана тяжка. Она совсем не похожа на старость у лошадей, как гласит пословица¹¹. К старости у тирана накапливается больше жертв его произвола и, следовательно, самых ожесточенных врагов, а он, утратив физические силы, уже не в состоянии сам себе помочь.

- Все несчастья — голод, изгнание, тюрьмы, утрата гражданских прав — больше страшат, когда их ожидают, чем огорчают того, кто уже их испытал. Стоит утратить страх смерти, — продолжал Диоген, — как больше уж нечего будет бояться. Смерть не может тревожить тех, кого она уже постигла, ибо мертвые вообще ни о чем не беспокоятся. Но страх перед смертью столь велик, что многие даже не дожидаются ее естественного прихода. Одни, оказавшись на корабле во время бури, не дожидаясь, пока корабль пойдет ко дну, кончают жизнь самоубийством, другие же, попав в окружение врагов, делают то же самое, хотя уверены, что ничего страшнее смерти их не ожидает.

- 43 Что касается тиранов, то этот страх их никогда не покидает — ни днем, ни ночью. Осужденные на смерть преступники знают, когда им предстоит умереть, а тираны даже того не ведают: наступит ли их смертный час через день или уже пришел.

Ни на одну минуту, ни на короткое мгновение не оставляет их страх смерти: и во время приема пищи, и в момент жертвоприношений в честь богов.
44 Когда приходит время для развлечений, даже в минуты акта любви, в миг наивысшего напряжения страстей, они не забывают о смерти, опасаясь быть
45 убитыми своими возлюбленными. С этим же чувством они пьют с ними вино и ложатся в постель.

Таким образом, по-моему, тиран только тогда счастлив, когда его сразит смертельный удар, ибо тогда он избавляется от своего самого большого несчастья. Но самое нелепое вот что: все другие люди знают, что, попав в безвыходное положение, они не будут долго страдать, если возможно умереть. Тираны же, в окружении величайших несчастий, считают, что живут среди величайших благ, так как, на мой взгляд, они обмануты мнением других людей, не прошедших
46 кус властью. Это сам бог внушил им это поведение, чтобы наказание длилось всю их жизнь.

Людям благополучным жизнь кажется лучше, а смерть, естественно, чем-то дурным, а тем, кто влачит свою жизнь в печалих, она представляется более
47 тяжелой, а смерть желанной. Что же касается тиранов, то и жизнь, и смерть для них более тяжка, чем для остальных людей, ибо они живут гораздо хуже, чем те, кто обуреваем желанием умереть, а смерти они боятся так, будто ни на минуту не расставались с
48 наслаждениями. Удовольствия, разумеется, приносят больше радости, когда редки, но надоедают, если ими пользоваться постоянно, а беды, если они пескончаемы, переносятся еще тяжелее.

Примерно так всегда обстоит дело у тиранов и с удовольствиями, и с несчастьями: беды у них никогда не кончаются, а удовольствия они никогда
49 не чувствуют. Они всегда опасаются могущества богатых, а у бедняков их пугает жажда обогатиться. На свете нет человека, даже процветающего, который бы испытывал по отношению к тиранам чувство благодарности, потому что люди никогда не довольствуются достигнутым, а тот, кому в жизни ничего не удастся достигнуть, особенно сильно их ненавидит.
50 Особенно ненавистен людям тот, кто добыл свои

неисчислимыя богатства неправедным путем, поэтому нет никого ненавистнее тирана. К тому же ему еще необходимо доказывать свое расположение к придворным. В противном случае он тотчас же погибнет, а оказывать благодеяния многим, причем неоднократно, нелегко, не отнимая у других. Те, у кого отнимают, становятся врагами, а тот, кто получает, обуеваем подозрениями и старается как можно быстрее отделаться от подарка. Далекое пугает тирана своей отдаленностью, близкое — своей близостью. От тех, кто далеко, он ожидает военного нападения, от тех, кто

⁵¹ близко — предательства. Мир для него нежелателен, так как он предоставляет людям досуг, а войну считает опасной, поскольку приходится нарушать покой подданных, заставляя предоставлять деньги и отправляться в поход. Таким образом, во время войны они жаждут мира, а когда воцаряется мир, они тотчас затевают войну.

⁵² Когда народ обеспечен всем необходимым, они боятся его наглости; когда же приходит нужда, страшатся его гнева. Они никогда не уверены в своей безопасности: отправляясь на чужбину и оставаясь дома, показываясь на народе и живя в одиночестве; они не смеют пойти даже туда, где вполне безопасно,

⁵³ ибо повсюду им чудятся засады и заговоры. Каждый из них припоминает известные им случаи смерти тиранов и когда-либо направленные против них заговоры. Все это они считают дурным для себя предзнаменованием, и они так напуганы, будто им предстоит умирать много раз всеми этими смертями. Они всегда хотят за всем уследить и не терять ничего из виду, ибо ожидают удара с любой стороны, но именно этого-то они и не могут делать из-за чувства стыда и страха; ведь насколько заметнее страх властителя, настолько смелее вступают люди в заговор против него, презирая за трусость.

Вот так и живут тираны, словно запертые в тесную клетку, со всех сторон утыканную направленными против них мечами, почти касающимися их тел.

⁵⁴ Не только тела, но и самой души тирана так близко

⁵⁵ касаются острия мечей, что даже в Аиде самому Танталу, которому, как говорят:

грозит пад головой висящий камень ¹²,

приходится значительно легче. Ведь Танталом больше не владеет страх смерти, а тирану, пока он жив, грозят такие муки, какие выпали Танталу только после смерти.

- 56 У тех, кто стал тираном в каком-нибудь городе или небольшой стране, есть возможность бежать куда-нибудь и жить там изгнанником, но никто еще не испытывал любви к тирану, а, напротив, все ненавидят его, относятся к нему подозрительно и ждут только удобного случая, чтобы выдать обратно его жертвам. Ну а тем, у кого под властью находится множество городов и народов, кто владеет огромной страной, как, например, персидский царь, тому невозможно никуда убежать, даже если к ним наконец придет понимание меры всего содеянного ими зла и кто-нибудь из богов
- 57 лишит их счастливого неведения. Тираны никогда не живут в безопасности, даже если они превратятся в бронзу или железо. И в таком виде им грозит гибель — быть разрубленным на куски или пущенным в переплавку.

- Если кто-нибудь рискнет говорить с тираном откровенно, тот выходит из себя, пугаясь этой смелости в речах; если же кто говорит раболепно и униженно, то само это раболепие кажется ему подозрительным. Говорят с ним как с равным — считает, что над ним глумятся; унижаются — думает, что обманывают. Когда бранят, оскорбляется намного сильнее, чем любой другой, ибо, властелин, он слышит о себе
- 58 только дурное. Его хвалят, он не радуется, потому что не верит в искренность похвал. В окружении самых прекрасных и роскошных сокровищ, которыми тиран владеет, он чувствует себя самым обездоленным. На любовь или дружбу он не может рассчитывать: воспитатель диких львов испытывает к своим питомцам больше любви, чем придворные и приближенные к тиранам.

- 60 А я иду туда, куда мне заблагорассудится, совсем один, хоть ночью, хоть днем, — сказал в заключение Диоген, — и я не испытываю никакого страха, когда прохожу, если нужно, без жезла глашатая по воен-

ному лагерю и даже через разбойничий привал. На своем пути я не встречаю ни врага, ни недруга. Если исчезнет вдруг все золото мира, все серебро, вся⁶¹ медь, меша это ничуть не встревожит. Если землетрясение уничтожит даже все дома, как это случилось некогда в Спарте¹³, если погибнут все овцы и нельзя будет изготовить одежды, если неурожай охватит не только Аттику, но и Пелопоннес, Беотию и Фессалию, как это уже, по слухам, бывало и раньше, моя жизнь не станет от этого ничуть не хуже, не беднее.

⁶² Разве можно мне стать еще более пагим, чем теперь, или еще более лишенным дома? Все мне пойдет на пользу — и яблоки, и просо, и ячмень, и вино, и самые дешевые бобы, и желуди, испеченные в золе, и кизилловые ягоды, которыми, как рассказывает Гомер¹⁴, Кирка кормила спутников Одиссея, и, питаюсь которыми, могут существовать самые крупные животные.

VIII. Диоген, или О доблести

- ¹ Когда Диоген, уроженец Синопы, был изгнан из своей родины, он пришел в Афины, ничем не отличаясь по своему обличью от беднейших нищих, и застал там еще немало сподвижников Сократа — Платона, Аристиппа, Эхина, Антисфена и Евклида Мегарянина; Ксенофонт в это время был в изгнании за свое участие в походе Кира¹⁵. Диоген вскоре проникся презрением ко всем, кроме Антисфена; с ним он общался охотно, но хвалил, впрочем, не столько его самого, сколько его учение, полагая, что только оно раскрывает истину и может принести пользу людям;
- ² сравнивая же самого Антисфена с его учением, он нередко упрекал его в недостаточной твердости и, порицая, называл его боевой трубой — шума от нее много, но сама она себя не слышит.

Антисфен терпеливо выслушивал его упреки, так ³ как он восхищался характером Диогена, а в отместку за то, что Диоген называл его трубой, он говорил, что Диоген похож на овода: овод машет своими крылышками почти не слышно, но жалит жестоко. Острый язык Диогена Антисфену очень нравился: если всадникам достанется конь поровистый, по смелый и вы-

носливый, его тяжелый нрав они переносят охотно, а ленивых и медлительных копей терпеть не могут и от них отказываются. Подчас Антисфен подзадоривал Диогена, а иногда, напротив, пытался обращаться с ним мягче; так поступают и те, кто, изготовляя струны для музыкальных инструментов, сильно натягивают их, но тщательно следят за тем, как бы они не порвались.

После смерти Антисфена Диоген переселился в Коринф, полагая, что больше ни с кем общаться не стоит; в Коринфе он не панял себе жилья и не поселился ни у кого из гостеприимцев, а стал жить под открытым небом возле Крания. Он видел, что именно в Коринфе собирается больше всего народу из-за того, что там и гавань есть, и гетер много, и что этот город лежит как бы на перекрестке всех дорог Греции. Диоген думал, что, подобно хорошему врачу, который идет помогать туда, где больных больше всего, и философу необходимо находиться именно там, где больше всего встречается людей неразумных, чтобы обнаруживать их неразумие и порицать его.

Поэтому, когда пришел срок Истмийских игр¹⁶ и весь народ повалил на Истм, он тоже направился туда; таков уж был у него обычай — на больших сборищах изучать, к чему люди стремятся, чего желают, ради чего страствуют и чем гордятся. Он уделял время любому человеку, который хотел с ним встретиться, и говорил, что одно его удивляет: если бы он объявил себя зубным врачом, к нему пришли бы все, кому надо вырвать зуб; если бы он — Зевс свидетель — обещал излечивать от глазных болезней, к нему тотчас же явились бы все, страдающие глазами; то же самое случилось бы, если бы он заявил, что знает средства от болезней селезенки, от подагры или от насморка; но когда он говорит, что излечит всех, кто последует его указаниям, от невежества, от подлости, от необузданности, — никто не приходит к нему, не просит об излечении и вовсе не думает о том, как много приобрел бы он от такого лечения, как будто человек меньше страдает от этих болезней души, чем от болезней тела, и как будто для него хуже иметь разбухшую селезенку или гнилой зуб, чем душу безрассудную, невежественную, трусливую, необузданную,

жаждущую наслаждений, песвободную, гневливую, недобрую, коварную, т. е. во всех отношениях дурную.

⁹ В ту пору всякий мог слышать возле храма Посейдона, как орут и переругиваются толпы жалких софистов, как сражаются между собой их так называемые ученики, как множество писак читают вслух свои нелепые сочинения, множество поэтов распевают свои стихи и как слушатели восхваляют их, как множество фокусников показывает разные чудеса, множество гадателей истолковывают знамения, как бесчисленные риторы извращают законы, как немалое число ¹⁰ мелких торговцев распродают всякую всячину. Конечно, и к Диогену бросилось несколько человек; из коринфян, правда, не подошел ни один: они полагали, что им от него никакой пользы не будет, так как они привыкли видеть его в Коринфе ежедневно; те, кто подходил к нему, были пришельцами из чужих городов, да и они, немного поговорив с ним или послушав ¹¹ его речи, скоро удалялись, боясь его упреков. Именно поэтому Диоген сравнивал себя с лакопскими псами: когда их показывают на зрелищах, всякому хочется погладить их и с ними поиграть, но покупать их охотников нет, так как обращаться с ними не умеет никто.

Когда кто-то спросил его, зачем он пришел сюда, не для того ли, чтобы поглядеть на состязания, он ответил:

— Нет, чтобы участвовать в них.

Его собеседник засмеялся и спросил, с какими же ¹² противниками он собирается померяться силами; Диоген, бросив, как обычно, взгляд исподлобья, ответил:

— С самыми страшными и непобедимыми, с теми, кому ни один эллин не смеет взглянуть в глаза; они, правда, не бегуны, не борцы, не прыгуны, не кулачные бойцы и не стрелки из лука, но они делают человека разумным.

¹³ — Кто же они?

— Труды, — сказал Диоген, — тяжкие труды, непреодолимые для обжор и безрассудных людей, которые весь день пируют, а ночью храпят; эти труды под силу одолеть только людям сухощавым, худым, с животами, подтянутыми, как у ос. Неужели ты думаешь, ¹⁴ что от толстопузых много толку? Людям разумным

следовало бы провести их по городу, подвергнуть очистительным обрядам и изгнать¹⁷, а еще лучше — убить, разрубить на мясо и употребить в пищу, как делают с крупными рыбами, мясо которых вываривают и вытапливают из него жир; у нас в Понте так добывают свиное сало для умащения. Право, я думаю, у таких людей не больше души, чем у свиней.

¹⁵ А человек благородный считает труды самыми мощными своими противниками, и с ними он добровольно сражается и ночью, и днем; и делает он это не для того, чтобы ухватить, уподобясь козлам, пемножко зеленого сельдерея, ветку маслины или сосны¹⁸, а чтобы завоевать себе благоденствие и доблесть, и притом на всю жизнь, а не только на то время, пока находишься в гостях у элейцев, коринфян или у целого собрания фессалийцев¹⁹. Такой человек не боится никого из своих противников, не просит, чтобы ему позволили состязаться не с тем, а с другим противником, нет — он вызывает на бой всех подряд, сражается с голодом, терпит холод и жажду, сохраняет силу духа, даже если приходится переносить побои, не малодушествует, если его тело терзают или жгут. Бедность, изгнание, бесславие и другие подобные бедствия ему не страшны, их он считает пустяками; такой совершенный человек нередко даже забавляется всем этим, как забавляются дети игрой в кости или в пестрые шары.

¹⁷ — Эти противники, — продолжал Диоген, — кажутся страшными и неодолимыми только людям ничтожным; но кто презирает их и смело выйдет на бой, увидит, что они трусливы и не способны одолеть человека сильного; они как собаки, которые преследуют бегущих и кусают их, а тех, кого схватят, рвут на куски; но, если кто прямо идет на них и вступает с ними в бой, они пугаются и отступают, а потом, познакомившись поближе, начинают вилять хвостом.

¹⁸ Большинство людей смертельно боятся таких противников, уклоняются от встречи с ними, обращаются в бегство и даже не имеют мужества взглянуть им прямо в глаза; напротив, искусные кулачные бойцы, если опередят своего противника, не дожидаясь его удара, часто выходят из боя победителями; если же

- они, испугавшись, отступят, то на них обрушатся сильнейшие удары; так же и того, кто презирает трудности и храбро принимает бой, выходя им навстречу, они не могут одолеть; если же он отшатнется и отступит, они будут казаться ему все более непреодолимыми и грозными. Ты видишь это и на примере борьбы с огнем: схватись с ним смело — и ты погасишь его, а будешь присматриваться и подходить к нему с опаской — сильно обожжешься; так подчас обжигаются дети, когда, играя, они пытаются погасить пламя языком. Все те противники, о которых я говорил, похожи на умелых борцов — они душат, терзают, а иногда и бьют насмерть.
- 20 Но есть и более страшная битва, состязание вовсе не легкое, но еще более трудное и опасное, — это борьба с наслаждением. Битва эта не похожа на ту, о которой говорит Гомер:

Снова у быстрых судов запылала свирепая битва...
Бились секирами тяжкими, взад и вперед с лезвиями,
Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу²⁰.

- 21 Нет, это не такая битва: ведь не открыто использует наслаждение свою мощь, оно обманывает и чарует страшными зельями, как, по словам Гомера, опаивала Кирка спутников Одиссея и превращала кого — в свиней, кого — в волков, кого — в разных других животных. Вот таков нрав и у наслаждения — оно прибегает не к одной какой-нибудь коварной уловке, а к самым различным, оно пытается соблазнить нас и через зрение, и через слух, через обоняние, вкус, осязание, через пищу, питье и любовные приманки, во время бодрствования и во время сна. Против наслаждения нельзя выставить стражу, как против вражеского войска, и потом спокойно уснуть, нет — именно тогда оно сильней всего нападает на человека, то расслабляя и порабощая его посредством сна, то посылая ему преступные и дурные сновидения, напоминающие ему о наслаждении.
- 22
- 23 Кроме того, трудности можно преодолеть по большей части силой мускулов, а наслаждение действует через любое чувство, которое присуще человеку; трудностям надо глядеть прямо в лицо и вступать с ними

врукопашную, а от наслаждения следует бежать как можно дальше и не общаться с ним, разве что в случаях крайней необходимости. И поэтому самым сильным человеком поистине является тот, кто сумеет убежать от наслаждения дальше всех, ибо невозможно пребывать в общении с наслаждением или даже хотя бы мимолетно встречаться с ним и не попасть полностью в его власть. Когда же оно завладевает душой и опутывает ее своими чарами, тогда-то и происходит то, что случилось в жилище Кирки: оно легонько ударяет человека своим жезлом, загоняет его в свиной хлев, и с этой поры он уже не человек, а свинья или волк; от наслаждения рождаются также и всевозможные ядовитые змеи, и всякие прочие пресмыкающиеся; они поклоняются наслаждению, ползают у его дверей, жаждут его, служат ему, терпят при этом бесчисленные муки — и все напрасно, ибо наслаждение, победив их и завладев ими, насылает на них бедствия, отвратительные и тяжкие.

Вот в каком состязании я испытываю свои силы, борясь против наслаждения и преодолевая трудности, но эти вот ничтожные люди на меня внимания не обращают, а глазуют на прыгунов, бегунов и плясунов.

Наверное, и прежде люди не видели, как борется и трудится Геракл, и его труды не трогали их; верпо, и тогда они восхищались какими-нибудь атлетами вроде Зета, Калаида, Пелея²¹ и прочими скороходами и борцами; одними они восторгались за их красоту, другими — за их богатство (например, Язопом и Киниром); о Пелопсе даже рассказывали, будто одно плечо у него было из слоновой кости, словно человеку есть какой-то прок от того, что у него рука из золота или слоновой кости или глаза из алмазов и изумрудов; а какая у Пелопса была душа, этого не знал пикто. Геракла же, трудившегося и боровшегося, все жалели и называли злосчастливым среди людей. Поэтому-то его труды и дела прозвали «подвигами», полагая, что жизнь, полная трудов, и есть жизнь злосчастливая²²; а после его смерти его почитают больше всех, его считают богом, дают ему в жены Гебу и ему, поборовшему столько бедствий, молятся об избавлении от них.

Люди думают также, будто Еврисфей²³ имел власть

над Гераклом и давал ему свои повеления, и в то же время Еврисфея считают все ничтожным человеком и никому никогда не приходило в голову молиться ему или приносить ему жертвы; а Геракл прошел пешком всю Европу и всю Азию, причем вовсе не был похож на нынешних борцов: куда он мог бы пойти, если бы таскал на себе столько мяса, нуждался бы сам в таком количестве мясной пищи и спал бы таким крепким сном? Нет, он был неутомимым, поджарым, как лев, с острым зрением, острым слухом; он не боялся ни стужи, ни зноя, не нуждался в подстилках, плащах и коврах, посыл косматую шкуру, терпел голод, добрым помогал, дурных карал.

⁸¹ Диомеда Фракийца, который носил богатую одежду, восседал на престоле, пьянствовал целые дни, утопал в роскоши, обижал чужестранцев и своих собственных подданных и держал множество коней, — этого Диомеда Геракл хватил палицей своей и разнес вдребезги, как старую миску. Герiona, владельца огромнейших стад, самого богатого из всех западных владык и самого надменного, он убил вместе с его братьями и ⁸² угнал его быков. А когда Геракл увидел, как усердно занимается гимнастическими упражнениями Бусирид, как он целыми днями ест и как чванится своими успехами в борьбе, он бросил его оземь и распорол его тело, как слишком туго набитый мешок; он распустил пояс Амазонки, соблазнявшей его и воображавшей, будто она одолевает его своей красотой; он овладел ею и показал ей, что он никогда не будет побежден красотой и никогда не отступит ради женщины от своих подвигов ²⁴. Прометей же, который, я полагаю, был чем-то вроде софиста, он нашел погибающим от людской молвы; ведь у него раздувалась и увеличивалась печень, когда его хвалили, и сморщивалась, когда его порицали ²⁵; Геракл пожалел его [...] освободил его от его безрассудства и честолюбия, а вылечив его, сейчас же пошел дальше.

³⁴ Все это он совершил вовсе не в угоду Еврисфею; золотые же яблоки, которые он добыл и принес с собой, — яблоки Гесперид — он действительно отдал Еврисфею: самому Гераклу они были ни на что не нужны; от золотых яблок ведь никакого проку нет, да и самим

Гесперидам они нужны не были. Но вот, когда он стал уже не таким быстроногим, стал терять силы, он испугался, что больше не сможет жить, как прежде, — я думаю, у него была и какая-нибудь болезнь, — и позаботился о себе лучше, чем кто-либо из людей; он сложил у себя на дворе костер из сухих дров и показал, что даже самое жаркое пламя он не ставит пи³⁵ во что. Однако пезадолго до этого — чтобы люди не думали, будто он совершал только громкие и великие дела, — он выгреб навоз из хлебов у Авгия, накопившийся там за много лет, и своими руками вычистил хлевы. Он полагал, что он должен не менее упорно бороться и сражаться с предрассудками, чем с дикими зверями и злодеями.

³⁶ Пока Диоген говорил все это, много народа стояло вокруг него и слушало его слова с большим удовольствием. И тогда, как я думаю, вспомнив о Геракле, он оборвал свою речь, сел на землю и повел себя непристойно; сейчас же все отшатнулись от него, называли его полоумным, а софисты снова заорали, как орут лягушки в болоте, пока не завидят водяную змею.

IX. О состязаниях (Истмийская речь)

¹ Однажды во время Истмийских игр²⁶ Диоген, живший в это время, по-видимому, в Коринфе, спустился на Истм. Однако он направился на празднество не с теми целями, как большинство пришедших туда, которые хотели поглазеть на участников состязаний, а кстати, и на славу полакомиться. Диоген же, я думаю, хотел поглядеть на людей и на их неразумие. Он знал, что характеры лучше всего раскрываются на общественных торжествах и празднествах, между тем как на войне и в лагерях люди более сдержанны из² страха перед опасностью. Кроме того, он полагал, что здесь они могут легче поддаться лечению — ведь и телесные болезни, когда они ясно проявятся, врачам легче исцелить, чем пока они еще скрыты; а те больные, которые не заботятся о том, чтобы побеседовать с врачом, скоро погибают. Поэтому-то Диоген и посе-

- ³ щал праздника. Он говорит в шутку, когда его порицали за «собачьи» повадки, — ведь за его суровость и придирчивость его называли псом, — что собаки действительно часто увязываются за хозяевами на праздниках, но они никому не чинят никакого вреда, а лают и набрасываются только на злоумышленников и грабителей; если же кто-нибудь, опьянев, заснет, то собаки не спят и охраняют его.
- ⁴ Когда Диоген появился на празднике, то никто из коринфян не обратил на него внимания, так как они часто видели его и в городе, и возле Крания; ведь люди не слишком-то интересуются теми, кто всегда у них на глазах и с кем, как они полагают, они могут общаться в любое время, когда им вздумается; а к тем, кого они видят только время от времени или кого они вообще никогда не видели, они сразу бросаются. Именно поэтому коринфянам всех меньше было пользы от Диогена (так же как больные не хотят обращаться к врачу, живущему вместе с ними); они думали, что им хватит и того, что они видят его в своем городе.
- ⁵ Что касается жителей других городов, то больше всего обращались к нему те, кто приходил издалека — из Ионии, Сицилии, Италии; были и пришедшие из Массилии и из Борисфена²⁷; все они, правда, скорее хотели поглядеть на него и послушать его хотя бы короткое время, чтобы потом было что рассказать, и вовсе не думали о том, как бы им самим стать лучше.
- ⁶ Ведь Диоген славился своим острым языком и умел, не задумываясь, метко отвечать на любые вопросы. Как неопытные люди пробуют понтийский мед, а испробовав, с отвращением выплевывают его, так как он горек и противен на вкус, так же многие из пустого любопытства хотели испытать Диогена, но, сбитые им с толку, отворачивались от него и обращались в бегство.
- ⁷ Когда он порицал других, им было смешно, но если дело касалось их самих, то они пугались и старались поскорее убраться с дороги. Когда он сыпал шутками и насмешками — как подчас он имел обыкновение, — они приходили в восторг, но если он начинал говорить более возвышенно и с жаром, они не могли стерпеть его резкости. Мне кажется, подобным же образом дети охотно играют с породистыми соба-

ками, но если те рассердятся и залают громче, то дети пугаются до смерти.

- Диоген всегда держал себя одинаково, никогда не изменяясь и не обращая внимания на то, хвалил ли его кто-нибудь из присутствующих или порицал, заговаривал ли с ним, подойдя, какой-нибудь богач, знаменитый герой, полководец, правитель или какой-нибудь жалкий бедняк. Если кто начинал болтать пустяки, Диоген просто пропускал это мимо ушей, но тех, кто много думал о себе и гордился своим богатством, происхождениям или каким-либо другим преимуществом, он особенно ядовито язвил и порицал очень резко. Одни восхищались им, как мудрецом, другим он казался сумасшедшим, большинство же презирало его как бедняка и ни к чему не пригодного, некоторые осуждали его, а были и такие, что старались его оскорбить, бросая ему кости, как собакам, некоторые, подходя к нему, дергали его за плащ, большинство терпеть его не могло и негодовало на него; так, говорит Гомер, издевались над Одиссеем женихи, а Одиссей в течение нескольких дней терпел их наглость и дерзость²⁸. Диоген во всем этом был сходен с ним: поистине он казался царем и властелином в рубище нищего между своими рабами и слугами, превозносившимися в поведении того, кто находится перед ними; а он без труда терпел их присутствие, пьяных и безумствующих по тупости и невежеству.
- 10 Руководители Истмийских игр и некоторые другие почетные граждане, имевшие власть, были смущены и старались держаться в стороне от Диогена и молча проходили мимо, если видели его. Но когда он увенчал себя венком из сосновых веток, то коринфяне послали к нему нескольких прислужников и велели снять с себя венок и не совершать никаких противозаконных поступков; а он спросил их, почему же для него противозаконно надевать сосновый венок, а для других — нет. Тогда один из пришедших сказал: «Ты же никого не победил, Диоген». — «Победил я, — возразил он, — многих противников, и очень мощных, не таких, как те рабы, которые вон там борются, мечут диск и состязаются в беге; я победил более жестоких противников — бедность, изгнание и бесславие, а кроме
- 11
- 12

того, гнев, тоску, страсть и страх и самое непобедимое чудовище, подлое и расслабляющее наслаждение; никто из эллинов, никто из варваров не может похвалиться тем, что он в борьбе с этим чудовищем победил его силой своей души; все оказались слабее его и пали в этом сражении, персы и мидийцы, сирийцы и македоняне, афиняне и лакедемоняне, — все, кроме
13 меня. Не кажусь ли я вам достойным соснового венка, или, отняв его у меня, вы отдадите его тому, кто больше всех набил себе брюхо мясом? Вот это все и передайте тем, кто вас послал, и скажите им, что как раз они-то и поступают противозаконно: они, ни в одном бою не одержав победы, расхаживают в венках; скажите, что именно я прославил Олимпийские игры тем, что надел на себя венок — ведь, в сущности, из-за венка следовало бы сражаться между собой не людям, а козлам».

14 Вскоре после этого Диоген увидел одного человека, шедшего со стадиона и окруженного огромной толпой; он даже и не шел сам, а толпа несла его на руках; из его спутников одни вопили, другие прыгали от радости и воздевали руки к небу, третьи бросали ему длинные ленты. Диоген спросил, почему столько шума вокруг этого человека, что же такое случилось. Этот
15 человек ответил: «Я победил, Диоген, всех в беге на целый стадий»²⁹. — «Ну, и что же из этого? — спросил Диоген. — Ты не стал ни чуточки умнее от того, что ты обогнал других бегунов, ты ничуть не рассудительнее теперь, чем был прежде, ты не стал менее труслив, ты вовсе не менее подвержен страданиям, ты и в будущем будешь во многом нуждаться, и жизнь твоя не
16 станет менее подвержена разным бедствиям». — «Да, это правда, клянусь Зевсом, — сказал тот, — но ведь я бегаю быстрее всех эллинов». — «Но никак не быстрее зайцев и оленей, — возразил Диоген, — а ведь именно эти животные, бегающие быстрее всех, они-то трусливей всех других; они боятся и людей, и собак, и орлов и ведут самую несчастную жизнь. Неужели ты не знаешь, что быстрый бег — признак трусости? Как раз те животные, которые бегают быстрее всех, они же и самые робкие.

17 А Геракл, например, был тяжел на погу, не мог пешком догонять злодеев и потому посыл с собой лук и стрелы, чтобы поражать ими бегущих. «Но, — возразил победитель, — Ахилла поэт называет и быстроногим, и храбрейшим». — «А почему ты думаешь, — сказал Диоген, — что Ахилл был таким быстроногим, — он, который не мог догнать Гектора³⁰, хотя гонялся за ним весь день?»

18 «И тебе не стыдно, — продолжал он, гордиться тем, в чем ты отстаешь от самых слабых животных? Я думаю, что ты даже и лисицу не сможешь обогнать. На сколько же ты обогнал своего соперника?» — «На самую малость, Диоген; именно это и есть самое удивительное в моей победе». — «Вот как, — ты, значит, оказался счастливее его только на какую-нибудь пядь?» — «Да, ведь мы все отборные бегуны». — «Ну, скажи, а насколько быстрее вас пролетают над стадионом жаворонки?» — «Так ведь они крылаты». «Следовательно, — сказал Диоген, если самое быстрое существо в то же время превосходит всех других, то, пожалуй, лучше быть жаворонком, чем человеком. Тогда нечего жалеть соловьев и удонов за то, что они из людей превратились в птиц, как рассказывают нам мифы»³¹. — «Но я ведь человек, — возразил победитель, — и из всех людей самый быстроногий я». — «И что же из этого? Может быть, у муравьев один бегаёт быстрее другого; разве они восхищаются им? Не показалось ли бы тебе смешным, если бы кто-нибудь стал восхищаться муравьем за то, что он быстро бегаёт? А если бы все бегуны были хромыми, то стоило ли бы тебе особенно похвалиться тем, что ты, хромая сам, обогнал других хромых?»

21 Говоря так, Диоген обесценил само состязание в беге в глазах многих слушателей и заставил победителя уйти огорченным и присмирившим. Так он оказывал не раз немалую пользу людям: если он встречал кого-нибудь, кто гордился пустяками и не хотел слушать никаких разумных доводов по самому нестоящему делу, Диоген понемногу сбивал с него спесь и освобождал его хотя бы от малой частицы его неразумия; так же врач, делая прокол в опухшую часть тела, заставляет опухоль опасть.

²² Однажды во время беседы Диоген увидел, как два коня, связанные вместе, начали брыкаться и лягать друг друга; вокруг них стояла и глазела на них целая толпа, пока один из коней не сорвался с привязи и не обратился в бегство. Тогда Диоген подошел к тому, который остался на месте, увенчал его и провозгласил победителем в ляганье. Ответом на это был всеобщий хохот и шум, Диогеном многие восхищались, а над участниками состязания пасмехались. Говорят, что некоторые зрители даже совсем ушли, не поглядев на состязание, в особенности те, которые жили в плохих помещениях или вовсе не имели пристанища.

Х. Диоген, или О слугах

¹ Как-то раз, когда Диоген шел из Коринфа в Афины, он встретил по дороге своего знакомого и спросил его, куда он идет; спросил он его, однако, не так, как обычно спрашивают люди, желающие показать, что они не относятся равнодушно к делам своих друзей; но, едва выслушав ответ, они уже бегут дальше; Диоген же ставил вопросы, как делают врачи, расспрашивая больных о том, что они намерены делать, — они ставят вопрос, чтобы потом дать им добрый совет: одно они приказывают делать, другое — запрещают. Так и Диоген стал спрашивать этого человека о том, что он делает.

² Тот ответил: «Я иду в Дельфы попросить совета у божества. Но когда я шел по Беотии, от меня сбежал мальчишка-раб, сопровождавший меня, и я возвращаюсь в Коринф³²; может быть, я пайду этого мальчишку там. Тогда Диоген возразил, как всегда, очень серьезно: «Как же ты, чудак ты этакой, думаешь, что ты сумеешь воспользоваться советом божества, раз ты не сумел использовать раба? Не кажется ли тебе, что это последнее дело гораздо легче и менее рискованно, чем первое, особенно для тех, кто не умеет ничем пользоваться как следует? Да и чего ты собственно добиваешься, разыскивая этого мальчишку?»

³ Разве он не был скверным слугой? — «Да, конечно, очень даже скверным. Хотя я не сделал ему никакого зла и даже приблизил его к себе, он все-таки сбе-

жал». — «Очевидно, он считал тебя дурным хозяином; если бы ты казался ему хорошим, он бы не покинул тебя». — «Но, Диоген, может быть, он и сам был дурным». — «Итак, — сказал Диоген, — он, считая тебя дурным, сбежал, чтобы ты не причинил ему какого-нибудь вреда; а ты считаешь его дурным и все же разыскиваешь его, — очевидно, тебе очень хочется, чтобы он тебе навредил; разве дурные люди не причиняют вреда тем, кто ими владеет или кто пользуется их услугами, будут ли это фригийцы или афиняне, свободные или рабы? Ведь даже если кто считает свою собаку непригодной к делу, то он не станет ее искать, если она сбежит от него; напротив, он выгонит ее вон — пускай убирается! А те, кто отделается от дурного человека, ничуть не радуются этому, а начинают хлопотать, оповещать своих друзей, пускают сами в путь, тратят деньги, лишь бы снова заполучить беглеца.

А ты думаешь, от скверных собак бывает больше вреда, чем от дурных людей? Скверные собаки загубили одного Актеона³³, да и то потому, что они были бешеные, а сколько народа погибло от дурных людей, и не сосчитать, — и частные лица, и цари, и целые города; одни — от слуг, другие — от воинов и придворных копьеносцев, третьи — от мнимых и ложных друзей, немало погибло и от руки сыновей, братьев и жен; неужели же это не удача, если удастся избавиться от дурного человека? Надо ли его искать и гоняться за ним? Ведь это все равно, что, освободившись от недуга, пачать его искать и стараться снова как бы внедрить его в свое тело».

Знакомый Диогена ответил: «То, что ты говоришь, Диоген, пожалуй, и верно; но трудно не попытаться отомстить тому, кто тебя обидел; рабу этому я ничего худого, как видишь, не сделал, а он посмел бросить меня; ведь он у меня никакой работы, какую обычно выполняют рабы, не делал, а сидел, бездельник этакий, дома, ел и пил и не имел никаких обязанностей, кроме как сопровождать меня». — «И ты полагаешь, — сказал Диоген, — что ты справедливо поступал с ним, кормя его, бездельника и неуча? Ты же еще больше портил его; ведь лень и безделье больше

всего другого губят людей неразумных. Он совершенно правильно решил, что ты его портишь; и хорошо сделал, что сбежал, очевидно, чтобы взяться за работу, а не испортиться вконец, бездельничая, зевая и объедаясь, а ты ведь, по-видимому, считаешь пустячным проступком то, что ты портишь человека. Разве не следует сбежать именно от такого человека, как ты, как от самого злостного врага и злоумышленника?»

- 8 «А что же мне теперь делать? При мне ведь нет другого слуги?» — «А что ты сделаешь, если у тебя неудобная обувь, которая натирает ногу, а другой у тебя нет? Неужто ты не снимешь ее как можно скорее и не пойдешь босиком? А если эта обувь сама развяжется, неужто ты не завяжешь ее потуже и не стянешь ногу покрепче? Как босые иногда ходят быстрее, чем те, у кого жмет обувь, так же многие, не имея слуг, живут легче и имеют меньше неприятностей, чем те, у кого их много. Посмотри-ка, сколько хлопот у богачей; одним приходится заботиться о своих заболевших слугах; им нужны врачи и сиделки — ведь рабы обычно не очень-то следят за собой и не берегутся, если захворают, отчасти по неразумию, отчасти потому, что они думают — если что-нибудь с ними случится, то от этого больше вреда будет их господину, чем им самим; другим богачам приходится каждый день сечь своих рабов, заковывать их в цепи, третьим — гоняться за беглыми рабами. Не могут они ни уйти из дома, когда им взду-
9 мается, ни дома они покоя не видят; а смешнее всего
10 то, что иногда они обслужены хуже, чем бедняки, у которых вовсе нет рабов.

Богачи похожи на сороконожек — я думаю, ты видал их; у них ужасно много ног, но они самые медленные из всех ползающих. Разве ты не знаешь, что от природы тело каждого человека устроено так, что он может обслуживать себя сам? Ноги у него — для ходьбы, руки — для работы и для заботы о других членах тела, глаза — чтоб видеть, уши — чтоб слы-
11 шать; к тому же и желудок ему даст такого размера, что человеку не нужно больше пищи, чем он может добыть себе сам; и он вмещает как раз столько,

сколько человеку нужно и полезно для здоровья. Рука, на которой больше пальцев, чем положено природой, слабее; человек с такой рукой считается калеккой; если у него лишний палец, то он и другими пальцами не может пользоваться, как следует; также если у кого-нибудь будет много ног, много рук, много желудков, то — клянусь Зевсом — это ни мало не придаст ему силы для труда; пичуть не легче будет для него добывать себе все то, что ему нужно, а, напротив, гораздо труднее и неудобнее.

- ¹² Теперь тебе надо будет доставать пищу только для себя одного, — продолжал Диоген, — а прежде — для двоих; если заболеешь, придется заботиться только о себе, а прежде пришлось бы ухаживать и за другим больным. Если ты останешься один в дому, то тебе нечего бояться, что ты сам у себя что-нибудь украдешь, а если заснешь, то нет опасности, что раб натворит каких-нибудь бед, если не заснет. Прими во внимание еще вот что: если ты жепат, то жена не будет считать нужным заботиться о тебе, раз у тебя есть в доме раб; к тому же она, конечно, будет ссориться с ним, то бездельничать и приставать к тебе с жалобами; а теперь ей будет не на кого жаловаться
- ¹³ и она сама станет больше заботиться о тебе. Где есть раб, там и дети портятся, становятся ленивыми и надменными, раз есть кто-то, кто их обслуживает и на кого они могут смотреть свысока; если же их предоставить самим себе, то они будут мужественней и сильней и с самого детства научатся заботиться о родителях».

- «Но, Диоген, я сам беден, и если мне не следует держать раба, то я продам его». — «И ты не постыдишься, — сказал Диоген, — во-первых, обмануть покупателя, продавая ему негодного раба? Ведь ты либо должен скрыть правду, либо ты не сможешь его про-
- ¹⁴ дать. Кроме того, если человек продаст плохой плащ или какое-нибудь орудие, или животное, больное и непригодное к работе, то ему придется взять проданное обратно, тогда ты ничего не выгадаешь; а если тебе удастся кого-нибудь обмануть и он не заметит недостатков твоего раба, неужели ты не боишься тех денег, которые ты выручишь? Возможно ведь, что

ты купишь еще худшего раба, если наткнешься на продавца, который окажется похитрей тебя, покупателя; а может быть, ты используешь эти деньги на что-нибудь, что тебе повредит: деньги далеко не всегда приносят пользу тем, кто их приобрел; от денег люди претерпели гораздо больше бед и больше зол, чем от бедности, особенно если у них нет разума.

- 15 Ты, очевидно, не стараешься приобрести то, что может научить тебя из всего извлекать пользу и правильно устроить все свои дела? Ты будешь добиваться не ума, а денег и владения земель, конями, кораблями и домами? Ты сам станешь их рабом, они принесут тебе много огорчений, заставят тебя много и напрасно трудиться, и ты проведешь всю жизнь, хлопоча то о том, то о другом, а пользы ни от чего не
- 16 увидишь. Разве ты не замечаешь, насколько печальнее, чем люди, живут звери и птицы? Жизнь для них слаще, они здоровее и сильнее людей, и каждый из них живет столько времени, сколько ему положено, хотя у них нет ни рук, ни человеческого разума. Но вместо этого и многого иного, чего им недостает, у них есть одно величайшее благо — они не имеют собственности».

«Да, пожалуй, Диоген, я предоставлю своему рабу идти, куда ему угодно, разве что я случайно натолкнусь на него». — «Клянусь Зевсом, — возразил Диоген, — это все равно, как если бы ты сказал: не стану я искать эту брыкливую и лягающуюся лошадь, но если она мне попадется, то я подойду к ней поближе, чтобы она меня хорошенько лягнула».

- 17 «Ну, ладно, оставим это дело. А почему ты не хочешь, чтоб я воспользовался указанием божества?» — «Что? Я отговариваю тебя воспользоваться его указанием, если ты способен к этому? Вовсе не это я сказал, а вот что: очень трудно и даже невозможно использовать указание бога или человека или даже пользоваться своими собственными силами, справиться, если не умеешь; а попытаться что-то делать, не умея, — вот это хуже всего. Или ты думаешь, что человек, не умеющий обращаться с конями, много пользы от них получит?» — «Конечно, нет». — «А если применить силу, то не столкнешься ли ско-

рее с ущербом, чем с пользой?» — «Ты, конечно, прав». — «Вот еще один пример. Если кто-нибудь не умеет обращаться с собаками, может ли он получить от них пользу? Разве пользоваться чем-нибудь не значит ли получить от этого пользу?» — «Пожалуй, что так». — «Следовательно, никто из тех, кто понес ущерб, не пользуется тем, что ему нанесит вред?» — «Нет, не пользуется». — «Разве тот, кто пытается пользоваться собаками, не имея на то необходимых знаний, не расплачивается за это?» — «Разумеется, расплачивается». — «Значит, он и в самом деле не использует их, ибо нет использования без пользы, и притом дело обстоит именно таким образом не только тогда, когда имеются в виду собаки и кони, но и быки, и мулы.

И вот что, пожалуй, самое удивительное: без падежащего опыта нельзя управиться даже с ослом и бараном. Разве тебе не известно, что одни получают доход, а другие — только ущерб от занятия овцеводством и эксплуатации ослов?» — «Конечно, знаю». — «Не ясно ли, что как раз неопытные люди несут убытки, а специалисты получают пользу и от ослов, и от свищей, и от гусей, и от любого другого животного». — «Видимо, так». — «Вот именно. Разве то же самое нельзя сказать и обо всем остальном? Может ли на кифаре играть человек, не обученный музыке? Даже когда он только пробует играть, само его неумение уже вызывает смех, не говоря о том, что он портит инструмент и рвет струны». — «Что еще скажешь?» — «Если кто-нибудь захочет играть на флейте, не будучи флейтистом, и с этой целью явится в театр, не забросают ли его в наказание камнями, а флейту он и сам в ту же минуту сломает? А если кто станет за кормовое весло, не умея править, разве он не пустит тотчас же корабль ко дну, погубив себя и пассажиров? Разве дело обстоит иначе? Принесут ли пользу копье и щит трусам и неумехам? Разве при первом же испытании они не погубят не только свое оружие, но и самих себя?»

«Я согласен с тобой, Диоген, но пока ты бесконечно задаешь вопросы, солнце успеет закатиться». — «А не лучше ли слушать полезные слова до самого

захода солнца, чем без толку идти вперед? Значит, во всех тех случаях, когда ты не умеешь чем-либо пользоваться, нельзя быть уверенным в исходе дела; а чем важнее та вещь, которую ты хочешь использовать, тем больше вреда при неумелом обращении она может привести. Уже не думаешь ли ты, что с конем можно обращаться так же, как с ослом?» — «Что ты? Конечно, нет». — «А можно ли обращаться с богом так же, как с человеком?» — «Об этом даже говорить не стоит, Диоген», — ответил собеседник. «Итак, существует ли такой человек, который может пользоваться чем-нибудь, не будучи с ним знаком?» — «Что ты имеешь в виду?» — спросил он. «Тот, кто не знает человека, не может пользоваться услугами этого человека. Это ведь невозможно. И тот, кто не знает самого себя, не может, пожалуй, пользоваться даже самим собой». — «Кажется, ты прав». — «Должно быть, ты слышал уже о надписи в Дельфах: „Познай самого себя“³⁴?» — «Конечно». — «Не ясно ли, что бог предписывает заниматься этим всем как не познавшим самих себя?» — «По-видимому, так». — «Но ведь и ты, должно быть, один из них?» — «Почему же нет?» — «Разве ты уже познал себя?» — «Мне кажется, что не познал». — «Но если ты сам не знаешь, что ты есть, то, значит, не знаешь, что такое человек, а не зная этого, ты не способен пользоваться другим человеком. Не будучи в состоянии пользоваться человеком, ты в то же время пытаешься пользоваться услугами бога, что, по общему мнению, во всех отношениях значительно сложнее и труднее первого».

²³ «Ты что же думаешь, — продолжал Диоген, — Аполлон говорит по-аттически или на дорийском наречии? Разве у людей и богов один и тот же язык? Они ведь настолько отличаются друг от друга, что даже река Скамандр в Трое на их языке называется Ксанфом³⁵. Птицу „кюминдис“ они называют „халкида“, а некую местность, расположенную за чертой их города, троянцы называют Батиейя, а боги — „Могила Мирины“³⁶. Из-за различия в языках возникает и неясность оракулов, которые многих ввели уже в заблуждение. Для Гомера, должно быть, имело смысл

²⁴

отправиться к Аполлону в Дельфы, ибо он знал два языка, если, конечно, не все вообще, и притом не кое-что, вроде тех, кто, заучив два-три слова по-персидски, по-мидийски или ассирийски, обманывают несведущих.

А ты не боишься того, что боги говорят одно, а подразумевают другое? Вот что, например, рассказывают о знаменитом Ласе³⁷, который стал возлюбленным Хризиппа³⁸; он пришел в Дельфы и спросил у бога, обзавестись ли ему детьми. Оракул ответил, чтобы тот не имел детей, а если уж появится ребенок, то следует от него избавиться³⁹. Лай же был настолько неразумен, что не понял двойного смысла, скрытого в словах Аполлона, и родил и воспитал сына. Впоследствии он и сам погиб, и весь свой дом погубил, так как был не способен „пользоваться“ богом⁴⁰. Ведь если бы он не услышал этого оракула, то не бросил бы Эдипа, и последний, выросший в доме, не убил бы Лая, зная, что он его сын. Слышал ты, верно, и то, что рассказывают о лидийском царе Крезе⁴¹, который, полагая, что более всего следует повиноваться богу, пересек реку Галис, лишился своего царства, сам попал в плен и едва не сгорел живьем.

Думаешь, ты мудрее Крезе, человека, обладавшего огромным богатством и повелевавшего таким множеством людей, дружившего с самим Солоном и многими другими мудрецами? Тебе, конечно, известна также история Ореста и ты видел трагедии, в которых он в припадке безумия порицает бога, будто тот посоветовал ему убить собственную мать⁴². Не считаешь ли ты, что Аполлон мог предписать кому-нибудь из спрашивавших его содействовать что-либо дурное или позорное? Но, как я уже сказал, не будучи в состоянии „пользоваться“ богом и тем не менее пытаюсь сделать это, люди потом обвиняют не самих себя, а божество.

Если ты последуешь моему совету, — сказал Диоген, — то будешь осторожен и постарайся сперва познать самого себя, а потом, когда ты уже сам станешь разумным, тогда и иди к оракулу, если сочтешь это необходимым. Но я уверен, что тебе не понадобится никакой оракул, если у тебя будет свой разум,

Подумай-ка, например, оракул прикажет тебе правильно читать и писать, а ты не знаешь грамоты — ведь ты не сможешь сделать, как он велит; а раз ты знаешь буквы, то ты и без веления божества будешь писать и читать, как следует. Также и во всяком другом деле: если тебе дадут совет делать что-то, чего ты делать не умеешь, ты не сможешь это выполнить. И жить правильно ты не сможешь, если не подумаешь сам, как это сделать, хотя бы ты надоедал Аполлону своими вопросами каждый день, а он занимался бы только тобой одним. А имея разум, ты и сам сообразишь, что тебе надо делать, и как⁴³.

²⁹ Есть, правда, еще одна сторона вопроса, о которой я забыл сказать, когда речь шла об Эдипе. Он не отправился в Дельфы за оракулом, а встретился с Тирезием и, получив от него прорицание, только по причине своего неразумия претерпел великие бедствия. Он узнал, что женился на своей матери и она родила ему детей. После этого, может быть, следовало бы лучше скрыть этот факт от фиванцев, но Эдип, во-первых, широко его обнародовал, а затем стал негодовать и громко кричать, что он отец и брат своих детей, а матери своей он муж и сын.

³⁰ Однако петухи вовсе не негодуют в подобной ситуации. Не делают этого и собаки, и ослы, и даже персы, которые славятся самыми благородными в Азии. Вдобавок ко всему Эдип сам ослепил себя, а потом, слепой, скитался повсюду, будто не мог этого делать, сохранив зрение».

Тогда в ответ на эти слова возразил собеседник: «Ты, Диоген, изображаешь Эдипа самым тупым из людей, эллины же, напротив, считают, что хотя не было на свете более несчастного человека, однако не было и более мудрого. Ведь только он один смог разгадать загадку Сфинкса»⁴⁴. На это Диоген рассмеялся. «Если бы только разгадал! — воскликнул он. — Не слышал ли ты, что это сам Сфинкс подсказал ему ответ: „Человек“? Эдип же сам не мог сказать, что есть человек, так как не знал. Произнося слово „человек“, он думал, что отвечает на вопрос. Точно таким же образом, когда спрашивают: „Что есть Сократ?“ — отвечающий ничего иного сказать не мо-

жет, кроме как назвать имя „Сократ“. Я, по крайней мере, слышал, как кто-то утверждал, что Сфинкс — это символ невежества, которое как раньше, так и теперь наносит вред беотийцам⁴⁵. Это оно не позволило им что-либо познать, ибо они самые невежественные из людей. И хотя находились люди, сознававшие свое неразумие, однако Эдип, считая себя самым мудрым, думал, что он избежал гибели от Сфинкса и убедил в этом остальных фиванцев, тем не менее погиб самым злосчастливым образом. Таким образом, невежды, убежденные, что они мудрецы, гораздо несчастнее всех остальных. Таково и племя софистов».

МАКСИМ ТИРСКИЙ

ПРЕДПОЧИТАТЬ ЛИ КИНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ?

- 1 Я хочу тебе по примеру мудрого лидийца¹ рассказать сказку; но в этой сказке должен говорить я, а не лев, или орел, или — еще более бессловесные, чем они, — деревья. Да, здесь надо говорить мне.

Некогда был Зевс, были небо и земля; обитателями неба были боги, а питомцев земли — людей — тогда еще на свете не было. И вот призывает Зевс Прометей и приказывает ему заселить землю простыми животными, по своему образу мыслей более всего близкими богам; а тело их должно быть нежным, прямым и соразмерным; у них должен быть приветливый взгляд, ловкие руки и твердая поступь.

И вот повинуется Прометей Зевсу, создает людей и заселяет ими землю. Когда они обрели бытие, то не тяжелой оказалась для них жизнь; ведь пищу им щедро доставляла земля; были у них луга пышные, горы кудрявые и плодов достаток — все, что земля охотно доставляет, пока еще ее не тревожат пахари.

Нимфы предоставляли им чистые источники и прозрачные реки, всякую влагу в изобилии и неиссякаемые родники. Жар солнца разливался по их телам умеренно, вливая в них бодрость, а ветерки, веявшие над рекой в летний зной, навевали им прохладу, осве-

жая тело. Спорить им было не о чем, так как они жили в полном довольстве, получая все без всякого труда.

Мне кажется, что и поэты ближе всего стоят к этой нашей сказке, рассказывая в сокровенной форме о жизни, какой она была во времена Крона, царя богов, — о жизни без войн, оружия, без охраны, о жизни мирной, без распрей, здоровой и не знающей нужды. И Гесиод, как кажется, именно эту жизнь называет золотым веком², поступая подобно нашей сказке.

² Но оставим сказку, и пусть из нее возникнет разумное слово: сравним теперь одип образ жизни с другим, век, бывший прежде, с последующим — назвать ли его «железным» или как-нибудь иначе, — когда люди стали делить землю между собой; они разрезали ее, обнеся оградами и стенами, и каждый захватил себе какую-нибудь часть; свои тела они стали облекать в мягкие одежды, ноги обматывать кожами и обвивать золотом то шею, то голову, то пальцы, надевая на себя красивые блестящие оковы; они строили дома, снабжая их засовами, воротами и преддверьями; они начали мучить эту землю, отыскивая в ней металлы, разрывая и копая ее. Даже море они не оставляли в покое, они построили ему на беду суда — для войны, для перевозок, путешествий и торговли. Не удержали они своих рук и от воздуха, — даже ему они причинили вред, вылавливая стаи птиц при помощи птичьего клея, силков и других разнообразных хитростей.

Они не жалели прирученных животных за их слабость, не отступали перед дикими зверями из страха, но набивали свой желудок при помощи кровопролития, убийства и всяческого осквернения. Постоянно ища новую пищу для своих страстей, с презрением отвергая все прежнее, они гонялись за наслаждениями и терпели бедствия, стремясь к богатству; они всегда считали то, чем владели, хуже того, чего им недоставало, а то, что приобрели, ценили меньше того, что надеялись захватить. Они боялись нужды, а насытиться никак не могли; они страшились смерти, но о жизни не заботились; боялись болезней, но не воз-

держивались от всего, что порождает болезни; подозревали одних, но сами строили козни против большинства; страшные для безоружных, трусливые перед вооруженными, они ненавидели тиранию, а сами жаждали стать тиранами; они порицали все позорное, но от позорных дел не воздерживались; перед удачей они преклонялись, но доблестью не восхищались; о несчастьях они сокрушались, но пороков не избегали; при успехе становились дерзки, при неудачах перешительны; мертвых они считали счастливыми, но цепко держались за жизнь; ненавидели жизнь, но боялись смерти; затевали войны, а соблюдать мир не умели; в рабстве покорные, при свободе наглые, при народном правлении необузданные, при тирании робкие, они страстно желали иметь детей, но об уже рожденных несколько не заботились; они молились богам, ожидая от них помощи, и презирали их, не веря в их кару; боясь богов наказующих, они в то же время приносили ложные клятвы, как будто богов вовсе не существует.

3. Итак, если такие распри и такой разлад вторглись в этот, второй, образ жизни, то какому же из них мы должны присудить победную награду? Какой из этих двух образов жизни нам следует назвать естественным, простым и вполне свободным и какой — неестественным, стесненным, достойным сожаления и исполненным несчастий?

Так вот, пусть муж от каждого из двух веков явится на суд нашей речи, и она спросит обоих, и прежде всего представителя первого образа жизни, того, кто наг, обездолен и неискусен, — гражданина и обитателя всего мира³ — спросит, нарисовав ему образ жизни другого, хочет ли он сохранить за собой свою прежнюю пищу и свободу или, обрета наслаждения при втором образе жизни, получить вместе с ними и всевозможные горести. После него пусть выступит другой, пусть ему представит она образ жизни и свободу его предшественника, пусть спросит, выберет ли он свой прежний образ жизни или захочет переместить его и как бы переселиться в жизнь другого — в жизнь мирную, свободную, не знающую нужды и беспечальную. Кто из двух станет перебежчиком? Кто

добровольно променяет свой образ жизни на образ жизни другого?

- 4 Какой человек столь неразумен, кто так любит зло, кто столь злополучен, что из любви к ничтожным и эфемерным наслаждениям, сомнительным благам и обманчивым надеждам, из любви к непрочным счастливым случайностям не захочет отправиться в путь и переселиться в жилище истинного блаженства? Особенно если он знает, что он должен благодаря этому избавиться от многочисленных зол, которые крепко слились со вторым образом жизни; разве не осудит он этот образ жизни, полный скорби, жалкий и несчастный?

Я, со своей стороны, пожалуй, сравню теперь оба эти образа жизни: этот, будто бы столь великолепный и разнообразный, я сравню с жестокой тюрьмой, в мрачной глубине которой томятся несчастные люди; ноги их закованы в крепкое железо, вокруг шеи у них тяжелая цепь, а на обших руках висят ужасные оковы; они грязны, находятся в постоянной тревоге и стенаниях. Но со временем и от ежедневной привычки они даже там находят себе радости: иногда напиваются допьяна в своей тюрьме, орут песни, набивают желудок, предаются любви. Но не наполняет это спокойствием никого из них: всего они страшатся, ни во что не верят и помнят постоянно о своих несчастьях. Так, в каждой тюрьме можно услышать одновременно и пени и песни, и стенания и плачи.

Далее, я сравню другой образ жизни с человеком здоровым, живущим светло и чисто: его ноги и руки не связаны, он свободно поворачивает шею, поднимает зоры к солнцу, видит звезды, различает день и ночь, спокойно ожидает прихода времен года, чувствует дыхание ветра и наслаждается чистым и вольным воздухом; его я сравню с человеком, который обходится без наслаждений, а вместе с тем и без оков, кто не пьянствует, не предается любовным страстям, не набивает свой желудок, не стенает, не поет хвалебных гимнов, не распевает песен, не плачет и не наедается до ожирения, но лишь настолько, чтобы жить с легким и необремененным желудком.

Какой из этих двух образов жизни надо признать счастливым? Какую жизнь счесть достойной сожаления? Какую избрать? Неужели ту жизнь, неразлучную с тюрьмой и ненадежную? Неужели мы дадим обольстить себя горьким и жалким удовольствиям, в которых

Вместе смешались победные крики и смертные стоны? ⁴

Нет, ты не хочешь этого, моя несчастная душа.

⁵ Но оставь все эти образные сравнения вместе со сказками и обратись к человеку, жившему не во времена Крона, но в самой гуще нашего железного века, человеку, освобожденному Зевсом и Аполлоном ⁵.

Он не был ни уроженцем Аттики, ни дорийцем, он не был вскормлен Солоном и не был воспитан Ликургом ⁶ (ведь ни страны, ни законы не порождают доблестей), но происходил он из Синопы на Понте.

Спросив совета у Аполлона ⁷, он сбросил с себя все узы окружающего мира и освободился от его оков; свободный, он стал обходить землю, уподобясь птице, обладающей разумом, не боясь тираров, не подчиняясь насилию закона, не обременяя себя общественными делами, не тревожась о воспитании детей, не сковывая себя браком, не занимаясь обработкой земли, не обременяя себя военной службой и не промышляя морской торговлей; напротив, он осмеивал все это — людей и их занятия, подобно тому как мы смеемся над маленькими детьми всякий раз, как видим их с увлечением играющими в бабки, когда они бьют и получают удары, отнимают и в свою очередь отдают. Он жил жизнью царя, не знающего страха, и свободного, он не проводил времени зимой среди вавилонян и не обременял собою мидян в летний зной ⁸, но вместе с временами года переселялся из Аттики на Истм, а с Истма снова в Аттику.

Его царскими чертогами были храмы, гимнасии и священные рощи, его богатством, не вызывающим никакой зависти, надежным и неотъемлемым, была вся земля и ее плоды, были рожденные землей источники, которые изливали для него питье щедрее, чем весь Лесбос и Хиос ⁹.

Он любил чистый воздух и свыкся с ним так же

хорошо, как львы, и не старался избежать того, что временами посылает Зевс, и не прибегал ни к каким ухищрениям, чтобы создавать для себя тепло зимой, а летом освежать себя прохладой. Был он поистине настолько привычен ко всему на свете, что при таком образе жизни оставался здоровым и сильным и дожил до глубокой старости; он никогда не нуждался в лекарствах, ни в железе, ни в огне¹⁰, ни в Хироне, ни в Асклепии, ни в Асклепиадах¹¹, ни в предсказаниях прорицателей, ни в очистительных обрядах жрецов, ни в пении магов-заклинателей.

Когда Эллада была охвачена войной и все нападали на всех,

В поле сходились недавно, стремимые бурным Аресом¹²,

лишь он один призывал к миру, он, невооруженный среди вооруженных, мирный среди сражающихся; его сторонились незаконные тираны и доносчики, ибо он обличал дурных людей, обличал не словесными ухищрениями, докучливо порицая их, но делами, сопоставляя всякий раз дела их и свои. Обличая, он всегда достигал цели и был миролюбивым. Поэтому против Диогена не выступил ни Мелет какой-нибудь, ни Аристофан, ни Анит, ни Ликон¹³.

Итак, как же мог Диоген не отдать предпочтения такому образу жизни, который он добровольно избрал себе, который ему указал Аполлон и восхвалил Зевс и которому удивляются все, кто имеет разум?

А чем, кроме непосредственной пользы дела, может руководствоваться тот, что не по собственному выбору приобрел что бы то ни было?

Например, спроси женатого человека: «Для чего ты женился?» Он скажет: «Для того, чтобы иметь детей». Спроси воспитывающего детей, ради чего он их родил, он скажет: «Страстно желая наследника». Спроси воина, он скажет: «Хочу богатой добычи». Спроси земледельца, он ответит: «Хочу собрать плоды». Спроси у ростовщика, он скажет: «Жажду богатства». Спроси занимающегося общественными делами, он скажет: «Жажду славы».

Однако все предметы этих желаний в большинстве случаев оказываются обманчивыми и превращаются

в свою противоположность: удача — дело случая, а не результат мудрости или искусства. Ведь всякий, кто поставит перед собой одну из этих целей, испытывает в жизни несчастье и потерпит заслуженные бедствия, так как он не может сослаться на то, что не знал, каковы те блага, которые он избрал по своей воле.

Кого же из всех этих людей можно назвать свободным? Народного вождя? Но ведь он раб многих господ! Судебного оратора? Но он раб суровых судей! Тирана? Но он раб необузданных наслаждений! Полководца? Но он раб неверного случая! Морепопавателя? Но он раб ненадежного ремесла! Философа? Но какого именно? Я, конечно, восхваляю Сократа, но я же слышу, как он говорит: «Я подчиняюсь законам, добровольно иду в тюрьму и охотно прикипаю яд». О Сократ, понимаешь ли ты, что говоришь? Неужели охотно или только желая мужественно противостать своей неизбежной судьбе?» — «Я повинуюсь закону». — «Какому закону? Ведь если это закон Зевса, я прославляю такого законодателя; если же по законам Солона, то чем Солон был лучше Сократа?»

Но пусть ответит мне Платон во имя философии, неужели ее не поколебало ничто: ни Дион, вынужденный бежать, ни грозный Дионисий¹⁴, ни Сицилийское или Ионийское море, вздымающие свои волны?

Упомяну, пожалуй, и о Ксенофонте¹⁵ и брошу взгляд на его жизнь, заполненную странствиями, неверным счастьем, вынужденной военной службой, командованием войсками против воли и почетным изгнанием.

И вот все эти злключения, утверждаю я, проходят мимо того образа жизни, которым Диоген прославился более, чем Ликург и Солон, Артаксеркс и Александр, и стал свободнее даже самого Сократа: ведь он не был ни судим, ни заключен в тюрьму и прославился не своими страданиями.

ЛУКИАН ИЗ САМОСАТЫ

КИНИК¹

1 Л и к и н. Почему это ты, приятель, бороду отпустил и волосы отрастил, а хитона у тебя нет? Почему показываешься голым, ходишь босоногим и ведешь жизнь бродячью, не человечесью, а звериную? Зачем, вопреки тому что все делают, ты собственное свое тело умерщвляешь всячески и бродишь кругом, находя то там, то здесь ночлег на жесткой и пыльной земле, так что всякую мерзость носишь на жалком своем плаще, и без того уж нетонком, нецветистом?

К и н и к. Да мне такой и не надобен. А нужен такой, чтоб раздобыть его полегче было и чтобы хлопот он своему владельцу доставлял поменьше: такого и довольно с меня...

2 Ну, а теперь скажи, богов ради: разве, по-твоему, с роскошью не сопряжен порок?

Л и к и н. Еще как!

К и н и к. С простотою же — добродетель?

Л и к и н. Ну еще бы!

К и н и к. Так почему ж тогда, видя, что я веду жизнь более простую, чем прочие, они же — более пышную, ты меня, а не их порицаешь?

Л и к и н. Потому что, видит Зевс, ты, по-моему, не в большей, чем другие, простоте живешь, но в большем убожестве, сказать точнее, в полном недостатке и бедности: ведь ты ничем не отличаешься от нищих, выпрашивающих себе пропитание на каждый день.

3 К и н и к. Так не хочешь ли, раз уж зашла об этом речь, рассмотрим, что значит «недостаточно» и что «достаточно»?

Л и к и н. Если ты считаешь это нужным.

К и н и к. Итак, для каждого человека является достаточным то именно, что достает до уровня его потребности. Или, может быть, ты это понимаешь как-нибудь иначе?

Л и к и н. Допустим — так.

К и н и к. Недостаточным же все то, чего недостает именно для потребности, что не достигает размеров необходимого. Не правда ли?

Л и к и н. Правда.

К и н и к. Значит, я не терплю ни в чем недостатка, так как все, что у меня есть, вполне удовлетворяет мою потребность.

4 Л и к и н. Что ты, собственно, хочешь этим сказать?

К и н и к. А вот посмотри: для чего существует каждая из вещей, в которых мы нуждаемся? Например, дом: разве он существует не для прикрытия?

Л и к и н. Так. Дальше!

К и н и к. Но, ради богов, для чего же нужно нам само это прикрытия? Не для того ли, чтобы прикрытый чувствовал себя лучше?

Л и к и н. Мне кажется, что так.

К и н и к. Итак, во-первых, мои ноги: неужели, по-твоему, они в худшем положении, чем ноги других людей?

Л и к и н. Вот уж не знаю.

К и н и к. Ну, может быть, вот так тебе это станет яснее: скажи, что должны делать ноги?

Л и к и н. Ходить.

К и н и к. Так что же? Ты полагаешь, что мои ноги ходят хуже, чем у остальных людей?

Л и к и н. Нет, это совсем неправильно.

К и н и к. А значит, и состояние их не хуже, раз они не хуже других выполняют свою работу.

Л и к и н. Правильно.

К и н и к. Следовательно, что касается ног, я, оказывается, нахожусь в положении ничуть не худшем, чем другие люди.

Л и к и н. Непохоже, что ты был хуже.

К и н и к. Что же? Может быть, тогда остальное мое тело в худшем состоянии? Но ведь если оно хуже, то, значит, и слабее, так как достоинство тела — в его силе. Ну, а разве мое тело слабее других?

Л и к и н. На вид — нет.

К и н и к. Итак, оказывается, что ни ноги мои, ни остальное тело не терпят недостатка в прикрытии. Ибо, испытывая недостаток, они находились бы в плохом состоянии, так как нужда всегда и всюду делает то, что ею охвачено, все более скверным и более слабым. Впрочем, и питается мое тело, по-видимому, не хуже других оттого лишь, что питается чем придется.

Ликий. Ясно: стоит лишь посмотреть на тебя.

Киник. Не было бы мое тело и сильным, если бы плохо питалось: разрушается ведь тело от плохого питания.

Ликий. Согласен и с этим.

Киник. Почему же, скажи мне тогда, если так обстоят дела, ты порицаешь меня, презираешь мой образ жизни и зовешь его жалким?

Ликий. Да потому, Зевсом клянусь, что природа, которую ты чтить, и боги раскинули перед нами землю и заставили ее производить много множество благ, чтобы мы все имели в избытке не только на потребу себе, но и на радость, — ты же ни в чем этом, или почти ни в чем, ни имеешь своей доли и ничуть не больше животных. Посмотри: пьешь ты воду ту же, что и звери, ешь все, что тебе попадет, подобно собакам, и ложе твое ничуть не лучше, чем бывает у псов: охапки сена довольно для тебя, как и для них. Да и плащ на тебе нисколько не лучше, чем на обездоленном нищем. А между тем если согласиться, что ты, довольствуясь этим, правильно мыслишь, то, следовательно, бог поступил неправильно, сотворив и овец тонкорунных, и сладкие винные гроздья, и многое множество иных чудес для нас приготовив — и масло, и мед, и многое другое, чтобы были у нас яства разнообразные, и сладкий напиток, деньги, мягкое ложе, чтобы мы имели красивые жилища и все остальное, на диво изготовленное, а также произведения искусств: они ведь тоже дары богов. Жизнь, лишенная всех этих благ, — жалкая жизнь, даже если человек лишен их кем-нибудь другим, как те, что сидят в темницах. Но еще более жалок, кто сам лишает себя всего, что пре-
красно: это уже явное безумие.

Киник. Что ж? Может быть, ты и прав... Однако вот что скажи мне: положим, богатый человек от всего сердца ласково и радушно угощает и принимает у себя многочисленных и самых разнообразных гостей, болезненных людей и крепких. Хозяин покрывает для гостей стол множеством кушаний всякого рода, и вот кто-нибудь из гостей все захватит и все съест — не только то, что стоит перед ним, но и то, что дальше, что приготовлено для слабых здоровьем, тогда как сам

он совершенно здоров и притом имеет лишь один желудок, нуждается в немногом, чтобы насытиться, и когда-нибудь будет раздавлен обилием съеденных блюд, — скажи-ка, что это за человек, по-твоему? Наверно, разумник?

Л и к и н. Как для других, для меня — нет.

К и н и к. Тогда что же? Скромник?

Л и к и н. Тоже нет.

- 7 К и н и к. Ну, а теперь положим, что кто-нибудь из находящихся за тем же столом, не обращая внимания на обилие всевозможных блюд выберет одно из них, что поближе, достаточное для его потребности, и благопристойно съест его, им одним воспользовавшись, а на остальные даже не поглядит, — не признаешь ли ты, что этот человек и благороднее, и порядочнее первого?

Л и к и н. О конечно!

К и н и к. Итак, понимаешь? Или я должен еще разъяснить тебе?

Л и к и н. Что именно?

К и н и к. А то, что божество, подобно нашему радушному хозяину, выставило перед нами обильные, разнообразные и разнородные кушанья, чтобы каждый получил то, что для него подходит: одно — для здоровых, другое — для больных, одно — для сильных, другое — для слабых. Божество не хочет, чтобы мы все пользовались всем, но чтобы каждый — тем, что ему свойственно, а из того, что ему свойственно, именно тем, в чем он окажется наиболее нуждающимся.

- 8 Вы же всего более уподобляетесь тому человеку, в своей ненасытности и невоздержанности старающемуся все захватить, ибо вы домогаетесь использовать все блага из всех мест земли, а не только свои отечественные: вы считаете, что вам недостаточно вашей земли и вашего моря, но из-за тридцати земель привозите товары себе на усладу, все заморское предпочитая местному, роскошное — простому, малодоступное — доступному. Короче говоря, вам больше нравится терпеть хлопоты и беды, чем жить беззаботно. Ибо, конечно, все это множество дорогих и пышных приготовлений, которыми вы блистаете, добываются

вами путем великих несчастий и бедствий. Да, да, не хочешь ли — посмотри на вожделенное золото, посмотри на серебро, посмотри на одежды, предмет стольких усилий, посмотри на все, что тянется вослед перечисленному, — ценою каких хлопот все это покупается, каких трудов, каких опасностей! Более того, каким количеством человеческой крови, смертей и раздоров, — и не потому только, что многие гибнут в далеких плаваниях и терпят ужасы, добывая и изготавливая, — нет, это все вдобавок родит множество битв и побуждает вас строить взаимные козни: друзья — друзьям и дети — отцам, а жены — мужьям.

9 И все это совершается, несмотря на то что разноцветные плащи ничуть не лучше греют, и дома с золочеными кровлями ничуть не лучше укрывают от непогоды, и кубки серебряные не делают попойку веселее, не делают этого и золотые. Также ложе из слоновой кости не приносит снов более сладких, но нередко ты увидишь богача, который на драгоценном ложе, на роскошных тканях не может забыться. А уж о том, что всякие заботы о кушаньях насыщают насколько не лучше, но лишь разрушают тело и причиняют ему болезни, — стоит ли говорить?

10 Нужно ли говорить также о том, сколько трудов и испытаний выносят люди ради утех Афродиты? А между тем так легко утишить эту страсть тому, кто не ищет излишеств. Но и для этой страсти безумств и раздоров кажется людям еще недостаточно, и они доходят до того, что опрокидывают естественное назначение вещей и пользуются установленными не для той цели, для какой это установлено природой, как если бы пожелал кто-нибудь вместо повозки воспользоваться ложем будто повозкой.

Л и к и н. Но кто же это делает?

К и н и к. Вы делаете, вы, которые пользуетесь людьми как упряжной скотиной и велите им тащить на плечах ваши носилки, словно повозки, а сами возлежите на них, в неге и роскоши, и правите сверху людьми, как мулами, приказывая им поворачивать не в ту, а в эту сторону. И чем больше вы совершаете таких поступков, тем блаженнее считаете себя...

11 А те, кто плоть живого существа употребляет не просто в пищу, но ухитряется обратить ее в краски, — каковы, например, красильщики пурпуровых тканей, — разве и эти люди не вопреки природе используют создания божества?

Л и к и н. Видит Зевс, нет, так как пурпурица² может окрашивать, а не идти только в пищу.

К и ц и к. Но не для того она существует. Ведь иной человек и кратером мог бы, учиня над ним насилие, воспользоваться как простым горшком, тем не менее кратер³ существует не для этой цели. Да что там. Разве возможно описать подробно всю одержимость этих несчастных? Так велика она. А ты мне ставишь в упрек то, что я не хочу в такой жизни участвовать, но сию, подобно скромному гостю, угощаясь тем, что мне подходит, употребляя лишь самое простое и насколько не стремясь к другим затейливым и разнообразным кушаньям.

12 Но, более того: если я, по-твоему, живу звериною жизнью оттого только, что я нуждаюсь в немногом и довольствуюсь малым, то богам угрожает опасность, в соответствии с твоими взглядами, оказаться еще ниже зверей, ибо боги уж совершенно ни в чем не нуждаются. Но, чтобы точнее понять, что значит «нуждаться в немногом», обрати внимание на следующее: количеством нужд дети превосходят взрослых, женщины — мужчин, больные — здоровых. Короче говоря, всегда и везде низшее нуждается в большем, чем высшее. Вот почему боги ни в чем не нуждаются, а те, кто всего ближе стоит к богам, имеют наименьшие потребности.

13 Ну, а Геракл, лучший из смертных, божественный муж, сам справедливо признанный за бога? Неужели ты думаешь, что несчастная судьба заставляла бродить его по земле обнаженным, с одной лишь лвиной шкурой на теле, и не знать ни одной из ваших нужд? Однако далеко не был несчастным он, сам защищавший других от бед; не был он равно и бедняком, ибо и суша и море были ему подвластны. В самом деле, куда бы Геракл ни направился, он повсюду всех одолевал и ни разу среди своих современников не встретил никого, равного себе или сильнейшего, пока не ушел сам из мира людей. Или ты думаешь, что Ге-

раклу нечего было подостлать под себя, не во что обуться и потому он странствовал в таком наряде? Нет, этого никто не скажет. Но Геракл был силен духом и вынослив телом, хотел силы, а роскоши не желал. А Тезей, ученик Геракла? Разве он не был царем всех афинян и сыном Посейдона, как гласит преданье, и самым доблестным мужем своего времени?

¹⁴ Но что же? И Тезей предпочитал не иметь сандалий, бродил наг и бос, и любо было ему носить бороду и длинные волосы; да и не ему одному было это приятно, но и всем мужам древности, потому что они были лучше вас, и не потерпел бы бритвы ни один из них, точно так же, как ни один лев не позволил бы побрить себя. Тело нежное да гладкое, думали они, приличествует женщинам, сами же они, чем были на деле, тем и казаться хотели — мужчинами, считая, что борода служит украшением мужу, подобно тому как грива коню или льву клок шерсти на подбородке даны на красу и на гордость, так и мужчине дана борода. Они-то, мужи древности, возбуждают мою ревность, им я хочу подражать, и нисколько не завидую удивительному счастью, которое ныне живущие люди находят в своих обедах, нарядах и в том, чтобы выложить каждый член тела и не оставить на нем ни одного волоска, хотя бы они вырастали в самых сокровенных местах.

¹⁵ Я же молю богов, чтобы ноги мои ничуть не отличались от конских копыт, как, по преданию, ноги кентавра Хирона⁴, чтобы самому мне, подобно львам, не нуждаться в постели и чтобы роскошная пища была мне потребна не больше, нежели псам. Да будет дано мне всю землю иметь своим ложем, в другом не нуждаясь; считать жилищем Вселенную, а пищу брать ту, какую добыть всего легче. В золоте же и серебре пусть никогда не почувствуем надобности ни я сам, ни мои друзья, так как из этой страсти рождаются для людей все бедствия: междоусобия, войны, заговоры, убийства. Все это имеет своим источником страсть к обладанию большим. Пусть же она не подступает к нам, пусть никогда не увлекает меня жажда корысти, и да буду я в силах довольствоваться малым.

16 Вот тебе мои взгляды. Конечно, они резко расходятся с желаниями толпы. И ничего нет удивительного, что и по внешнему виду мы отличаемся от большинства, раз мы так сильно отличаемся своими убеждениями. Но вот чему я дивлюсь: ты признаешь, что играющий на кифаре должен иметь особое платье и отличаться внешним видом, тоже и флейтист; да, да, флейтист должен иметь особую наружность и отличное платье — актер; за честным же человеком ты не признаешь права на отличие в наружности, наряде, но считаешь, что все признаки должны быть такими же, как у толпы, хотя толпа к тому же состоит из негодяев. Если же должна быть у честных людей единая, им свойственная наружность, то разве не подойдет для этой цели больше всего как раз самая оскорбительная для всяких распутников, самая для них неприемлемая?

17 Итак, для меня отличающая наружность состоит в том, что я грязен, космат, ношу грубый плащ и длинные волосы, хожу босиком, тогда как вы по внешности подобны искажающим природу распутникам⁵, и различить вас никому не возможно, ибо все у вас одинаково: и разноцветные тонкие ткани, множество всяких рубашечек, и верхнее платье, и обувь, и прическа, и духи. Да, да: вы уж и благоухать стали совсем как те, особенно самые, по-вашему, счастливые. Однако много ли можно дать за мужчину, от которого несет духами как от продажного мальчишки? И в самом деле: в работе вы ничуть не больше их выносливы, в наслаждениях же — ничуть не меньше; и кушаете вы, и причесываетесь одинаково с ними, и ходите так же или, лучше сказать, так же не желаете ходить, а предпочитаете, чтобы вас носили, как какую-то кладь, кого — люди, кого — мулы. Меня же несут мои собственные ноги, куда я только пожелаю. Я способен и холод выдерживать, и жар переносить, и не брюзжать на установленное богами, — а все потому, что я несчастен и жалок, вам же, с вашим счастьем, ничто совершающееся не по праву. Всё вы браните, того, что имеется, выносить не желаете, а стремитесь к тому, чего нет: зимой молитесь о лете, летом — о зиме, в зной — о холоде, а в холод — о зное. Вы, точно больные, ни-

чем не довольны и привередливы; но у тех виною болезнь, у вас же — ваш собственный нрав.

¹⁸ И после всего этого вы требуете от нас, чтобы мы переменили и исправили свое поведение, так как мы-де нередко дурно обдумываем свои поступки, между тем как сами вы неосмотрительны в собственных и ни одного из них не совершаете, следуя разумному решению, но всегда руководитесь привычкой или страстью. Поэтому вы ничем не отличаетесь от людей, уносимых бурным потоком: куда устремится течение, туда люди и несутся; так и вы — куда увлекают вас страсти. С вами происходит совершенно то же, что произошло, говорят, с одним человеком, севшим на бешеного коня: конь, конечно, подхватил его и помчал, а человек этот уже не мог сойти с коня во время скачки. И вот кто-то, встретив его, спросил, куда он мчится. «Куда ему заблагорассудится», — ответил тот, указав на коня. Так и вы: если бы кто-нибудь спросил вас: «куда вы несетесь?» — и если бы вы пожелали ответить правду, вы должны были бы сказать или просто «куда угодно нашим страстям», или, точнее, в одном случае — «куда угодно наслаждению», в другом — «честолюбию», в третьем — «жадности». Один раз вас может умчать гнев, другой раз — страх, третий — еще что-нибудь подобное, так как не на одном, но на множестве различных коней носитесь вы, садясь то на одного, то на другого, но все они равно дики и потому заносят вас в пропасти и стремнины. Но пока вы не свалитесь, до тех пор вы никогда не понимаете, что вас ожидает падение.

¹⁰ Что же касается грубого плаща, над которым вы насмехаетесь, то и он, и мои длинные волосы, и вся моя наружность такой огромной обладают силой, что дают мне возможность жить спокойно, делать что захочу и дружески встречаться с кем пожелаю. Ведь из людей невежественных и необразованных ни один не захочет подойти ко мне из-за моего вида, а разные неженки, так те еще издали сворачивают в сторону. Сближаются же со мной люди самого тонкого ума, строгой совести, жаждущие стать лучше. Эти люди чаще всего приходят ко мне, и с такими я рад вести беседы. У дверей же так называемых счастли-

цев я не прислуживаю, их золотые венки и пурпурные ткаши почитаю за дым и смеюсь над этими людьми.

²⁰ Если же ты хочешь убедиться в том, что моя наружность, которую ты высмеиваешь, не только честным людям, но и богам приличествует, рассмотри изображения богов: с кем они покажутся тебе схожими, с вами или со мной? И не только эллинские, но варварские храмы обойди и посмотри, как изваяны и написаны боги: с длинными волосами и бородами, как у меня, или стриженными и бритыми, подобно вам? Впрочем, в большинстве случаев ты и хитонов не увидишь на них, как и на мне. Так что же? Неужто ты еще осмелишься говорить о такой наружности, будто она никуда не годится, когда и самим богам она оказывается подходящей?

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Характеристику источников кинической философии см. во вступительной статье к данному изданию. Из западных работ, посвященных обзору основных источников по кинизму, см.: *Fritz K. von. Quellenuntersuchungen zum Leben und Philosophie des Diogenes von Sinope.* — *Philologus*, 1926, Supplbd. 18, N. 2.

Перевод кинических текстов с греческого выполнен, за исключением особо оговоренных случаев, И. М. Наховым.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ

Перевод сделан по изданию: *Diogenes Laertius. Lives of eminent philosophers* / Ed. by R. D. Hicks. L.; N. Y., 1979, vol. 2.

¹ Имеется в виду Кибела, «Великая мать богов», — малоазийская богиня плодородия. Ее оргиастический культ был особенно распространен в древнем мире в эпоху эллинизма и в римский период.

² Возможно, имеется в виду сражение при Танагре (город в Беотии) в 426 г. до н. э. См.: *Фукидид*, III, 91.

³ 40 стадиев — расстояние, приблизительно равное 8 км.

⁴ Игра слов: *саіпou* — «новый», *саі пou* — «также и ум».

⁵ Игра слов и рифма: *coіnen*—*poіnen* (общая—наказание).

⁶ В тексте малоопытно: *argyreai rhabdōi* (серебряной палкой).

⁷ Игра слов: *соgасас*—*соlасас* (вороны—льстецы). Греч. выражение «к воронам!» по смыслу равнозначно нашему «к чертям!»

⁸ Наименование школы связано с названием гимнасия Киносарг (*Cynosarges*), расположенного вне городских стен Афин у Кефейской дороги в направлении к Фалерону, близ восточных Демейских ворот. Киносарг был посвящен Гераклу; здесь же находилось его святилище. Этот гимнасий предназначался для нофов и метэков в отличие от Академии и Ликей, где занимались свободные и полноправные афинские граждане. Буквально «Киносарг» означает «Белая собака». Здесь учил Антистен, получивший прозвище «обыкновенной собаки» (*Диог. Лаэрт.*, VI, 13). Естественно, что последователи Антистена получили название «собаки», «книжки» (*сyнес*,

суπισοί), как ученики Платона, учившего в Академии, — «академики».

⁹ *Трибон* — рабочий короткий плащ, надеваемый прямо на голое тело.

¹⁰ *Большая бочка* — пифос, сосуд для хранения зерна и вина.

¹¹ Игра слов: *scholēn—cholēn* (школа—желчь), *diatribēn—catatribēn* (беседа — пустое времяпрепровождение).

¹² *Дионисии* — праздник в Аттике, посвященный богу Дионису. Во время Дионисий проводились состязания драматических поэтов.

¹³ Игра слов: *anapēgous* (калеки)—*aneurēgas* (без сумы).

¹⁴ Непереводаемая игра слов: *andras—andrapoda*.

¹⁵ *Выставил средний палец* — неприличный жест.

¹⁶ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VII, 3. Смысл: человек должен пренебрегать условностями и ничего не стесняться. Керамик — квартал ремесленников в Афинах.

¹⁷ *Еврипид*. Медея, 410.

¹⁸ Ср.: *Nauck A. Tragicorum Graecorum fragmenta, adespota*, 284. Отрывок из трагедии неизвестного автора.

¹⁹ Игра слов: *Афлий* (*Athlios*) — значит «несчастный».

²⁰ *Крест* — орудие казни. Смысл: когда-нибудь ты станешь преступником.

²¹ Свекла во времена Диогена считалась символом чего-то незрелого, изнеженного и была самой дешевой пищей. Ср. ниже: VI, 61; ср. также: Письма киников. Диоген, II.

²² *Перешел ... к Немейским играм*, т. е. к пастбищенским. Та *Nemea* (Немейские игры) от *nemo* (пасти).

²³ Имеется в виду знаменитая скульптурная группа Антенора и Крития, изображающая тираноубийц Гармония и Аристогитона, убивших одного из пизистратидов (514 г. до н. э.).

²⁴ Игра слов: *Cheirōn* (Хирон) — значит «худший».

²⁵ Игра слов: *Didymōn* созвучно слову *didymoi* (*анат.* — *testiculi*).

²⁶ Игра слов: *phgear* значит «колодец» и «тюрьма».

²⁷ Непереводаемая игра слов: *all'emation—aleimation*.

²⁸ Ср.: *Гомер*. Илиада, X, 343; 387.

²⁹ *Переназначенный Гомер*, ср.: Там же, V, 40; XVIII, 95.

³⁰ Ср.: *Элиан*. Пестрые истории, XIV, 33.

³¹ *Еврипид*. Финикиянки, 40.

³² Ср.: *Гомер*. Илиада, V, 366; VIII, 45.

³³ Там же, V, 83.

³⁴ *Кратер* — один из полководцев Александра Македонского. О нем см.: *Арриан*, VII, 12, 3; *Курций Руф*, VI, 6, 33, и др.

³⁵ На острове Самофракия была пещера, посвященная Гекате. Там приносили жертвы люди, жаждавшие спасти свою жизнь.

³⁶ Игра слов. Обыгрывание имени кентавра Хирона, ср.: VI, 51 (см. примеч. 24). Эвритион — кентавр, который положил начало

битве кентавров и лапифов (Одиссея, XXI, 295). Смысл: Худшим ты не стал, но стал пошире.

³⁷ Игра слов: *teutlia* значит «свекла» и «распутник». Ср. выше: VI, 45.

³⁸ Игра слов: *Tegeatēs* он образует от *tegos* (публичный дом).

³⁹ Игра слов: *hē labē* значит «рукоятка» и «повод».

⁴⁰ Хотя в дошедших до нас рукописях «Илиады» этой строчки нет, некоторые ученые считают вероятным ее существование в первоначальном тексте.

⁴¹ Гомер. Илиада, III, 65.

⁴² Гомер. Одиссея, I, 157; IV, 70.

⁴³ *Исцеляя... глаз* — букв. «исцеляя зрачок» (*soḡēn*). Игра слов: *soḡē* значит «зрачок» и «девственность».

⁴⁴ Ср. выше: VI, 37.

⁴⁵ *Или с Крита* — возможно, Керкид какое-то время жил на Крите.

⁴⁶ Размер в переводе не выдержан, так как прокелевзматик (сплошные краткие слоги: $\cup\cup\cup$) передаче на русский не поддается.

⁴⁷ 13 июня (?) 323 г. до н. э.

⁴⁸ *На 113-ю Олимпиаду* — т. е. на 328—324 гг. до н. э., когда Кратету должно было быть лет сорок.

⁴⁹ *Бывал* — предположительная вставка. В этом месте пропуск в оригинале.

⁵⁰ Древние, обращаясь к какому-нибудь важному лицу с просьбой, касались его колен. *Гимнасиарх* (начальник гимнасия) в силу своей испорченности принял этот жест за неприличное предложение.

⁵¹ *Астином* — блюститель порядка в городе.

⁵² Гомер. Илиада, I, 591. У Кратета стих несколько изменен.

⁵³ Там же, XVIII, 392. Гефест — бог огня. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, III, 5 (О Платоне).

⁵⁴ *Еврипид*. Вакхавки, 1236.

⁵⁵ Гомер. Одиссея, IV, 392.

⁵⁶ Ср.: *Еврипид*. Антиопа (фргм. 205, Динд.).

⁵⁷ Борисфен—Ольвия, древнегреческая колония в Северном Причерноморье (в устье Буга и Днестра), процветавшая в V—IV вв. до н. э.

⁵⁸ *Рассказал Антигону* — имеется в виду македонский царь Антигон Гонат (319—240/39 до н. э.).

⁵⁹ Гомер. Одиссея, X, 325 / Пер. В. Жуковского.

⁶⁰ Гомер. Илиада, VI, 211 / Пер. Н. Гнедича.

⁶¹ Противники Биона, ученики стоика Зенона.

⁶² См. выше примеч. 5; ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 3.

⁶³ При переводе принято не рукописное *ἐστῶν*, а чтение Рейске

ἀνιῶν как более соответствующее духу философии Биона. Вовсе не подходит конъектура: <ἀρ>ετῶν (Г. Ричардс), принятая Р. Д. Хиксом.

⁶⁴ Игра слов: *procorēs*—*encorēn*.

⁶⁵ *Еврипид*. Ипполит, 424. Стих несколько изменен.

⁶⁶ *Будучи учеником Кратета* — имеется в виду не киник Кратет Фиванский, а философ академического направления Кратет Афинский.

⁶⁷ Здесь пародированы несколько гомеровских выражений (Илиада, III, 82; I, 146; XVIII, 170). Архит из Тарента — ученый пифагореец, занимавшийся теорией музыки.

⁶⁸ Вместо малопонятного рукописного αὐτῶ при переводе припимаю чтение Рейске: αὐτός.

⁶⁹ Ср.: Антология Плануда, 37. При переводе этого стихотворения на русский язык я счел возможным ввести в него для большей выразительности рифму.

ФРАГМЕНТЫ СОЧИНЕНИЙ КИНИКОВ И КИНИЗИРУЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Антисфен

Перевод фрагментов сделан по изданию: *Mullachius Fr. G. Fragmenta philosophorum Graecorum*. P., 1881, vol. 2, p. 274 sq.

Хотя это собрание фрагментов явно устарело, требует пересмотра, уточнений и дополнений, однако оно до сих пор остается незаменимым пособием по истории античной философии и, в частности кинизма. В части фрагментов Антисфена Муллах использовал старое издание: *Winckelmann A. C. Antisthenis fragmenta*. Turici, 1842.

Новейший сборник фрагментов Антисфена составлен итальянской исследовательницей Ф. Д. Каицци (Милан, 1966). По этому изданию сделано дополнение. Новая хрестоматия текстов греческих философов (*Vogel C. J. de. Greek Philosophy*. Leiden, 1963—1964) содержит лишь главнейшие тексты. Для удобства пользования переводом и цельности собрания, дающего представление о сочинениях кинических философов, я перевел текст издания Муллаха полностью, с сохранением нумерации фрагментов и примечаний издателя, которые даются в круглых скобках. Этим же объясняются некоторые повторения (так, например, у Муллаха, естественно, мы встретимся с серией отрывков из Диогена Лаэртца, 6-я книга которого выше переведена полностью). Небольшие дополнения, сделанные мною, отнесены в примечания. Тексты сверены по новым изданиям и снабжены необходимыми примечаниями.

¹ Дополнение: «„Кир“, как и другие сочинения Антисфена, человека более даровитого, чем образованного, мне очень понравился» (*Цицерон*. Письма к Аттику, XII, 38).

² Дополнение: «Антисфен в книге под названием „Физик“ утверждал, что народных богов много, а в природе — один. Этим самым он уничтожает силу и природу богов» (*Цицерон. О природе богов*, I, 13).

³ *Гомер. Одиссея*, XIX, 521.

⁴ *Единоеобразное несоответствие* — т. е. по отношению ко всем слушателям.

⁵ *Лечиться... чемерицей* — т. е. как от безумия.

⁶ Перевод сделан по изданию: *Winckelmann A. C. Antisthenis fragmenta*. Turici, 1842, p. 38 sq; См. также: *Antiphon. Orationes et fragmenta* / Ed. F. Blass. Lipsiae, 1881; *Antisthenis fragmenta* / Collegit F. D. Caizzi. Milano, 1966, p. 24—28. Эти декламации представляют собой речи Аякса и Одиссея, споривших об обладании доспехами погибшего Ахилла, на суде, состоявшем из пленных троянцев.

⁷ *Против... воли* — Одиссей перед началом Троянской войны не хотел покинуть родную Итаку и притворился сумасшедшим. Только Паламед обнаружил его хитрость, после чего Одиссей был вынужден принять участие в походе против Трои.

⁸ *Статуя богини* — речь идет о паллади, старинной деревянной статуе Афины, находившейся в Трое. Эта статуя якобы упала с неба и охраняла город, пока она находилась в его стенах.

⁹ *Феопомп Хиосский* (IV до н. э.) — историк и ритор, автор исторических сочинений, повествующих о времени после Пелопоннесской войны и правления Филиппа II Македонского. От этих сочинений сохранились лишь фрагменты.

¹⁰ В сочинении о Геракле Антисфен использовал мифологический сюжет. Геракл сражался с кентаврами, десять из них убил, но Хирона ранил лишь случайно. Хирон жил в пещере у подножья горы Пелион (Фессалия), где бывал герой. Возможно, речь идет о посещении Хирона Гераклом в то время, когда последний был влюблен в Иолу, дочь Еврита, противившуюся его домоганиям. Именно ревность жены Геракла Деяниры к Иоле послужила причиной мучительной смерти его.

¹¹ Симпликия, одного из последних неоплатоников (VI в. н. э.), занимают наиболее отвлеченные понятия, в которых он различает разные степени абстракции. В греческом оригинале употреблены два термина, один из которых (*τὸ ποῖόν*) более абстрактен («качественность»), чем второй (*ἡ ποῖότης*) — («качество»).

¹² См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 7.

¹³ *Идэя* (*Idaia*) — богиня горы Иды (горная цепь в Мисии) — Кибела, или Афродита.

¹⁴ По древнему закону, подтвержденному Периклом, полноправным афинским гражданином считался лишь рожденный в законном браке от двух полноправных афинских граждан.

¹⁵ *Аполлодор... Критобул... и Антисфен* — близкие друзья и ученики Сократа, которые находились при нем в последние часы его жизни в тюрьме перед казнью (399 г. до н. э.).

¹⁶ *Киносарг* — см. выше: Диог. Лаэрт., примеч. 8.

¹⁷ *Во время правления Тридцати* — после поражения Афин в Пелопоннесской войне там захватили власть 30 олигархов и установили режим кровавого террора (404 г. до н. э.).

¹⁸ *Участвуют в ужасающих трапезах* — имеется в виду микенский царь Фиест, с которым постоянно враждовал его брат Атрей. Из мести Атрей убил детей Фиеста и на пиру накормил его их мясом. Этот сюжет часто использовали трагики.

¹⁹ *Аристипп* из Кирены (ок. 435—355), ученик Сократа, основатель гедонистической школы, проповедовавшей в качестве цели философии удовольствие и чувственные радости. Во время своих странствий провел некоторое время при дворе сиракузских тиранов.

Диоген Синопский

Перевод сделан по изданию: *Mullachius Fr. G. Op. cit., vol. 2, p. 299 sq.*

¹ *Гирканский* — т. е. персидский.

² См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 15.

³ Этот анекдот обыгран А. С. Пушкиным в стихотворении 1825 г.:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

⁴ См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 19.

⁵ См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 20.

⁶ См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 22.

⁷ См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 24.

⁸ См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 36.

⁹ Игра слов: *hurobolimaios* (подкидыш) — *hurobeblemenos* (подложенный под себя). В переводе сделана попытка передать ее.

¹⁰ См. выше: Диоген Лаэртский, примеч. 40.

¹¹ Дополнения:

1. Диоген-кивик из Синоп, города на Понте, во всем следовал за Антисфеном. Он учил, что добро внутренне свойственно каждому мудрецу. Все остальное — пустое (*Эпифаний*. Против ересей, III, 2, 9).

2. Диоген стал его (Антисфена. — *И. Н.*) ревностным подражателем, ведя сходный с ним образ жизни (*Гален*. История философии).

Кратет Фиванский

Перевод сделан по изданию: *Mullachius Fr. G. Op. cit., vol. 2;* см. также: *Anthologia lyrica Graeca / Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1954, vol. 1, p. 120—126.*

¹ Дополнения:

1. Он похож на ровную и широкую дорогу, по которой многие с удобствами путешествуют (Ватик, гномолог., 381).

2. Поэтический стиль с его формальными излишествами и трюкачеством мысли — величайший разбойник (Там же, 383).

3. Некоторые и изгнание из родины, и утрату имущества сделали средством для занятия философией, как Диоген и Кратет (*Плутарх. О пользе врагов, 2*).

4. Кратет из Фив Беотийских, и сам будучи киником, говорил, что бедности свойственна свобода (*Эпифаний. Против ересей, III, 2, 9*).

Моним Сиракузский

Перевод сделан по изданию: *Mullachius Fr. G. Op. cit., vol. 2.*

Телет

Перевод сделан по изданию: *Teletis reliquiae / Editit, prolegomena scripsit Otto Hense. Friburgi in Brisgavia, 1889.*

¹ Текст диатрибы находится у *Стобея. Антолог., II, 15, 47.* Тема ее перекликается с гл. 7 первой книги «Меморабилии» Ксенофонта, где Сократ выступает против хвастовства и доказывает, что «невыгодно считаться богатым, храбрым, сильным, не будучи таковым».

² Ср.: *Эпикур, фрм. 220 (Узенер):* «Не следует только делать вид, что ты занимаешься философией, а заниматься ею по-настоящему, подобно тому как нет надобности казаться здоровым, а нужно быть действительно здоровым».

³ Имеется в виду эпизод из «Илиады» (VII, 182 сл.), где рассказывается о том, что ахейцы боялись принять вызов Гектора на поединок и каждый молился, чтобы жребий выпал другому. Жребий пал на Аякса Теламонида, второго по отваге воителя после Ахилла.

⁴ Текст диатрибы приведен у *Стобея. Антолог., II, 5, 67.* По содержанию ср.: *Ксенофонт. Меморабилии, II, 1, 30 сл.; Он же. Пир, 4, 34 сл.*

⁵ Ср.: *Эпиктет, IV, 2, 10.*

⁶ Ср.: *Ксенофонт. Пир, 4, 41.*

⁷ Ср.: *Диог. Лаэрт., VI, 23.*

⁸ Стих пародирует гомеровский гекзаметр. См.: *Илиада, I, 335.*

⁹ В подлиннике разночтение: $\omega\varsigma \acute{\alpha}\nu \kappa\rho\alpha\tau\eta\varsigma$ и $\omega\varsigma \delta \Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$. Последнее дает более удовлетворительный смысл.

¹⁰ Ср.: *Ксенофонт*. Пвр, 4, 35: «Знаю я и братьев, получивших в наследство равные доли, но одному из них всего хватает и даже пмеются излишки, а другой всегда во всем нуждается».

¹¹ *Бесплатное кормление в Пританее* давалось за особые заслуги перед государством; ср.: *Платон*. Апология, 36D; *Цицерон*. Об ораторе, I, 54. Об отказе Сократа заплатить денежный штраф см.: *Ксенофонт*. Апология, 23.

¹² *Как рассказывает Платон* — см.: Федон, 117 В, С. Сократ ожидал смерти не три, а тридцать дней, пока не вернулось священное посольство с Делоса. См.: Там же, 58 В, С.

¹³ Автор, по-видимому, смешивает обстоятельства смерти Ферамена (одного из тридцати тиранов) и смерти Сократа. Ср.: *Ксенофонт*. Греческая история, II, 3, 56.

¹⁴ Ср.: *Ксенофонт*. Пвр, 2, 10; *Диог. Лаэрт.*, II, 37.

¹⁵ Текст диатрибы приведен у *Стобея*. Антолог., 40, 8.

¹⁶ *Стильпон* из Мегары — один из виднейших представителей мегарской философской школы. Годы жизни — ок. 380—300 гг. до н. э. В критическом отношении к действительности приближался к киникам. Был учителем основателя стоической школы Зенона.

¹⁷ *Гомер*. Иллиада, IX, 479 сл. / Пер. Н. Гнедича. Цитата приведена неточно. Феникс, сын Амфинтора, — легендарный царь Эллады.

¹⁸ См.: *Плутарх*. Фемистокл, 29; Об изгнании, 602а; Апофтегмы царей и вождей, 185.

¹⁹ Изгнание *Гиппомедона*, сына спартанского царя Агесилая, вместе с отцом из Спарты из-за участия в движении Агиса относится к 241 г. до н. э. *Птолемей* Эвергет назначил его «стратегом Геллеспонта и Фракии».

²⁰ *Хремонид* и *Глаукон* — два брата, выступившие против диктатуры Антигона Гоната (263 г. до н. э.); потерпев поражение, были вынуждены бежать к Птолемею II Филадельфу.

²¹ *Кифера*, *Миконий*, *Бельбина* — небольшие острова в Эгейском море.

²² Мифический основатель *Фив* *Кадм* был, по преданию, финикийцем.

²³ Ср.: *Псевдо-Платон*. Аксиох, 368E.

²⁴ Эти слова приписываются также Анаксагору (*Диог. Лаэрт.*, II, 11).

²⁵ *Еврипид*. Финикиянки, 1452—1455.

²⁶ *Наиск* А. Tragicorum Graecorum fragmenta, adespota, 281; p. 893; ср.: *Диог. Лаэрт.*, IV, 25).

²⁷ *Еврипид*. Финикиянки, 1456.

²⁸ Ср.: *Геродот*, II, 136 (об египтянах).

²⁹ Текст диатрибы у *Стобея*. Антология, 97, 31.

³⁰ *Гомер*. Одиссея, IV, 716; ср.: Иллиада, XVIII, 246; XXIV, 522.

³¹ Точно таких слов у Гомера нет, но они сочинены по гомеровской модели. Ср.: Иллиада, XXII, 414.

³² Здесь и далее стихи Гомера толкуются в свойственной киникам аллегорической манере. О *Лаэрте* см.: *Одиссея*, I, 186 сл.; XXIV, 207 сл.

³³ *Гомер*. *Одиссея*, XI, 582 сл.

³⁴ Здесь под словом *древние*, вероятно, подразумеваются основатели кинической школы Антисфен и Диоген.

³⁵ См.: *Аполлодор*. Библиотека, II, 2, 4.

³⁶ На месте слов, взятых в скобки, в тексте лакуна. Конъектуры Порсона и Кобе дают одипаковый смысл, который и отражен в переводе. По содержанию ср.: *Геродот*, I, 216; III, 99; IV, 26; *Ксенофонт*. *Анабасис*, I, 4, 9.

³⁷ В тексте игра слов: *chrēmata* (средства)—*stēmata* (имущество).

³⁸ В оригинале: *oute allois metadidontas*, ср. с употреблением слова *Metadōs* в фрагменте «Мелияμβов» Керкида.

³⁹ Возможно, имеется в виду египетский царь *Птолемей II Филаделф* (285—246) или *Птолемей III Эвергет* (246—221).

⁴⁰ По смыслу контекста киник *Кратет*, а не его тезка — академик.

⁴¹ *Феофраст* (ок. 372—287) — глава перипатетической школы после смерти Аристотеля; *Ксенократ* из Халкедона — глава платоновской Академии (339—314).

⁴² Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 55. Манес — беглый раб Диогена.

⁴³ *Филемон* (ок. 361—263) — родоначальник новой аттической комедии, ср. фргм. 201 (Кок).

⁴⁴ Ср.: *Феогид*. Элегии, I, 109 (Диль): *apleston gar echousi...*

⁴⁵ Неполная и неточная цитата из Еврипида (*Геракл*, 637 сл.); ср. ниже: фргм. V.

⁴⁶ Текст диатрибы у *Стобея*. Антолог., II, 95, 21.

⁴⁷ *Феогид*. Элегии, ст. 605; ср.: *Стобей*. Антолог., II, 18, 10.

⁴⁸ По мнению ряда ученых (Мейнеке и др.), речь идет о Хремонидовой войне (263 г. до н. э.). Может быть, Телет говорит не о своем времени, а взял эти слова из первоисточника.

⁴⁹ *Софокл*. Царь Эдип, ст. 62 сл./Пер. С. Шервинского; цитата неточная.

⁵⁰ *Еврипид*. Молящие, ст. 875.

⁵¹ Текст диатрибы извлечен из *Стобея*. Антолог., II, 98, 72; ср.: *Псевдо-Платон*. Аксох, 336d сл., где сходные мысли высказаны Продином. Ср. также высказывание Антисфена у *Деметрия*. О стиле, 261.

⁵² Неточная цитата из «Геракла» Еврипида (ст. 637 сл.); ср. выше: фргм. IV A, примеч. 45.

⁵³ Сочинение с названием «О том, что удовольствие не является целью жизни» было написано также Хрисиппом и направлено против Эпикура (*Диог. Лаэрт.*, VII, 202); ср.: *Псевдо-Плутарх*. О воспитании детей, р. 40.

⁵⁴ Текст у *Стобея*. Антолог., II, 108, 82. В диатрибе два типич-

ных кинических сравнения — «театральное» и «военное» (начало и конец фрагмента). Театральным сравнением начинается и фрмг. II («Об автаркии», начало, см. выше).

⁵⁵ Гекзаметр из неизвестного произведения; ср.: *Плутарх*. Моралии, р. 1030А; *Псевдо-Аристотель*. О добродетелях и пороках, р. 186, 10.

⁵⁶ *Гомер*. Одиссея, I, 190 сл./Пер. В. Вересаева.

⁵⁷ Там же, XV, 194 сл.

⁵⁸ *Еврипид*. Молящие, 865; ср.: *Климент Александ.* Строматы, IV, 22, 146.

⁵⁹ Стихи из неизвестной трагедии, ср.: *Авл Геллий*, VI, 16, 7; *Афиней*, IV, 158е.

⁶⁰ Текст фрагмента диатрибы находится у *Стобей*. Антолог., 208, 83.

⁶¹ Фрагмент из неизвестной трагедии, см.: *Nauck A.* Tragicorum Graecorum fragmenta, adespota 548, р. 948 (Еврипид?).

⁶² См.: *Poetae Lyrici Graeci*, III, 516 (Bergk).

⁶³ О Стильпоне см. выше, фрмг. III («Об изгнании»), примеч. 16.

⁶⁴ Далее в тексте приводятся не к месту слова Сократа (в переводе они омущены) о том, что человек не знает, что уготовит ему брак с красивой женщиной, чего он может ждать от детей и друзей. Ср.: *Ксенофонт*. Меморалии, I, 1, 8. Предполагают, что это глоссема.

⁶⁵ Имеется в виду кораблекрушение, в котором виноват, естественно, *Посейдон*. Элий Аристид приводит слова одного родосского кормчего: ὁ Ροτειδαν, ἰσθι ὀργαν ταν ναυν katadyson (Родосская речь, I, р. 802); ср.: *Цицерон*. Письма к Квинту, I, 2, 13; *Сенека*. Письма, 85, 33; *Он же*. Утешение к Марции, 6, 3; *Максим Турский*. Речь, 40, 5.

Феникс из Колофона

Прозаический перевод фрагментов дается по изданию: *Diehl E.* Anthologia Lyrica Graeca. Fasc. 3. Leipzig, 1954, р. 124 sq.

¹ Стихи обращены к одному из самых значительных эпиграмматиков III в. до н. э. — Посидиппу из Александрии, а не к одноименному комическому поэту из Касадрии. В 275 г. он учился в Афинах у Зенона и Клеанфа. Не без влияния кинико-стовческих идей им написана знаменитая пессимистическая эпиграмма о выборе жизненного пути. Жизнь человеческая представляется поэту полной трудов, нелепостей, разочарований и т. п., поэтому вывод его безрадостен: «Иль не родиться совсем, или скорей умереть» (Палат. антол., IX, 359). Стихотворение Феникса — как бы иллюстрация печальных наблюдений Посидиппа.

² Фрмг. 3 по Диллю; *Афиней*, XII, 530с; О Нине см.: *Геродот*, I, 7; *Ктесий* у Диодора Сиц., II, 1.

³ *Прутьями касаясь бога* — имеется в виду огонь. Персы и родственные им народы поклонялись огню. См.: *Страбон*, 15, 3, 15; р. 733:

«На жертвеннике маги поддерживают неугасимый огонь... Маги... произносят заклинания, держа перед огнем связку прутьев».

⁴ *Кораксы* принадлежали к племени колхов, *синды* — одно из скифских племен. *Северные болота* — возможно, Азовское море. См.: *Аполлоний Родосский*, IV, 322 (и схолии); *Плиний*. *Естеств. история*, VI, 5, 15; *Стефан Византийский* — под словом *Sindoi* и *Гесий* — под словом *Sindis*.

⁵ Ср. эпитафию Сарданапала. Возможно, интерполяция, первоначально написанная на полях (Г. Герхард).

⁶ Герхард сопоставляет с этим стихотворением кинизирующие ямбы эллинистического времени, где наряду с темой *ubi sunt qui ante nos* упоминаются лидийский царь Крез и персидский царь Ксеркс. Эти стихи процитированы Псевдо-Плутархом в «Утешительной речи к Аполлонию», 15, 110d, e:

Где пышность древняя и где великий царь
Из Лидии, где Ксеркс, который обуздал
У Геллеспонта шею непокорную?
В Аиде все цари и в Лету канули.

См.: *Gerhard G. Ein hellenistischer Jambos. — Wiener Studien*, 1916, Bd. 38, H. 1, S. 35.

⁷ Фргм. 4 по Дилю; *Афиней*, X, 421.

⁸ Фргм. 2 по Дилю; *Афиней*, VIII, 359e. Далее (360b) Афиней рассказывает: «Люди, собирающие подаяние для вороны, назывались коронистами, как говорит Памфил Александрийский в трактате „Об именах“, а песни, которые они пели, называются „Коронисмы“, как сообщает Агпокл Родосский... У жителей Родоса существует другой обычай собирать милостыню, называемый „петь ласточку“. Об этом рассказывает Феогнид во второй книге „Родосских праздников“. Он пишет следующее: „Существует обычай собирать милостыню, который родосцы называют ‘петь ласточку’. Эти сборы происходят в месяце Боздромий (сент.—окт. — *И. Н.*). Это выражение происходит от обычая петь такой припев: ‘Прилетела, прилетела ласточка и принесла с собой прекрасную погоду, прекрасное время года. У нее белая грудка и черная спинка. Эй, тащи сюда сушеные фрукты из полной кладовой, чашу вина и головку сыра. Не откажется ласточка ни от пшеничного пирога, ни от хлеба из бобов. Нам уйти или самим взять? Мы не старики, а дети’». Этот старинный обычай известен многим народам и напоминает славянские колядки.

⁹ Стих испорчен, приходится переводить по смыслу контекста. Далее лакуна. У Афиней (VIII, 359e) читаем: «В конце „Ямбов“ Феникс говорит...» Следуют стихи 18—21.

¹⁰ Фргм. 6 по Дилю; *Афиней*, XI, 91, 495d, e.

Анонимные холиямбические поэты

Перевод сделан по изданию: *Diehl E. Anthologia Lyrica Graeca*, fasc. 3. Leipzig, 1954.

¹ Начало первой колонки отсутствует. Здесь начинается вторая колонка. С этого места текст сохранился лучше.

² Дальнейшая часть фрагмента (ст. 42—66) не поддается переводу, так как от нее сохранились лишь некоторые буквы и обрывки слов.

³ *Груз соли вернулся туда, откуда прибыл* — фрагмент завершается пословицей, подчеркивающей бесцельность накопления; корабль, с таким трудом нагруженный солью, во время бури идет на дно соленого моря вместе со своим соленым грузом.

Керкид из Мегалополя

Перевод сделан по изданию: *Diehl E.* Op. cit., p. 141 sq.

Фрмг. 1 см.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 76; по Дилю — фрмг. 6. Ср.: *Псевдо-Диоген. Письма*, 7.

¹ Первая строчка фрагмента представляет собой часть изречения знаменитого дорического комедиографа Эпихарма (фрмг. 249, Кайбель), которое в полном виде гласит: «Ум видит, ум слышит, все остальное глухо и слепо».

² Фрагмент извлечен из *Сробея. Антолог.*, III, 4, 41. У Диля — фрмг. 7.

³ Фрмг. 3а (По Дилю — 11а) представляет собой стихотворение одного из самых видных отцов церкви — Григория Назианзина (IV в. п. э.), который был поклонником Керкида. В это стихотворение включены, как видно из текста, строчки самого Керкида. См. также: *Migne J.-P.* PG, 37, 723.

⁴ Эти стихи, также принадлежащие Григорию Назианзину (см.: *Migne J.-P.* PG, 37, 656), дополняют приведенный выше фрмг. 3а.

⁵ Здесь стихи обрываются. Этот текст обнаружен на Оксиринхском папирусе, № 1032, опубликованном впервые в кн.: *The Oxyrhynchus Papyri* / Ed. A. S. Hunt. L., 1911, pt VIII. У Диля этот фрагмент издан под № 4. Плохая сохранность текстов Керкида, спорность прочтений, острая актуальность намеков и ассоциаций, не всегда теперь понятных, сложная образная структура, множество неологизмов создают значительные трудности для переводчика. В угоду возможной точности впервые переводимых на русский язык фрагментов приходится отказаться даже от мысли передать прихотливый ритмический рисунок мелиамбов. В некоторых случаях точный перевод вообще невозможен. Приходится полагаться на смысл контекста и интуицию. Номера стихов, иногда не совпадающие с нумерацией оригинала, даются для ориентировки в тексте.

⁶ Ср.: *Гомер. Илиада*, VIII, 69 сл.; XXII, 209. У Гомера дело обстоит несколько иначе, чем у Керкида. Когда Зевс бросает на золотые весы два жребия, жизни и смерти, и одна чаша опускается, это значит, что для героев наступил «роковой день», сулящий им гибель. Здесь смысл обратный.

⁷ Ср. у Платона (*Теэтет*, 209В) — поговорка о самых последних из людей: *Mysōn ho eschatos*.

⁸ *Пэан* — бог здоровья, *Метадос* — «Благодеяние», букв. «Поделись!»

⁹ Обращение к богачам. Далее текст испорчен, сохранились лишь отдельные слова. Переведено по смыслу контекста.

¹⁰ Это текст «Мелиямбов» из Оксирихского папируса, № 1082, у Диля — фргм. 1.

¹¹ Первые девять стихов этого фрагмента, как видно из текста, являются перифразой из неизвестной трагедии Еврипида. До опубликования этого фрагмента Керкида указанные стихи считались анонимными.

¹² У Диля — фргм. 2; начальная часть этих стихов о любви довольно хорошо сохранилась, далее следует лакуна в 10 стихов, затем идет вторая часть «Мелиямбов».

¹³ *Стал зятем... Тиндарея* — т. е. мужем *Афродиты*. Ср.: *Гораций*. Сатиры, I, 2, 125: «Если прижмется ко мне и крепко обнимет руками, Илия то для меня иль Эгерия...» (пер. М. Дмитриева и Н. Гинцбурга).

Письма Анахарсиса

Перевод сделан по изданию: *Reuters F. H. Briefe des Anacharsis*. В., 1963. Фиктивные «Письма Анахарсиса» относятся к III в. до н. э.; см.: *Reuters F. H. De Anacharsidis epistulis*. Bonn, 1957.

¹ В оригинале — *soloicizei*, т. е. «говорить, как в Солах». Глагол образован от названия города Сола, афинской колонии в малоазийской области Киликии. Жители Сол очень плохо говорили по-гречески. «Солекист» стало нарицательным словом.

² *Гиппарх-младший* — сын знаменитого афинского тирана Пизистрата (560—527). После смерти отца правил вместе со своим братом Гиппием. Был убит в 514 г. до н. э.

³ *Медок* (*Amadocos*) — царь одризов, самого могущественного на Балканском полуострове фракийского племени, правивший около 400 г. до н. э. Обращение к нему Анахарсиса — явный анахронизм. Адресат данного письма — просто символ необузданности и грубости, ибо в древности фракийцы были известны своей дикостью.

⁴ *Ганнон* — возможно, подразумевается сын Гамилькара, известный мореплаватель и географ из Карфагена (конец VI—V в. до н. э.). Все остальные носящие это имя исторические лица жили значительно позже, но и указанный Ганнон вряд ли мог быть современником Анахарсиса.

⁵ *Терей* — сын Ареса, мифический фракийский царь. Образ жестокого тирана. Как рассказывает миф, он был женат на Прокне, изнасиловал ее сестру Филомелу и вырезал ей язык, чтобы она не смогла рассказать о преступлении. Впоследствии Терей пытался убить обеих сестер, но они умолили богов спасти их, и те превратили женщин в птиц (соловья и ласточку). Существуют и другие варианты мифа.

⁶ *Фразилох* — лицо неизвестное, вероятно вымышленное.

⁷ *Крез* — типичная фигура кинических диатриб. Образ человека трагической судьбы, которому не помогли его сказочные богатства и который познал всю глубину падения. Это ему, по преданию, Солон сказал, что никого до его смертного часа нельзя назвать счастливым. Крез — последний лидийский царь (560—546), воевал с персидским царем Киром Старшим и был им побежден. Лидию Кир присоединил к своим владениям.

⁸ См.: *Гомер*. Илиада, XV, 187 сл. Здесь характерное для киников аллегорическое толкование мифа.

⁹ Принимаю чтение Р. Герхера: *oligobion trophen*, т. е. пропитание на бедную жизнь. Чтение — *oligobion tryphēn*, предложенное Ф. Рейтерс, довольно искусственно.

¹⁰ Эти слова говорят о том, что Анахарсис по воле неизвестного автора письма направил его Крезу, когда тот находился уже в плену у Кира и его царство пало.

¹¹ Текст этого письма, написанного на ионическом диалекте, приведен Диогеном Лаэртским (I, 105). Согласно мнению Ф. Рейтерс, десятое письмо старше остальных девяти и написано до III в. до н. э., причем принадлежит другому автору.

Письма сократиков

Перевод писем 8 и 13 выполнен по изданию: *Köhler L. Die Briefe des Sokrates und der Sokratiker.* — In: *Philologus*. Leipzig, 1928, Supplbd. XX, 2.

¹ *Принимать участие в... сицилийских пирах* — роскошь сицилийцев, как и сибаритов и хиосцев, вошла в поговорку.

² *Антикира* — город в Северной Греции, где выращивали отличного качества чемерицу, славящую лекарством от безумия. Сюда ездили с лечебными целями со всей Эллады (*Страбон*, IX, 3, 418; *Плиний*. Естеств. история, XXV, 552; ср.: *Феофраст*. История растений, IX, 9, 2; *Алкифрон*. Письма, III, 2).

³ О *Симоне-сапожнике*, ученике Сократа, ср.: *Диог. Лаэрт.*, II, 13, 1. У Федона из Элиды был диалог под названием «Симон». *Аристипп* из Кирены — ученик Сократа, основатель гедонистической киреянской школы. Некоторое время жил при дворе спиракузского тирана *Дионисия*.

Письма киников

Перевод сделан по изданию: *Hercher R. Epistolographi Graeci*. P., 1873.

¹ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 49; *Плутарх*. Об изгнании, р. 602.

² *Гениохи* (*heniochoi*) — племя, жившее на северо-восточном побережье Черного моря, в районе Керченского пролива (Боспор Киммерийский). Оно занималось пиратством и разбоем, продажей людей

в рабство. По соседству с гениохами жили *агейцы*, как говорили, выходцы из Фтии, сражавшиеся в войске Ясона. Оба племени занимали земли «у подошвы Кавказа». См.: *Страбон*, XI, 492; 495; 496.

³ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 45; 62. Смысл: я не трону такую дрянь. Под свеклой разумелись распутники; кроме того, свекла считалась самой дешевой пищей. Ср.: *Марциал*, XIII, 3; *Персий*, III, 114.

⁴ *Антипатр* — полководец Филиппа Македонского, участвовал в покорении Греции. Умер в 319 г. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 57.

⁵ *Пердикка* — полководец Филиппа и Александра Македонских, один из диадохов, находился в родстве с Антипатром, убит в Египте в 321 г.

⁶ *Пеоны* — жители Пеонии (впоследствии Паннония), области в Сев. Македонии.

⁷ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 37.

⁸ *Гикет* — в одних источниках отец Диогена назван *Nicetes*, в других — *Nicesios*. См.: Суда, под словом «Диоген»; *Диог. Лаэрт.*, VI, 20.

⁹ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 77.

¹⁰ *Гомер. Одиссея*, XIII, 434—438 / Пер. В. А. Жуковского. При возвращении Одиссея домой Афина превратила его в нищего старца и одела в рубище; ср.: Там же, IV, 245 сл. Ср. ниже, письмо 34.

¹¹ Ср.: *Плутарх. Тимолеонт*, 15; *Цицерон. Тускул. беседы*, III, 12; *Письма к близким*, IX, 18.

¹² Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 46, 72.

¹³ Ср.: Там же, 49.

¹⁴ *Метроон* — храм Великой матери богов Кибелы в Афинах, где находился государственный архив, в котором хранились законы и постановления Народного собрания. На письмо 16 ссылается *Диог. Лаэртский* (VI, 23).

¹⁵ *Гомер. Одиссея*, IV, 219 сл. Дочь Тиндарея Елена, давшая гостям Менелая в вине волшебное египетское питье «гореусладное, миротворящее, сердцу забвенью бедствий дающее».

¹⁶ *Гефестион* — полководец Александра Македонского, умер в Экбатанах в 324 г. до н. э.

¹⁷ Ср.: *Лукиан. Разговоры мертвых*, I, 2; XXI, 2. Здесь также Диоген желает грекам *oimoiēin* (погибели).

¹⁸ *Гермеи* — молодежный праздник в честь Гермеса как основателя гимнастики, сопровождающийся гимнастическими состязаниями.

¹⁹ *Феогнид Мегарский. Элегии*, I, 35—36. — In: *Anthologia lyrica Graeca* / Ed. E. Diehl. Fasc. 2. Leipzig, 1955, p. 5.

²⁰ *Кардамон* (иначе кресс) — вид съедобного растения с пряным, острым вкусом.

²¹ *Гиманты* — ремни, которыми кулачные бойцы обматывали кисти рук перед боем. Нечто вроде боксерских перчаток.

²² *Алоады* — похожие на гигантов сыновья Алоя, сына По-

сейдона, — Отос и Эфиальт. Они намеревались штурмовать небо и самый Олимп и для этого собрались взгромоздить гору Пелион на Оссу, но Аполлон убил их обоих (*Гомер. Одиссея*, XI, 305—320).

²³ О встречах Александра и Диогена говорят многие источники. Ср., в частности: *Плутарх. Александр*, 14; *Диог. Лаэрт.*, VI, 32, 38.

²⁴ *Инах* — древнейший герой и царь Аргоса, сын Океана и Фетиды. По его имени названа главная река Арголиды. Цитата из не-дошедшей трагедии.

²⁵ Сюжет о *Телефе* был популярен у всех греческих трагиков.

²⁶ См. выше, примеч. 10.

²⁷ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 39, 50.

²⁸ *Аристид* — знаменитый государственный деятель и полководец эпохи греко-персидских войн. Глава аграрной партии в Афинах. Прославился своей справедливостью, бескорыстием и бедностью. Союзники поручили ему установить размер взносов в союзную казну (*Плутарх. Аристид*, 24).

²⁹ *Гомер. Илиада*, X, 155.

³⁰ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 33.

³¹ *Сын Мелега* — Гомер.

³² *Гиппархия*, сестра Метрокла и жена Кратета, уроженка *Маронеи*, города на южном побережье Фракии, эпонимом которого был полубог *Марон*, один из спутников Диониса. В Маронее был его храм.

³³ *Эрифилла*, жена аргосского царя Амфиарая, подкупленная Полиником, уговорила мужа принять участие в походе против Фив, во время которого он погиб. Она это сделала за драгоценный пеплос и ожерелье жены Кадма Гармонии. Эрифилла была умерщвлена за свое предательство сыновьями.

³⁴ См.: *Гомер. Илиада*, II, 287.

³⁵ *Хармид* — вероятно, сын Главкона, ученик Протагора, друг Сократа, сводный брат Платона, родственник Крития. Выведен в одноименном диалоге Платона. Погиб в 403 г. до н. э.

³⁶ Все письмо основано на игре слов: *cosmos* (украшение) и *cosmiotēs* (скромность).

³⁷ См.: *Гомер. Одиссея*, XXI, 295.

³⁸ Как известно, Одиссей находился в числе кинических героев, ибо много перенес, скитался, жил, как нищий, и ходил в рубище. Образ Одиссея особенно привлекал Антисфена. Для «нового» кинизма Одиссей казался уже слишком мягким.

³⁹ *Метрокл* — ученик Кратета, брат его жены Гиппархии.

⁴⁰ Ср.: *Диог. Лаэрт.*, VI, 87.

⁴¹ Ср.: Там же, 8 (об Антисфене).

⁴² Ср.: Там же, 72.

⁴³ Ср.: *Музоний Руф*: *noti cai gynaixi philosopheton*.

⁴⁴ *Этра* — жена Эгея, мать Тезея.

⁴⁵ Гомер. Илиада, XXIV, 602.

⁴⁶ Источником рассказа могло быть также сочинение Мениппа «О продаже Диогена».

⁴⁷ Hercher R. Op. cit., p. 400.

Кинизирующая эпистолография

Перевод сделан по изданию: Hercher R. Epistolographi Graeci, p. 283 sq.

¹ Эта часть письма обнаружена в Женевском папирусе № 271 (II в. н. э.). Перевод сделан по первой публикации: Martin V. Un recueil de diatribes cyniques. — Museum Helveticum, 1959, vol. 16, fasc. 2.

² Ср. ниже: Дион Христомом, речь VI, 28. Здесь полное совпадение мыслей. Вообще в описании животных в указанной речи и в письме много сходства.

Кинические диатрибы

¹ Перевод сделан по изданию: Wilcken U. Alexander der Große und die indischen Gymnosophisten. — In: Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften (Phil.-hist. Klasse). B., 1923, Bd. 21—24, S. 150—183.

² Лакуна, восполняемая Вилькеном по смыслу контекста.

³ Лакуна, восполняемая по смыслу контекста.

⁴ Лакуна, восполняемая Вилькеном по смыслу параллельных мест.

⁵ Лакуна, восполняемая по смыслу контекста.

⁶ Здесь текст обрывается.

⁷ Текст в скобках передает приблизительный смысл пропущенного.

⁸ Лакуна в тексте.

⁹ Перевод сделан по первой публикации: Martin V. Un recueil de diatribes cyniques. — Museum Helveticum, vol. 16, 1959. Фрагмент начинается с обращения гимнасофиста Дандамиса к Александру.

¹⁰ Ср.: Диог. Лаэрт., VI, 72; Диоген. Письма, 10; Кратег. Письма, 26, 27.

¹¹ Ср.: Диоген. Письма, 33, 3.

¹² Лакуна в тексте.

¹³ Небольшая лакуна.

¹⁴ Лакуна в тексте.

¹⁵ Лакуна около 11 строк.

¹⁶ Небольшая лакуна.

¹⁷ Лакуна около 4 строк.

¹⁸ Небольшая лакуна.

¹⁹ Лакуна около 13 строк.

²⁰ Большая лакуна около 40 строк.

²¹ Небольшая лакуна.

²² Далее идут отдельные слова, обрывки фраз. В конце колонки Дандампс, видимо, уговаривает Александра все бросить и жить с ними вдали от людей.

²³ На этом фрагмент обрывается.

Демонакт

Перевод сделан по изд.: *Mullachius F. Op. cit., vol. 2, p. 351—357.*

¹ В подлиннике — игра слов: *anathēmasi—mathēmasi.*

² Игра слов: «категория» по-гречески значит также «обвинение».

Эномай Гадарский

Перевод сделан по изд.: *Mullachius F. Op. cit., vol. 2, p. 361 sq; Eusebius. Praeparatio evangelica / Herausg. von K. Mras. Bd. 1, 2. — In: Eusebius Werke. B., 1954, Bd. 8; Eusebius. Praeparatio evangelica. — In: Patrologiae cursus completus. Ser. Gr. P., 1857, t. 21.*

¹ *Гераклиды* — не только сыновья, но и все потомки Геракла, которые, начиная с его сына Гилла, постоянно предпринимали попытки вернуть себе земли в Пелопоннесе, завоеванные их отцом, но терпели поражение, неправильно истолковав оракул. Сыновья и внуки Гилла (Клеодей, Аристомах, Темен, Кресфонт, Аристокдем) снова и снова вторгались в Пелопоннес, но безуспешно. Только Темену удалось получить, наконец, Аргос, а Кресфонту — Мессению. События эти происходили в эпоху до и после Троянской войны. См.: *Аполлодор*, 2, 8, 1 сл. В эллинистический период многие цари возводили свой род к Гераклу и считали себя гераклидами.

² *Аристомах* только здесь назван сыном Аридея. Обычно его отцом считается Клеодей.

³ О щедрых дарах Креза делфийскому храму см.: *Геродот*, I, 50—52.

⁴ Ср.: *Геродот*, I, 53.

⁵ Крез захотел проверить правдивость оракула и направил в Дельфы послов спросить, что в данный момент делает лидийский царь. Оракул ответил: «Мне ведомы количество песка на земле и мера моря, мне понятны мысли глухого, и я слышу пемого. До меня доносится запах черепахи, защищенной прочным панцирем. Она варится в медном котле вместе с мясом ягненка. Медь снизу и медь сверху». Последнее совпало с тем, что делал Крез. См.: *Геродот*, I, 47.

^{6a} *Нартек* — растение с долго тлеющей сердцевинкой.

⁶ *Архий* — так Эномай называет убийцу Архилоха. Другие источники (Плутарх, Суда) называют его Каллондом по прозвищу Ворон.

⁷ Намек на изречение дельфийского оракула, приведенное Геродотом (I, 47). См. выше примеч. 5.

⁸ Кулачный боец *Клеомед из Астипалеи* был победителем Олимпийских игр 486 г. до н. э. О нем см.: *Плутарх*. Ромул, 28; *Павсаний*, IV, 9, 6; *Ориген*. Против Цельса, III, 134.

¹⁰ См.: *Платон*. Государство, IV, 427.

¹⁰ См. выше: Письма кишиков, примеч. 21.

¹¹ Ср.: *Геродот*, V, 92.

¹² О *Меланиппе и Харитоне*, об их дружбе, прославленной Пифией, см.: *Афиней*, XIII, 602; *Элиан*. Пестр. ист., II, 4.

¹³ См.: *Гесиод*. Труды и дни, 252 сл.

¹⁴ См.: *Цицерон*. О судьбе, 10, 23; id Democritus, auctor atomorum, accipere maluit, necessitate omnia fieri, quam a corporibus individuis naturalis motus avellere.

¹⁵ Имеются в виду атомы Демокрита; Ср.: *Цицерон*. О высшем благе и зле, I, 6, 17.

¹⁶ Намек на «Финикиянок» (ст. 18) Еврипида.

Дион из Прусы (Хрисостом)

¹ *Персидский царь* (во времена Диогена это был Дарий Кодоман, 336—331), чей двор славился своей роскошью, иногда жил в *Бактрах*, столице Бактрии (современная Туркмения), иногда — в *Экбатанах*, столице Мидии, горной стране к западу от Ирана.

² Этимологически слово «*Аттика*» возводится к греч. *actē* — «бережье, береговая страна». И действительно, Аттика представляет собой полуостров с сильно изрезанной береговой линией.

³ *Сунион* — южная скалистая оконечность Аттики, *Пирей* — самая крупная морская гавань Афин, расположенная в Сароническом заливе в 8 км к юго-востоку от города.

⁴ *Коринф*, расположенный на берегу одноименного залива, *овевается* северными *ветрами* со стороны Ионического и Адриатического морей.

⁵ *Акрокоринф* — господствующий над городом огромный холм и одноименный акрополь (крепость) со знаменитым храмом Афродиты. *Лехей* — одна из двух гаваней Коринфа, расположена на берегу Коринфского залива, другая гавань (Кенхрея) — на побережье Саронического залива.

⁶ *Краний* — кипарисовая роща и гимнасий в пригороде Коринфа. Еще во времена Павсания (II в. н. э.) здесь показывали могилу Диогена. Пропилеи — парадный вход на афинский Акрополь. По периметру Афины, включая стены и гавани, составляли более 35 км.

⁷ Эпитет Афродиты *золотая* (*Гомер*. Илиада, V, 427) связан, вероятно, прежде всего с богатством украшений ее изваяний в храмах (ср.: *Гесиод*. Труды и дни, 519). Что же касается Диогена, то он остается верен себе и, прибегая к игре слов, называет ее насмеши-

ливо «многозлатой», намекая на то, что Афродита (любовь) стоит много денег.

⁸ *Поликсена* — дочь Приама и Гекубы. После падения Трои она была принесена в жертву *Ахиллу* его сыном Неоптолемом. Тень Ахилла в Аиде требовала послать ее к нему в подземное царство в качестве награды за взятие Трои.

⁹ У *Гомера* эту мысль можно встретить очень часто; см., напр.: *Одиссея*, IV, 805: «Боги, живущие легкою жизнью...».

¹⁰ Рассказывают, что Ксеркс нашел недалеко от берега реки Меандр *платан* необыкновенной красоты. Царь был так восхищен, что велел украсить дерево золотом и назначил одного из своих гвардейцев присматривать за ним.

¹¹ Еще со времен Аристотеля ученые стали собирать пословицы. Один из них, Зеновий, живший во II в. н. э., приводит в своем сборнике подходящую к этому случаю поговорку: «Старому коню и бежать осталось меньше...».

¹² *Еврипид*. Орест, 6.

¹³ Диоген имеет в виду сильное *землетрясение*, уничтожившее в 464 г. до н. э. почти целиком город *Спарту* и унесшее около 20 тыс. человеческих жизней.

¹⁴ *Гомер*. *Одиссея*, X, 241—243.

¹⁵ Данная речь, как и ряд других, была написана Дионом в изгнании, поэтому, говоря о судьбе Диогена, он имел, конечно, в виду и себя. Среди названных философов *Аристипп* — основатель гедонистической школы киренайков, *Антисфен* — основатель киинической школы, *Евклид* — историк. После возвращения на родину вместе с другими наемниками, участвовавшими в походе *Кира* Младшего (401 г. до н. э.), *Ксенофонт* был осужден в 399 г. на изгнание и служил Спарте.

¹⁶ Спортивные *Истмийские игры* в честь Посейдона проводились близ Коринфа на Истмийском перешейке раз в два (иногда в четыре) года начиная с VI в. до н. э., весной.

¹⁷ Как и другие города, Афины ежегодно подвергались очищению. Это происходило по древнему календарю 6-го таргелиона (24 мая) перед прибытием в город Аполлона. Для этой цели избивались два человека, их кормили особым образом, затем гнали вокруг города, потом подвергали бичеванию и в конце копцов убивали, затем трупы сжигали, а пепел выбрасывали в море (впоследствии казнь заменилась изгнанием). Таким образом, жертвы как бы брали на себя преступления всей общины.

¹⁸ Венками из сосновых веток награждали победителей Истмийских игр, а олимпийских чемпионов увенчивали венками из масличных веток.

¹⁹ В амфиктионии (священной лиге), которая покровительствовала Пифийским играм, ведущую роль играли *фессалийцы*.

²⁰ *Гомер*. Илиада, XV, 696 сл. / Пер. Н. Гнедича.

²¹ *Зет* и *Калаид*, сыновья *Борея*, принимали участие в походе аргонавтов, отец *Ахилла Пелей* участвовал в Калидонской охоте.

²² Дион употребляет здесь игру слов, заставляя сопоставить два греческих слова: *athlos* и *athlios* (труд и несчастье).

²³ *Еврисфей* — микенский царь, который, для того чтобы очиститься от убийства своей жены и детей в припадке безумия, приказал Гераклу совершить двенадцать подвигов.

²⁴ Одним из подвигов, которые надлежало совершить Гераклу, было овладение поясом царицы *амазонок* Ипполиты, дочери *Ареса*, для дочери *Еврисфея*.

²⁵ Дион аллегорически трактует знаменитый миф о Прометее, представляя дело так, что героя пожирал не коршун, а людская молва, честолюбие.

²⁶ *Истмийские игры*, которым посвящена, как и предыдущая, данная речь, использованы Дионом (и Диогеном) для пропаганды книжеских взглядов. Об Истмийских играх см. выше, примеч. 18.

²⁷ *Массилия* — совр. Марсель, *Борисфен* — наиболее значительная причерноморская греческая колония, которая была расположена на юге нашей родины на месте слияния Днепра (*Борисфен*) и Буга (*Гипанис*).

²⁸ В последних частях «Одиссеи» рассказывается о том, как обнаглевшие женихи заполонили дворец отсутствовавшего хозяина и пытались соблазнить верную ему Пенелопу.

²⁹ Греческая мера длины *стадий* равна 178,6 м (олимпийский стадий равен 192,27 м).

³⁰ *Ахилл*, мстя за гибель *Патрокла*, трижды обегал степы Трои в погоне за *Гектором*, но так и не догнал его (Илиада, XXII, 21).

³¹ Речь идет о жене *Терея* *Прокне*, превратившейся в *соловь*я.

³² Эта речь написана также в изгнании, и вопросы, мучившие Диогена, в этот период вновь и вновь встают перед мысленным взором Диона Хрисостома. Прежде всего это вопрос о рабстве и собственности. *Коринф* — последнее местопребывание Диогена.

³³ *Актеон* — сын *Аристея* и дочери *Кадма Автонои* — знаменитый охотник; однажды он подсмотрел, как купалась *Артемид* со своими нимфами. За это богиня превратила его в оленя, которого растерзали собственные собаки.

³⁴ «Познай самого себя» — первая из трех надписей, начертанных на храме *Аполлона* в *Дельфах*.

³⁵ См.: *Гомер*. Илиада, XX, 74.

³⁶ Что за птица *кюминдис* (*халкида*), установить не удалось. О «*Могилах Мирины*» см.: *Гомер*. Илиада, II, 813 сл.

³⁷ *Лай* — фиванский царь, отец *Эдипа*, убившего по случайному стечению обстоятельств своего отца и женившегося на своей матери *Иокасте*. См.: *Софокл*. Царь *Эдип*.

³⁸ *Хризипп* — сын *Пелопса*, обесчещенный *Лаем*. Мальчик покончил с собой, а отец проклял насильника.

³⁹ *Оракул*, как всегда, был довольно туманным и мог пониматься двойным образом: избегать зачатия, но если оно случилось, то: 1) выбросить ребенка; 2) не выбрасывать младенца.

⁴⁰ Это значит, что *Лай* не сумел разгадать смысл ответа *Аполлона*.

⁴¹ Лидийский царь *Крез* обратился к дельфийскому оракулу с вопросом, может ли он пойти войной на Персию. Получив ответ, что в этом случае он погубит великую державу, не понял, что это может обозначать гибель его собственного царства. См.: *Геродот*, I. 53 сл.

⁴² *Орест* — сын Агамемнона и Клитемнестры. Мстя за убийство отца, он убил мать и, обезумев, бежал, преследуемый эринидами. Миф лег в основу трилогии Эсхила «Орестея», трагедии «Орест» Еврипида и др.

⁴³ Необходимо отметить здесь характерную для кишиков острую критику оракулов. Уже во II в. н. э. появился памфлет Эномае Гадарского «Обличение обманщиков».

⁴⁴ После нечаянного убийства *Эдип* пришел в Фивы, там он разгадал загадку *Сфинкса*: кто утром ходит на четырех ногах, на двух — днем и на трех — вечером (человек). Этим он погубил чудище.

⁴⁵ В древности *беотийцы* славились как тугодумы и недалекие люди. Их глупость вошла в поговорку.

Максим Тирский

¹ *Мудрый лидиец* — великий баснописец VI в. до н. э. Эзоп, по происхождению раб, чья жизнь обросла легендами. Под именем Эзопа в древности имело хождение множество басен, которые в более позднее время в Греции и Риме подвергались многочисленным литературным переработкам (Бабрий, Федр и др.).

² Легенда о пяти веках, имеющая фольклорное происхождение, изложена Гесиодом в дидактическом эпосе «Труды и дни». «*Золотой век*» — время счастливой жизни на земле под правлением Крона. Напоминанием об этом блаженном времени были специальные праздники Кроноии, когда рабы и господа менялись местами.

³ Первым назвал себя *гражданином мира*, космополитом, Диоген Синопский.

⁴ *Гомер*. Илиада, IV, 450.

⁵ Имеется в виду Диоген из Синопы.

⁶ *Ликург* — полубоготворный правитель Спарты, создатель спартанского аристократического государства, законодатель.

⁷ В биографии Диогена Синопского рассказывается о его посещении дельфийского храма *Аполлона*, где он вопрошал оракула о том, чему посвятить свою жизнь.

⁸ Имеется в виду персидский царь, образец восточного деспота, который в зависимости от времени года менял свою резиденцию. См. выше: примеч. 1 к Речам Диона Хрисостом.

⁹ *Лесбос* и *Хиос*, как и другие острова Эгейского моря, славились своим виноделием.

¹⁰ *Ни в железе, ни в огне* — имеются в виду медицинские инструменты и манипуляции (прижигания).

¹¹ Кентавр *Хирон* славился своими медицинскими познаниями. *Асклепий* — бог врачевания, *асклепиады* — потомки Асклепия, врачи.

¹² *Гомер*. Илиада, III, 132.

¹³ *Аристофан* — великий древнегреческий комедиограф (445—386), в комедии «Облака» он создал сатиру на Сократа, высмеивая его как софиста. *Мелет*, *Лит* и *Ликон* — официальные обвинители Сократа, требовавшие для него смертной казни.

¹⁴ *Дионисий Младший*, тиран сиракузский, изгнал из родного города друга Платона *Диона*. Сам Платон трижды приезжал в Сицилию по приглашению сиракузских тиранов. Впервые он прибыл в Сиракузы ок. 390 г., но попал в немилость к Дионисию I и был продан в рабство. Дважды его приглашал Дионисий II.

¹⁵ Имеется в виду *Ксенофонт* Афинский — ученик Сократа, автор воспоминаний о нем и других сократических сочинений; участник похода Кира Младшего, одного из наследников персидского престола, против брата; вывел войско греческих наемников из Малой Азии, служил у спартанцев, традиционных врагов Афин.

Лукиан из Самосаты

¹ В корпусе произведений Лукиана из Самосаты (II в. н. э.) находится и этот диалог, в котором участвует кинический философ *Ликип* (греч. форма имени Лукиана). В последнее время некоторыми учеными высказывались сомнения, на наш взгляд неосновательные, в принадлежности этого произведения великому сатирику, и оно приписывается некоему кинику эпохи Юлиана. Однако в этом диалоге, рисуящем истинного киника и защищающего кинический образ жизни, нет ничего, что бы противоречило взглядам Лукиана, всегда испытывавшего симпатии к подлинному учению киников, хотя и критиковавшего его уродливые проявления у современных ему лже-философов.

² *Пурпурица* — моллюск, из которого готовили стойкую краску, окрашивающую ткани в пурпурный цвет.

³ *Кратёр* — большой сосуд с широким горлом, в котором смешивали по греческому обыкновению вино с водой.

⁴ Кентавр *Хирон* был воспитателем Геракла и Ахилла.

⁵ *Распутники* — в оригинале кинеды (педерасты).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Antisthenis fragmenta / Coll. A. G. Winckelmann. Turici, 1842.
 Antisthenis fragmenta / Coll. F. D. Caizzi. Milano, 1966.
 Athenaeus. Deipnosophistarum libri XV / Rec. G. Kaibel. London; Cambridge, 1951—1957. Vol. 1, 2.
 Anthologia Graeca / Ed. H. Beckby. München, 1957. Bd. 1/4.
 Anthologia lyrica Graeca / Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1954. Vol. 1/2.
 Bion of Borysthènes: a collection of fragments with introduction and commentary / Ed. J. F. Kindstrand. Uppsala, 1976.
 Corpusculum poesis epicae Graecae Iudibundae. Fasc. 1. Parodorum Graecorum reliquiae / Rec. P. Brandt. Lipsiae, 1938; Fasc. 2. Sillographorum Graecorum reliquiae / Rec. C. Wachsmuth. Lipsiae, 1935.
 Doxographi Graeci / Ed. H. Diels. Berlin; Leipzig, 1929.
 Diogenes Laertius. Lives of eminent philosophers / Ed. by R. D. Hicks. London; Cambridge, 1979. Vol. 1/2.
 Elegy and jambus / Ed. by J. M. Edmonds. London; Cambridge, 1961.
 Fragmenta philosophorum Graecorum / Coll. F. G. A. Mullachius. Parisiis. 1881. Vol. 2.
 Fragmenta Bionis Borysthenitae philosophi / Ed. J. Rossignol. Parisiis, 1830.
 Briefe des Anacharsis / Ed. F. H. Reuters. B., 1963.
 Die Briefe des Sokrates und der Sokratiker / Ed. L. Köhler. — In: Philologus. Leipzig, 1928, Supplbd. XX, Pt 2.
 Collectanea Alexandrina / Ed. J. U. Powell. Oxford, 1970.
 Eusebius. Werke. Bd. 8. Praeparatio evangelica / Hrsg. von K. Mras. B., 1954—1956. T. 1, 2.
 Eusebius. Praeparatio evangelica. — In: Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Accurante J. P. Migne. Parisiis, 1857, t. 21.
 Gnomologium Vaticanum / Ed. L. Sternbach. — Wien. Stud., 1887, Bd. 9; 1888, Bd. 10; 1889, Bd. 11.
 Dion Chrysostome / Ed. J. W. Cohoon; H. L. Crosby. L., 1932—1951. Vol. 1—5.
 Epistolographi Graeci / Ed. R. Hercher. Parisiis, 1873.
 Knox A. D. The Greek choliambic poets. L., 1929.
 Les cyniques grecs: Fragments et témoignages / Par. L. Paquet. Ottawa, 1975.
 Lyra Graeca / Ed. J. Edmonds. L.; N. Y., 1934—1945. Vol. 1—3.
 Lucian. Complete works / Ed. A. M. Harmon, M. D. MacLeod. L., 1913—1968. Vol. 1—8.
 Martin V. Un recueil de diatribes cyniques. — Mus. Helv., 1959, fasc. 2, vol. 16.
 Maximus Tyrius / Ed. H. Hobein. Leipzig, 1910.
 Nestle W. Die Sokratiker. Jena, 1922.
 Orelli I. C. Collectio epistolarum Graecarum. Lipsiae, 1815.
 Orelli I. C. Opuscula Graecorum veterum sententiosa et moralia. Lipsiae, 1819—1821, Vol. 1, 2.

- Page D. L.* Greek literary papyri. L.; N. Y., 1942.
- Ritter H., Preller L.* Historia philosophiae Graecae et Romanae ex fontium locis contexta. Gottae, 1934.
- Schenkl H.* Das Florilegium. — Wien. Stud. Wien, 1889, Bd. 11.
- Sofisti.* Testimonianze e frammenti / Ed. M. I. Untersteiner. Firenze, 1949—1954.
- Spengel L.* Rhetores Graeci. Parisiis, 1853—1856. Vol. 1—5.
- Stobaei Ioannis Anthologium* / Rec. C. Wachsmuth, O. Hense. B., 1958.
- Suidas.* Lexicon / Ed. A. Adler. Lipsiae, 1928.
- Teletis reliquiae* / Ed. O. Hense. Friburgi in Brisgavia, 1889 (Olms, 1969).
- Theophrastus «Characters».* Herodes. Cercidas and the Greek Choliambic poets / Ed. J. M. Edmonds, A. D. Knox. L.; N. Y., 1929.
- Vogel C. J. de.* Greek philosophy. Leiden, 1963—1964. Vol. 1—3.
- Wilcken U.* Alexander der Große und die indischen Gymnosophisten. — Sitzungsber. Preuss. Akad. Wiss. Phil.-hist. Kl., B., 1923, Bd. 21/24, S. 150—183.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин Аврелий 50
Агафокл 281
Агесилай 67
Адмет 283
Адраст 313
Александр Македонский 16, 22, 24, 25, 37, 64, 66, 68, 75, 76, 77, 82, 85, 87, 138, 160, 164, 171, 226, 235, 246, 271, 272, 273, 274, 275
Алкивиад 98, 185
Апаксимен Лампсакский 73, 74, 140
Анахарсис 14, 37, 210—216
Андрокфен Эгинский 80
Анит 56
Антиох 300
Антипатр 156, 219, 223
Антисфен 17—19, 21, 24, 25, 53—60, 61, 97—117, 122—133, 216, 218, 327, 328
Аполлон Дельфийский 164, 286—289, 309
Аполлоний 281
Аристипп Киренский 22, 60, 62, 64, 128, 132, 133, 144, 216, 217, 234
Аристогитон 71
Аристотель 14, 19, 51, 177, 195
Архилох 301, 302
Асклепиад Флиунтский 87
Асконд 84
Аспасия 99
Афина Паллада 292—293
Афиней 27
Афлий 68
Афродита 102
Ахилл 117—120, 124, 319
Аякс 117, 180
Батон 90
Белинский В. Г. 9
Бзон 28, 92—96, 181, 189, 191, 192
Брисон из Ахайи 84
Бюхелер Ф. 49
Варрон М. Т. 12
Виламовиц-Мёллендорф У. фон 34
Вилькен У. 37
Ганнон 213
Гармодий 51
Гегель Г. В. Ф. 19
Гегесий, философ-киренаик 70
Гегесий из Синопы 24, 84
Геракл 16, 20, 53, 59, 92, 97, 123, 124, 332—334, 338, 360, 361
Гераклит Эфесский 39, 131, 266
Гермодор 266
Гесиод 162
Геффкен И. 34
Гикесий (Гикет) 60, 220, 232
Гильдемейстер И. 49
Гишпарх 212
Гиппархия 24, 26, 86, 88—90, 218, 252, 261—263
Гиппий 18
Гомер 14, 100—102, 237, 270, 271, 285, 302, 303, 321, 331
Гонорат 279
Гораций 13, 52
Горгий из Леонтин 18, 53
Дадли Д. 5, 20
Дамаский 50
Дандамис 37, 274, 275
Деметрий Александрийский 88
Деметрий-киник 38
Деметрий Фалерский 86
Демонакт 277—285
Демосфен 22, 97, 145
Диагор Мелосский 74
Дидимон, флейтист 71, 77
Диоген Аполлонийский 83
Диоген Вавилонский 83

- Диоген Лаэртский 20
 Диоген Синопский 10, 11, 16,
 19—24, 39, 60—83, 55, 58, 84, 85,
 87, 91, 92, 112, 130, 131, 133—
 170, 181—182, 193, 218—252,
 254, 315—348, 352—354
 Диокл 19
 Диоксипп 68
 Дион из Прусы (Хрисостом) 12,
 20, 23, 41—44, 52, 315
 Дионисий III Младший 71, 161,
 230
 Диотим из Кариста 162

 Евклид 142
 Еврипид 6, 11, 196, 198, 301, 312,
 313

 Зенон Китийский 12, 23, 58, 92,
 177, 195, 250

 Иисус Христос 16
 Исидор-киник 16

 Калап 275
 Каллий 18, 196
 Кебет Фивапский 40
 Керкид из Мегалополя 31, 207—
 210
 Кефисодот 110
 Кир Младший 84
 Кир Старший 53, 123
 Кирка (Цирцея) 331
 Кипсел 307
 Клеомен из Астипален 88, 304,
 305
 Колот из Лампсака 91
 Кратер 73
 Кратет Фивапский 10, 14, 24—26,
 39, 58, 83, 84—88, 89, 92, 170—
 179, 192, 219, 221, 222, 223,
 252—265
 Крез 16, 214, 287, 288, 346
 Ксангиппа 185
 Ксанф Лидийский 90
 Ксениад 143, 145
 Ксеркс 16
 Ксенофонт Афинский 51, 57, 58,
 84, 183

 Лай 313, 346
 Лаэрт 190, 197

 Лепид В. И. 10
 Леонид из Тарента 33
 Лукриан из Самосаты 13, 38, 52,
 355
 Луцилий 12

 Максим Александрийский 46
 Максим Тирский 20, 40, 348
 Манес 21, 178, 193
 Мартен В. 39
 Медея 138
 Медок 213
 Мелеагр 90
 Мелет 56
 Меландр, киник 84
 Менедем, киник 88, 91—92
 Менедем Эретрийский 86, 87
 Менипп Гадарский 22, 29, 39,
 88, 90—91, 266
 Метрокл 23, 24, 26, 88, 177, 192,
 222, 249, 258, 259, 263
 Мидий 68
 Мошим Сиракузский 24, 27, 83—
 84, 179, 241, 243, 245
 Мусоний Руф 12, 38

 Нип 202, 203

 Одиссей 119, 143, 271, 336
 Опесикрит из Астипален (или
 Эгипы) 24, 84
 Орест 346

 Павсаний 22
 Парменид 105
 Пасикл, ученик Евклида 86
 Пасикл, сын Кратета и Гиппар-
 хии 86
 Пасифонт Эретрийский 79, 122
 Перегрин-Протей 38, 280
 Персий 12
 Пердикка 68, 219, 249
 Петроний 13
 Платон 7, 8, 18, 22, 23, 54, 55, 61,
 62, 67, 68, 72, 74, 77, 89, 98, 105,
 123, 132, 184
 Плутарх 13, 40, 52
 Поликсена 319
 Посидипп 202
 Приам 190, 319
 Продик 18
 Прометей 320, 321, 348
 Протагор 105

- Радциг С. И. 34
Рейтценштейн Р. 34
- Савило (Самбу) 272
Саллюстий, кирик 50
Сарданапал 16
Сейер Ф. 5, 20
Семирамида 322
Сенека 12
Симон 217
Скирпал 80
Сократ 6, 14, 16, 18, 53, 55, 56,
72, 91, 103—104, 132, 133, 162,
185, 189, 235, 299
Солон 212
Сотад из Маронеи 30
Софокл 195
- Тавтал 326
Тарн В. 5
Телет из Мегар 28, 179—201
Телеф 237
Терей 213
Тимарх-кирик 88
Тимон 18, 59
Томсон Дж. 10
Тронский И. М. 34
- Фаворин из Арелаты 40, 278
Фаларид 307
Фемистий 49
Фемистокл 186
Феодор Безбожник 68, 89
- Феомброт, кирик 88
Феофраст 86, 88, 192
Феникс из Колофона 31, 202—204
Филемон 187, 193
Филиск с Эгины 24, 27, 79, 80,
82, 84, 195
Филипп II Македонский 22, 24,
68, 85
Филон Александрийский 12
Фокиоп 80
Фрасилох 214
Фрина 74, 156, 176
Фукидид 123
- Хирон 97, 123, 166
Хрисипп 116, 311
- Цетег 281
Цицерон 19
- Эдип 346, 347
Эзоп 14
Эномай Гадарский 38, 285—315
Эпаминопд 67
Эпиктет 12, 21, 44—45, 284
Эсхин 122
Эсхрион 61
Эхекл 88
- Ювенал 12, 38
Юлиан Отступник 13, 21, 46—49,
52
Юстиниан 50

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автохтонность афинян 17
«Акты языческих мучеников Александрии» 41
Аллегоризм 15, 19, 24, 40, 48, 49
Аптисфенизм 130
Аптисфеновцы 20, 106, 124
Апатия 95, 198—201
Апофтегма 15, 23, 93
Аскетизм 21, 24, 61, 65
Атеизм, критика религии 8, 38, 116, 282, 285—315
Атлетизм, атлеты 151, 175, 283
Бедность 9, 25, 26, 27, 140, 141, 173, 175, 227, 240
Безразличное 92
«Безумствующий (спятивший) Сократ» 21, 72
Бесстыдство (анайдейа) 24, 95, 69, 138
Благо 53, 68, 72, 137
Богатство, богачи 17, 26, 89, 106, 108—109, 113, 140, 165, 179, 181—184, 190—196, 215—217, 229—253, 322, 341
Боги, божество 66, 79, 92, 100, 124, 149, 152, 165, 209, 214, 345—346
«Бочка Диогена» 23, 40, 61, 68, 224
Брак 56, 72, 79, 86, 89, 102—103, 114
Барвары 37, 212
Война 114, 246, 276, 121
Воспитание и образование 63—64, 77, 89, 159, 160, 179, 263
Гедонизирующий (компромиссный) кинизм 5, 25, 27
Герои и антигерои 16
Гимнософисты 37, 57, 271—276
Гносеология киников 128
Государство 54, 58, 79
Деньги 63, 69, 83, 85
Диатриба 12, 16, 28—29, 34, 35, 36, 37, 45
Диоген и Александр 22, 23
Добродетель 7, 19, 49, 56, 57, 72, 92, 97, 107, 108, 113, 128, 143, 255
Дружба, друзья 63, 94, 106, 116, 146
Душа 78, 102, 245, 281, 283
Женщины 26, 54, 56, 57, 71, 79, 89, 152—153, 218, 249, 261, 361
Животные как правоучительный пример («животные сравнения») 269—270, 319—321
Жизнеописание Диогена 20, 23, 60—83
Жизнь 72, 134
«Загадка Сфинкса» 347
Законы 66, 79, 110, 169
Золото 71, 137, 215, 359
Идеализм 7, 8, 18
Изгнание 70, 185—190, 218
Индивидуализм 6
Истмийские игры 53, 328, 334—339
Кинизм
социальная база 5
материализм киников 7
жанры кинической литературы 15
логика киников 14, 91, 125—126

- этика книжков 8—12, 91, 130
 кинизм п стоицизм 42—44, 45
 кинизм эпохи Римской импе-
 рии 38, 40, 41, 42
 Киносарг 18, 57
 Космополитизм 6, 24, 75
 Красота 56, 72, 93
 Кризис III в. н. э. 45—46
 Культура и наука 8, 14, 19, 55,
 63, 79, 91, 95, 169
 Лжекинизм 48
 Литературно-эстетические взгля-
 ды, язык 12—17, 23, 25, 58—59,
 79, 82, 91, 126—127, 210—212,
 280—281
 Логика 91, 105, 106
 Любовь 26, 27, 32, 71, 77, 85, 99,
 101, 152, 170, 172, 319
 Мелиамбы 32, 33, 207—210
 «Мениппова сатира» 16, 29
 Миф о Прометее 166—167, 320,
 348
 Мифология, мифы 15, 43, 48,
 123
 Молитвы 281
 Мудрец (софос) 17, 56, 66, 73, 79,
 92, 97, 101, 102, 107, 113, 124,
 127, 146, 167, 261
 Наслаждение (удовольствие) 54,
 78, 106, 110, 113, 128, 136, 164,
 176, 196—197, 217, 223, 331
 Натурализм 15
 «Негативная филиация идей» 6
 Неоплатонизм 46, 48
 Номинализм и реализм 6
 «Образ жизни» 5, 18, 26, 61, 91,
 92, 95, 130, 131, 150, 171, 176,
 178, 213, 220, 222, 223, 225, 256,
 257, 258, 259, 321, 348—354,
 360—364
 Общность жен и детей 24, 79,
 169
 Олимпийские игры 233—234,
 243—245, 279
 Оракулы 285—315, 346—347
 Орфизм 5, 54
 Отрицание (как принцип отно-
 шения к действительности) 8,
 15, 50
 Отцы и дети 76, 140
 Пародия 15, 28, 95
 «Перечеканка монеты» (ценно-
 стей) 6, 13, 21, 23, 50, 79
 Пир (симпосий как жанр) 49
 Письмо-послание (как жанр)
 38—39
 «Плачущий Гераклит» 266—269
 Полемика киников и Платона
 105, 106, 122, 137, 142, 148, 153,
 155, 159, 250
 Политика 113
 Понятие 53
 Прекрасное и безобразное 14, 57
 Природа 13, 66, 78, 79, 225, 227,
 236, 248, 357
 «Продажа Диогена в рабство» 22,
 63, 143—144, 145, 159—160, 163,
 263—264
 Пьянство 102, 212, 229—230, 254,
 256
 Разум, рационализм 57, 61, 66,
 94, 111, 164, 262
 Рамсоды 100
 Риторика, риторы (софистика)
 18, 63, 66, 69, 99, 123, 143, 159,
 329
 Родина 66, 87, 173
 Свобода и рабство 6, 12, 42—43,
 45, 73, 77, 79, 80, 112, 113, 172,
 279
 Свобода слова (парресия) 15, 68,
 78, 94, 159
 Серьезно-смешное (спудогелой-
 он) 15, 27, 30, 32
 Слава 67, 79, 84, 161
 Смерть 54, 77, 134, 135, 141, 159,
 169, 227, 245—246, 283, 323
 «Собака» 75, 167—168, 214, 220,
 256—257, 261
 Софистика, см. риторика
 Справедливость 134, 142
 Старость 87, 93, 193, 197

- Стяжательство (сребролюбие, ко-
рыстолюбие) 137, 152, 205—207
- Счастье, счастливая жизнь 54,
56, 134, 141, 178—179
- Тирания, тиран 113, 134—135, 151,
161, 164, 213—214, 231, 235,
323—326
- Труд 9, 35, 53, 56, 71, 98, 253,
329—330
- Упражнения (аскесис) 78, 137,
139, 168, 258—259
- Физика 91
- Филантропия 25
- Философия, философы 15, 76, 85,
131, 138, 155, 157, 158, 165, 174,
177, 216, 253, 283
- Флиаки 30
- Фольклор 14, 16, 20, 30, 31
- «Фонарь Диогена» 135
- Холиямбическая поэзия 31, 202—
207
- Хрии 15, 23
- Христианство 5, 46, 47, 50
- Эллипы 228—230
- Этика полисная 8, 9
- Явление и сущность 179—180
- Ямбическая поэзия 16

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. НАХОВ. ОЧЕРК ИСТОРИИ КИНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	5
ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ И МНЕНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ (Перевод <i>И. М. Нахова</i>)	53

КНИГА VI

Антисфен	53
Диоген	60
Мопим	83
Онесикрит	84
Кратет	84
Метрокл	88
Гиппархия	88
Менипп	90
Менедем	91

КНИГА IV (46—58)

Бион	92
----------------	----

ФРАГМЕНТЫ СОЧИНЕНИЙ КИНИКОВ И КИНИЗИРУЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ (Перевод <i>И. М. Нахова</i>)	97
---	----

АНТИСФЕН	97
--------------------	----

Из сочинений и бесед	97
--------------------------------	----

Апофтегмы	112
---------------------	-----

Декламации	117
----------------------	-----

Д о п о л н е н и я	122
-------------------------------	-----

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ	133
----------------------------	-----

Фрагменты диатриб	133
-----------------------------	-----

Гномы и апофтегмы, собранные из разных источников	135
---	-----

КРАТЕТ ФИВАНСКИЙ	170
Из стихотворных сочинений	170
Гномы и апофтегмы	173
МОНИМ СИРАКУЗСКИЙ	179
Апофтегмы	179
ТЕЛЕТ	179
Диатрибы	179
ФЕНИКС ИЗ КОЛОФОСА	202
Холпямбы	202
АНОНИМНЫЕ ХОЛИЯМБИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ	205
Против стяжательства	205
КЕРКИД ИЗ МЕГАЛОПОЛЯ	207
Мелиямбы	207
ПИСЬМА АНАХАРСИСА	210
ПИСЬМА СОКРАТИКОВ	216
ПИСЬМА КИНИКОВ	218
Диоген	218
Кратет	252
Менипп	266
КИНИЗИРУЮЩАЯ ЭПИСТОЛОГРАФИЯ	266
VII письмо Гераклита Гермодору	266
Часть первая	266
Часть вторая	269
КИНИЧЕСКИЕ ДИАТРИБЫ	271
Из Берлинского папируса № 1304	271
Из Женевского папируса № 271	273
ДЕМОНАКТ	277
Апофтегмы и гномы	277
ЭНОМАЙ ГАДАРСКИЙ	285
Из сочинения «Обличение обманщиков» («Против оракулов»)	285
ДИОН ИЗ ПРУСЫ (ХРИСОСТОМ)	315
Речи	315
VI. Диоген, или О тирании	315

VIII. Диоген, или О доблести (Перевод <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>)	327
IX. О состязаниях (Истмийская речь) (Перевод <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>)	334
X. Диоген, или О слугах (Перевод <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i> и <i>И. М. Нахова</i>)	339
МАКСИМ ТИРСКИЙ	348
Предпочитать ли книжеческий образ жизни? (Перевод <i>Ю. Шульца</i>)	348
ЛУКИАН ИЗ САМОСАТЫ	355
Книжник (Перевод <i>Н. П. Баранова</i>)	355
ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ (Сост. <i>И. М. Нахова</i>)	365
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ	388
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	390
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	393

АНТОЛОГИЯ КИНИЗМА

Утверждено к печати
Институтом философии АН СССР

Редактор издательства
А. В. Антонов

Художник
Ю. А. Марков

Художественный редактор
С. А. Литвак

Технический редактор
Л. Н. Золотухина

Корректоры
Л. Р. Мануильская, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 26889

Сдано в набор 21.07.83
Подписано к печати 09.02.84

T-02330. Формат 84×108^{1/32}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая.

Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 21,8.

Усл. кр.-отт. 22,68. Тираж 47 500 экз.

Тип. зак. 599.

Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12